

В. А. АНОХИН

ИСТОРИЯ БОСПОРА КИММЕРИЙСКОГО

В. А. АНОХИН

ИСТОРИЯ БОСПОРА КИММЕРИЙСКОГО

КИЄВ. **АНТИЧ** 1999
НУМИЗМАТИКА

ISBN 966-95501-3-0

© В. А. Анохин, 1999 г.

© Издательство "Одигитрия" 1999 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Одним из основных источников нашего познания античного мира являются предметы материальной и духовной культуры, находимые при археологических раскопках. Все они в той или иной мере способствуют установлению различных фактов, как бы контуром намечающих развитие отдельных сторон жизни древнего человека. Большинство артефактов (например, керамика, оружие) является овеществлением некоего технического и художественного оптимума, выработанного в ходе длительной эволюции, и потому имеет устойчивую тенденцию к сохранению традиционного облика. Иное дело – монеты, которые должны немедленно реагировать на любые изменения в тех сферах деятельности людей, которые формируют их параметры: экономической, религиозной, художественной, технической и пр. Именно монеты приобретают значение первостепенного исторического документа, снабжая исследователей хотя и ограниченной, но зато систематической и хронологически наиболее точной информацией об этих сторонах жизни общества.

С проблемами истории Боспора Киммерийского мне впервые пришлось столкнуться в ходе изучения его монетного дела (МДБ). Основной задачей на том этапе являлась критика нумизматического источника (а также сопутствующих теорий) и его систематизация, что позволило выявить ряд точек соприкосновения нумизматических фактов с историческими данными и существенно детализировать процесс исторического развития Боспора.

Дальнейшие поиски в этом направлении велись автором в ходе выполнения плановой темы по истории Боспора до-римского и римского периодов в античном отделе Института археологии НАН Украины. Привлечение новых источников и специальные исследования отдельных проблем (хронологии Спартокидов, черепичных клейм Боспора и др.), а также реализация новых идей (в частности, о неизменности монетной политики того или иного правителя) позволили придать системный характер историческим построениям, представленным в данной работе.

Автор выражает признательность директору Института археологии академику П.П.Толочко и заведующему античным отделом чл. корр. С.Д. Крыжицкому, которые с пониманием относились к его затянувшемуся “штудиям”.

Автор также выражает благодарность руководству издательства “Одигитрия”— Биткину В. В. и Соколову С. П. за всестороннюю поддержку данного издания.

В.Анохин.

ГЛАВА I АРХАИЧЕСКИЙ БОСПОР (ок. 600-480 гг. до н. э.)

"Еще мало имеется фактических данных, по которым можно было бы судить, что представляли собою боспорские города в VI в. до н.э., в самый ранний период их существования. Несомненно это были еще небольшие поселения, занимавшие ограниченную по размерам и слабо или совсем не защищенную территорию с немногочисленными жителями, которые вели торговлю с местными населением преимущественно привозными товарами, а также занимались различными промыслами."

Гайдукович В.Ф., 1949, с.36.

В VIII-VI вв. до н.э. часть населения Древней Греции и Ионии по разным причинам была вынуждена покидать родные земли и отправляться жить на новые места. Это явление получило в исторической литературе название Великой греческой колонизации, в ходе которой эллинская цивилизация распространилась до самых отдаленных территорий, окружавших Средиземное, Эгейское и Черное моря.

Берега Черного моря колонисты начали осваивать сравнительно поздно. По мнению Дж. Бьюри, "колонизация за пределами ворот Боспора [Фракийского. - В.А.] вряд ли широко началась до того, как сами ворота были укреплены Мегарами, которые выслали людей в первой половине VII в., чтобы основать города Византий (660 г. до Р.Х.) и Калхедон" (Bury, p. 83).

Письменные источники не содержат сведений о времени основания боспорских городов. Лишь о Фанагории известно, что ее основал "Фэнагор Теосский, бежавший от насилий персов" (Eustath., Comm. ad Dionys. Per., 549). Это указание перекликается с сообщением Геродота о жителях Фокеи и Теоса,

которые при покорении Ионии Киром “предпочли покинуть свою родину, чем терпеть рабство” (*Her.*, I, 169), что позволяет отнести основание Фанагории приблизительно к 540 г. до н. э.

Отсутствие исторических данных заставляет обратиться к данным археологическим. Для раннего времени основным датирующим материалом, находимым при раскопках, является архаическая греческая керамика. Самым ранним изделием такого рода из боспорских находок является родосско-ионийская ойнохоя из погребения на Темир-Горе близ Керчи, датируемая 40-ми гг. VII в. до н. э. (*Копейкина*, 1972, с. 156). Изолированность этой находки позволяет рассматривать ее лишь как свидетельство начала контактов греков с местным населением, предшествовавших выведению апойкий.

Находки ионийской керамики неоднократно привлекались учеными для определения начальной даты существования боспорских поселений. В последнее время такая работа была проведена В. Д. Кузнецовым и Г. А. Кошеленко. По их мнению, основание Пантикапея следует относить примерно к 590-570 гг., Нимфея — к 580-570 гг., Мирмекия, Тиритаки и Гермонассы — ко 2 четв. VI в., Кеп и поселения, оставившего Тузлинский некрополь, — к 580-560 гг. (*Кошеленко, Кузнецов*, 1990, с. 35). Позднее они несколько модифицировали свои выводы, считая возможным “относить появление греческих первопоселенцев в Пантикапее, Нимфее, Мирмекии, Тиритаке, Феодосии, Кехах, Гермонассе, на Тузле и, возможно, в некоторых других местах примерно ко второй четверти VI в. до н. э. (видимо, ближе к ее началу)” (*Кошеленко, Кузнецов*, 1992, с. 18)¹.

Высылка колонистов обычно носила организованный характер и само основание апойкии считалось священным актом. В социальном отношении колонисты не были аморфной массой, новая апойкия с самого начала замышлялась как будущий полис во главе с предводителем, ойкистом, обладавшим всей полнотой власти (*Graham*, 1964, p. 25-39). Каждый из колонистов получал участок земли для постройки жилья в пределах будущего города и земельный надел для занятий сельским хозяйством за городом. Выделялся также и храмовый участок божества, под покровительством которого находилась гражданская община. Основу производственной деятельности

¹ Методическая сторона проблемы соотношения даты ранних образцов керамики и даты основания колонии по-прежнему оставляет желать лучшего. Один из авторов обращал внимание на недостаточную разработанность датировок самой керамики (*Кузнецов*, 1991, с. 31) и предлагал ориентироваться на самые ранние ее образцы (*там же*, с. 32-33). Последнее замечание заслуживает всяческого внимания, так как теоретически существует, по крайней мере, 50 %- ная вероятность совпадения даты самого раннего черепка с датой основания поселения. При этом отсекаются различные соображения субъективного характера (количественный фактор, выбор “плавающей” даты и пр.), которые нередко заставляют исследователя подгонять результаты под ту или иную историческую схему. В методическом отношении такой подход кажется наименее уязвимым, хотя многовариантность исторических ситуаций не позволяет опираться на него безоговорочно. Видимо, вследствие этого и сам автор отходит от своей рекомендации. Так, среди керамики из Кеп были обнаружены ионийские чаши типов А 2 и В 1 (по классификации Ф. Вилляра и Ж. Валле), датируемые 620-600 и 620-580 гг., тогда как появление здесь апойкии отнесено им к 570 г. (*Кузнецов*, 1991а, с. 44-46, 50). Влияние многих факторов, в том числе трудно уловимых, по-прежнему оставляет актуальными проблемы как изучения архаической керамики, так и совершенствования методики ее использования в указанных целях.

первых боспорских апокий, вероятно, должны были составлять земледелие, дополнявшееся различными промыслами, в первую очередь рыболовством, а также торговля, связывавшая апокию с метрополией и другими городами Малой Азии и Греции.

Рис. 1. Монеты Боспора архаического времени.
 Пантикапей : 1 - 5 ; Гермонасса : 6 (серебро).

История Боспора рассматриваемого периода складывается из крайне немногочисленных разнородных данных, относящихся к отдельным боспорским городам. Крупнейший из них, Пантикапей, будущая столица Боспора, по преданию был основан “сыном Айэта, получившим это место от Агаэта, царя скифов” (*Steph. Byz., s.v. Παντικάπαιον*). Возможно, в этом сообщении содержится некое рациональное зерно, указывающее на существование греко-скифских политических контактов на Боспоре Киммерийском на стадии выведения колоний. В самом общем виде об этом писал позднее - римский историк Иордан — основать города “дозволили грекам непокоренные скифские племена, с тем, чтобы греки поддерживали с ними торговлю” (*Jordan., Getica*, 32). О ранней истории Пантикапея практически мало что известно¹. Считается, что он был основан милетянами (*Strabo., VII*, 4,4). Ведущая роль культа Аполлона Врача сближает Пантикапей с другими милетскими колониями Причерноморья, основанными еще во второй половине VII в. до н. э. — Истрией, Березанским поселением, Аполлонией Понтийской, что может служить аргументом в пользу основания его еще в конце VII в. до н. э.

Важным моментом в истории архаического Пантикапея является начавшаяся ок. 530-520 гг. регулярная чеканка монет (МДБ, с.18). Его первые

¹ Находки ионийской расписной керамики указывают на основание города в 590-570 гг. (*Кошеленко, Кузнецов*, 1990, с.35), однако, более точную дату дают, скорее, самые ранние фрагменты, относящиеся к основания (645/4 г.) соответствуют лишь единичные фрагменты керамики, тогда как массовый материал идет с последней четверти VII в. до н. э. (*Копейкина*, 1973, с. 244). Тем не менее, дата Евсевия, кажется, еще никем не подвергалась сомнению. В этом случае разрыв между датой ойнохои из погребения на Темир-Горе и временем основания Пантикапея не был бы столь велик и непонятен. К последним десятилетиям VII - первым десятилетиям VI в. до н. э. В.Д. Блаватский относил существование эмпория на месте Пантикапея (1964, с.15).

серебряные монеты чеканены по эгинской весовой системе (драхма— 6,1 г). Выбор типа - голова льва в фас (рис. 1, 1) - указывает на милетские корни общины Пантикапея: в монетном деле Милета изображение льва или львиной головы всегда занимало ведущее место.

Выпуск собственной монеты является, прежде всего, показателем высокого экономического потенциала полиса¹. Развитие местной производственной базы и постепенное вовлечение в торговые операции населения соседних городков и поселений способствовали формированию в Пантикапее устойчивого зернового рынка, привлекавшего купцов из Малой Азии и Греции. Увеличение объемов продажи зерна и, возможно, каких-то других товаров перекрывало внутренние потребности в импорте, так что местное производство начало работать на накопление. Взамен зерна сюда устремился поток международной валюты, кизикинов, о величине которого можно составить представление по судебным речам греческих ораторов IV в. до н. э. Именно кизикины поддерживали существование местной монеты в течение долгого времени, поскольку они должны были размениваться на местное серебро, единственное законное платежное средство в полисе. Так было в Ольвии, как показывает ее декрет о деньгах (IRE, 24), так должно было быть в Пантикапее.

До конца архаического периода Пантикапей выпустил несколько серий серебра, последняя из которых (ок. 490—480 гг.) чеканена по персидской весовой системе (МДБ, с. 23). Переход на персидскую систему (вес драхмы - 5,45-5,40 г) явился, вероятно, следствием похода Ксеркса в Грецию, когда многие города Геллеспонта, Боспора Фракийского, Фракии и собственно Греции оказались под властью персов.

В 5 км к северо-востоку от Пантикапея находился Мирмекий, судя по находкам керамики уже существовавший во второй четверти VI в. (Кошеленко, Кузнецов, 1990, с.35). Метрополия Мирмекия неизвестна, однако близость его к Пантикапею позволяет предполагать в качестве таковой тот же Милет².

¹ В отечественной литературе выпуск монет иногда рассматривался как показатель формирования полиса, пришедшего на смену эмпорию (Блаватский, 1954, с.17), однако существование эмпория на месте Пантикапея нельзя считать доказанным. Кроме того, на многочисленных примерах можно видеть, что образование полиса отнюдь не влекло за собой немедленного начала собственной чеканки.

² Раскопки в Мирмекии обнаружили строительные комплексы в виде четырехугольных в плане полуземлянок и сощусествовавших с ними наземных сооружений с каменными стенами, самые ранние из которых Ю.А. Виноградов датировал 3 четв. VI в. до н. э. (1991, с.12,15). Полуземляночные конструкции этого и более раннего времени широко известны у ионийцев, расселившихся по берегам Бугского лимана и в Приднестровье, что свидетельствует о единстве традиций и сходных экономических условиях, в которых проходила колонизация этих регионов. Около середины VI в. до н. э. Мирмекий перенес сильный пожар неясного происхождения, вскоре после которого была сооружена стена (втор. пол. VI в. до н. э.), укрепившая акрополь (Виноградов, 1995, с.157). Оценивая выводы Кошеленко и Кузнецова об основании поселений, в частности, Мирмекия, во 2 четв. VI в. до н. э., сделанные, по словам Виноградова, на основе "разрозненных и немногочисленных находок ранней греческой керамики", он находит этот методический прием "весьма уязвимым и не всегда правомерным": "принципиальное значение" должны иметь не отдельные находки, "а анализ остатков самого раннего культурного слоя, первых погребений и, разумеется, материалов строительных и хозяйственных комплексов", хотя и такой подход уязвим. Раскопками 1992 г. обнаружены "бесспорные свидетельства существования поселения во второй четверти VI в. до н. э." (Виноградов, 1995, с.155-156), следовательно, "уязвимая" методика Кошеленко и Кузнецова вполне себя оправдывает.

С.А. Жебелев выводил название города от личного имени и допускал, что оно принадлежало основателю города, ойкисту (*Жебелев*, 1952, с. 306). Возможно, ближе к истине точка зрения Ю.А. Виноградова, который связывает его с выступающими в проливе неподалеку от города скалами (*Виноградов*, 1992, с.99).

В 11 км к юго-западу от Пантикапея располагалась Тиритака. Помимо находок керамики, свидетельствующей о существовании города во второй четверти VI в. (*Кошеленко, Кузнецов*, 1990, с. 35), археологические материалы архаического времени немногочисленны¹. В конце VI в. на южной окраине Тиритаки возникло поселение открытого типа, "пригород", стихийно образовавшийся в связи с ростом городского населения и просуществовавший до IV в. до н. э. (*Гайдукевич*, 1958, с. 151, 183). Наличие неукрепленного пригорода Тиритаки, аналогичного предместью Ольвии, может указывать на относительно спокойную обстановку в этом регионе в VI - IV вв. до н. э.

В нескольких километрах южнее Тиритаки находился Нимфей, один из важнейших городов европейского Боспора. По керамическим материалам основание Нимфея относится ко второй четверти VI в. (*Кошеленко, Кузнецов*, 1990, с. 18). Руководитель многолетних раскопок Нимфея, М. М Худяк, считал, что город был основан в первой половине или во второй четверти VI в. ионийцами, возможно выходцами с о. Самос². Для конца VI в. на хоре Нимфея отмечено появление неукрепленного поселения сельского типа с наземными постройками и хозяйственными ямами (*Горнчаровский*, 1991, с. 23-24), что также свидетельствует о мирной обстановке в регионе.

В VI в. до н. э. уже существовала еще одна важная апойкия европейского Боспора - Феодосия, основанная милетянами (*Arr.*, PPE, 30). Керамические материалы указывают на основание города также во второй четверти VI в. до н. э. (*Кошеленко, Кузнецов*, 1992, с. 18). Значительная часть городища античной Феодосии была разрушена при строительстве современного порта.

Известно, что древняя Феодосия обладала хорошей гаванью³. В спартокидовскую эпоху город назывался $\theta\epsilon\omicron\delta\omicron\varsigma\iota\alpha$, $\theta\epsilon\omicron\delta\omicron\varsigma\iota\eta$ или $\theta\epsilon\omicron\delta\omicron\varsigma\iota\eta$. Схолиаст Демосфена сообщает, что Феодосия, местечко Боспора, получила название по имени сест-

¹ Раскопками открыт дом 2 пол.VI в. до н. э., близкий милетским домам этого же столетия (*Гайдукевич*, 1947, с.191; *Блаватский*, 1957, с.14).

² *Худяк*, 1962, с.17, 61. Он находил многие признаки самосского влияния. По его мнению, кладка стены святилища кабиров VI в. до н. э. аналогична основаниям стен архаического храма Геры на Самосе, а наличие апсиды и некоторые другие конструктивные особенности сближают это святилище с Кабиреоном на о. Самофраке (*там же*, с.18, 20-21). Он считал, что "основные предметы культа женского божества плодородия... были изделиями мастерских Самоса" (*там же*, с.40). Эти предметы - терракоты, формы для их изготовления, эсхары и пр. - относятся к раннему периоду существования храма Деметры, закончившемуся пожаром в конце VI в. до н. э.

³ *Strabo.*, VII, 4, 4. К достоинствам феодосийской гавани нередко относят то, что она не замерзает (*Шелов-Коведнев Ф.В.*, 1985, с. 69; *Виноградов Ю.Г.*, 1995, с. 18; *Туровский*, 1995, с. 151), однако это обстоятельство вряд ли могло использоваться древними мореплавателями, поскольку в античное время навигация на зиму прекращалась (*Veget.*, De re milit., IV, 39: "от 11 ноября до 10 марта моря для плавания закрыты"). Страбон отмечал лишь, что гавань Феодосии способна вместить 100 кораблей (VII, 4, 4).

ры или жены Левкона (*Schol. ad. Dem. XX, 33*). Вопрос о первоначальном названии города неоднократно рассматривался в литературе, однако, окончательно разрешен не был.

К числу ранних памятников относится зольник на мысе Такиль. Зольник занимает площадь ок. 2 тыс. м², мощность слоя достигает 75-85 см. Материалы из зольника позволяют заключить, что он существовал с начала VI по IV-III вв. до н.э. и, возможно, представлял собой жертвенник хтонического характера, связанный с расположенной поблизости курганной грядой (*Молева, 1990, с. 127-128*). Ближайшее античное поселение - Китей, в 4 км к западу от м. Такиль, - возникает не ранее середины V в. до н. э. (*Молев, 1986, с. 43-44*). Приморское расположение памятника на выходе из пролива, его раннее возникновение и длительное существование позволяют видеть в нем пункт остановки моряков, преодолевших долгий путь до Боспора либо отправлявшихся в обратное плавание. В любом случае материалы из зольника важны для определения начальной даты проникновения греков на Боспор, поскольку оставленные на нем разовые приношения должны практически относиться ко времени его посещения.

Освоение азиатской части Боспора происходило примерно в то же время. Вероятно, самой ранней апойкией здесь являлась Гермонасса, основанная, как полагают, в начале 2 четв. VI в. до н. э. (*Кошеленко, Кузнецов, 1990, с. 35; 1992, с. 18*). Согласно Стефану Византийскому, Гермонасса имела и другое название - Гермения (*Steph. Byz., s.v. Ἐρμόνασσα*).

О метрополии Гермонассы сохранились противоречивые сведения. Евстафий в комментарии к перизегесе Дионисия сообщает, что Гермонасса была основана ионянами под предводительством Гермона (*Ἐρμων*), по имени которого и была названа. Тут же он добавляет, что по мнению Арриана город был основан митиленцем Семандром, который вывел в колонию некоторых эолийцев, но умер при основании города; правлением овладела его жена Гермонасса, которая и дала городу свое имя (*Eustath., Comm. ad Dionys. Per., 549*). Более предпочтительна версия об ионийской колонизации Гермонассы, подкрепляемая распространением в городе (правда, не ранее IV в. до н. э.) посвящений Аполлону Врачу и Аполлону Дельфинию (КБН, 1037, 1038, 1039, 1044), культы которых характерны для милетских апойкий Западного и Северного Понта¹.

¹К такому выводу склонялся С.А. Жебелев, по мнению которого имена Семандра и Гермонассы, его жены, вероятно, выдуманные, а подробности, сообщаемые Аррианом, "никакой исторической подкладки не заключают" и "сочинены только с целью объяснить происхождение названия города" (*Жебелев, 1953, с. 67, 68 прим. 1*). Он справедливо возражал против утверждения М.И. Ростовцева, будто бы "в колонизации азиатского побережья Черноморья эолийцы играли не меньшую, если не большую роль, чем ионийцы" (*Ростовцев, 1925, с. 282*), находя его преувеличенным, по существу неправильным и не подтвержденным никакими доказательствами (*Жебелев, 1953, с. 67*). Он допускал присоединение какого-то контингента эолийцев к ионийским переселенцам, однако "сочиненность" версии Арриана дезавуирует и это вполне реальное предположение.

Свидетельством древнего происхождения Гермонассы является достаточно мощный культурный слой I половины VI в. до н. э. с хозяйственными ямами. Раннее домостроительство представлено жилыми сооружениями из сырцовых кирпичей на каменном основании, относящимися ко 2 пол. VI - V вв. до н. э. (Зеем, 1968, с. 144-145).

К самому концу архаического периода относится найденная в Тамани капитель, позволяющая предполагать сооружение в Гермонассе в I четверти V в. до н. э. храма с колоннами высотой ок. 5,5 м, несколько более раннего, чем храм Аполлона в Пантикапее и не уступавшего ему по монументальности (Арзаманов, 1989, с. 53 -54)¹.

Кепы, отождествляемые с городищем на восточном берегу Таманского залива, были основаны милетянами (*Pseudo-Scymn.*, 899). Это отчасти подтверждается некоторыми археологическими находками (Сокольский, 1962; 1973, с. 91) , а также характером раннего домостроительства, сходного с побужским и представленного землянками и домами из сырцовых кирпичей (Кузнецов, 1991, с. 37). Самые ранние археологические материалы из Кеп позволяют отнести основание города к I трети VI в. до н. э. (Николаева, 1979, с. 143-144). По мнению Кузнецова, Кепы были основаны ок. 570 г. Он отметил на городище следы пожара 30-х гг. VI в. до н. э., сугубо предположительно усматривая в этом результат конфликта первопоселенцев с колонистами незадолго перед тем основанной Фанагории (Кузнецов, 1991, с 37, 50).

Материалы 2 четверти VI в. до н. э. имеются в погребениях Тузлинского могильника, предположительно оставленного населением Корокондамы (Сорокина, 1957, с.286; Кошеленко, Кузнецов, 1990, с.35; 1992, с.18). По всей вероятности, и этот город, к настоящему времени разрушенный морем, был основан первой волной поселенцев. Также временем до середины VI в. до н. э. датируется основание Патрасия (Кошеленко, Кузнецов, 1990, с.35), локализуемого на северном берегу Таманского залива².

Перечисленные города и поселения европейского и азиатского Боспора были основаны первой волной колонистов, состоявшей во всех известных случаях из милетян. Начало этой волны приходилось на конец VII - начало VI в. до н. э., когда хора Милета подвергалась опустошениям со стороны лидийцев (Her., I, 17-18). Заключение

¹ Автор напрасно пытается согласовать находку капители с историческими реконструкциями, касающимися первоначальной резиденции Археанактидов (Арзаманов, 1989, с. 53), - именно они должны учитывать факт строительства крупного общественного здания в Гермонассе в I четверти V в. до н. э.

² В археологической литературе чаще употребляется название Патрей (Πατραεὺς), известное у Страбона (XI, 2, 8) и возникшее, вероятно, в результате ошибки, допущенной переписчиком его труда (Гайдужевич, 1958, с. 355 прим. 2).

мирного договора между Лидией и Милетом (*Her.*, I, 22) должно было бы снизить колонизационную активность Милета¹, однако затем в городе наступил период смут и гражданских распри, принимавших жесточайшие формы, что также должно было побуждать отдельные группы граждан покидать его. Лишь к 560 г. в Милете было восстановлено гражданское согласие (*Her.*, V, 28-30).

В начале 2 половины VI в. до н. э. вся Иония испытала сильнейшее потрясение, когда царь Кир, сокрушив Лидию, начал завоевывать греческие города. Его военачальник Мазарес подчинил Приену и Магнесию на Меандре, отдав последнюю на разграбление войску (*Her.*, I, 161); граждане Фокеи погрузились на корабли и отплыли на Хиос (*Her.*, I, 164); так же поступили жители Теоса, отправившиеся в Абдеры во Фракии и изгнавшие оттуда основателя города, клазоменца Тимесия (*Her.*, I, 168). Остальные города Ионии вступали в борьбу, но, потерпев поражение, были вынуждены платить дань. После покорения материковых греков островные добровольно подчинились Киру (*Her.*, I, 169). Геродот отмечает, что из всех городов лишь Милет сохранял мир и спокойствие, заключив союз с Киром.

Вряд ли можно сомневаться в том, что помимо поголовно покинувших родину фокейцев и теосцев было еще немалое количество жителей различных городов, вынужденно отправлявшихся в изгнание большими или меньшими группами. Вероятно, одна из таких групп теосцев во главе с Файнагором, отклонившаяся от основной массы граждан, направившихся в Абдеры, основала на азиатской стороне Боспора город под названием Фанагория (*Eustath.*, Comm. ad Dionys. Per., 549). Это событие, случившееся ок. 540 г., дает единственную надежную дату в истории колонизации Боспора Киммерийского. С ним связывают начало второй волны колонизации (*Кошеленко, Кузнецов*, 1992, с.19), вследствие которой возникло около двух десятков сельских поселений и городков. Так, например, на Тамани известно не менее 17 поселений, датируемых VI в. до н. э. (*Паромов*, 1990, с.122-123); со второй половины VI в. до н. э. вблизи Пантикапея существует Порфмий

¹ По мнению Кошеленко и Кузнецова, в результате мирного договора земельные владения Милета были ограничены, что привело к внутреннему кризису полиса, одним из методов разрешения которого была вынужденная эмиграция на Боспор (*Кошеленко, Кузнецов*, 1990, с.23). Этот ход рассуждений не представляется убедительным. Во-первых, в течение 11 лет, предшествовавших заключению мира, хора Милета систематически опустошалась, то есть ее как бы не существовало. Вряд ли можно думать, что значительный слой граждан, связанных с нею и оказавшихся без средств к существованию, мог бы сохраниться в эти годы нетронутым. Подобная ситуация порождала одну из типичных причин вынужденной эмиграции. Во-вторых, в пассаже Геродота, посвященном миссии паросцев (V, 28-30), говорится не о недостатке земель, а о немногих хорошо возделанных участках в опустошенной стране. Вероятно, вследствие эмиграции основная масса земель оказалась во владении лиц, не принадлежавших к земледельческому сословию и зарабатывавших средства к существованию иным путем.

(Кастанаян, 1958, с.203,207), заложенный на месте древней переправы, соединявшей обе части Боспора и использовавшейся скифами во время сезонных перекочевок; в Пантикапей эмигрировала какая-то группа эфесцев¹; в 11 км к западу от Пантикапея возникает сельская усадьба Андреевка-Южная²; наконец, во второй половине VI в. до н. э. появляется новый полис - Киммерик, отождествляемый с остатками поселений у горы Опук³.

В литературе поставлен вопрос о существовании третьей волны колонизации Боспора, возникшей в результате поражения восстания ионийских городов против персов в 494 г. (Кошеленко, Кузнецов, 1992, с. 23-24). К сожалению, прямых документальных свидетельств эмиграции на Боспор в начале V в. не имеется. По данным Я. М. Паромова, на Тамани насчитывается не менее 62 поселений, датированных концом VI- началом V в. до н. э. (Паромов, 1990, с.123-125); он же отмечает факт разрастания уже существовавших ранее поселений (Паромов, 1986, с.72). Вероятно, заметный рост населения азиатского Боспора мог быть обусловлен как колонизационными процессами, так и естественными причинами.

¹ Свидетельством переселения в Пантикапей группы эфесцев является найденное там посвящение Артемиде Эфесской на бронзовом предмете, определенном как ручка этрусского ситечка-щетки, инфандибулума (Трейстер, 1990, с. 41). По мнению М.Ю. Трейстера, вотив был посвящен предводителем эфесцев на месте, в Пантикапее, однако наличие здесь культа этого божества в середине VI в. до н. э. другими источниками пока не подтверждается. Вотив относится, скорее, к числу даров храму Артемиды Эфесской, привезенных в Пантикапей эфесскими беженцами. Геродот, описывая бегство фокейцев из осажденного персами города, сообщает, что они погрузили на корабли "жен и детей и все пожитки, а также изображения богов и прочие посвященные дары из храмов, кроме мраморных и медных статуй и картин" (I, 164). Возможно, того же происхождения и светильник с посвящением Артемиде Эфесской VI в. до н. э. из Олонештского клада (Сергеев, 1966).

² Остатки самой ранней постройки представляли собой типичную для Боспора конструкцию из сырцовых кирпичей на каменном цоколе, слегка заглубленную в землю (Кругликова, Романовская, 1971, с.252).

³ Раскопками И.Т. Кругликовой на восточном склоне горы (раскоп "холм А") обнаружен жилой комплекс с каменными стенами, состоявший из трех хорошо сохранившихся смежных жилых помещений, заглубленных в землю, с вымощенными камнем двориками перед каждым из них (Кругликова, 1958, с. 234 рис.11). Автор отмечает, что в начале V в. до н. э. была произведена переделка помещений—в частности, повышен уровень пола, при вскрытии которого обнаружен культурный слой с керамикой VI - V вв. до н. э. толщиной 0,4 м, ниже которого находился материал только VI в. до н. э. (там же, с.235). Приведенные ею данные свидетельствуют о достаточно длительном существовании этого жилого комплекса в VI в. до н. э.

Интересны результаты изучения оборонительных стен Киммерика, проведенного Ю.В. Горловым и Ю.А. Лопановым (1997). Стены охватывали площадь около 2 км², они выполнены в одной технике и датируются доэллинистическим временем, а одна из них, северная, возможно, относится к периоду появления здесь греческих колонистов. Из-за неясности археологической датировки стен авторы не решаются синхронизировать их с самыми ранними керамическими материалами (2 пол. VI в. до н. э.) и предположительно датируют весь оборонительный комплекс концом V- началом IV вв. до н. э., "когда Спартокиды проводили агрессивную внешнюю политику на обоих берегах Боспора" (Горлов, Лопанов, 1997, с. 140-141). Действительно, важнейшее оборонительное значение Киммерика для Спартокидов должно было приходиться примерно на 405-390 гг., то есть время после присоединения Нимфея и до начала последнего этапа борьбы за Феодосию. Именно в эти годы Киммерик должен был войти в состав Боспора и превратиться в мощное укрепление на его границе. Однако, эти предположения не снимают возможности возведения оборонительных сооружений Киммерика в более раннее время, поскольку почти несомненное восстановление названия полиса в списке данников Афинского морского союза за 425/4 г. указывает на его большое значение в до-спартокидовскую эпоху.

Как видим, колонизация Боспора Киммерийского началась на рубеже VII - VI вв. до н. э., прошла несколько этапов и завершилась к концу архаического периода. Основной поток колонистов приходился на первую волну (ок. 600-560 гг.), его составляли преимущественно выходцы из Милета. Эмиграция на этом этапе носила организованный характер, каждое новое поселение носило задатки полиса, а скоротечность этапа обуславливала независимость одного поселения от другого. Сам факт быстрого расселения греков на достаточно обширной территории показывает, что никаких проблем с местным населением у новых апоекий не возникало.

Второй этап колонизации был вызван завоеванием Ионии персами в 40-х гг. VI в. до н. э. и носил еще более быстротечный характер. Прибывавшие группы беженцев селились на свободных местах, основывая новые апоекий (Фанагория, Порфмий, Киммерик у горы Опук) или поселки (поселения на Тамани), либо подселялись в уже существующие города (эфесцы в Пантикапее). Выбор новых эпойков зависел, вероятно, от численности группы и степени ее организованности, профессионального и этнического состава, наконец, ментальности.

Третья волна колонистов связывается с подавлением ионийского восстания 499-494 гг., закончившегося разгромом Милета и обращением в рабство уцелевших граждан, их жен и детей (*Her.*, VI, 18-19). Этим событием могут быть объяснены рост числа сельских поселений на Тамани и появление нескольких пунктов в Восточном Крыму. Беспорядочное бегство и разноэтничность новых жителей, оседавших на землях, уже находившихся в сфере интересов первопоселенцев, не позволяли им создавать собственные полисные структуры.

ГЛАВА II

АРХЕАНАКТИДЫ И ПОНТИЙСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ ПЕРИКЛА (480-437 гг. до н. э.)

"Каким путем достиг Спарток I власти на Боспоре, это нам не известно, и всякого рода гадания на этот счет вряд ли к чему-либо привоудут. Можно, с большей или меньшей вероятностью, предполагать лишь одно, основываясь в данном случае на самом имени "Спарток", что он был фракийского происхождения".

Жобелов С.А., 1953, с. 27.

Экспуры Диодора Сицилийского в область боспорской истории надежно вводят ее в точные хронологические рамки почти двухсотлетнего периода (480-283 гг. до н. э.). Правда, его сообщения весьма лаконичны и редко дают систематическое изложение событий, происходивших на Боспоре. Чаше всего они содержат перечень правителей и продолжительность их правлений, привязанных к датам афинских архонтов-эпонимов, заполнять которые реальным содержанием приходится за счет иных, в основном, местных источников. Количество этих источников от правителя к правителю постепенно возрастает, достаточно часто появляются и новые важные находки, что, попутно с переосмыслением старого материала, позволяет оптимистически смотреть на перспективы изучения истории Боспора в целом.

1. Правление Археанактидов (480-437 гг. до н. э.).

В XII книге "Исторической библиотеки" Диодор сообщает, что при архонте Феодоре в Афинах (438/7 г.) "в Азии царствовавшие над Боспором Киммерийским, называвшиеся Археанактидами, правили сорок два года" (... κατά δε την Ἀσίαν οἱ τοῦ Κιμμερίου Βοσπόρου βασιλεύσαντες, ἑνομασθέντες δὲ Ἀρχεανακτίδαι, ἤρξαν ἔτη δύο πρὸς τοῖς τετταράκοντα....) (XII, 31, 1). Начало правления Археанактидов, таким образом, следует относить

к 480/79 г., с которого и начинается отсчет исторической хронологии Боспора.

Сразу же следует отметить два обстоятельства. Во-первых, содержащиеся в заметке два географических термина - Азия и Боспор Киммерийский—находятся в противоречии один к другому, поскольку Боспор как пролив состоит, естественно, не только из азиатской, но также и европейской части. Это противоречие трудно использовать в качестве аргумента, свидетельствующего о первоначальном объединении полисов азиатской части Боспора, которое затем включило и города европейской части (ср. *Блаватский*, 1985, с. 210). Следует признать, что это противоречие является органическим пороком данного отрывка, может быть появившимся на свет в результате неудачного сокращения источника, которым пользовался Диодор. Во-вторых, определение "царствовавшие" времени Диодора не отражает адекватно политических реалий греческого общества начала V в. до н. э., что служит основанием для широкого спектра мнений относительно того, каковой в действительности была власть Археанактидов.

Относительно происхождения Археанактидов существуют две гипотезы. Согласно одной из них, это был митиленский род, упоминания представителей которого относятся к концу VII— началу VI вв. до н. э. (*Strabo.*, XIII, 1, 38; *Alcaeus*, fr. 119). Блаватский подкреплял эту гипотезу ссылкой на сообщение об основании Гермонассы митиленцем Семандром (*Eustath.*, Comm. ad Dionys. Reg., 549) и археологические данные о раннем расцвете Гермонассы в VI - V вв. до н. э. (*Блаватский*, 1985, с.209). Другая точка зрения была высказана Жебелевым, который, ссылаясь на упоминание в списке милетских эпонимных магистратов, эйсимнетов, за 516/5 г. некоего Кизика, с. Археанакта (*Milet*, I, 3, № 122, I, 11), настаивал на милетском происхождении боспорских Археанактидов (*Жебелев*, 1953, с. 70-71) ¹.

Митиленский Археанакт мог бы появиться в числе первых поселенцев Пантикапея и спустя сто- сто двадцать лет представитель этого рода мог бы занять в нем ведущее положение, однако для этого митиленские Археанактиды должны были бы сохранять высокий политический статус на протяжении трех-четырех поколений, что представляется маловероятным. Предполагаемое верховенство митиленского рода трудно увязать и с милетскими корнями большинства боспорских апоекий, в том числе Пантикапея и Гермонассы.

¹ По мнению Виноградова, гипотеза Жебелева не имеет под собой "методической основы, так как базируется всего лишь на одном ономастическом сопоставлении", однако тут же неожиданно и без всякой аргументации признает ее заслуживающей предпочтения (*Виноградов Ю.Г.*, 1983, с. 395-396). Виноградов приводил примеры распространенности имени Археанакт и предостерегал против отождествления Архенакса, посвятившего статую в Ольвии, с основателем боспорской династии (*он же*, 1978, с. 67 прим. 60). Все эти замечания, однако, не достигают цели. Во-первых, поиски корней Археанактидов возможны только на ономастической основе (кстати сказать, Жебелеву были известны Археанакты из других мест: 1953, с. 23 прим. 2); во-вторых, если дата ольвийского посвящения (около сер. VI в.) верна, то это вполне позволяет видеть в посвятителе либо предка основателя боспорской династии, либо самого основателя рода боспорских Археанактидов (совсем не обязательно, что первый правитель этого рода на Боспоре носил имя Археанакта); в-третьих, шансы милетского Археанакта на признание родоначальником боспорских Археанактидов наиболее предпочтительны, хотя при очень высокой степени доказательности он мог бы уступить место и уроженцу, например, Липарских островов с этим именем.

Гипотеза о милетском происхождении Археанактидов не требует каких-либо оговорок и дополнительных рассуждений и потому представляется более убедительной. Милетский Археанакт по времени стоит ближе к боспорским Археанактидам, родословная которых может быть восстановлена без существенных логических и хронологических натяжек.

Разумеется, нет никаких оснований относить Археанакта, отца Кизика - милетского эйсимнета 516/5 г., к числу основателей как Пантикапея, так и династии боспорских Археанактидов. Примерные годы его жизни - ок. 580-520 гг. Его можно отождествить с Архенаксом, посвятившим в Ольвии ок. сер. VI в. до н. э. статую неизвестному божеству (*Виноградов*, 1978, с. 66-67; *он же*, 1983, с. 395 прим. 136). Годы жизни Кизика, с. Археанакта - ок. 550-490 гг. Старший сын Кизика по традиции должен был бы получить имя деда, Археанакта. Годы его жизни - ок. 520-460 гг. После поражения ионийского восстания он эмигрировал в Пантикапей, а его потомки стали известны Диодору под именем Археанактидов. На мой взгляд, эта реконструкция не содержит откровенно слабых звеньев.

Современные исследователи единодушно отвергают возможность того, что статус Археанактидов был идентичен диодоровскому определению ("царствовавшие"), однако в попытках отыскать подходящее понятие в политических терминах того времени сильно расходятся. Поскольку все они, так или иначе, исходят из словоупотребления Диодора, которому, очевидно, и самому неясно было истинное место Археанактидов в политической системе Боспора, убедительного ответа на этот вопрос до сих пор найдено не было. Попробуем определить, как соотносились между собой Пантикапей, как полис, и Археанактиды, как некая власть. С этой целью проанализируем боспорский нумизматический материал.

Городская чеканка возникает ок. 530-520 гг., используя в качестве типа лицевой стороны монет изображение головы льва в фас. Милетские корни этого типа, служившего как бы гербом Пантикапея, несомненны. Абсолютное преобладание данного изображения в течение почти ста пятидесяти лет, после чего в начале IV в. до н. э. оно полностью вытесняется изображением головы сатира, определенно свидетельствует о неизменности политического строя Пантикапея в этом хронологическом промежутке. Полная типологическая преемственность городских выпусков указывает на внешне никак не проявляющий себя режим, который может быть отождествлен только с демократической формой правления - народным собранием и ежегодно сменяемыми магистратами во главе с архонтом.

Около 480 г. от городской чеканки отпочковалась чеканка храма Аполлона - на реверсе мелких городских монет помещен дифферент в виде четырех точек, на реверсе храмовых - двух точек (рис. 2, б). Первые две серии храмовых монет полностью повторяют городские выпуски, отличаясь от них только количеством точек. Затем положение кардинально меняется - каждый из трех следующих выпусков храмовых монет не только отличается от синхронных им городских выпусков, но также и один от другого: сперва

Рис. 2. Монеты Боспора времени Археанактидов.
Пантикапей: 1-4; Гермонасса: 5; храм Аполлона: 6-10 (серебро).

на них изображается голова льва и звезда (рис. 2, 8), затем голова льва и буквы АПОЛ (рис. 2, 9) и, наконец, скальп льва и таблетки с буквами АП и звездами (рис. 2, 10). Такое развитие типов должно указывать, несомненно, на авторитарный режим, отдельные представители которого меняли типологию монет в зависимости от своих вкусов и пристрастий. Становится очевидным, что за чересполосицей типов храмовых монет должны были стоять именно храмовые власти, которых и следует отождествлять с Археанактидами.

В литературе существует около десятка (!) теорий, объясняющих происхождение монет с легендой АПОЛ. Х. Х. Гиль сперва полагал, что Пантикапей первоначально назывался Аполлонией “в честь наиболее почитаемого милетянами божества” (Giel, 1886, S. 24), а позже добавил к этому предположение, будто “город этого имени [т. е. Аполлония. — В. А.] во время основания Пантикапея находился так близко к нему, что позже оба города соединились вместе” (Гиль, 1891, с. 6). Первая версия была поддержана А. фон Заллетом, правда, отнесшим указанные монеты к чекану Аполлонии Фракийской (Sallet, 1888, S. 137), А. Л. Бертье - Делажардом (1913, с. 129), Б. В. Хэдом (Head, 1911, р. 280), Ю. С. Крушкол (1950, с. 187); вторая — Э. Миннзом (Minns, 1913, р. 20, 569 note 10, 628). Изучение монет показывает, что первая версия должна быть отвергнута безусловно — монеты с АПОЛ начинают свое существование намного позже пантикапейской чеканки и только как дериват ее. Сложнее вопрос со второй версией, поскольку нумизматический материал свидетельствует лишь о возникновении “аполлонийской” чеканки, ее развитии и поглощении городской, что как будто бы говорит в ее пользу. Однако, каким бы мы должны были представлять

себе этот город по его монетам? Во-первых, он должен был быть совершенно независимым от Пантикапея и обладающим развитой полисной структурой, со своими органами управления, финансами и пр. Во-вторых, он должен был быть изолирован и экономически, выпуская свою монету вплоть до начала IV в. (см. МДБ, 70-72). Очевидно, что существование такого центра бок-о-бок с мощным Пантикапеем просто нереально. Вряд ли стоит добавлять, что географический пункт с таким названием на Боспоре неизвестен.

Особого мнения придерживался А. В. Орешников. Он пришел к выводу, что древнее название Аполлонии скорее принадлежало Мирмекию, которому он приписывал монеты с изображением муравья на аверсе (1922, с. 128). Однако, монеты с муравьем имеют также и надписи ПАН (он безосновательно считал их поддельными), что заводит его предположение в тупик. Аналогичные гипотезы, приписывающие монеты с АПОЛ Нимфею (*Блаватский*, 1954, с. 24), Фанагории (*Pochitonov*, 1960, s. 29) или какому-то неизвестному боспорскому городу (*Шелов*, 1949, с. 147; 1956, с. 26, 34 прим. 2; *Дюков*, 1975, с. 73-74), находятся в противоречии с генетическими корнями монет, находящимися в монетном деле Пантикапея.

Все эти гипотезы строились на отрыве монет АПОЛ от остальной массы монет того же происхождения и никак не обосновывались самим нумизматическим материалом. В этом же ряду стоит предположение о выпуске монет АПОЛ частным монетарием (*Карышковский*, 1962, с. 226-227), никак не согласующееся с типологией смежных с ними групп; о переименовании Пантикапея в Аполлонию первыми Спартокидами (*Масленников*, 1979, с. 141 прим. 11; 1981, с. 109 прим. 184), поскольку никакого перерыва в чеканке Пантикапея не зафиксировано. Полностью оторвана от нумизматических и исторических реалий интерпретация Ю. Г. Виноградова, предлагавшего трактовать монеты с надписью АПОЛ “как эмиссию конфедерации боспорских полисов — одновременно военной симмахии и религиозной амфикионии [нет никаких данных о существовании любой формы объединения боспорских городов кроме государственного, в рамках державы Спартокидов. — В. А.]... Монета билась от имени храма этого божества... Это подчеркнуто и монетной эмблемой — львиный скаल्प, т. е. вотивное приношение в святилище [на другой серии — голова льва. — В. А.] ... Цель выпуска монеты была тройкой: а) покрытие расходов на оборону, б) обслуживание празднеств и выплаты по постройке храма, в) политико-пропагандистская: чеканка монеты на пантикапейском монетном дворе [это никак не доказано. — В. А.] должно было “продемонстрировать лидирующее положение Пантикапея в конфедерации...” (см. *Толстиков*, 1984, с. 47 прим. 95). Судя по параллельным, непрерывным и более мощным эмиссиям Пантикапея город полностью игнорировал существование этой “конфедерации-симмахии-амфикионии.”

Как явствует из сравнительного анализа городской и храмовой чеканок, обе они развиваются вполне самостоятельно без всяких следов влияния, кроме метрологии, одной на другую. Факт сосуществования рядом с храмовой

значительно более мощной городской чеканки указывает на то, что Археанактиды занимали достаточно скромное положение жрецов храма Аполлона в Пантикапее, которые сменили в 480 г. местную жреческую линию. О последней нам ничего не известно. Исходя из предполагаемой демократической формы правления в Пантикапее жрецы храма Аполлона до 480 г. сменялись ежегодно, тогда как Археанактиды перешли к практике наследственного замещения этой должности. Насколько согласуется этот вывод с определением Диодора? С формальной точки зрения Археанактиды не являлись, конечно, царями (маловероятно, что они имели такой титул в сакральном его значении¹), однако, фактически их положение было сродни царскому. Занимая высшую религиозную должность в полисе и благодаря преемственности своей власти они должны были иметь значительно больший политический вес, чем ежегодно сменяемый высший магистрат, архонт. Именно наследственная власть Археанактидов дала основания Диодору назвать их "царствующими".

К началу V в. до н. э. на Боспоре Киммерийском существовало довольно значительное количество более или менее крупных полисов. В начале IV в. до н. э., судя по титулатуре местных правителей, возникает политическое понятие "Боспор", под которым следует понимать территориальное положение городов, расположенных по обоим берегам пролива и продолжавших сохранять свои названия.

В боспорской историографии господствует аксиоматическая точка зрения о возникновении в 480 г. государственного объединения боспорских полисов. В наиболее лапидарной форме ее выразил И. Г. Шургая: "В 480 г. до н. э. боспорские полисы объединяются в единое государство, столицей которого становится наиболее значительный полис Пантикапей. Отказ от полисной автаркии в интересах безопасности — таков один из результатов развития эллинских полисов в условиях варварского окружения" (*Шургая*, 1980, с. 81). Источники этой теории, не имеющей опоры в источниках, коренятся в чисто гипотетическом построении В. В. Латышева: "Каков был гражданский строй греческих колоний в первое время по их основании, в точности неизвестно; но, как кажется, боспоряне скоро поняли, насколько важно для них, чтобы все города были соединены между собою союзом и вручали власть общим магистратам, чтобы тем легче могли сохранять мир между собою и защищать себя от варварских народов..." (*Латышев*, 1909, с. 71). В том же ключе высказывался и Жебелев — возможность развития неприязненных отношений между полисами и возможность враждебных действий со стороны туземного населения вынуждали греков объединиться (*Жебелев*, 1953, с. 121). Любопытна эволюция взглядов М. И. Ростовцева на роль скифского фактора и скифской угрозы в истории Боспора. В недавно опубликованной главе VI "Государство и культура Боспорского царства" из предполагавшегося II тома "Скифии и Боспора" (авторское название — "Исследования по истории Скифии и

¹ Это предположение высказал И. Р. Пичикян (1984, с. 146-147).

Боспорского царства”, см.: ВДИ, 1989, № 2, с. 182) он подчеркивал важность этих факторов: “надо помнить, что в момент своего возникновения греческие города Черноморского побережья стояли к скифскому царству в таких же вассальных отношениях, как города Малой Азии к персидскому царству.. Надо помнить также, что постепенное укрепление Боспора стоит в теснейшей связи с судьбами скифского царства, никогда не отказывающегося от своих прав сюзеренитета на города черноморского побережья и всегда усиленно боровшегося за укрепление или восстановление этих прав. Мы видели, что скифская опасность всегда была главным и реальнейшим фактором в политической истории Боспора...” (ВДИ, 1989, №2, с. 184). Десятилетием позже эти идеи еще муслировались в очерке “Боспорское царство” (САН, 1930, VIII, pp. 561-589; русс. пер. см.: ЗКУΘΙΚΑ. Избранные работы акад. М. И. Ростовцева. — ПАВ, 1993, № 5, СПб., с. 76-87): “резонно предположить, что в Археанактидах мы имеем тиранию, созданную либо скифскими повелителями Пантикапей..., либо правителей, выдвинутых греческими гражданами для того, чтобы более эффективно отстаивать их права от тех же скифов”, но тут же автор переходит на более реалистичную позицию: “боспоро-скифские отношения в целом были дружественные. Торговля, а не война, была их целью и в торговых прибылях, а не в дани были в равной мере заинтересованы Боспор и скифы” (там же, с. 77, 80). Несмотря на то, что до сих пор не существует ни одного свидетельства, подтверждающего объединение греческих полисов Боспора в 480 г. вследствие скифской угрозы или каких-либо иных причин, эти бесплодные идеи продолжают культивироваться в работах Виноградова Ю. Г., Толстикова, Ф. В. Шелова-Коведяева и др. исследователей (критику их см.: Васильев, 1992).

Анализ источников дает нам следующую картину. Самый ранний перипл Северного Причерноморья называет следующие полисы в европейской части Боспора — Феодосию, Китей, Нимфей, Пантикапей и Мирмекий; в азиатской — Фанагорию, Кепы и Синдскую Гавань (*Pseudo-Scyl.*, 68,72). Есть основания полагать, что данные перипла восходят к концу VI- началу V в. до н. э. Это можно заключить по тому, что Херсонес там же определяется как торговый город, эмпорий, а Фанагория еще носит имя основателя (“полис Фанагора”). Из числа ранних апойкий, которые по материалам керамических находок уже существовали в VI в. до н. э., в перипле Псевдо-Скилака не названы среди полисов Киммерик и Тиритака на европейской и Гермонасса и Корокондама на азиатской сторонах Боспора¹. Это умолчание следует объяснять, вероятно, иным, не полисным статусом названных пунктов, который они имели на время составления перипла². Рассмотрим ситуацию с каждым из этих пунктов.

¹ Однако, назван Китей, который по археологическим данным возникает не ранее сер. V в. до н. э. (Малева, 1986, с. 43-44). Если быть уверенным в окончательном результате этих данных, то составление боспорской части перипла следует датировать не ранее чем серединой этого столетия.

² Отсутствие в перипле Псевдо-Скилака упоминания деревень и прочих мелких населенных пунктов указывает, возможно, на то, что задачей составителя было дать политическую карту региона, а не детальное описание местностей.

Относительно Киммерика можно предположить, что он еще не имел статуса полиса либо входил в состав владений Китея. Отсутствие в перипле Тиритаки и Корокондамы с определенной долей вероятности может быть объяснено их подчинением Пантикапею. Возможно, они изначально входили в число его владений (особенно это касается Корокондамы, обладание которой позволяло бы Пантикапею контролировать и азиатский берег пролива) или же были присоединены им еще в до-археанактидовское время. Особого внимания заслуживает Гермонасса. Недавно стали известны две серебряные неизданные монеты, которые с большой вероятностью могут быть отнесены к чеканке этого города¹. Они представляют собой два выпуска гемиоболов, датированных 490-480 и 480-470 гг. (рис. 1,6; 2,5). Прекращение предполагаемой чеканки Гермонассы следует объяснять присоединением города к Пантикапею и утратой полисного статуса, что и нашло отражение в перипле. Изменение статуса города могло иметь место вскоре после 470 г., что позволяет считать сведения Псевдо-Скилака о боспорских полисах относящимися примерно к 470-450 гг. до н. э.

Таким образом, опираясь на данные этого перипла можно констатировать, что к середине V в. до н. э. на Боспоре существовали независимые греческие полисы: Феодосия, Китей, Нимфей, Мирмекий, Пантикапей, Кепы и Фанагория. В состав владений Пантикапея, скорее всего, входили Тиритака и Корокондама, а вскоре после 470 г. была присоединена Гермонасса. Подчинение этих трех городов Пантикапею означало для них потерю полисного статуса (в результате вероятных военных действий - Тиритака), что

¹ Монеты хранятся в частном собрании (Киев). По сообщению владельца, они происходят из небольшой коллекции, продававшейся в Москве в 1989-1990 гг. По сложившемуся у покупателей убеждению, коллекция якобы была собрана А. Н. Зографом, хотя никаких определенных свидетельств в пользу этого ими приведено не было. Коллекция состояла примерно из полусотни экземпляров серебряных боспорских монет, главным образом, архаического времени, и свыше сотни боспорских медных монет римского времени. Все они были отличной или хорошей сохранности. Обе рассматриваемые монеты хранились в конвертиках с надписями "Монеты неизвестного города": к ним прилагался современный акт авторитетной металлографической экспертизы, согласно которой они были отнесены к 500-450 гг. до н. э.

На аверсе монет имеется одно и то же изображение, определить которое не удалось (морское животное?) и аналогий которому в доступной нумизматической литературе не нашлось. На реверсе представлен вдавленный квадрат, на одной монете разделенный на 8 неправильных треугольников, на другой — на 4 квадрата с точками в каждом из них. На местное, боспорское происхождение обеих монет указывают комплектность этой пары, бесспорно представляющей два смежных выпуска одного центра, и полная идентичность схемы развития реверсов этих монет и городских монет Пантикапея от вдавленного квадрата с неправильным делением к правильному квадрату с четырьмя точками (последний весьма редко встречается на греческих монетах). Немаловажно и то обстоятельство, что веса обеих монет (0,57 и 0,62 г) укладываются в диапазон весов пантикапейских гемиоболов 490-480 гг. (0,68-0,36 г) и 480-470 гг. (0,78-0,35 г).

С меньшей уверенностью можно настаивать на гермонасском происхождении монет, хотя только Гермонасса выделялась в это время высоким уровнем экономического развития (*Блаватский*, 1985, с. 209), выразившимся, например, в строительстве храма (*Арзаманов*, 1989). Правда, милетские корни Гермонассы обязывали бы ее поместить на своих монетах изображение льва, однако, инициатива чеканки, как и выбор типа, могли принадлежать влиятельной группе беженцев, оказавшейся в полисе после подавления Ионийского восстания, к примеру, эолийцев из той же Митилены. До появления новых данных именно Гермонассу следует считать городом, чеканившим эти монеты. Можно предположить, что они происходят из Нимфейского клада (IGCH, 1004), состав которого был недавно уточнен (*Стабба*, 1998).

выразилось в прекращении чеканки (Гермонасса). Если к середине V в. до н. э. Пантикапей прочно контролировал оба берега пролива, то можно предположить, что уже к этому времени относится формирование политического термина "Боспор", а демократическая форма правления в главном городе зарождающегося государства, Пантикапее, допускает возникновение к этому времени выборной должности "архонт Боспора".

Территориальные приобретения Пантикапея диктовались экономическими потребностями самого города и начались, скорее всего, еще в доархеанактидовское время. Появление Археанактидов на политической арене должно было стимулировать дальнейший рост государства, в котором они были заинтересованы, однако религиозный характер их власти никак не позволяет отводить им ведущую роль в этом процессе. Вся последующая история расширения Боспорского государства доказывает, что главным инструментом при этом являлась сила, а не религиозные идеи и союзы.

История Боспора времени Археанактидов может быть детализирована исключительно благодаря нумизматическим памятникам. Помимо городских монет ок. 490 г. начинается предполагаемая чеканка Гермонассы. Две серии монет (ок. 490-470 гг.) не имеют никакой видимой связи с Археанактидами, хотя полностью отрицать наличие такой связи нет оснований. Прекращение этой чеканки после 470 г. было вызвано подчинением города Пантикапею и роль Археанактидов в этом событии также неясна. Зато начало чеканки храма Аполлона Врача в Пантикапее более определенно может быть связано с началом правления в нем Археанактидов. Первые две серии храмовых монет, в отличие от трех последующих, типологически полностью соответствуют городским, поэтому, руководствуясь идеей неизменности политики (в том числе монетной) того или иного правителя, обе серии следует приписать одному жрецу, Археанакту, с. Кизика, или Археанактиду (I), правившему примерно в 480-460 гг.

Денежный рынок Пантикапея достаточно полно насыщался городской монетой, так что храмовая чеканка могла удовлетворять какие-то специфические потребности храмового хозяйства либо амбиции самого Археанакта. Кстати сказать, выпуск монет обычно составлял прерогативу царской власти, и если Диодору было известно о чеканке Археанактидов, то это могло стать для него одним из мотивов отождествления власти Археанактидов с царской властью.

С правлением Археанактида (II) может быть сопоставлена третья серия храмовых монет, имеющих на реверсе изображение звезды и датированных ок. 460-455 гг. (рис. 2, 8). Аналогичный тип реверса имеется на мелких серебряных монетах Милета, относимых к 480-450 гг. (BMC, Ionia, pl. XXI, 3-4). Обращение к милетскому монетному типу является вполне естественным как для Археанактида, так и для города, на реверсе монет которого помещаются звезды на таблечках (рис. 2, 3). Выбор особого типа для реверса храмовых монет свидетельствует о самостоятельном подходе Археанактида (II) к монетной чеканке, который наметил расхождение между храмовыми и городскими монетами.

Еще более решительный шаг в этом направлении сделал Археанактид (III)— если город продолжал выпускать монеты с двумя звездами на реверсе, то храмовые монеты несли на реверсе буквы АПОΛ- сокращенное имя эпонимного божества, Аполлона (рис. 2,9). Трудно сказать, что скрывалось за этими действиями Археанактида (III) в области монетного дела, противопоставлявшими храмовую чеканку городской (следует отметить, что объем храмовой чеканки почти вдвое превышает объем городской чеканки). По всей видимости, режим Археанактидов приобретал все более авторитарный характер и перестал ограничиваться религиозными функциями, играя активную роль в экономической и политической жизни города.

Правление Археанактида (IV) устанавливается по монетам пятой серии храма Аполлона (ок. 450-437 гг.), на лицевой стороне которых вместо головы льва помещено изображение скальпа льва с распластанной нижней челюстью (рис. 2,10). Это изображение является традиционным для монетного дела Самоса, широко использовавшимся как раз на монетах 480-440 гг. (*Barron*, 1966, pl. VIII-XIV), у которых, скорее всего, оно и было позаимствовано. Значение этого факта нельзя недооценивать - он обозначил решительный разрыв Археанактида (IV) с многолетней практикой использования монетного типа метрополии, для которого у него должны были быть весьма веские причины. В поисках этих причин трудно идти дальше самых общих предположений, поэтому следует ограничиться лишь констатацией факта установления Археанактидом (IV) каких-то прочных связей (торговых? религиозных? личных?) с самосскими олигархами, находившимися тогда у власти.

Сам факт контактов Археанактида (IV) с Самосом вряд ли заслуживал бы особо пристального внимания, поскольку об их причинах и характере можно только строить догадки, однако вскоре события стали приобретать неожиданный оборот. В 440 г. между Афинами и Самосом возник вооруженный конфликт. Согласно Фукидиду, причиной конфликта стала война между Самосом и Милетом, членами Афинского морского союза, из-за Приены. Милет стал терпеть поражения и обратился с жалобой к Афинам, которые стали на его сторону. На Самос был послан отряд афинских военных кораблей, который установил там демократическую форму правления, взял заложников и оставил гарнизон. Бежавшие самосцы с помощью персов восстановили прежний порядок и провозгласили независимость. Афины послали второй отряд под командованием самого Перикла, который после некоторых перипетий обложил город и в результате 9-месячной осады занял его (439 г.). По соглашению стены города были срыты, афинянам выдали заложников, корабли и оплатили их военные расходы (*Thuc.*, I, 115-117). Древние авторы особо отмечали жестокость, проявленную афинянами в ходе Самосской войны - лица пленных клеймились изображением совы (*Aelian.*, *Var. hist.*, II, 9).

Из спасшейся части самосцев хорошо известны лишь те, которые бежали в карийский город Анеи (Ἄνεϊα) и стали злейшими врагами Афин (*Thuc.*, IV, 75,1). Еще одна значительная группа самосцев направилась в

Северное Причерноморье и нашла пристанище в Нимфее, который был, возможно, колонией Самоса (см. выше). Эти беженцы приняли этникон саммеотов ($\Sigma\alpha\mu\mu\alpha\iota\tau\alpha\iota$), то есть самосцев меотийских, и выпустили серию серебряных монет с легендой ΣAMMA (Anochin, 1998, SS. 34–35)¹. Типы монет саммеотов - голова льва и женская голова (рис. 3) вполне определенно носят следы самосских традиций. Прежде всего, это относится к изображению головы льва на реверсе, находящему очень близкие стилистические аналогии среди тех же изображений на самосских триболах с буквами ΣA за обрезом

Рис.3 Монеты саммеотов, чеканенные в Нимфее (серебро; 3-4 — увеличены).

¹ Мелкую монету с надписью ΣAM впервые издал П. О. Бурачков, который ошибочно прочитал легенду как PAN и на этом основании отнес ее к Пантикапею (Бурачков, 1884, с. 162, № 173, табл. XXII, 171). Правильное чтение легенды позднее установил А. Л. Бертье-Делагард, который приписал ее Самосу (Бертье-Делагард, 1907, с. 23). Однако, ему не была известна публикация более крупного номинала этой серии с надписью ΣAMMA (Sallet, 1887, S. 6-7), противоречащей такой атрибуции. В аналогичной ситуации оказался Дж. П. Бэррон, уверенно отнесший мелкий номинал к самосской чеканке 480-439 гг. (Barron, 1966, p. 72, № 199, pl. XVI, 1). С определением Бураčkова монеты ΣAMMA вошли в аукционный каталог фирмы братьев Эггер 1912 г. (AK Brüder Egger, XXXIX, Wien, 1912, Taf. IV, 120-121), однако спустя два года подобные монеты были включены в раздел "Фракийские цари и династии" (AK Brüder Egger, XLVI, Wien, 1914, Taf. VIII, 435-437) благодаря атрибуции Б. В. Хэда, отнесшего изданную Заллетом монету к неизвестному фракийскому династу (Head, 1911, p. 283). В каталоге Р. Джеймсона монета с надписью ΣAMMA также отнесена к Фракии (Jameson, 1913, p. 238, № 1065 a). Весьма важно указание владельца на то, что эта монета происходит из небольшого клада (пять или шесть экземпляров), найденного в окрестностях Керчи. Э. Бабелон включал эти монеты в чеканку скифских царей, хотя и допускал возможность видеть в легенде название города (Babelon, 1932, col. 1083-1084, №№ 1772-1773, pl. CCCLV, 22-23). Монеты ΣAMMA приписывались скифам, подчинившим Нимфей (Мельников, 1992); или же неизвестному боспорскому тирану с именем $\Sigma\alpha\mu\mu\alpha\varsigma$, обнаруживающим "как Kurzname экспрессивную геминацию последнего консонанта основы" (Столба, 1998, с. 19-20). Как выяснил Столба, именно эти монеты фигурировали в качестве самосских в эльгинском кладе раннего боспорского серебра (IGCH, 1004).

Боспорское, точнее, нимфейское происхождение монет ΣAMMA доказывается находками на городище Нимфея в последние годы пяти-шести экземпляров этой серии, включавших и неизвестный ранее мельчайший номинал с изображением горита на аверсе и лука с буквами $\Sigma\text{-A}$ во вдавленном квадрате на реверсе (рис. 3, 4). С большой долей вероятности в эту серию можно включить еще один, самый старший номинал, имеющий изображения головы льва и лука с наложенной на тетиву стрелой (Babelon, 1932, col. 1083, № 1774, pl. CCCLV, 24). Надпись на этом уникальном экземпляре сохранилась плохо, однако остатки букв допускают восстановление ΣAM или ΣAMM . Таким образом, мы имеем дело с серией серебра из четырех номиналов, трибола, дибола, обола и тетартемория, выпущенной в Нимфее эмитентом под названием ΣAMMA , в котором следует видеть сокращение этнонима в gen. pl. ΣAMMA ($\text{[}\Sigma\text{M}\text{Q}\text{N}$], т. е. "самосцев меотийских", самосцев, живущих в Меотиде, образованного по аналогии с самосцами фракийскими ($\Sigma\alpha\mu\mu\alpha\iota\tau\alpha\varsigma$), давшими название городу и острову Самофракии.

шеи льва (см., напр., *Barron*, 1966, pl. XV, 26). Женские головы не встречаются среди типов синхронных самосских монет. Дж. П. Бэррон предположительно определил женское изображение на саммеотской монете, ошибочно причисленной им к самосской чеканке, как голову Геры, культ которой широко почитался на Самосе (*ibid.*, p.72), однако, возможно, его следует считать изображением нимфы, эпонима города, приютившего самосцев. Впрочем, вполне допустимо отождествление нимфейской нимфы с самосской Герой, празднество которой включало обряд ее священного бракосочетания в качестве невесты, $\nu\acute{\omicron}\mu\phi\eta$ (*Barron*, 1966, p. 90).

В истории Самоса известны два случая чеканки монет самосскими беженцами за пределами родины. После поражения Ионийского восстания часть самосских олигархов временно обосновалась в Занкле на Сицилии (*Her.*, IV, 22-24; *Thuc.*, VI, 4,6), где в 494/3 - 490/89 гг. выпускала монеты с самосским типом. Видимо, аналогично поступили и поселившиеся после Самосской войны в Анее беженцы, получившие этникон анеитов, под которым они были известны Фукидиду (*Thuc.*, III, 19,2). Букву А на одном из анеитских выпусков Бэррон считал инициалом этого этникона (*Barron*, 1966, pp. 40-43; 92-93). Чеканка саммеотов дает нам третий пример такого рода.

Во время конфликта Самоса с Афинами симпатии Археанактида (IV) явно должны были быть на стороне первого (возможно, такая его позиция способствовала переселению самосцев в Нимфей) и Пантикапей, вольно или невольно, оказался в оппозиции к Афинам. Абсолютно враждебным Афинам стал и Нимфей во главе с саммеотами. Конечно, ни тот, ни другой не могли создать непосредственной военной угрозы могущественным Афинам, однако опасность потери для них боспорского зерна становилась вполне реальной.

2. Понтийская экспедиция Перикла (весна- лето 437 г. до н.э.).

Правление Археанактидов совпало со временем расцвета Афин, опиравшихся на экономическую и военную мощь созданного ими Делосского морского союза (478 г.). Задуманный в качестве симмахии, направленной против персов, Делосский союз постепенно стал средством эксплуатации союзников, обязанных вносить ежегодную подать (φόρος) для поддержания мощи афинского флота. Многочисленные попытки выйти из состава союза жестоко подавлялись.

Одним из основных направлений афинской политики в это время было сохранение контроля над морским путем, связывавшим Афины с Причерноморьем, который они прочно установили после изгнания спартанцев из Византии в 476 г. Понтийский импорт был жизненно необходим для Афин, поэтому в глазах такого государственного деятеля как Перикл не было ничего более важного, чем уверенность в линии связи между Афинами и Понтом Евксинским (*Vury*, p.363; *Брашинский*, 1963, с.54,64,89,102) ¹.

¹ По мнению ряда авторов, между Археанактидами и Афинами сохранялись устойчивые дружественные отношения (*Vury*, p. 364), в противовес чему Спарток совершил переворот (*Ростовцев*, 1918, с. 88; *Блаватский*, 1948, с. 9-17; 1950, с. 34; 1954, с. 43-44; *Артамонов*, 1949, с. 34; *Блаватская*, 1959, с. 55-56), не давший, однако, желаемого результата — спустя короткое время после Понтийской экспедиции Спарток должен был принять статус афинского торгового агента по экспорту зерна в одни только Афины (*Rostovtzeff*, 1922, p. 68).

Переселение самосцев на Боспор¹ создало там новую ситуацию, грозившую Афинам непредсказуемыми последствиями. "В истории Греции мы имеем ряд случаев,— писал С.Я. Лурье,— когда эмигранты, обычно аристократы, продолжают жить на чужбине общиной, иногда даже захватывая какой-либо город и при помощи политических интриг или планов прямого нападения подготавливая возвращение в родной город" (Лурье, 1946, с. 187-189). Бежавшие в Анею самосцы пользовались любой возможностью навредить Афинам (*Thuc.*, III, 19; IV, 75, 1), тот же образ действий следовало ожидать и от саммеотов. Конечно, начать военные действия непосредственно против Афин они не могли, однако, возникновение новых очагов сопротивления в черноморском бассейне ставило под угрозу свободу плавания для афинских судов, чему Перикл придавал первостепенное значение. Выступая перед Народным собранием в самом начале Пелопоннесской войны, он ссылаясь на могущество афинян, всецело господствующих над одной из частей земной поверхности - морем, и указывал на то, что военные неудачи грозят не просто порабощением вместо свободы: "Нет! Дело идет о потере вами господства и об опасности со стороны тех, кому оно ненавистно. Отказаться от этого владычества вы уже не можете..." (*Thuc.*, II, 62-63). Естественно, потеря господства на море неизбежно вела бы к сокращению притока понтийского зерна на аттический рынок.

Кроме боспорского в Северном Причерноморье возник и другой очаг напряженности для Афин - в Ольвии. Прототипом изображения Геракла, натягивающего тетиву, на ольвийских стateraх с надписью EMINAKO является идентичный сюжет на серебряных стateraх Фив, отличающийся от ольвийского лишь отсутствием шкуры льва за спиной героя. Выпуск фиванских статеров относится ко времени между битвой при Коронее (446 г.), когда Беотия освободилась от Афин, и неудачной попыткой Фив захватить Платею, что открыло ряд военных выступлений против Афин, приведших к Пелопоннесской войне. К. Крэй поместил эти статеры ок. 440 г., антиафинская направленность их сюжета достаточно очевидна (*Kraay*, 1976, p. 111, pl. 19, 352)². Можно, следовательно, констатировать, что и ольвийские олигархи, возглавляемые айсимнетами мольпов, также недвусмысленно заявили о своих антиафинских настроениях³. Если к этому добавить, что одновременно с Самосом восстал Византий, также вышедший из Афинского морского союза (*Thuc.*, I, 115, 5), то окажется, что ок. 439 г. в Причерноморье

¹ Миннз опубликовал серебряную монетку (весом 0,18 г) с изображением львиного скальпа на л. с. и буквами ФА и точками на о. с. (*Minns*, 1913, pl. IX, 11). Если монета подлинная, то в качестве одного из возможных предположений допустимо считать, что она была чеканена самосцами, поселившимися в Фанагории.

² Можно сослаться еще на два близких по времени случая использования образа сражающегося или готовящегося к сражению Геракла как символа борьбы с афинской гегемонией: на монетах царя Баалмелека I, чеканенных в Цитиуме (Citium) на Кипре ок. 460 г., когда город, побывавший в руках греков в 478 г., вновь оказался под властью персов; и на монетах Фасоса, освобожденного от Афин (*Kraay*, 1976, p. 300, 306, pl. 64, 1103; p. 150, pl. 29, 522).

³ До Самосской войны Ольвия поддерживала экономические и культурные связи с олигархическим Самосом (*Фармаковский*, 1926, с. 169; *Брашинский*, 1967, с. 25).

сложилась неформальная (?) коалиция двух крупнейших экспортеров северо-понтийского зерна, Боспора и Ольвии, и Византия, державшего под контролем весь экспорт через проливы. Повышенная чувствительность афинского рынка к политическим движениям во Фракии и Скифии (*Bury*, p. 364) побуждала Перикла принять быстрые ответные меры, которые были реализованы во время проведения Понтийской экспедиции.

Единственное упоминание об этой экспедиции имеется у Плутарха, который сообщает о ней следующее: "прибыв в Понт с большой эскадрой, блестяще снаряженной, он сделал для эллинских городов все, что им было нужно, и отнесся к ним дружелюбно; а окрестным варварским народам, их царям и князьям (*δυνάστασις*) он показал великую мощь, неустрашимость, смелость афинян, которые плывут, куда хотят, и все море держат в своей власти. Жителям Синопы Перикл оставил тринадцать кораблей под командой Ламаха и отряд солдат для борьбы с тираном Тимесилеем. После изгнания последнего и его приверженцев он провел в Народном собрании постановление о том, чтобы в Синопу было отправлено шестьсот человек афинян, изъявивших на то согласие; они должны были жить вместе с коренными гражданами Синопы, поделив с ними дома и землю, которую прежде занимали тираны" (*Plut.*, Рег., 20, 1-2; пер. С. И. Соболевского).

Сообщение Плутарха не дает возможности привязать Понтийскую экспедицию к какой-либо точной хронологической вехе, поэтому в определении даты ее проведения исследователи существенно расходятся. Тем не менее, большинство ученых помещает ее в пределах сравнительно узкого отрезка времени - 440-435 г. Некоторые даты в этом диапазоне можно отклонить однозначно: 440 г., на который приходится начало Самосской войны; 439 г., год окончания Самосской войны, когда Перикл "возвратился в Афины, устроил торжественные похороны воинов, павших на войне и, согласно обычаю, произнес на их могилах речь" (*Plut.*, Рег., 28); а также 438 г., когда в состав Афинского морского союза должен был быть возвращен Византий. Акция против Византия вряд ли была осуществлена в ходе Понтийской экспедиции: последняя могла состояться только в том случае, если город был покорен и выход в Понт свободен для афинского флота¹. Фукидид сообщает, что после покорения Самоса "сдались также и византийцы, обязавшиеся, как и раньше, оставаться подданными афинян" (*Thuc.*, I, 117, 3). Отсутствие сведений о войне и репрессиях против Византия вряд ли можно рассматривать как свидетельство его добровольного возвращения в архэ (*Невская*, 1953, с. 84), скорее можно думать, что Фукидид не интересовалась судьба этого города. Известна афинская надпись с перечислением 58 воинов, павших в Геллеспонте, в том числе 30 - в Византии (IG, I², 943), указывающая на широкие военные действия афинян, предпринятые вскоре после Самосской войны и затронувшие не только

¹ Этот вопрос с различных сторон был рассмотрен Карышковским (1960, с. 79-80).

Византий¹. Речь должна идти о трех самостоятельных и разделенных во времени экспедициях - Самосской, Геллеспонтской и Понтийской. Геллеспонтская экспедиция, завершившаяся взятием Византия, осталась незамеченной древними авторами; скорее всего она прошла без участия Перикла. Эта экспедиция преследовала ту же цель, что и Самосская - подчинить непокорных силой оружия, и в этом обе они решительно отличались от Понтийской, в ходе которой Перикл, по словам Плутарха, "сделал для эллинских городов все, что им было нужно, и отнесся к ним дружелюбно". Вряд ли Плутарх или его источник решились бы распространить "дружелюбие" Перикла на Самос и Византий. Если Самосская экспедиция завершилась весной 439 г., то Геллеспонтскую следует датировать 438 г. После успешного завершения обеих войн афинский флот находился на моральном подъеме и в боевой готовности, путь в Понт был свободен, а ситуация требовала скорейшего вмешательства - все это позволяет утверждать, что Перикл должен был провести экспедицию в Понт уже в 437 г. Собственно говоря, именно смена династий на Боспоре должна датировать Понтийскую экспедицию Перикла, состоявшуюся, следовательно, в конце года архонта Феодора, то есть весной-летом 437 г., наиболее подходящую пору года для плавания.

Весь ход рассуждений, опирающихся на немногие, но твердо установленные факты, приводит к выводу, что Понтийская экспедиция была задумана Периклом не только ради решения всех мелких и крупных проблем, возникших в этом регионе, но также и в целях осуществления двух основных практических задач, составлявших предмет забот Афин в период пентеконтаэтии. Первая состояла в расширении численного состава Афинского морского союза за счет причерноморских городов. Вероятно, именно эта акция была преподнесена Плутархом как исполнение желаний самих понтийских полисов, подобно тому, как это было при организации архэ в 478 г., когда разверстка дани Аристидом тоже выдавалась за добровольное желание греческих городов (*Plut.*, *Arist.*, 24). Фукидид вернее отразил истинное положение дел, когда писал, что афиняне "заставили союзников (кроме хиосцев и лесбосцев) выдать корабли и наложили на всех денежную подать" (*Thuc.*, I, 19). По сравнению с первоначальной суммой фороса, доходившей до 460 талантов, взносы союзников в 431 г. составили уже около 600 талантов (*Thuc.*, II, 13,3), что, возможно, частично было достигнуто за счет понтийских полисов. Другой стороной "исполнения желаний" понтийских городов явилось, вероятно, устранение тиранических и олигархических режимов, подобно тому, как это было проведено, например, в Синопе.

Вторая задача, интенсивно проводившаяся в жизнь в эти годы, заключалась в выведении колоний на захваченные земли, откуда изгонялось

¹ На это может указывать повышение суммы фороса после Самосской войны не только для Византия, но и еще для нескольких городов — Абидоса, Алопеконнеса, Лампонецей, Лимнов и др. (см. : *Невская*, 1953, табл. II).

греческое или варварское население, или в подселении афинских колонистов в подчиненный эллинский полис, например, ту же Синопу.

Плутарх сформулировал в самом общем виде и третью задачу: показать "окрестным варварским народам, их царям и князьям... великую мощь, неустрашимость, смелость афинян, которые плывут, куда хотят, и все море держат в своей власти". Карышковский, исходя из того, что царские титулы тогда прилагались к одрисским, скифским и синдским правителям, полагал, что действия афинян на Понте выразились в оказании эллинским городам помощи, направленной, скорее всего, против варварских племен (*Карышковский*, 1960, с. 73-74). Однако для такого предположения нет достаточных оснований. Не говоря уже об отсутствии конкретных фактов такого рода, можно утверждать, что подобные действия во время экспедиции, длившейся всего несколько летних месяцев, не могли достичь желаемого результата. Перикл мог, к примеру, отогнать скифов от Ольвии, но это не избавило бы город от "скифской опасности". Не мог он и оставлять в городах афинские гарнизоны - подобные действия не были свойственны Периклу, всегда в первую очередь отстаивавшему интересы афинской державы, а не чьи-либо иные.

Судя по словам Плутарха, реальные намерения Перикла в отношении варваров сводились лишь к демонстрации афинской мощи. Скорее всего, эта мощь была продемонстрирована фракийцам при основании Амфиполя в устье р. Стримон афинскими колонистами под предводительством Гагнона, с. Никия, соратника Перикла и участника Самосской войны (*Thuc.*, IV, 102). Это место, носившее название "Девять путей", издавна интересовало греков. Поначалу Аристагор Милетский во время Ионийского восстания попытался основать там город, но был вытеснен эдонами; затем Афины направили туда 10 тыс. колонистов, которые были уничтожены фракийцами (*Thuc.*, IV, 102). Основание Амфиполя относится примерно к 437 г. до н. э., то есть оно совпадало по времени с Понтийской экспедицией. Отсюда можно предположить, что колонисты отправились в путь вместе с эскадрой Перикла, которая должна была в случае необходимости подавить сопротивление эдонов.

Точная дата основания Амфиполя зависит от установления года бегства Аристагора Милетского во Фракию в ходе Ионийского восстания. К сожалению, абсолютные даты Ионийского восстания установлены лишь для его начала (лето 499 г.) и конца — падения Милета на шестой год восстания, как сообщает Геродот (494 г.), остальные события распределяются историками по-разному.

По тексту Геродота можно выделить несколько блоков событий, соединенных между собой причинно-следственными связями. Один блок включает события, относящиеся к началу восстания: захват тиранов ионийских городов, миссия Аристагора в Спарту и Афины, поход на Сарды, отступление ионян из Сардов и разгром их у Эфеса (*Her.*, V, 37-38, 97, 99-102). Этот блок целиком должен быть датирован 499 г. Другой блок составляют морские походы ионян: в Геллеспонт, когда были подчинены "Византий и все

остальные города в той области”; в Карию, большая часть которой была вовлечена в союз, включая не соглашавшийся ранее на это Кавн, а также добровольное присоединение Кипра за исключением Амафунта (Amathus) (*Her.*, V, 103-105). Этот блок также следует отнести к 499 г., как это можно понять по изменению позиции карийского города Кавна, “который прежде не желал присоединиться к ним, теперь после сожжения Сард вступил с ними в союз” (*Her.*, V, 103). В следующий блок можно объединить военные акции персов: морской поход Артибия на Кипр, в результате которого “киприоты после года свободы вновь оказались под игом персов” (*Her.*, V, 116), экспедиции Давриса в Геллеспонт, а затем в Карию (*Her.*, V, 117-121), Гимея — в Пропонтиду и после ухода Давриса — в Геллеспонт (*Her.*, V, 122), Артафрена и Отана в Ионию и Эолию (*Her.*, V, 123). События этого блока следует отнести к 498 г., когда успехи восстания практически были сведены на нет. Текст Геродота не содержит описания каких-либо военных действий, которыми можно было бы заполнить 497 и 496 гг., однако в нем содержится важное указание об изменении стратегии персов, решивших обратить все силы против зачинщика восстания: “против Милета между тем собиралось в поход огромное войско и флот персов. Персидские военачальники объединили свои силы и выступили против Милета, так как остальным городам они не придавали значения” (*Her.*, VI, 6). Несомненно, 497 и 496 гг. ушли на подготовку сражения за Милет — персы блокировали город с суши и моря, подвозили осадные орудия, вели подкоп стен (*Her.*, V, 18), собрав огромное войско и флот в 600 кораблей (*Her.*, VI, 9).

По Геродоту, поведение Аристагора изменилось после захвата персами эолийского города Киме и ионийского города Клазомен: “когда эти города попали в руки врагов, то обнаружилось, что милетянин Аристагор не отличается мужеством. Он ... думал теперь о бегстве” (*Her.*, V, 124). Поручив управление Милетом некоему Пифагору, он отплыл с желающими во Фракию, где вскоре и погиб со своим отрядом (*Her.*, V, 126). Бегство Аристагора следует отнести к 498 году — году решительного перелома хода Ионийского восстания в пользу персов, отталкиваясь от которого мы должны отнести разгром афинских колонистов у Драбеска к 466, а основание Гагноном Амфиполя — к 437 г. (*Thuc.*, I, 100, 3; IV, 102, 2-3).

Свержение тирана Тимесилея в Синопе не было, конечно, единственной целью экспедиции — с этой задачей справился небольшой отряд из тринадцати кораблей во главе с Ламахом. Важнейшим ее итогом оказалась вовлечение понтийских городов в состав Афинского морского союза.

В списке афинских данников за 425/4 г. сохранился перечень причерноморских городов, упомянутых в составе Фракийского податного округа под рубрикой [ΠΟΛΕΣ] ΕΚ ΤΟ ΕΥ [ΧΣΕΙΝΟ] (*Meritt, West, 1934, figs. 38-40*). Из этого перечня надежно определяются Гераклея и Аполлония (Понтийская): от названий других городов сохранилось только от одной до трех начальных букв: ΝΙ..., Η... (fig. 39), Ο..., ΤΥ..., ΤΑ..., ΚΑ..., ΚΙΜ..., ΝΙΚ..., ΠΑΤ... (fig. 40), так что восстановление названий населенных пунктов

Северного Причерноморья - Нимфея, Гермонассы, Ольвии, Тиря, Тамираки, Каркины (или Каркинита), Киммерика, Никония и Патрасия - остается под вопросом. Тем не менее, наличие в списке фрагментированных названий нескольких редких или даже уникальных (КИМ...) для Понта топонимов позволяет уверенно локализовать весь комплекс в пределах его северного побережья и с доверием отнести к большей части восстановлений. Эта уверенность еще более возрастает благодаря двум фактам, доказывающим пребывание северо-причерноморских городов в составе союза: свидетельству Кратера об уплате Нимфеем таланта (*Нарпрос.*, s. v. Νιμφαίων) и находке в Ольвии копии афинского декрета о введении в зависимых городах аттической монеты, мер и весов (*Карышковский*, 1960). Список фороса за 425/4 г. содержал еще несколько десятков несохранившихся названий, так что обложение носило тотальный характер и распространялось на греческие города по всей окружности Понта. Нет никаких сомнений в том, что этот грандиозный по масштабу результат был достигнут именно во время Понтийской экспедиции Перикла¹.

В планах Перикла важное место отводилось замене враждебных или неугодных Афинам режимов. В Северном Причерноморье к этой категории относились Ольвия, Нимфей и Пантикапей (см. выше). Смена правлений в двух последних должна была обеспечить свободный доступ афинских купцов на боспорский рынок зерна. Попытаемся проследить, как эта проблема была решена Периклом.

Нимфей. Из речи Эсхина против Ктесифонта известно, что "Нимфей, местечко в Понте, находилось во владении афинян" и что некто Гилон предал его "врагам" (*Aesch.*, III, 171). Гарпократион со ссылкой на Кратера сообщает, что Нимфей платил афинянам талант. Попытки поставить под сомнение отождествление упомянутого обоими авторами Нимфея с одноименным боспорским городом и уплату им таланта в качестве фороса в Афинский морской союз (*Жебелев*, 1953, с. 65, 183-184; *Брашинский*, 1955, с. 154, 158-159) успеха не имели - оба взаимодополняющих свидетельства признаются относящимися к боспорскому Нимфею, который, следовательно, входил в состав союза и платил форос в размере таланта (*Карышковский*, 1960, с. 57-62).

Вряд ли можно сомневаться и в том, что Нимфей был подчинен Афинам во время экспедиции Перикла - на это указывает прекращение чеканки саммеотов, ограничившейся одним выпуском монет. Нимфейским самосцам вновь пришлось спасаться бегством от Перикла. По всей вероятности, они нашли убежище в Феодосии, составив там часть контингента "изгнанников", сношения с которыми даже намного позднее рассматривались дружественными к Афинам правителями Боспора как государственная измена (*Anon.*, PPE, 77; *Isocr.*, XVII, 5).

¹ Фукидид мимоходом упоминает о походе 10 кораблей под командованием Ламаха в Понт. Поход относится к 424 г. Это была часть афинской эскадры, собиравшей дань с союзников; видимо, с той же целью находился в Понте и Ламах. Возле Гераклеи он потерял все корабли и по суше с отрядом добирался до Калхедона (*Thuc.*, IV, 75).

Любопытную картину дает анализ материалов из дореволюционных раскопок некрополя Нимфея, изученных Л. Ф. Силантьевой (1959). Из 118 погребений, вошедших в каталог, 22 (ок. 19%) принадлежали трупосождениям. По мнению Силантьевой, обряд сожжения привнесен из Греции, а самую близкую аналогию некрополю Нимфея дает Аттика: в Дипилонском некрополе V-IV вв. до н. э. зафиксированы те же две разновидности обряда, что и в Нимфее - сожжение на месте самих гробниц и на особых площадках, откуда прах собирался в урну (Силантьева, 1959, с. 22). Самое раннее из датированных погребений в урнах содержало аттические краснофигурные сосуды - гидрию сер. V в. и кратер 40-х гг. V в. (там же, Приложение, №1). С учетом принадлежности Нимфея к владениям Афин можно заключить, что распространение в его погребальном обряде трупосожжения было связано с появлением в составе населения после 40-х гг. V в. до н. э. большой (до 20% всего населения) группы жителей Аттики¹, которых следует определять как клерухов, оказавшихся в Нимфее в результате экспедиции Перикла².

Силантьева выделила также 6 погребений, для которых характерны "местные (негреческие. - В. А.) черты обряда", а именно: наличие конского погребения под одной курганной насыпью с человеческой могилой, включение в погребальный инвентарь принадлежностей конской сбруи, наличие золотой гривны и золотых нашивных бляшек (Силантьева, 1959, с. 51). Самые ранние из этих погребений, которые следует определять как скифские, открыты в курганах, находившихся в 2-3 км от городища, то есть входивших в состав городского некрополя. Одно из них, датированное аттической керамикой 60-50-х гг. V в. до н. э., относится не ранее чем к сер. V в. до н. э. (Силантьева, 1959, Приложение, №113); другое, в котором сохранились лишь остатки бронзовой узды, - 1 пол. V в. до н. э. (там же, № 117); три - ко 2 пол. V в. до н. э. (там же, № 114, 116, 118). Весьма показательным последнее погребение. Оно находилось не в кургане, а в сплошной могильной насыпи, что характерно для рядового населения Нимфея. В состав инвентаря входил ряд прекрасных бронзовых вещей, ойнохоя 1 пол. V в. до н. э. и фрагменты гидрии сер. V в. до н. э., но там же был и чернолаковый килик 1 четв. IV в. до н. э. (там же, № 115).

¹ Сравнение с некрополями других городов подтверждает правомочность такого вывода. Е. Г. Кастанаян отмечала, что для Самоса (с которым связывают основание Нимфея) обряд сожжения не характерен (1959, с. 273); из боспорских же городов он зафиксирован только в Пантикапее, причем в единичных количествах (там же, с. 260, 274, 276), а в других центрах и на Тамани полностью отсутствует (там же, с. 290).

² Рассматривая вопрос о статусе афинских колоний А. Е. Паршиков выделил три типа, из которых наиболее распространенным в V в. до н. э. являлась эпойкия. Признаки эпойкии: она основывалась на территории уже существующего полиса; эпойки становились гражданами этого полиса, составляя в нем более или менее автономную общину и теряя права в метрополии; колония сохраняла политические связи с метрополией. Примером таких эпойкий являлись Синопа, Аμισ, в который, по его мнению, дополнительные поселенцы были направлены в результате экспедиции Перикла, и др. города (Паршиков, 1969, с. 3, 12, 13). Вероятно, и Нимфей следует отнести к числу афинских эпойкий, а Гилона нужно считать представителем эпойков (трудно сказать, какие функции он выполнял — военные или гражданские).

Анализ материалов нимфейского некрополя показывает, что скифские погребения и трупосожжения синхронны, что оба типа погребений бытуют в течение короткого времени в пределах 2 пол. V в. до н. э., после чего сходят на нет. Это позволяет предположить, что какой-то скифский контингент оказался в Нимфее практически одновременно с афинскими эпоиками. Силантьева отмечала, что наиболее близкие аналогии скифским погребениям некрополя Нимфея дают курганы Среднего и Нижнего Поднепровья (Силантьева, 1959, с. 87). По всей вероятности, к Нимфею перекочевал отряд приднепровских царских скифов, избравших Восточный Крым местом постоянного обитания. Связь их появления с основанной в Нимфее афинской колонией представляется несомненной, причиной этого могли быть обоюдные торговые интересы. Слова Плутарха о мощи афинян, которые держат море в своей власти, следует понимать не как скрытую угрозу по адресу варварских царей и династов, а скорее как гарантию стабильности Афин в качестве торгового партнера варваров. Можно допустить, что скифы появились у Нимфея в результате соглашения с Периклом, который таким образом обеспечивал и сбыт афинских товаров, и защиту эпоиков.

Исчезновение скифского и аттического погребальных обрядов в I пол. IV в. до н. э. может свидетельствовать об ассимиляции как варваров, так и афинян, или же частичном возвращении в первоначальную среду обитания.

Пантикапей. Непосредственным результатом посещения Периклом столицы Боспора явилось свержение клана Археанактидов и приход к власти некоего Спартака (*Diod.*, XII, 31,1). Следствием переворота признается появление каких-то "изгнанников", нашедших пристанище в Феодосии, которыми стали саммеоты и Археанактиды с их приверженцами. Переворот нашел отражение и в боспорской чеканке - с ним связан перерыв в монетном деле храма Аполлона, вызванный изгнанием Археанактидов (МДБ, с.27).

Значительный интерес у исследователей вызывала фигура Спартака, или Спартока, как это имя фигурирует в боспорских лапидарных памятниках. Был выдвинут ряд версий, объясняющих его этническое происхождение и обстоятельства появления на Боспоре¹. Единственной реалией является бесспорно фракийское имя Спартока, что делает версию о его фракийском происхождении наиболее продуктивной. Трудно возразить против того, что такое имя при стечении каких-то обстоятельств могло появиться у представителя иного этноса, однако такого рода допущения лишают нас всякой надежды на решение вопроса. Попытаемся отыскать другие реалии, которые могли бы помочь в этом.

¹ Большинство исследователей склонялось к тому, что Спарток был фракийцем (*Perron*, 1877, p. 35; *Жебелев*, 1953, с.27, 167-168; *Minns*, 1913, p.571; *Rostovtzeff*, 1930, p. 565; *Каллистов*, 1949, с. 200; и др.), хотя допускалось его эллинское происхождение (*Блаватская*, 1959, с. 26-38; *Блаватский*, 1976, с.56) или принадлежность к местной эллинизированной скифской (*Rostovtzeff*, 1922, p. 68; *Десятчиков*, 1985, с.17) или синдской (*Артамонов*, 1974, с. 120) аристократии.

Не приходится сомневаться в том, что Понтийская экспедиция Перикла не была импульсивной акцией, продиктованной сиюминутными обстоятельствами. План ее проведения вынашивался, вероятно, в течение нескольких лет еще с Самосской войны, когда часть самосских олигархов бежала в Нимфей, или даже раньше, когда обозначилась враждебность Археанактида (IV) и ольвийской олигархии. Это заставляет думать, что Перикл отплывал в Понт уже имея готовый план действий. Применительно к Боспору этот план предусматривал посадить там "своего" человека, и этот человек уже должен был находиться в составе экспедиции. По сути дела, акция Перикла по внедрению Спартока на Боспоре была тождественна акту выведения колонии во главе с избранным им ойкистом в Пантикапей или, скорее, эпойкии, как в Синопе, Нимфее, Амисе и др. полисах. Можно предполагать, что Спарток не был простым наемником, а должен был быть достаточно известным и знатным человеком, достойным во всех отношениях занять то место, которое ему предназначалось. По мнению Ростовцева, Спарток был князем, принадлежавшим к династии одрисов (*Rostovtzeff*, 1930, p. 565), и он был весьма близок к истине.

Как раз для этого времени мы хорошо знаем человека, вполне подходящего для идентификации с боспорским Спартоком. Это — Спарадок, брат фракийского царя Ситалка и отец Севта, будущего царя Фракии. Именно он, на мой взгляд, и стал основателем боспорской династии, Спартоком I.

О фракийце Спарадоке известно немного. Он дважды упомянут Фукидидом в качестве отца Севта, наиболее влиятельного лица при Ситалке (*Thuc.*, II, 101, 5; IV, 101,5), ставшего "царем одрисов и остальной Фракии" после смерти Ситалка в 424 г. В обоих случаях Севт назван племянником Ситалка, следовательно, Ситалк и Спарадок были братьями, сыновьями основателя фракийского царства, Тереса (*Thuc.*, II, 29, 2, 3, 7). Кроме них у Тереса была дочь, являвшаяся одной из трех известных жен скифского царя Ариапейта, сыном которой был Октамасад, царь Скифии (*Her.*, IV, 80). О существовании других детей Тереса источники не сообщают.

Спарадоку принадлежит серия монет из трех номиналов серебра — тетрадрахм, драхм и диоболов, носящих его имя в полном или сокращенном виде (СПАРАДОКО, СПА)¹. По монетам время правления Спарадока можно отнести примерно к 460-440 гг. до н. э.².

Место Спарадока в ряду фракийских правителей древние авторы никак не определяли, поэтому в литературе возникло несколько версий:

¹ Наиболее полная публикация монет Спарадока дана в работе Й. Юруковой (*Юрукова*, 1992, №№ 22-30).

² Даты монет Спарадока определялись по-разному: около середины V в. (*West*, 1929, p. 153); ок. 450-424 гг. (*Nasier*, 1959, p. 153); ок. 450-434 гг. (*Герасимов*, 1975, с. 153); ок. 430 г. (*Kraay*, 1976, p. 363 № 526); ок. 450-425 гг. (*Mildenberg, Hurter*, 1985, p. 86 № 1347); 445-435 гг. (*Юрукова*, 1992). Наиболее соответствующую нумизматическим реалиям датировку правления Спарадока — между 464 и 444 гг. — предложила М. Тачева (*Tacheva*, 1994, p. 220), хотя ее аргументация не во всем приемлема.

Спарадок был парадинастом Тереса, а наследником Тереса был Ситалк (*Златковская*, 1971, с. 213); наследником Тереса был Спарадок, старший из братьев¹.

Прежде чем отдать предпочтение той или иной из них следует рассмотреть еще один важный источник, имеющий прямое отношение к Спарадок. Геродот, рассказывая о судьбе царя Скила, свергнутого скифами во главе с Октамасадом, сообщает, что Скил бежал во Фракию. Октамасад выступил туда походом, навстречу ему направился Ситалк. Когда войска скифов и фракийцев сошлись и уже готовы были сразиться, Ситалк обратился к Октамасаду с предложением: “зачем нам нападать друг на друга: ведь ты сын моей сестры, у тебя в руках мой брат. Отдай мне его, а я выдам тебе твоего Скила...” Далее Геродот пишет: “так как у Октамасада действительно нашел убежище брат Ситалка [курсив мой. — В. А.], Октамасад принял предложение и выдал Ситалку своего дядю по матери, а взамен получил брата Скила. Ситалк принял своего брата и удалился с войском, а Октамасад велел тут же отрубить голову Скилу” (*Her.*, IV, 80). Можно с уверенностью сказать, что этим неназванным братом Ситалка и был Спарадок. При таком выводе находят объяснения некоторые странности в истории одрисского царского дома, в частности, выдающаяся роль Севта, сына Спарадока, при дворе Ситалка. С учетом сказанного, история первых одрисских правителей может быть реконструирована следующим образом.

Первым царем-объединителем Фракии был Терес. Можно не сомневаться в том, что это стоило ему, как минимум, больших дипломатических усилий, поэтому было бы нелогично допускать возникновение на тот момент института парадинастов, противопоставленного самой идее объединения. Если бы Спарадок был парадинастом Тереса, то было бы трудно объяснить и отсутствие чеканки у основного правителя. Становится очевидным, что царем Фракии после Тереса стал Спарадок, правивший примерно в 460-440 гг. Его правление завершилось успешным дворцовым переворотом Ситалка, младшего брата Спарадока, в результате чего последний был вынужден бежать в Скифию. Свидетельство Геродота о пребывании Спарадока в Скифии подкрепляется находкой диобола этого царя в Тире (*Диамант*, 1982, с. 15) — единственной документированной находкой монеты Спарадока за пределами Фракии. Спарадок надеялся на покровительство своей сестры, вдовы Ариапейта, или же своего племянника, Октамасада, если той не было в живых.

¹ *Ferrabino*, 1911/12, p. 282. Работа осталась мне недоступна. Т. Д. Златковская высказала парадоксальную мысль о том, что самостоятельная чеканка Спарадока “не может служить доказательством обладания властью ни над Одрисским царством, ни над какой-либо частью его” (*Златковская*, 1971, с. 214 прим. 79), которая противоречит ее другому суждению: “наиболее ранние монеты в Европе с именем одного лица — Александра, Пердикки, Архелая — обозначали имена македонских царей V в. до н. э., а также имена одрисских правителей V в. до н. э. — Спарадока, Севта и др. Эти примеры дают повод считать, что имена собственные на монетах дерронов, ихнов и бизалтов были именами их правителей. Это предположение становится более достоверным благодаря легенде на монетах эдонов: Γέτα βασιλεύς Ἰβδιαν, указывающей на титул правителя — базилевс” (*Златковская*, 1971, с. 197). Я затрудняюсь объяснить это противоречие.

В любом случае этот расчет оказался верным и Спарадок смог прожить в Скифии (Тире?) достаточно спокойно несколько лет. Ситалка такой поворот событий, вероятно, устраивал и ссориться со скифами из-за брата он не стал.

Вполне возможно, что переворот Ситалка вызвал у Октамасада желание осуществить нечто подобное в Скифии, что и было сделано. Обстоятельства возвращения Спарадока во Фракию сообщил Геродот, после чего его судьба перестает интересовать древних авторов. Нет оснований полагать, что Спарадок разделил участь, постигшую Скила,— вряд ли его сын мог бы занимать выдающееся положение при дворе убийцы отца. Спарадоку, оказавшемуся в руках узурпатора, видимо, пришлось примириться с Ситалком и отказаться от претензий на трон в обмен на сохранение жизни и, судя по дальнейшему развитию событий, обещание Ситалка передать власть Севту. Возможно, отсутствие чеканки у Ситалка объясняется тем, что он получил власть незаконным путем.

По всей видимости, Спарадок отправился (или был отправлен) в Афины, где и привлек внимание Перикла в качестве кандидата на боспорский трон. Помимо высокого социального статуса Спарадока Перикла могли заинтересовать его родственные связи с царем Скифии, полученный там опыт, знакомство с политической ситуацией.

Для внедрения Спарадока-Спартока в Пантикапее с ним должен был остаться достаточный отряд наемников или телохранителей, набранный, скорее всего, самим Спартоком. Можно также предположить, что Народное собрание было вынуждено избрать Спартока архонтом— этот титул носили все боспорские правители, начиная с Левкона I, внука Спартока. Важным фактором стабилизации положения явилось включение Нимфея в состав архэ и присылка туда колонистов, которые могли при необходимости оказать помощь Спартоку, а также привлечение скифов Октамасада, племянника Спартока, на Боспор. Вполне возможно, что территория Боспора была увеличена Периклом за счет присоединения каких-то полисов по обоим берегам пролива. Так или иначе, в 437 г. династия Спартокидов начала свое многолетнее правление.

ГЛАВА III БОСПОР В ЭПОХУ РАННИХ СПАРТОКИДОВ (437-310 гг. до н. э.)

"Правильно будет подчеркнуть, что экономическая политика эллинистического государства имела тенденцию быть меркантилистической и фискальной, что она состояла в том, чтобы возможно больше эксплуатировать производственные силы государства, преимущественно аграрные, и организовать возможно широкий обмен их продуктом экспорта, добывая в результате те поступления для государства денежные средства; что осуществление всего этого обусловлено было тем, что во главе государственного хозяйства стоял монарх, не чуждавшийся принимать участие и в торговой и промышленной деятельности. Все эти черты характерны для боспорской экономики уже при Спартокидах IV в. ..."

Жаботин С. А., 1953, с. 158.

В результате Понтийской экспедиции Перикла в Пантикапее был свергнут режим Археанактидов, прямо враждебных Афинам или, по крайней мере, скомпрометировавших себя в глазах Перикла связями с самосскими олигархами. Власть получил (из рук Перикла) Спарток или Спарадок, бывший царь Фракии из династии одрисов, оказавшийся в поле зрения Перикла в конце 40-х гг. V в. до н. э. Утверждение Спартока произошло, вероятно, бескровно - Археанактиды и их сторонники вряд ли смогли оказать серьезное сопротивление афинской эскадре и предпочли удалиться в изгнание.

Под властью Спартока оказалось сформировавшееся еще при Археанактидах ядро будущего политического объединения, известного под названием "Боспор", в составе Пантикапея и подчиненных ему городов: Гермонассы, Корокондамы и Тиритаки. Военный потенциал этого протогосударства намного превосходил возможности любого независимого полиса в Таврике или Синдике, так что положение Спартока было достаточно прочным. Этому способствовало и то обстоятельство, что за ним стояли Афины, готовые в любой момент прийти на помощь ради сохранения своих интересов в этом регионе. Кроме того, по соседству находился Нимфей, обращенный в афинское владение и заселенный афинскими колонистами, что также было на руку Спартоку. Основной задачей Спартока было обеспечивать беспрепятственный вывоз в Аттику зерна и прочих товаров, с чем он, несомненно, успешно справлялся.

ок. 437-430 гг.

Рис. 4. Диобол Пантикапея времени Спартока I (серебро).

Каких-либо конкретных следов деятельности Спартока в Пантикапее не обнаруживается. При нем город выпустил очередную серию серебра из трех номиналов (рис. 4)¹, на которой никак не сказалось влияние новой власти. Правда, была прекращена чеканка храма Аполлона, что подтверждает ее непосредственную связь с Археанактидами.

Вероятно, одним из первых шагов Спартока по укреплению своей власти в Пантикапее стал его брак с местной (?) уроженкой, в результате которого в 434 г. на свет появился Сатир. Судя по имени, его мать, возможно, принадлежала к жреческой семье, связанной с культом Диониса. Со смертью Спартока в 430 г. Сатир формально стал правителем, однако, по малолетству, ему был назначен в качестве опекуна некто Селевк, видимо, лицо из ближайшего окружения Спартока, который и был фактическим правителем Боспора (*Diod.*, XII, 36,1).

Свидетельства соправления Селевка и Сатира мы находим в источниках того времени, упоминающих "тиранов" (*Aesch.*, III, 171; *Arist.*, *Оес.*, II, II, 8; *Polyaen.*, *Strateg.*, V, 23). Это подтверждается их декретом, найденным в Горгиипии, из которого, в частности, стало известным отчество Селевка — сын Евмела (*Болтунова*, 1964). Сатир впервые упоминается в качестве боспорского правителя незадолго до 405 г. (*Lys.*, XVI, 4), когда ему было около 30 лет и вся полнота власти находилась, вероятно, в его руках. Селевк отошел на второй план, хотя и продолжал числиться соправителем вплоть до смерти Сатира в 390 г.

¹ По сравнению с предыдущими выпусками (тип аверса остается прежним — голова льва анфас) на реверсе в четырех таблечках вдавленного квадрата вместо букв ПА и двух восьмилучевых звезд размещены буквы ПАН и одна такая звезда. Налицо следующий естественный шаг в развитии местного монетного типа.

Правление Селевка и Сатира стало, пожалуй, переломным в истории Спартокидов. Они выдержали испытание на прочность в конце V в. до н. э., когда их покровитель, Афины, потерпели тяжелейшее поражение в Пелопоннесской войне (404 г.). Более того, они сумели извлечь из этого выгоды для себя, сумев присоединить к своим владениям Нимфей и Кепы, а в конце правления Сатир начинает борьбу за присоединение Синдики и Феодосии. Нумизматические материалы и письменные данные позволяют проследить развитие событий, происходивших на Боспоре в 430-390 гг.

Рис.5. Монеты Боспора времени Селевка и Сатира I.
Пантикапей: 1-5; храм Аполлона: 6-8 (серебро).

В первое десятилетие правления Селевка Пантикапей выпустил новую серию монет (рис. 5, 1), стилистически близкую серии времени Спартока и также не обнаруживающую следов влияния нового правителя. Весьма важным фактом явилось возобновление чеканки храмом Аполлона — на новых монетах помещено изображение львиного скальпа и буквы АПОЛ (рис. 5, 6). Наибольший интерес вызывает возвращение самосского типа — скальпа льва. Вряд ли это могло быть осуществлено без ведома Селевка, поэтому мы должны рассматривать его появление как результат компромисса между правителем и храмовыми властями, которые в силу каких-то причин не пожелали отказаться от одиозного для Афин и их ставленников на Боспоре типа. Возможно, начавшаяся Пелопоннесская война и смерть Спартока вселили новые надежды местной оппозиции, не желавшей примириться с навязанным Афинами режимом.

¹ Обе серии можно без колебаний приписать руке одного гравера. Тот же мастер изготовил штемпели и для двух следующих выпусков времени Селевка и Сатира, первый из которых сохранил на реверсе прежний рисунок — вдавленный квадрат, теперь заполненный буквами ΠΑΝΤΙ с восьмилучевой звездой в центре.

В 420-410 гг. Пантикапей отчеканил следующую серию серебра в традиционной манере: тип аверса остался прежним (голова льва анфас), а реверс несколько упростился — исчезли таблетки, все поле заняло изображение 8-лучевой звезды и располагающейся вокруг нее надписи ПАНТИ (рис. 5,2). Никаких признаков вмешательства правителей не усматривается. Серия монет храма Аполлона сближена с городской: на аверсах помещена голова этого божества, а реверс занимают буквы ПАНТИ (Бурачков, 1884, табл. XIX, 24), как на городских монетах¹. Мы не можем определить, какие причины повлияли на выбор типа храмовых монет, однако в любом случае сближение обеих чеканок отвечало интересам Селевка.

Следующее десятилетие было насыщено важными событиями в истории Боспора и соседних полисов, обусловленными рядом причин объективного и субъективного свойства. Главной причиной первого рода явилось поражение Афин в Пелопоннесской войне, которое решительно изменило статус их бывших “союзников”, в том числе и причерноморских. Причиной субъективного характера стал выход на политическую арену молодого Сатира, благодаря энергии которого Боспор стал превращаться в то мощное государство, каким мы видим его спустя 50-70 лет.

Внутренняя политика Сатира выразилась в появлении нового типа реверса монет Пантикапея — головы барана (рис. 5,3). К сожалению, мотивы этого акта остаются нераскрытыми. Голова барана известна на монетах двух последних серий времени Селевка и Сатира и двух первых серий времени Левкона I, после чего навсегда исчезает из монетной типологии Боспора. По-видимому, она была теснейшим образом связана с личностью самого Сатира. Голова барана появляется и на монетах храма Аполлона, аверс которых сохраняет изображение головы этого божества (рис. 5,7). Изображения баранов стилистически однородны, что указывает на изготовление штемпелей одним резчиком².

Ранее предполагалось, что в этом десятилетии Селевку и Сатиру удалось присоединить к своим владениям Нимфей. Подробности об этом событии известны из речи Эхина против Ктесифонта (*Aesch.*, III, 171). В ней сообщается, что некто Гилон из дема Керамеев предал врагам Нимфей, находившийся во владении афинян; после доноса, будучи приговорен к смерти, он бежал из города и прибыл в Боспор; там он получил в дар от тиранов Кепы и женился на богатой местной жительнице. У нее родилось двое дочерей Гилона, которые были присланы затем в Афины с большим приданым; на одной из них женился некий Демосфен и от этого брака

¹ Две известные монеты этого типа (хранятся в ГИМ и ANS) рассматривались мною как подделки и по этой причине не были включены в МДБ. За последние годы коллекционерами на Тамани было обнаружено несколько подобных монет, составляющих одну серию из трех номиналов (сообщение П. В. Сердюкова). С монетой младшего номинала, безусловно подлинной, мне удалось ознакомиться визуально (собрание В. В. Нечитайло).

² Это были последние произведения мастера, начавшего свою деятельность еще при Спартоке I. Следовательно, его работа продолжалась около сорока лет.

родился знаменитый оратор Демосфен (384 г.). Рождение дочерей Гилона можно отнести примерно к 400 г. Прибытие Гилона в Афины, возвращение на Боспор в связи с угрозой судебного преследования, получение Кеп и женитьба на туземке должны были занять несколько лет, так что сдача Нимфея имела место, скорее всего, в год окончательного поражения Афин (404 г.) или незадолго перед тем, когда, по словам Фукидида, “особенно были склонны к возмущению подвластные афинянам города, даже если у них на это и не было достаточно сил” (*Thuc.*, VII, 2,2).

Рис.6. Монеты Нимфея (серебро).

Выясняя обстоятельства, при которых Нимфей оказался под властью Селевка и Сатира, следует учитывать факт чеканки независимым Нимфеем серии серебряных монет с изображением женской головы в сфендоне на аверсе и виноградной лозы и надписи NYN на реверсе (рис. 6). Автономный характер нимфейских монет заставлял отнести их чеканку к тому краткому или даже кратчайшему периоду, когда город оказался независимым от Афин, но еще не попал в руки Селевка и Сатира. При этом следует учитывать то обстоятельство, что в этот краткий период независимости им фактически управлял афинянин Гилон, которому впоследствии предъявлялось обвинение в сдаче города.

Согласно обычным реконструкциям¹, Гилон сдал Нимфей непосредственно боспорским тиранам, однако при этом, во-первых, не остается времени на самостоятельную чеканку Нимфея, во-вторых, получается, что этих-то тиранов Эсхин именует “врагами”, каковыми они в Афинах не могли считаться никогда! Можно допустить еще один вариант развития событий вокруг Нимфея, связанный с участием третьей силы,— саммеотов. Судя по головному убору богини на нимфейских монетах, это— та же Гера или нимфа, что и на монетах саммеотов. Можно полагать, что серия монет Нимфея была чеканена захватившими город саммеотами, которые до этого жили в Феодосии².

¹ Историография вопроса о положении Нимфея и его источниковая база детально рассмотрены в работе Ф. В. Шелова-Коведяева (1985, с. 90-115).

² Реальность захвата города саммеотами подтверждается тем, что последние еще долгое время являлись грозной силой, с которой были вынуждены считаться правители Боспора. После захвата Феодосии Левконом они переместились в Херсонес Таврический и чеканили там медные монеты с самосским типом — скальпом льва (МДХ, 26; *Anachin*, 1998, S.43), положив начало самостоятельной чеканке этого города. Вероятно, против льва (МДХ, 26; *Anachin*, 1998, S.43), положив начало самостоятельной чеканке этого города. Вероятно, против них Левкон должен был заключить оборонительный союз с Ольвией (*Виноградов, Крапивина*, 1995). Правда, этот союз не достиг своей цели — в войне Ольвии с Херсонесом (ок. 360-350 гг.) первая потеряла свои владения в Западной Таврике.

Это могло случиться не ранее 405 г., когда Афины уже не могли оказать помощь своему боспорскому владению. Саммеоты действительно являлись врагами Афин, что оправдывает слова Эсхина. Как это согласуется с судьбой Гилона? Оказавшись бессильным удержать город он мог отправиться с остальными колонистами в Афины, где его начали преследовать. Ему пришлось возвратиться в Боспор и Сатир, хорошо знакомый с истинными обстоятельствами потери Нимфея, дал ему как союзнику и представителю афинского народа (но не в качестве платы за предательство!) в управление Кепы.

Что же касается времени присоединения Нимфея к Боспору, то на этот счет существуют две точки зрения. Д. Б. Шелов относил это событие ко времени "первого похода Сатира против Феодосии, либо непосредственно перед этим походом" (Шелов, 1956, с. 35-38). По мнению М. М. Худяка, это имело место в конце перв. пол. IV в. до н. э., во время похода Левкона на Феодосию. С этим походом Худяк связывал разрушения в городе, хорошо датированные аттической чернолаковой керамикой этого времени (Худяк, 1962, с. 32-33). Ранее я считал, что присоединение Нимфея к Боспору явилось результатом действий Гилона, на что указывала кратковременность самостоятельной монетной эмиссии полиса. Предполагалось, что Гилон был повинен в сдаче Сатиру города, фактически не принадлежавшего уже Афинам (МДБ, с. 19,29). Версия о захвате Нимфея саммеотами и возможное отсутствие причинной связи между "сдачей" Нимфея и получением от тиранов "в награду" Кеп заставляет возвратиться к точке зрения Шелова. Вторичная оккупация Нимфея саммеотами продолжалась, предположительно, около десяти лет (405-395 гг.), что объясняло бы ограничение их чеканки выпуском одной серии серебра. Предложенная реконструкция снимает многие, если не все, вопросы, служившие предметом разногласий среди ученых. Важным фактом для истории территориальных приобретений Спартокидов является свидетельство Эсхина о передаче Кеп "на кормление" Гилону, однако время их присоединения к Боспору остается неясным.

В конце правления Селевка и Сатира (400-390 гг.) Пантикапей выпустил монеты с обычными типами: голова льва / голова барана, однако на реверсе помещен дополнительный символ — изображение осетра (рис. 5, 4-5). Тем же резчиком были изготовлены и храмовые монеты с аналогичными типами, которые отличаются лишь дифферентом в виде звезды, символа Аполлона (рис. 5, 8). Это была последняя серия монет храма Аполлона, свидетельствующая о реализации его права на выпуск монеты. В течение всего правления Селевк и Сатир были вынуждены считаться с этим правом, стремясь, однако, интегрировать храмовую чеканку в русло городских эмиссий. При Левконе храм был лишен права чеканить монету от своего имени и в дальнейшем, в случае необходимости, осуществлял выпуск монет на основе монетной реглали города или царя.

Время правления Селевка и Сатира было периодом расцвета монетных чеканок ряда греческих полисов, вошедших позднее в состав Боспора. Выпуск

собственной монеты являлся показателем их политической и экономической независимости. Существование Афинского морского союза служило, на мой взгляд, важным стабилизирующим фактором в межполисных отношениях, распад союза в 404 г. поставил эти полисы лицом к лицу с постепенно набиравшей силы молодой династией Спартокидов.

История территориальных приобретений Боспора с большой точностью может быть прослежена именно благодаря нумизматическим памятникам городов, подвергшихся боспорской экспансии.

Рис. 7. Монеты Синдского царства (серебро).

Примерно в 430-420 гг. началась чеканка монет Синдской Гавани. Греческое поселение на ее месте возникает в конце VI в. до н. э. (Алексеева, 1990, с. 23). Возможно, оно с самого начала существовало как полис под названием $\Sigma\nu\delta\iota\kappa\omicron\varsigma \lambda\iota\mu\acute{\eta}\nu$ (*Pseudo-Scyl.*, 72-73), возникший в результате синойкизма “эллинов, пришедших из ближних местностей” (*Pseudo-Scymn.*, 886-889). Известны три выпуска монет Синдской Гавани, имеющих на реверсах легенду $\Sigma\text{I}\text{N}\Delta\Omega\text{N}$:

1) с изображением головы Геракла и головы коня и Геракла с луком и стрелой и совы ок. 430-420 гг.;

2) с головой Геракла и головой коня ок. 420-410 гг.;

3) с грифоном и головой коня ок. 410-400 гг. (рис. 7).

Из сообщения Полиена известно имя синдского царя Гекатея, современника Сатира (*Polyaen.*, *Strateg.*, VIII, 55), так что вся эта чеканка была осуществлена, несомненно, при нем. Легенда $\Sigma\text{I}\text{N}\Delta\Omega\text{N}$ образована от этнонима “синд”, $\Sigma\acute{\iota}\nu\delta\omicron\varsigma$ (Шелов-Коведяев, 1985, с. 127) и ее следует понимать как “(монета) синдов”, т. е. царства синдов¹. По своему характеру (периодичность выпусков, набор типов, смена типов, метрология, номиналы и пр.) они полностью соответствуют понятию полисной монеты.

¹ Нет никаких оснований видеть в синдских монетах “союзную чеканку греческих городов, расположенных в Синдике” (Завойкин, Балдырев, с. 46), поскольку нам неизвестен ни “союз” греческих городов Синдики, ни политоним “синд”.

предназначаясь для обращения в Синдской Гавани. Разумеется, для решения сложных вопросов о формировании государства у синдов, уровне развития общественного разделения труда и товарно-денежных отношений, наличия потребности в монете как средстве обращения “монеты синдов” (этот термин приложим к ним лишь условно) мало чем могут помочь. Чисто греческий облик монет и греческое имя правителя указывают на то, что это был краткий эпизод в истории синдов и Синдики, целиком связанный с личностью самого Гекатея. Возникновение чеканки в конце 30-х гг. V в. до н. э., использование афинского монетного типа (сова) и поддержка Гекатея Сатиром позволяют высказать предположение, что это эфемерное “Синдское царство” было создано Периклом во время Понтийской экспедиции. Цель была та же, что и на Боспоре — получить доступ к зерновому рынку Синдики. Возможно, привлечение эллинов из окрестных местностей в Синдскую Гавань имело место как раз во время этой экспедиции. Дальнейшая судьба царства Гекатея раскрывается в рассказе Полиена (Strateg., VIII, 55).

Он сообщает, что Гекатей был женат на дочери царя меотского племени иксоматов (имя его не приводится). Спустя какое-то время его свергли с престола. Это событие можно также связать с поражением Афин в Пелопоннесской войне, которые не могли теперь влиять на события в Синдике. Следствием этого явилось прекращение синдской чеканки, так что свержение Гекатея можно отнести примерно к 400 г. На помощь Гекатею пришел Сатир, который восстановил его на троне, выдал за него свою дочь и потребовал смерти Тиргатао. Та бежала из-под стражи и сумела добраться до владений отца, которого, однако, не застала в живых. Тиргатао вступила в брак с преемником отца и склонила его к войне. Иксоматы с другими воинственными племенами опустошали владения Сатира. Гекатей и Сатир были вынуждены предложить мир и дать заложником сына Сатира, Метродора. Одновременно Сатир подослал убийц к Тиргатао, но покушение не удалось. Тиргатао убила Метродора и “подвергла страну всем ужасам грабежа и резни, пока сам Сатир не умер с отчаяния. Сын его Горгипп, наследовав престол, сам явился к Тиргатао с просьбами и богатыми дарами и тем прекратил войну” (SC, II, с. 568). Заинтересованность Сатира в Синдике завершилась в конце-концов включением ее в состав Боспора, начало этому было положено Левконом I.

Феодосия выпустила несколько серий автономных монет, весьма наглядно отражающих взаимоотношения полиса и Спартокидов. Первая серия серебра датируется примерно 410-400 гг. (рис. 8, 1). Типы монет вполне оригинальны: мужская голова и голова быка на старших номиналах, однако младший номинал — тетартеморий — имеет на реверсе изображение муравья (МДБ, 66), что можно расценивать и как ориентированность на пантикапейские мельчайшие монеты, свидетельствующую о мирном сосуществовании обоих полисов. Пребывание в Феодосии “изгнанников” явно на монетных типах не сказалось, впрочем, они, возможно, оккупировали в эти годы Нимфей (см. выше). Следующая серия относится к 400-390 гг. (рис. 8, 2-4). На аверсе

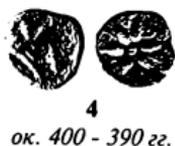
1
ок. 410 - 400 гг.

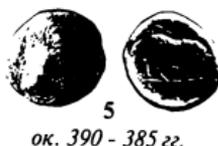
2
ок. 400 - 390 гг.

3
ок. 400 - 390 гг.

4
ок. 400 - 390 гг.

5
ок. 390 - 385 гг.

6
ок. 385 - 380 гг.

Рис. 8. Монеты Феодосии
(1-3, 6 — серебро; 4, 5 — медь).

уникальной драхмы изображена бородатая голова в шлеме, по всей видимости, Ареса. Если это так, то мы, вероятно, имеем дело с сюжетом, отражающим начало военного противостояния Феодосии и Боспора. По-видимому, Сатиром уже был захвачен Нимфей, анти-спартокидовские элементы вновь сконцентрировались в Феодосии и выступление тиранов против нее стало неизбежным. Любопытной чертой этой серии является присутствие в ней медного номинала, представлявшего собой не лепту, как я предположительно считал ранее (см. МДБ, 76), а тетартеморий, впервые в монетном деле Северного Причерноморья чеканенный в меди.

Борьба за Феодосию носила затяжной характер, поскольку на ее стороне выступила Гераклея Понтийская. Первая война "соседних тиранов" против Феодосии закончилась для них неудачно. Город был осажден, однако военачальник гераклеотов, Тинних, отправившись в Феодосию на двух кораблях, ночью сумел создать впечатление приближающегося большого флота, что заставило осаждавших уйти в беспорядке и позволило Тинниху снять осаду (*Polyaen.*, *Strateg.*, V, 23). Вероятно, именно во время этой осады Феодосии Сатир умер (*Schol. ad Dem. XX, 33; Харпocr.*, s. v. *Θεοδοσίαν*), так что завершать борьбу пришлось его сыну Левкону.

В 400-390 гг. в Фанагории началась чеканка монет, снабженных вполне оригинальными типами — голова кабира на аверсе и бодающий бык, голова быка и зерно на реверсах (рис. 9, 1-2). Возможно, выпуск монет был стимулирован недавним присоединением соседних с Фанагорией Кеп к Боспору, в связи с чем полис декларировал таким образом свой суверенитет. Само за себя говорит изображение бодающего быка, которое присутствовало также на медных монетах осаждавшейся Левконом Феодосии.

С появлением Спартока I на Боспоре начинается существование новый тип государственного устройства, определяемый неограниченным характером власти тирана. По-видимому, власть Спартокидов с самого начала должна была доминировать над всеми остальными, однако конкретные проявления

1
ок. 400-390 гг.

2
ок. 400-390 гг.

3
ок. 390-380 гг.

Рис. 9. Монеты Фанагории (серебро).

этого обнаруживаются лишь при Селевке и Сатире. Сюда относятся факты вмешательства правителей в полисную и храмовую чеканку и предоставление ими прав гражданства иноземцам, составлявшее обычно прерогативу полиса. Декрет с таким постановлением, найденный в Горгиипии, был опубликован А. И. Болтуновой, которая отнесла его к категории проксений и датировала временем Селевка и Сатира I (Болтунова, 1964)¹. Реконструкция текста памятника (в основу положено восстановление Виноградова с моими незначительными дополнениями) позволяет утверждать, что в нем идет речь о предоставлении Селевком, с. Евмела, и Сатиром некоему Эпикрату, с. Хайриппа и его брату и всем их потомкам прав гражданства, приобретения земли и жилища, беспошлинности и других привилегий (рис. 10-11). Поскольку в нем фигурирует право приобретения земли, которое, как отметил в другой связи Яйленко, появляется в аттических документах в начале IV в. (Яйленко, 1996, с. 210-211), принятие декрета следует относить к 400-390 гг.

Новой чертой в управлении государством является введение института “сатрапов”, что также фиксируется лишь при Селевке и Сатире. Так, Гилон получил в управление Кепы (*Aesch.*, III, 171), а Сопей “начальствует над большой областью и имеет попечение о всех его владениях” (*Isocr.*, XVII, 3). Любопытно отметить, что подобная система “сатрапов” имела место и в Одрисском царстве (Высокий, 1996, с. 126-127), откуда, учитывая происхождение Спартака, и была, возможно, заимствована.

Одновременно со складывающимся тираническим государством на Боспоре возникает и новый тип хозяйства, подпадающий под определение “царской экономики” Псевдо-Аристотеля, отличной от сатраповской, полисной и частной. “Возможность ее [царской экономики.— В. А.] безгранична, но она имеет четыре вида: она связана с монетой, вывозом, ввозом, расходами. Говоря о монете, я имею в виду, какую и когда следует делать, о вывозе— когда и что, получив от сатрапов в качестве подати, ему будет выгодно продавать, о расходах — какие следует изъять и когда, и следует ли оплачивать монетой или вместо монеты товарами” (*Pseudo-Arist.*, *Оес.*, II, 1, 1-3). Система “сатрапий” должна была обеспечивать поступление доходов тиранам в натуральной и денежной форме (Псевдо-Аристотель перечисляет шесть видов доходов сатраповской экономики — *Оес.*, II, 1,4). Зерно, получаемое от “сатрапов” (Демосфен называл Левкона “господином” понтийского хлеба), шло на продажу в Афины и другие города Греции.

¹ Детальнее об этом декрете см. Приложение 2.

Рис. 10. Фрагменты декрета из Анапы (по: Болтунова, 1964).

Внешняя политика Селевка и Сатира строилась на сохранении тесных дружественных отношений с Афинами. По мнению Жебелева, Сатиру, как позднее и его сыну Левкону, были предоставлены права афинского гражданства. Сопоставляя данные XX речи Демосфена и афинского декрета в честь сыновей Левкона он пришел к выводу о существовании между Сатиром и Афинами взаимной ателии на вывоз боспорского зерна и афинских товаров (Жебелев, 1953, с. 130-132); из речи сына Сопея известно, что Сатир и Сопей постоянно ставили афинян "выше всех эллинов и уже часто, при недостатке хлеба, отсылали пустыми суда прочих купцов", но предоставляли вывоз

[Σέλε] υκος Εὐμήλο[υ καὶ Σάτυρος
 ?'Επικ]ράτη Χαιρίπ[ου καὶ τῷ ἄ-
 δελφῶ]ι ἔδωκαν αὐ[τοῖς καὶ ἐκγό-
 νοις π]ᾶσι τοῖς τούτ[ων πολιτεί-
 αν,] γῆς καὶ οἰκίας ἐ[γκτησιν, ὅσα
 ὑπάρ]χει καὶ ὧν οἱ ἄλ[λοιοι πολῖται
 μετέ]χουσιν καὶ ἀτέλειαν κατὰ
 γῆν] καὶ κατὰ θάλαττ[αν, καὶ εἰσαγω-
 γῆν] καὶ ἐξαγωγῆν π[άντων χρη-
 μά]των καὶ εἰσπλουν [καὶ ἔκπλο-
 υν κα]ὶ πολέμου καὶ εἰρή[νης,
 ἀσυλ]εῖ καὶ ἀσπονδεῖ.

Рис. 11. Реконструкция текста декрета из Анапы.

афинянам (*Isocr.*, XVII, 57)¹. Боспорские правители отправляли зерно в Афины авансом, получая расчет на следующий (?) год. В Афинах находились официальные представители Сатира, которые, как в случае с сыном Сопея, могли применить санкции к боспорским гражданам или потребовать их применения от афинских властей (*Isocr.*, XVII, 5). Возможно, между Сатиром и Афинами существовало соглашение о взаимной выдаче лиц, заподозренных в государственной измене, что, кстати сказать, делало бы маловероятным бегство Гилона на Боспор в случае действительного предательства им интересов Афин. Сатир лично решал спорные вопросы между боспоритами и афинянами, при необходимости обращаясь к афинским властям (*Isocr.*, XVII, 51, 57).

Понтийское направление внешней политики Селевка и Сатира заключалось в расширении владений за счет соседних независимых полисов и царств. Так, ими были присоединены Кепы и Нимфей и смерть наступила Сатира во время реализации планов захвата Синдского царства Гекатея и Феодосии. Приобретение новых территорий всегда сопровождалось образованием свободных земель (за счет противников), которыми теперь распоряжались тираны.

¹ Взамен зерна на Боспор устремился поток изделий афинского ремесленного производства: объем вывоза в 1 пол. IV в. увеличился по сравнению со 2 пол. V в. в 3 - 3,5 раза (*Цветаева*, 1957, с. 190-194).

После смерти отца Левкон I (390-350) получил тяжелое наследство. В Синдике был убит его младший брат Метродор, оставленный в качестве заложника, и бушевала война, развязанная Тиргатао. Осаду Феодосии, во время которой то ли от огорчения событиями в Синдике, то ли от ранения скончался Сатир, пришлось снять. Не в лучшем положении находились и внутренние дела — в ближайшем окружении Левкона возник заговор, составленный группой его друзей и граждан, спастись от которого ему пришлось с помощью иноземных купцов (*Polyaen., Strateg., VI, 9,2*), а нужда в деньгах заставила прибегнуть к сомнительной операции по увеличению номинала монет вдвое против их металлического содержания (*Polyaen., Strateg., VI, 9, 1*). Во время войны с гераклеотами устроила заговор также и часть триерархов Левкона (*Polyaen., Strateg., VI, 9,3*).

Лично руководить операциями и в Синдике, и в Феодосии Левкон, естественно, не мог, поэтому в первую был направлен другой его брат, Горгипп, с широкими полномочиями, который явился к Тиргатао “с просьбами и богатейшими дарами и тем прекратил войну” (*Polyaen., Strateg., VIII, 55*). Миссия Горгиппа дала повод Полиену ошибочно утверждать, будто именно Горгипп сменил на престоле Сатира (*ibid.*). Сам же Левкон начал последнюю войну за Феодосию.

К этой войне относятся несколько эпизодов, приведенных у Полиена и Псевдо-Аристотеля, которые помогают реконструировать ход военных действий. Судя по всему, после смерти Сатира гераклеоты понимали неизбежность нового военного столкновения с Боспором. Очевидно, им также было ясно и то, что в случае войны их сил будет недостаточно и одной военной хитростью, как в эпизоде с Тиннихом, добиться победы не удастся. Поэтому стратег Гераклеи Мемнон избрал другой план. Его посол в сопровождении известного кифареда Аристоника объехал боспорские города и получил представление о численности их жителей, собиравшихся в театры (*Polyaen., Strateg., V, 44*). Очевидно, выводы посла были обнадеживающими. С началом войны, когда Левкон блокировал Феодосию с моря и суши, предварительно отстранив замышлявших измену триерархов, которых он казнил вместе с родственниками после окончания войны (*Polyaen., Strateg., VI, 9,3*), гераклеоты выступили с большим флотом, но не пошли на открытое сражение, а попытались вынудить боспорян уйти от Феодосии, делая вылазки в их стране, “где заблагорассудится” (*Polyaen., Strateg., VI, 9,4*).

О подготовке гераклейского десанта и продолжительности его действий на Боспоре дает представление следующая стратегема: “гераклейцы, отправляя против правителей на Боспоре сорок кораблей, но не имея достаточно денег, скупили у торговцев весь хлеб, оливковое масло, вино и прочее продовольствие... Тогда, выдав жалованье за два месяца, они отправили это продовольствие на транспортных судах... А когда они прибыли на неприятельскую территорию, воины стали все покупать у них. Собрав сначала деньги, стратеги затем выдали жалованье, и получилось так, что выдавались одни и те же деньги, пока они не вернулись домой” (*Pseudo-Arist., Оес., II, 8*).

Этот эпизод датирован приблизительно 387-365 гг.

Тактика гераклеотов в конечном счете успеха не имела — Левкон поставил скифских воинов позади своих гоплитов с приказом расстреливать в случае вялого сопротивления и те были вынуждены “мужественно воспротивиться врагам высадиться” (*Polyaen., Strateg., VI, 9,4*). Таким образом, план снятия осады не удался и Феодосия, оставшись один на один с войсками Левкона, сдались или была взята с боя.

Скорее всего, во время осады Феодосия выпустила медные монеты двух номиналов — старшего, с изображением бодающего быка на реверсе, и младшего, с головой быка и звездой (рис. 8, 5). Эти монеты, как и ранее серебро, имеют легенду ΘΕΟΔΕΟ, завершая автономную чеканку города. Монеты следует относить к категории чрезвычайных выпусков, предназначенных для обращения вместо серебра¹, судя по размерам — драхма и гемибол. Уникальная серебряная драхма с надписью ΘΕΥΔΟ (рис. 8, 6) представляет собой выпуск, осуществленный, вероятно, после захвата города Левконом, насколько можно судить по появлению новой формы имени города². Возможно, он составлял часть контрибуции или же был предназначен для выкупа упомянутой медной монеты. Этот выпуск продолжения не имел и город вновь выступает на нумизматической арене только при Левконе II. Войну Левкона за Феодосию следует датировать 390-385 гг., последний выпуск серебра — 385-380 гг.

¹ В “Экономике” Псевдо-Аристотеля приведено несколько подобных случаев: Клазомены выпустили железной монеты, приравненной к серебру, на сумму 20 талантов (ок. 360 г.); тиран Сиракуз Дионисий (404 - 368/7 гг.) чеканил монету из олова и принудил граждан принимать ее за серебряную; афинянин Тимофей, с. Конона, командовавший флотом в войне против Олинфа в 364 г., “испытывая недостаток в серебре, отчеканил медь и стал выдавать ее воинам” (*Pseudo-Arist., Oec., II, 16 a; 20 c; 23 a*).

² Название Феодосии на ранних монетах — 1) ΘΕΟΔΕΟ; 2) ΘΕΟΔΕΩ; 3) ΘΕΟΔΟΣ — сменилось формой 4) ΘΕΥΔΟ, которой соответствовала легенда 5) ΘΕΥ на монетах времени Левкона II. Если легенды ΘΕΟΔΟΣ и ΘΕΥΔΟ могут соответствовать двум формам названия города, Θεοδοσία и Θευδοσία, зафиксированным у древних авторов и в лапидарных памятниках (Θεοδοσίη и Θευδοσίη), то формы ΘΕΟΔΕΟ и ΘΕΟΔΕΩ не согласуются удовлетворительно с ними. По мнению Б. В. Кене, на месте Феодосии существовал город под названием Θεοδέα, Θεοβία или Θεοβεία, а Левкон I изменил его, в соответствии со свидетельством Ульпиана (*Schol. ad Dem. XX, 33*), по имени сестры или жены (Кене, 1857, с. 271-276). Д. Б. Шелов согласился с этим предположением как наиболее приемлемым и пришел к заключению, что Феодосия возникла на месте догреческого поселения и восприняла его название, которое было изменено Левконом (Шелов, 1957, с. 25-26). В. Д. Блаватский отметил, что схолиаст не упоминает ни о Левконе, ни о перемене названия, и предположил, что у него речь шла о сестре или жене ктиса, и что эта полемика была навеяна “досужими домыслами поздних комментаторов.” По его мнению, изначальным названием полиса и города было Θεοβοσία (или Θευβοσίη), но в быту получила распространение сокращенная форма, “вероятно, Θεοδέα. При наименовании ее гражданином Θεοβείος (*Steph. Byz., Ethnic., passim*) *gen. pl.* должно быть Θεοβείων, что и породило необычную легенду” (*Блаватский, 1981, с. 24-26*).

Точка зрения В. Ф. Столбы, объясняющая надписи ΘΕΟΔΕΟ — ΘΕΟΔΕΩ как *gen. sing.* личного имени Θεοβής, в котором он видит местного тирана или, “предпочтительно”, ктиса (Столба, 1989, с. 147-148), неприемлема в силу того, что эти формы не согласуются с названием города Θεοδοσία и наоборот — другое “полное имя” ктиса Θεοδοστός (Столба, 1989, с. 20) с этими формами. Обе его попытки создать фигуру ктиса Феодосии не имеют под собой оснований. В свое время Жебелев критически отнесся к изысканиям Арриана о происхождении названия Гермонассы, для которого вопрос “решался просто: название Мелоса происходит от некоего Мелоса, Фасоса — от Фасоса, сына Посидона; Нила от Нила, потомка Атланта. и т. д.” (*Жебелев, 1953, с. 67* прим. 1).

Версия Полиена показывает, что главным действующим лицом в Синдике являлся Горгипп, которому просьбами и дарами удалось заключить мир, однако он не сообщает о том, что последовало за прекращением военных действий. Очевидно, что Горгиппу удалось восстановить status quo; при этом речь прежде всего должна идти о бывших владениях Гекатея, ограничивавшихся Синдской Гаванью. Маловероятно, что миссия Горгиппа была направлена на восстановление власти Гекатея (или его наследников) на этой территории. Левкон должен был продолжить политику своего отца, имевшую конечной целью присоединение Синдики. Находки в Анапе черепиц с именем Горгиппа (см. Приложение 3, №24) показывают, что он развернул там в 390-380 гг. свое черепичное производство, несомненно, на правах полного хозяина Синдской Гавани¹.

Почти одновременно с Феодосией и Синдской Гаванью в состав Боспора была включена Фанагория. Последний выпуск серебра этого города с протомой бодающего быка на реверсе (рис. 9, Ж), как несомненным символом сопротивления нарастающим притязаниям Левкона, вряд ли может выходить за пределы 380 г. Оказавшись окруженным со всех сторон владениями Левкона полис не мог долго сохранять независимость.

Дальнейшая политика Левкона была направлена на подчинение местных племен азиатской стороны Боспора Киммерийского, что нашло отражение в эпиграфических памятниках его времени. Надписи, датированные именем правителя, впервые появляются на Боспоре при Левконе I². Они представлены посвящениями отдельных лиц различным божествам, с именем Левкона и его титулатурой. Всего известно десять таких надписей, самая ранняя из которых является посвящением самого Левкона Фебу Аполлону. Оно найдено на Семибратнем городище. Посвящение было совершено Левконом после захвата Феодосии и содержало, по-видимому, только титул "архонта" или "архонта Боспора". Датировать надпись следует самыми первыми годами после взятия Феодосии, когда факт обладания этим городом еще не нашел отражения в титулатуре Левкона, т. е. в пределах 385-380 гг.

Эта надпись, опубликованная Т. В. Блаватской (1993), открывает совершенно новые страницы истории скифов. Из нее выясняется, что древним названием городища было Лабрита и что владельцем города был некий Октамасад. По мнению Блаватской, "фракиец Спарадок, родной дядя скифа Октамасада, и лабритский царь, назвавший своего сына Октамасадом, были современниками, пусть и разновозрастными" (1993, с. 43). Возможность существования двух Октамасадов представляется мне весьма маловероятной

¹ Вопрос о месте Горгиппа в системе государственного управления Боспора был детально рассмотрен Н. Л. Грач, которая пришла к выводу, что его деятельность была связана главным образом с областью Синдики (Грач, 1968, с. 113). Горгипп принадлежал к числу "сатрапов" Левкона, хотя и числился среди них, вероятно, на особом положении.

² Самый ранний декрет, изданный от имени Селевка и Сатира I, представляет собой копию, относящуюся, скорее всего, также ко времени Левкона I.

и даже самые приблизительные хронологические выкладки позволяют отождествить лабритского Октамасада со скифским царем Октамасадом, сыном царя Ариапейта, известным Геродоту (*Her.*, IV, 80). Спарадок, с. Тереса, царь Фракии ок. 460 - 440 гг. и правитель Боспора в 437 - 430 гг., мог родиться ок. 480 г. Ближе к этой дате родилась его сестра, ставшая женой скифского царя Ариапейта, так что появление на свет от этого брака Октамасада можно отнести примерно к 460 г. Следовательно, ко времени начала правления Левкона I, приходившегося племянником Октамасад, тому было около 70 лет.

Объясняя появление скифов в Лабрите Блаватская предполагала, что “в начале V в. до н. э. дружина восточнотаврических скифов, возглавляемая энергичным вождем, захватила небольшую территорию в Синдике” (1993, с. 43). Вопрос о времени появления в Лабрите скифов уточняется на основе датировки Семибратних курганов. Детального исследования всех комплексов Больших и Малых Семибратних курганов до сих пор не проведено, однако изучение отдельных категорий вещей позволяет несколько прояснить картину. А. К. Коровина показала, что датировки Стефани наиболее ранних из Б. Семибратних курганов (II и IV) 1 пол. V в. до н. э. занижены, их следует относить ко 2 пол. V в. (*Коровина*, 1957, с. 186). З. А. Билимович упоминала о докладе К. И. Зайцевой, датировавшей чернолаковую керамику из этих курганов 3 четв. V в. до н. э. (*Билимович*, 1970, с. 132 прим. 35; 1982, с. 84). Можно предполагать, что скифы в Лабрите и Нимфее появились примерно в одно время и по одной причине: если скифы поблизости от Нимфея должны были гарантировать безопасность европейских владений Спартока, то Октамасад, находясь в Лабрите, охранял пока еще немногочисленные азиатские владения своего племянника. Возможно, наличие скифского анклава в землях меотов дало основание Ксенофону утверждать, что “в Европе скифы господствуют, а меоты им подвластны” (*Xen.*, *Arctn.*, II, 1, 10).

Одновременно с отрядами в Лабрите и Нимфее продолжали существовать и скифы Среднего и Нижнего Приднепровья, оставившие там синхронные погребальные комплексы (*Силантьева*, 1959, с. 87), так что единый массив скифов царских оказался как бы разделенным на три части. Поначалу это особой беды не предвещало, поскольку Октамасад, скорее всего, сохранял власть и над остальными частями, управлявшимися его сатрапами, а затем со временем и сыновьями, однако его смерть неизбежно должна была привести к политическому обособлению трех частей. Если ко времени упоминания в посвящении Левкона Октамасад было около 75 лет, то вероятно, ок. 380 г. его уже не было в живых. Эту сугубо приблизительную дату можно принять в качестве точки отсчета, положившей начало существованию трех ветвей царских скифов. Попытаемся проследить судьбу каждой из них по тем немногим отрывочным сведениям, которые удастся почерпнуть из письменных источников.

Западные скифы. Управлялись сперва сатрапом Октамасада, а затем, видимо, его сыном Атеем, который после смерти отца и стал царем западных

скифов. Судя по имени Атея, его мать была фракиянка, что, возможно, повлияло на выбор отца дать ему в удел западную часть. Атей родился около 429 г., начал царствовать приблизительно с 380 г. в возрасте 50 лет. Был союзником Филиппа Македонского при разделе Одрисского царства и занял Малую Скифию (совр. Добруджа), но вступил с ним в конфликт и погиб в сражении в 339 г. Судя по его заявлению Филиппу, имел сына-наследника, который после гибели отца, вероятно, сохранил власть над западными скифами, был враждебен Македонии, возможно, участвовал в борьбе с Зопирионом в 331 г. Дальнейшая судьба его неясна.

Нимфейские скифы. Поначалу управлялись сатрапом Октамасада, под командованием которого воевали на стороне Левкона против гераклеотов. Затем, предположительно, его сменил сын Октамасада, ставший царем ок. 380 г. Можно допустить, что он родился примерно в одно время с Атеем, но даже если и был долгожителем, как Атей, то вряд ли мог ок. 330 г. воевать с Перисадам. Скорее всего воевал его внук (правнук Октамасада), родившийся ок. 370 г. К нему или его сыну (царствовал под именем Агар) бежал от расправы юный Перисад, сын Сатира II, в 309 г.

Лабритские скифы. Возглавлялись царем Октамасадом примерно в 440–380 гг., а затем его сыном (ок. 380 - 350 гг.). Посольства к Александру направляли, скорее всего, сыновья последнего, родившиеся до 400 г., первый из которых царствовал примерно в 350 - 329 гг., второй начал царствовать с 329 г., находясь уже в критическом возрасте. Целью обоих посольств было желание обрести могущественного покровителя и сохранить за собой царство (к этому же стремились и сатрапы, предлагавшие дочерей в жены приближенным Александра) ввиду реальной угрозы, исходившей, скорее всего, от Боспора. Кончина второго брата - царя ускорила распад государства — фатеи и досхи, последовательно присоединенные Перисадам (это, кстати сказать, подкрепляет предложенные ниже даты их присоединения к Боспору — ок. 330–320 гг.), составляли, вероятно, часть бывших владений лабритской ветви скифов. В войне наследников Перисада лабритские скифы воевали на стороне Сатира II, что послужило причиной их окончательного разгрома Евмелом — на рубеже IV - III вв. Лабрита была разрушена.

Существование трех названных ветвей скифов прочно доказывается археологическими данными и частично письменными источниками, а реконструкция их истории, построенная на сугубо приблизительных хронологических выкладках, подтверждается немногочисленными точно фиксированными датами.

К следующей группе надписей относится посвящение Демарха, с. Скифа, Афродите Урании Апатуре, в котором Левкон уже именуется "архонтом Боспора и Феодосии" (КБН, 1111). Тот же титул восстановлен Н. С. Беловой в посвящении Фениппа, с. Артемона, найденном в Гермонассе (Белова, 1967). Белова датировала надпись 80–70 гг. IV в. Некоторое уточнение позволяют сделать черепичные клейма: эргастерий некоего Скифа действовал на Боспоре в 390–380 гг. (см. Приложение 3, №107), после чего перешел в

собственность его сына Демарха, клейма которого относятся к 380-370 и 370-360 гг. (Приложение 3, № 108-109). Появление титула “архонт Боспора и Феодосии” следует отнести к 380-370 гг.

Следующий тип формулы отражает территориальные приобретения Левкона в землях синдов и меотов— “архонт Боспора и Феодосии и царь синдов, торетов, дандариев, псессов” (КБН, 6, 1037, 1038); возможно, ту же форму титулатуры содержала надпись, в которой этноним синдов восстанавливается под архонтской, а не царской властью— “архонт Боспора и Феодосии и синдов и царь торетов, дандариев, псессов” (КБН, 6 а).

Опубликовавший ее В. В. Шкорпил полагал, что архонтат над скифами отражал их выдающееся положение, “в то время, когда Левконов брат Горгипп управлял страну синдов под главенством Левкона, либо вскоре после смерти Горгиппа, когда главный город попал под прямое владычество Левкона” (Шкорпил, 1917, с. 109 № 1). В противовес этому Жебелев считал, что этноним “синды” по небрежности резчика был поставлен не после, а перед титулом βασιλεύοντος (Жебелев, 1953, с. 172 прим. 1), к чему склонялись и комментаторы КБН. Разумеется, возможность перестановки слов нельзя отвергать, однако и мнение Шкорпила представляется отнюдь не обосновательным. Как известно из сообщения Полиена, военным действиям в Синдике положил конец младший брат Левкона, Горгипп. Это означало одновременно и установление власти Боспора там, однако эта власть поначалу могла распространяться только на столицу Синдики, Синдскую Гавань, населенную греками, и эта власть по принятой Левконом формуле должна была иметь форму архонтата (под синдами в данном случае подразумевались жители Синдской Гавани и ее хоры). Архонтской властью над Синдской Гаванью мог обладать только Левкон, но не Горгипп, официальный статус которого не определен ни одной надписью. Титулатура Левкона включала все тогдашние владения Боспора, поэтому роль Горгиппа сводилась к управлению сперва городом, а затем областью Синдикой, т. е. была аналогична функциям Гилона и Сопея при Сатире. По мере распространения власти Левкона на местное население Синдики титул архонта Синдской Гавани (позднее Горгиппии) был поглощен формулой “архонт Боспора”, а синды как этнос попали под царское управление.

Надписи с первой (и второй?) титулатурой следует датировать примерно 370-360 гг. Нам неизвестны другие надписи Левкона, в которых перечисленные варварские племена фигурировали бы по отдельности, поэтому следует думать, что их присоединение было осуществлено либо в результате какой-то одновременной акции (возможно, военно-политической), либо, что более вероятно, в результате ряда растянутых во времени операций, по завершению которых и был выработан новый тип титулатуры, отражавший власть Левкона над греческим и варварским населением Боспора.

Наконец, заключительный тип титулатуры Левкона предположительно восстанавливается как “архонт Боспора и Феодосии и царь синдов и всех

меотов” (КБН, 8). Скорее всего, этот тип представляет собой лишь трансформацию или сокращение предыдущего, в котором тореты, дандарии и псессы как раз и составляли понятие “все меоты”¹. Датировать этот тип следует концом правления Левкона I.

Ведение непрерывных войн в течение 20-30 лет требовало от Левкона напряжения всех сил и средств, прежде всего финансовых. В поисках денег он не брезговал и такой мелочью, как лишение жалования наемников, делавших долги из-за игры в кости или других излишеств (*Aen. Tact.*, *Comm. poliorc.*, 5, 2), но наибольшую известность ему принесла операция, связанная с перечеканкой монеты (*Polyaen.*, *Strateg.*, VI, 9,1). Постоянная нужда в деньгах была вызвана, вероятно, необходимостью содержать большое наемное войско². Правда, стратегема Мемнона (см. выше) позволяет предполагать участие в военных операциях и гражданского ополчения городов, входивших в состав Боспора, однако именно наемники должны были составлять основную ударную силу. Участие в военных действиях на стороне Левкона скифских воинов также было, несомненно, не бескорыстным.

По мере того, как Левкону удавалось успешно решать одну за другой поставленные задачи, напряжение постепенно ослабевало. Этому способствовало возрождение торговли с Афинами, которые в 389 г. после длительного перерыва восстановили контроль над Боспором Фракийским и

¹ В. П. Яйленко дает иное восстановление: “царь синдов, торетов, дандариев”, полагая, что “все меоты” были присоединены к Боспору только при Перисаде I, и не включает в состав титула псессов (руководствуясь длиной восстанавливаемой строки), считая, что на этот момент они еще не были присоединены (*Яйленко*, 1987, с. 25 №18). Эта точка зрения как будто подтверждается формулой Перисада I — “царь синдов, торетов, дандариев” (КБН, 1014, 1042), однако ряд соображений заставляет предпочесть реконструкцию КБН. Во-первых, при восстановлении Яйленко длина стк. 3 увеличивается по сравнению со второй на две буквы. Во-вторых, это восстановление, с титулом “царь синдов”, вступает в противоречие с формулой “архонт синдов”, предполагаемой в КБН, 6а, где псессы уже фигурируют в титулатуре Левкона. Приняв реконструкцию Яйленко мы должны будем констатировать, что Левкон сперва подчинил торетов и дандариев, затем к ним были добавлены и псессы. Однако, в начале правления Перисада I ему подчинялись те же тореты и дандарии (КБН, 1014), а псессы оказались отпавшими, и именно племена подпадали его определению “все меоты”. Согласно Страбону, “к числу меотов принадлежат сами синды и дандарии, торетаты, агры и аррехи, а также тарпеты, обидиакены, ситтакены, доски и некоторые другие” (XI, II, 11). Применительно к данному случаю следует, видимо, ограничиться предположением о возвращении псессов — для расширения списка присоединенных Перисадом племен нет никаких данных, а подчинение фатеев и досхов было еще впереди. Скорее всего, состав подчиненных Левкону племен (тореты, дандарии и псессы) давал ему основания именоваться царем “всех меотов”.

² Состав этого войска неясен. Возможно, в нем состояли наемники из Аркадии, как предполагал ряд исследователей на основании находки фрагмента почетного декрета Аркадского союза в честь Левкона (КБН, 37), хотя прямых свидетельств в пользу этого надпись не дает (*Гайдукевич*, 1960, с. 111). Следует также отметить, что декрет Аркадского союза относится к тому времени, когда военные действия на Боспоре пошли на спад, к тому же он отделен более чем 20 годами от того момента, когда Левкон начал править и формировать свое войско. Стратегема об использовании купцов в качестве телохранителей и охранников дворца (*Polyaen.*, *Strateg.*, VI, 9, 2) показывает, что наемного войска у него еще не было или его было недостаточно. С большей уверенностью можно говорить о вербовке Левконом наемников в Пафлагонии, о чем свидетельствует надгробие Дрисаниса, с. Левкона, пафлагонца, который погиб “сражаясь в стране майтов” (КБН, 180). Возможно, к числу наемников принадлежали и другие носители пафлагонских имен этого времени (КБН, 170, 189, 215), как и уроженец пафлагонского города Кромны (КБН, 199).

сохраняли его вплоть до распада 2 Афинского морского союза (378-355 гг.) (*Невская*, 1953, с. 100-108). По словам Демосфена, из Понта в Афины поступало столько хлеба, сколько со всех остальных рынков, вместе взятых, а именно, ок. 400 тыс. медимнов ежегодно (*Dem.*, XX, 31). Ради увеличения торговли зерном Левкон устроил новый порт в Феодосии (*Dem.*, XX, 33), откуда при нем, по данным Страбона, было вывезено 2 млн. 100 тыс. медимнов зерна (*Strabo.*, VII, 4.6). Об огромных доходах Боспора от продажи зерна можно судить по приведенному Демосфеном примеру, когда на фоне возникшей у всех нужды в хлебе в 357/6 г. Левкон прислал его столько, что лишь от продажи излишков Афины выручили 15 талантов серебра (*Dem.*, XX, 33)¹.

Еще одним источником доходов Левкона являлось черепичное производство. Хотя местное производство кровельной черепицы существовало в небольших объемах с конца V в. (*Сорокина*, 1956, с. 173; *Зеест*, 1969, с. 40), клеймение этих изделий начинается только в первое десятилетие правления Левкона. В числе владельцев 8 мастерских был сам Левкон и его брат Горгипп, выпускавший черепицу в Синдской Гавани (см. Приложение 3, № 23, 24, 49, 50, 68, 71, 84, 107, 113). Сам факт клеймения этой ключевой в строительном деле продукции может указывать на то, что она оказалась под контролем правителя — то ли глинища на Боспоре считались его собственностью (*Шкорпил*, 1914, с. 138 прим. 2; *Гайдукевич*, 1934, с. 271), то ли владельцы глинищ — предприниматели — получали за плату право на производство черепицы. В последующие годы вплоть до конца правления Левкона наблюдается четко выраженная стандартизация клейм, указывающая на то, что лицензии выдавались примерно на десять или чуть менее лет, после чего владельцам эргастериев выдавались клейма нового образца. Ясно, что каждый новый срок черепичного производства его владелец должен был оплатить. В 380-370 гг. одновременно действовали 33 мастерские, в 370-360 гг. — столько же, в 360-350 — 30. Доходы Левкона от этой отрасли ремесла были стабильными и, вероятно, достаточно весомыми, что позволило ему ок. 360 г. отказаться от собственного производства (см. Приложение 3, № 68-70).

Финансовое положение Левкона чрезвычайно точно отражено в монетной чеканке Пантикапея. Ко времени Левкона относятся четыре серии монет. Все они снабжены новым для Пантикапея типом аверса — изображением головы бородатого сатира, незначительно варьирующимся от серии к серии. Новое изображение следует отнести к категории “говорящих” типов — оно увековечило память об отце Левкона.

Первая серия (ок. 390-380 гг.) представлена одним номиналом серебра (диобол) и одним номиналом меди (рис. 12, 1-2). Последний предположительно определялся как лепта, но, по аналогии с феодосийской медью,

¹ Левкон предоставил Афинам ателию на вывоз зерна из Пантикапея и право грузиться первыми: Митилена на Лесбосе получила от него право платить льготную пошлину в размере 1/60 от стоимости пшеницы и 1/90 при стоимости до 10 талантов (*Граков*, 1939, № 32), тогда как обычная пошлина составляла 1/30 стоимости товара (*Dem.*, XX, 32).

его следует считать гемиоболом. То есть, эта серия, как и синхронная ей феодосийская, отражает кризисное состояние монетного дела Пантикапея (менее острое, чем осажденной Феодосии), выразившееся в нехватке драгоценного металла. На реверсе диобола еще изображена голова барана сатировского времени.

Рис. 12. Монеты времени Левкона I.

Пантикапей: 1-14; Тамирака: 15-17 (1, 3, 4, 9-11, 14, 15 — серебро; 2, 5, 6, 12, 16, 17 — медь; 7, 8, 13 — золото).

Вторая серия (ок. 380-370 гг.) демонстрирует ряд любопытных черт (рис. 12, 3-6). Во-первых, на реверсе монет появляется новое для Пантикапея изображение стоящего льва — тоже несомненный “говорящий” тип, изображающий на самого Левкона (Λεύκων = Λεόνων; см. КБН, 180). Во-вторых, серия включает два номинала меди с различными изображениями, близких по размеру и весу, что весьма не характерно для греческой нумизматики. В-третьих, среди номиналов серебра присутствуют, судя по всему, триобол, не выпускавшийся долгое время, и обол, вообще не чеканившийся до этого времени. Эти необычные признаки позволяют связать вторую серию со знаменитой стратегемой: “Левкон, нуждаясь в деньгах,

объявил, что думает чеканить новую монету и что каждый должен принести к нему наличные деньги для того, чтобы они были перечеканены и остались годными. Подданные принесли ему, что у них было; тогда он наложил новый штампель и на каждой монете надписал двойную стоимость; таким образом он выручил половину собранных денег, не причинив убытка никому из граждан" (*Polyaen., Strateg., VI, 9,1*).

Другими примерами такого рода могут служить действия афинского тирана Гиппия (514-510), который ходячую монеты объявил негодной и, установив ее стоимость, очевидно, ниже курсовой, велел сдавать ему, а когда она была собрана для перечеканки он выдал то же серебро (*Pseudo-Arist., Оес., II, 4 b*). Тиран Сиракуз Дионисий (404-368/7) в одном случае отчеканил монету из олова и вынудил народное собрание вынести решение считать ее серебряной, а в другом, заняв у граждан деньги, приказал под страхом смерти принести ему все наличное серебро. Это серебро было перечеканено из расчета двух драхм за одну, таким образом он вернул и долг, и собранные деньги (*ibid., II, 20h*). Примеры другого рода дают Клазомены, выпустившие монеты из железа, приравненные к серебру, которые обращались некоторое время и позднее были выкуплены на проценты (*ibid., II, 16 b*); и афинский военачальник Тимофей, отчеканивший монеты из меди вместо серебра на условиях свободного обращения с последующим выкупом (*ibid., II, 23 a*).

Ближайшей аналогией акции Левкона может служить вторая стратегема Дионисия при условии, что признаком удвоения номинала мог служить новый тип аверса или реверса. Вторая серия времени Левкона как раз и обнаруживает появление нового типа, теснейшим образом связанного с личностью самого правителя, — льва. Серебряные монеты, соответствующие по весу старым триоболам, были приравнены к драхам, оболы — к диоболам, а два номинала меди, соответственно, — к оболам и гемиоболам.

Фактически, эта серия повторяет последнюю серию Сатира по набору номиналов: драхма, диобол и гемиобол, хотя в стоимостном отношении (по содержанию серебра) монеты Левкона, в соответствии с задуманной им стратегемой, уступали монетам Сатира вдвое (по драхам и диоболам) и более (по оболам).

Вторая серия монет Левкона уникальна по содержащейся в ней информации. Помимо того, что она представляет собой редкий случай "овеществления" конкретной финансовой операции античной эпохи, на одной из медных монет имеется изображение головы лошади, явно заимствованное у предшествующих выпусков Синдской Гавани. Причина использования этого типа в чеканке Пантикапея остается нераскрытой.

С этой серией типологически связан выпуск монет Тамираки, изданных Ф. Имхоф-Блумером. Привожу описание этих уникальных монет:

1) л. с. — голова кабира влево, о. с. — лев влево, под обрезаем ТА [M], серебро, вес — 0,96 г;

2) л. с. — голова кабира вправо, о. с. — лев влево, слева Т, сверху АМ, медь (Imhoof-Blumer, 1902, S. 527, №№1-2, Taf. XIX, 25-26) (рис. 12, 15, 16).

Подобная медная монета была продана на аукционе в 1909 г. (AK Hirsch, XXV, Taf. I, 41) (рис. 12, 17).

Тамирака (Ταμίρακτ) упоминается у Арриана (PPE, 31: “от Калос Лимена до Тамираки 300 стадий”), Стефана Византийского (s. v.: “полис в Европейской Сарматии”) и др. авторов. Латышев помещал Тамираку около Бакальского озера в Сев. - Зап. Крыму. По мнению А. В. Орешникова, этот городок едва ли мог чеканить монеты (1914, с. 23). Недостаточно отчетливое чтение букв на фото медной монеты и близость изображений льва на ней и пантикапейских монетах дали основание подозревать ошибочное чтение легенды (ТАМ вместо ПАН) и приписать ее Пантикапею (МДБ, 89). Полное сходство типов реверса монет Тамираки и второй серии Левкона однозначно указывает на то, что чеканку в этом городе ок. 380-370 гг. осуществил Левкон. Менее вероятно допущение, что город начал самостоятельную чеканку с использования левконовских типов, которое также приводит к выводу о влиянии Боспора на монетное дело Тамираки.

Попытаемся определить отношения, которые могли сложиться между Тамиракой и Левконом. Первым напрашивается вывод о подчинении города Левкону. Правда, в этом случае трудно было бы ожидать выпуск монеты от имени городской общины, хотя пример Феодосии (рис. 8, б) указывает на возможность и такого развития событий. Пожалуй, наиболее правдоподобным вариантом ответа является предположение, что Тамирака находилась в сфере каких-то интересов Левкона (например, экономических), но сохраняла независимость. Такая версия находит аналогии в осуществленной незадолго перед тем чеканке саммеотов в Херсонесе (см. выше), которые отказались от своего этника и ограничились использованием самосского типа, скальпа льва, а также в несколько более поздней чеканке Атея в Каллатии (Анохин, 1973, с. 36-38). Любопытно отметить, что во всех трех случаях иноземцы являлись инициаторами городских чеканок (имевших, правда, разное продолжение).

Несомненные интересы Левкона в Сев. - Зап. Таврике вполне объясняют заключение им договора о симмахии с Ольвией (Виноградов, Крапивина, 1995, с. 73), которая сама оказалась перед фактом растущей экономической экспансии Херсонеса в этом регионе. Тамирака, очевидно, сохраняла независимость, находясь вне сферы ольвийских интересов, и также могла искать союзников, опасаясь Херсонеса.

Новая серия монет (ок. 370-360 гг.) вызывает интерес по двум причинам. Первая связана с чеканкой в ней серебра, представленного триоболом, диоболом и оболем (рис. 12, 9-11). Наличие диобола указывает на возврат к прежней, до-левконовской практике, когда этот номинал выпускался в каждой серии. Выпуск триобола и оболы можно расценить как стремление ввести в оборот те номиналы, к которым должны были бы приравниваться по весу монеты предыдущего экстраординарного выпуска, “драхмы” и “диоболы” половинного веса. Возможно, это свидетельствует о желании Левкона погасить свой долг (легкие “драхмы” могли выкупаться за два новых триобола).

Вторая причина связана с началом выпуска в этой серии знаменитых золотых статов Пантикапея (рис. 12, 7), неизменно привлекавших внимание исследователей своим необычным весом (ок. 9,1 г), не соответствующим каким-либо известным весовым стандартам того времени. Чаще всего этот вес объясняли необычной дешевизной золота, якобы поступавшего в изобилии на Боспор из рудников Урала; в действительности же эти статы составляли местный эквивалент кизикинов (*Зограф*, 1951, с. 175). Необходимость введения такой валюты объясняется, может быть, стремлением ослабить зависимость местных богатых граждан от привоза кизикинов купцами из Греции и Малой Азии. Выпуск золота является показателем больших финансовых возможностей Левкона, который мог теперь не опасаться вывоза валюты.

На стабильное финансовое положение Левкона указывает последняя серия его монет (ок. 360-350 гг.), состоявшая только из золотых статов и серебряных гемидрахм (рис. 12, 13-14) — серебро мелких номиналов и медь не чеканятся. Последнее свидетельствует в пользу того, что мелочная рыночная торговля отходит как бы на второй план и монетная система перешла на обслуживание мелко-оптовых (серебро) и крупных торговых операций (золото). Вероятно, она приспособлялась к производителям основных товаров местных рынков, зерна и кровельной черепицы; возможно также, что присоединенные синдо-меотские племена плохо воспринимали мельчайшие номиналы серебра.

Следует обратить внимание на тип реверса гемидрахм — лев, нападающий на лань. Как раз в этом десятилетии состоялась война между Херсонесом и Ольвией за обладание западным побережьем Таврики. Между Ольвией и Левконом существовал договор о симмахии (*Виноградов, Крапивина*, 1995), который, однако, оказался безрезультатным для первого партнера — Ольвия потерпела поражение, тогда же Тамирака была потеряна для Левкона. Трудно сказать, как Левкон реализовал условия этого договора — пока единственным свидетельством его реакции является демонстративный характер нового монетного типа, символизирующий враждебное отношение Боспора (лев) к Херсонесу (лань). Авторы относят заключение договора к началу правления Левкона — до 380 г. (*Виноградов, Крапивина*, 1995, с. 74), однако нет оснований полагать, что в этой надписи, содержащей декрет о политике, данной Ольвиополитами Сатиру, и упомянутый договор о симмахии между ними и Левконом, не были дописаны другие документы, относящиеся к Левкону и следующим правителям Боспора, и что она, следовательно, не являлась еще более поздней копией. Предполагаемая цель договора — Левкон предложил договориться со скифскими владыками о дезавуировании их присутствия в Ольвии и аннулировании трибутивного договора (*там же*, с. 75) — является фантомом. Единственным реальным врагом для Левкона на пространстве между Боспором и Ольвией были саммеоты, осевшие в Херсонесе, и сам Херсонес как гераклеяская колония, поэтому Левкон был морально готов к заключению подобного договора уже с 390 г. Другое дело — Ольвия. Мы не

знаем, когда обозначились военные притязания Херсонеса на Северо-Западный Крым, находившийся в сфере экономического и политического влияния Ольвии; во всяком случае, готовность Ольвии вступить в такой договор следует относить ближе к началу военного конфликта с Херсонесом (ок. 360 г.).

Следует кратко остановиться на вопросе о месте Левкона I в истории Боспора. В сочинениях античных авторов сохранился ряд изречений Левкона, свидетельствующих о большой популярности этого правителя в древности, а сама династия боспорских царей получила название Левконидов (*Aelian.*, *Var. hist.*, VI, 13). Все это вполне соответствует исключительной роли Левкона в формировании боспорского государства.

Расширив границы его за счет подчинения ряда греческих полисов и соседних варварских племен, он нашел оптимальный титул для дуального характера своей власти (над греками и варварами) — архонт Боспора и Феодосии¹ и царь присоединенных племен. Этот титул вполне соответствовал менталитету греческого и варварского населения, создавая в обоих случаях иллюзию законности его прав и обеспечивая внутреннюю стабильность в государстве. У нас нет данных о том, как осуществлялось управление вновь приобретенными землями. Возможно, при нем сохранилась введенная Сатиром система “сатрапий” — в начале своего правления Левкон, дабы усыпить бдительность заподозренных в измене триерархов, вручил родственникам подозреваемых “власть и управление селами” (*Polyaen.*, *Strateg.*, VI, 9,3).

Левкон проявлял незаурядную решительность и находчивость в военных делах, в частности, успешно применил боевой заслон позади своих войск. Ряд стратегем Левкона носит определенный морализирующий оттенок, что вполне перекликается с приписываемыми ему высокими нравственными качествами. Левкон — достойный человек из числа боспорских правителей (*Strabo.*, VII, 4, 4), наделенный образованием (*Plut.*, *De stoic. rep.*, 20) и способный оценить явившегося бы к нему ради заработка мудреца (*Plut.*, *Adv. stoic.*, 7).

Афней приписал Левкону афоризм, сказанный им по адресу одного из окружавших его льстецов, ограбившего многих друзей Левкона и клеветавшего на очередную жертву: “Я убил бы тебя, клянусь богами, если бы тирания не нуждалась в негодах” (*Athen.*, VI, 71).

После смерти Левкона боспорский престол занял его старший сын, Спарток II, правивший единолично в 350-348 гг., а затем совместно с братом, Перисадом I, в 348-345 гг. Кратковременное единоличное правление Спартока II не оставило после себя никаких документальных свидетельств: черепичные клейма с его именем относятся еще ко времени Левкона. Из нумизматических памятников правлением Спартока II можно датировать

¹ Выделение Феодосии было обусловлено, возможно, ее географическим положением за пределами собственно Боспора Киммерийского.

ок. 350 - 348 гг.

Рис. 13. Монеты Пантикапея времени Спартака II (серебро).

серию серебра из двух номиналов, драхмы и гемидрахмы, с изображениями головы сатира и льва (рис. 13), полностью находящимися в русле монетной типологии времени Левкона (не исключено, что эта серия могла быть выпущена еще при Левконе).

Скорая после начала соправления кончина Спартака позволяет предполагать в качестве причины скорее болезнь, нежели старость (Перисад прожил на сорок лет дольше). Возможно, именно болезнь заставила его принять в качестве соправителя брата, хотя Перисад вряд ли был значительно моложе его — среди владельцев черепичных мастерских предположительно определяется имя Притана, сына Перисада (Приложение 3, № 100).

Совместное правление Спартака II и Перисада I надежно зафиксировано афинским декретом, датированным апрелем 346 г. (Граков, 1939, №3). Декрет был принят в ответ на письмо Спартака и Перисада и заверения прибывших от них послов Сосия и Феодосия, сводившиеся к обещаниям заботиться о высылке хлеба афинскому народу, как это делал их отец, подтверждению привилегий афинянам, данных Сатиром и Левконом, и просьбе о позволении набрать матросов. Декретом было постановлено венчать Спартака и Перисада в первый год каждых Панафиейей “за доблесть и благорасположение к афинскому народу”, рассчитаться с ними за присланный ранее хлеб и удовлетворить просьбу относительно набора матросов, которым надлежало “быть хорошими исполнителями приказаний по отношению к детям Левкона изо всех своих сил.” Награждением венка был удостоен и их младший брат Аполлоний¹. Других достоверных надписей, которые относились бы к совместному правлению Спартака и Перисада, не имеется².

¹ В комментариях к декрету Б. Н. Граков отмечал, что “посольство прибыло сейчас же по восшествии братьев на престол отца” (1939, с. 241). Поскольку, однако, правители сядились на престол в разное время — Диодор называет преемником Левкона одного Спартака (*Diod.*, XVI, 31, 6), постольку вернее полагать, что посольство прибыло после объявления Перисада соправителем с целью уведомить афинский народ о свершившемся факте и подтвердить неизменность политического курса обоих правителей к нему.

² Таковой считалась надпись КБН, 9, где в титулатуре Перисада не значился “Боспор” и на этом основании делался вывод о разделении царства. История вопроса изложена Н. С. Беловой, которая показала, что надпись имеет значительные утраты с обеих сторон. Первоначально она была вырезана на постаменте статуи, позднее переделанном в базу антового пилястра. А. В. Буйских, которой я выражаю искреннюю признательность, определила этот камень как базу анта. Представленная Н.С.Беловой расширенная реконструкция убедительно доказывает, что это “рядовая посвятельная надпись с именем и полным титулом Перисада I в качестве даты” (Белова, 1968, с. 52). Имеются, однако, и сторонники “краткой” реконструкции (Яценко, 1987, с. 25, № 19).

В середине IV в. внешний вид боспорских монет решительно меняется — единственным типом аверсов для серебра надолго становится изображение головы безбородого сатира. Эту перемену типов, в самом общем виде, можно связать с продолжительным 38-летним правлением Перисада. Первым выпуском, указывающим на Перисада, следует признать, скорее всего, гемидрахи с изображением льва с копьём в пасти (рис. 14), отнеся их к соправлению Спартока и Перисада.

ок. 348 - 345 гг.

Рис. 14. Гемидрахма Пантикапея времени Спартока II и Перисада I (серебро).

Самостоятельное правление Перисада I (345-310) представлено разнообразными источниками, позволяющими более или менее детально охарактеризовать его внешнюю и внутреннюю политику. Судя по надписям, Перисад стремился продолжать завоевательную политику своего отца. Поскольку все греческое население по обоим берегам пролива уже находилось в составе “всего Боспора”, основным объектом становилось варварское окружение, отношения с которым складывались совсем непросто.

Как и при Левконе, полная титулатура Перисада содержала перечень подчинявшихся ему племен. Достоверно определяются четыре типа формул, относительная хронология которых признается большинством исследователей (начальная часть формул — “архонт Боспора и Феодосии” — опускается): I — “царь синдов, торетов, дандариев” (КБН, 1014, 1042); II — “царь синдов, всех маитов” (КБН, 10, 11, 971, 1039, 1040); III — “царь синдов, всех маитов, фатеев” (КБН, 9, 1015); IV — “царь синдов, маитов, фатеев, досхов” (КБН, 972). Бытование этих формул можно грубо распределить в пределах правления Перисада: I — ок. 345-340 гг., II — ок. 340-330 гг., III — ок. 330-320 гг., IV — ок. 320-310 гг.¹

Сопоставление титулатур Левкона и Перисада показывает, что песссы, которые ранее подчинялись Левкону (КБН, 6, а, 1037, 1038), не были включены в раннюю титулатуру Перисада. Источники не позволяют определить, что предшествовало включению того или иного племени в состав Боспора. Возможно, подчинение носило насильственный характер, хотя нельзя исключать и того, что оно совершалось мирно, путем установления союзных отношений (Яйленко, 1987, с. 27-28). Можно предположить, что такой союзный договор имел ограниченный срок действия и каждый новый правитель должен был заключать и новый договор. В любом случае, отпадение

¹ Эти даты находятся ближе к истине, нежели самые общие определения типа: “время Перисада I”. Установление точной даты объектов было и остается вечной задачей археологии.

псессов показывает, что власть боспорского царя над варварскими племенами не имела необратимого характера. Нам неизвестно, как обстояло дело с псессами в данном случае и что послужило причиной их выхода из состава Боспора. Неизвестно также, случилось ли это в годы правления одного Спартока, Спартока и Перисада или одного Перисада. Любопытно, однако, отметить тип реверса первых монет Перисада — лев, ломающий зубами древко копья: не был ли этот символический сюжет связан с отпадением псессов? В этом случае мы могли бы с большей уверенностью говорить о том, что подчинение племен скорее основывалось на насилии.

Очевидно, уже в следующем десятилетии псессы вновь вошли (были покорены?) в состав Боспора, что дало Перисаду право титуловаться “царем синдов и всех маитов” (тип II). Экспансия против местных племен продолжалась и во второй половине правления Перисада, когда последовательно были присоединены фатеи и досхи.

В середине правления Перисад вел военные действия против скифов. Об этом упоминается в одной из судебных речей, приписываемых Демосфену, в которой не сообщается никаких подробностей кроме того, что на Боспоре дела были плохи “из-за возникшей у Перисада войны со скифами” и большого застоя в сбыте товара (*Dem.*, XXXIV, 8). Речь датируют 327/6 г., следовательно, война состоялась несколько раньше¹. Как раз на эти годы приходились два посольства европейских скифов к Александру. С первым из них (329 г.) “Александр отправил кое-кого из “друзей” под предлогом заключения дружбы; настоящая же цель этого посольства была в том, чтобы познакомиться с природой скифской земли и узнать, велико ли народонаселение, каковы его обычаи и с каким вооружением выходит оно на войну” (*Arr.*, *Anab.*, IV, 1,2). Зимой 329/8 г. пришло второе посольство “от европейских скифов; с ними были и послы, которых он сам отправил к скифам. Скифский царь как раз умер, когда их послал Александр, и теперь царствовал его брат. Посольство должно было сообщить, что скифы готовы сделать все, что скажет им Александр; ему поднесли от скифского царя дары, которые у скифов почитаются самыми драгоценными; царь готов выдать за Александра и свою дочь ради укрепления дружественного союза. Если Александр не удостоит скифскую царевну своей руки, то царь готов выдать за самых верных друзей Александра дочерей скифских сатрапов и прочих могущественных людей скифской земли. Царь и сам придет к Александру, если он ему это прикажет, чтобы от него самого услышать его распоряжения... Скифским посланцам Александр ответил ласково и так, как ему на то время было выгодно, но от скифских невест отказался” (*Arr.*, *Anab.*, IV, 15, 1-5).

¹ По мнению С. А. Жебелева, “здесь скорее всего разумеется один из походов против какого-либо из меотских племен в азиатской части Боспора” (1953, с. 148 прим. 1). Если бы дело обстояло именно так, то мы могли бы связывать эти военные действия с присоединением псессов, однако Демосфен называет боспорского противника “скифами”.

Высказывалось мнение о том, что войну с Боспором вел сын и наследник царя Атея, о котором тот упоминал при обмене посланиями с Филиппом Македонским (*Just.*, IX, 2,4) и который, предположительно, был похоронен в кургане Огуз (*Болтрик, Фиалко*, 1994, с. 51-52), однако картина была, кажется, значительно более сложной (см. выше).

Новые приобретения варварских земель расширяли источники поступления зерна, продажа которого являлась традиционной статьёй дохода боспорских правителей. Основным потребителем боспорского зерна по-прежнему оставались Афины, которым Перисад, как и его предшественники, дал право беспошлинного вывоза (*Dem.*, XXXIV, 36). В знак дружественных отношений в Афинах были поставлены медные статуи Перисада, Сатира и Горгиппа (*Dein.*, I, 43)¹.

Развитию торговых связей Боспора способствовало предоставление гражданам различных городов проксений и освобождение от пошлин на все товары на всем Боспоре. Среди проксенов фигурируют граждане Пирея (так назывался Амис в V-IV вв.), Халкедона (Калкедона) на Боспоре Фракийском и, возможно, Хиоса (КБН, 1-3). Имена и этникины еще двух проксенов не сохранились.

Политика Перисада по отношению к местным производителям кровельной черепицы резко изменилось. В 350-340 гг. действовало не более 8 мастерских (клейма трех мастерских не опубликованы и отнесены к этому времени предположительно — см. Приложение 3, №№ 40, 67, 104), половина из них принадлежала единоличным владельцам, среди которых был Притан (там же, № 100), а половина — совладельцам, одним из которых во всех случаях являлся сам Перисад (там же, №№ 8, 22, 29, 54). Вторые совладельцы задолго до этого являлись собственниками эргастериев. Таким образом, если в последние годы правления Левкона действовало 30 эргастериев, то при Перисаде продолжали работу только те из них, которые были вынуждены признать Перисада совладельцем (явное исключение было сделано лишь для сына Перисада, Притана). Фактически это означало установление царской монополии на производство кровельной черепицы. Некоторые исследователи полагали, что эта монополия возникла благодаря объявлению основных карьеров по добыче глины царской собственностью (*Шкорпил*, 1914, с. 138 прим. 2; *Гайдукевич*, 1934, с. 271), однако действия Перисада показывают более простой путь — черепичное производство было объявлено царской прерогативой. В 340-330 гг.

¹ Согласно наиболее распространенному мнению, упомянутый Горгипп являлся дядей и тестем (КБН, 1015) Перисада (*Грач*, 1968, с. 110-111). Иная точка зрения была высказана Э. Миннзом, который считал, что Горгипп был сыном Перисада I (*Mims*, 1913, p. 573). По ряду причин это мнение кажется более предпочтительным. Во-первых, со смертью Левкона положение его брата Горгиппа, "сатрапа" Синдики, фактически сводилось бы на нет. Во-вторых, при кратком соправлении Спартока II и Перисада I последний, скорее всего, получил как раз азиатскую часть — возможно, благодаря женитьбе на дочери Горгиппа, что также не оставляло тому места в новой системе власти. Правда, при единоличном правлении Перисад мог бы вернуть Горгиппа на прежне (или другое) место, но тут мог сыграть свою роль преклонный возраст Горгиппа. Отсутствие "младшего" Горгиппа в числе претендентов на престол после смерти Перисада I может объясняться его ранней кончиной.

действовали только две мастерские, находившиеся в собственности Перисада и Притана и Перисада и Гермocrates (Приложение 3, №№101, 30), после чего выпуск черепицы прекратился до времени Евмела. Относительная редкость этих клейм показывает, что объем производства черепицы резко уменьшился. Это могло быть вызвано рядом причин — перепроизводством ее в предшествующие десятилетия, снижением строительных работ, введением царской монополии и т. п., в результате чего Перисад не получал ожидаемых прибылей. Сокращение финансовых возможностей правителя неизбежно должно было сказаться и на его монетной чеканке.

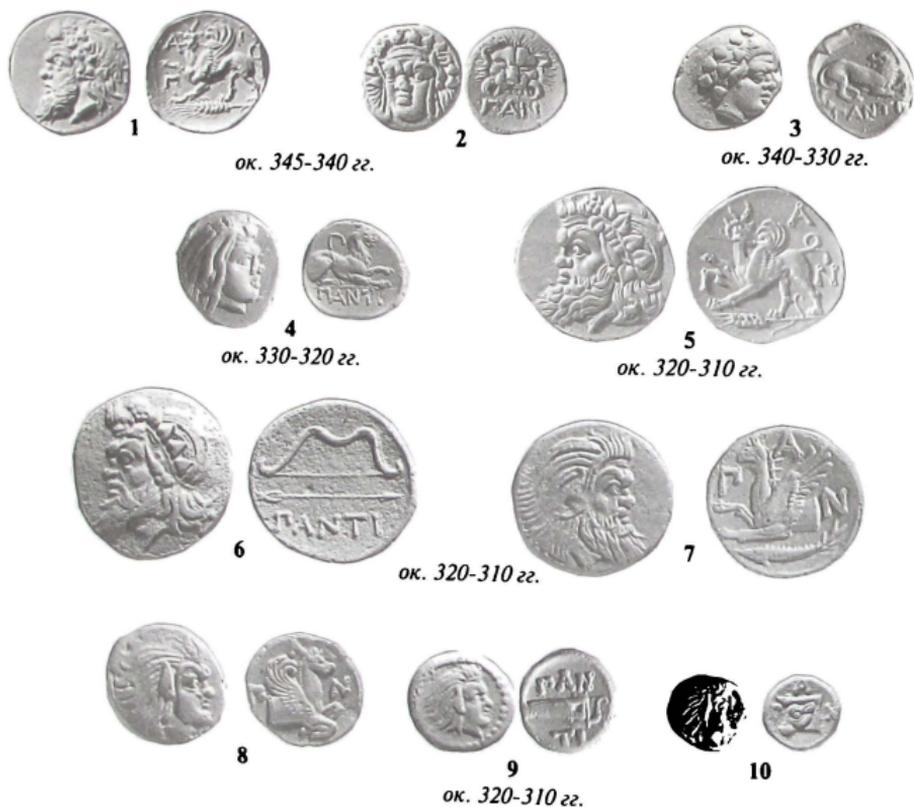

Рис. 15. Монеты Пантикапея времени Перисада I.
(1, 5 — золото; 2-4 — серебро; 6-10 — медь).

К началу самостоятельного правления Перисада (345-340 гг.) можно отнести золотые статеры и серебряные гемидрахмы (рис. 15, 1-2). Выпуск золота свидетельствует о значительных возможностях Перисада, которыми он был обязан, скорее всего, участием в производстве черепицы (совладелец четырех мастерских). Следующая серия (ок. 340-330 гг.) состояла только из серебра (рис. 15, 3), достаточно обильного в эти годы: Перисад являлся совладельцем двух мастерских. Прекращение выпуска черепицы сказалось и

на чеканке — в 330-320 гг. был выпущен только один номинал серебра (рис. 15, 4). Весьма показательна последняя серия Перисада (ок. 320-310 гг.) — ее возглавляют золотые статеры, но нет серебра, а медь представлена пятью номиналами (рис. 15, 5-10). На формирование серии по металлам оказали влияние разные причины, в том числе острый дефицит серебра, дешево ценившегося на Боспоре и потому вывозившегося за его пределы (Анохин, 1971, с. 12), однако и лишение доходов от производства черепицы сыграло свою негативную роль¹.

Несмотря на это, в целом положение Боспора при Перисаде I оставалось достаточно прочным и стабильным: экономическое благополучие государства поддерживалось интенсивным вывозом зерна в Афины, сохранялась власть над синдскими и меотскими племенами, список которых пополнили фатеи и досхи, и даже военный конфликт со скифами не имел каких-либо ощутимых последствий². Перисад установил черепичную монополию, опередив в этом начинании царей эпохи эллинизма, издавал декреты от своего имени и, видимо, обладал еще какими-то качествами абсолютного монарха, которые дали впоследствии основания обожествить его (*Strabo.*, VII, 4,4). Правление Перисада завершило длительный период становления Боспорского государства, превратившегося в устойчивое территориальное образование со стабильным греко-варварским населением, значительным экономическим потенциалом и прочими международными связями.

¹ Ряд соображений (неизменность монетной политики каждого правителя, учет неизбежного вывоза дешевого серебра, не покрывавшегося поступлением денег в казну из-за прекращения производства черепицы) заставляет пересмотреть прежние определения номиналов меди этой серии. Ее можно рассматривать как кальку с полной серии серебра Перисада (МДБ, 104-107), включавшей триобол, обол, гемииобол и тетартеморий; отсюда номиналы медных монет следует определять как драхму, триобол, обол, гемииобол и тетартеморий (рис. 15, 6-10). Серию можно было бы считать чрезвычайным выпуском, однако наличие в ней золотых статеров обеспечивало конвертируемость меди.

² На военном поприще Перисаду приходилось не только побеждать, но и терпеть поражения, о чем свидетельствует приписываемая ему стратегема по перемене одежд: в одной он строил войско, в другой вступал в сражение, в третьей — обращался в случае необходимости в бегство (*Polyaen.*, *Strateg.*, VII, 37).

ГЛАВА IV БОСПОР В ЭПОХУ ЭЛЛИНИЗМА (310 - 14 гг.)

"Этот упадок, правильнее сказать, медленное угасание после пышного расцвета в IV в., развивался постепенно. Проследить его отдельные этапы невозможно, так как наши источники для истории Боспора после смерти Персиса II и до последнего Персиса более чем скудны и мало содержательны... Всего этого материала слишком мало, чтобы запалить пистолет, но выражением Бека, летописи истории Боспора все же мало-мальски лет".

Жаботинский С. А., 1953, с. 85-86.

Под "эллинизмом" подразумевается отрезок истории древнего мира, заключенный между годом смерти Александра Великого (323 г.) и вступлением Октавиана Августа в Александрию Египетскую (30 г.), положившим конец династии Птолемеев. Не прекращающиеся прения по поводу термина "эллинизм", искусственно созданного Дройзенем, носят схоластический характер и беспредельны в своей основе, а набор признаков, которыми пытаются охарактеризовать сущность "эллинизма", имеет устойчивую тенденцию к сокращению по мере роста числа исследуемых регионов. Вполне оправданы слова В. Тарна — "термин "эллинизм" есть только "условная этикетка" для цивилизации трех веков, в течение которых греческая культура распространилась далеко за пределы своей родины; никакое общее определение не может полностью охватить этот процесс" (Тарн, 1949, с. 20).

Эллинистическая эпоха характерна возникновением и развитием ряда крупных монархий, основанных диадохами. Их внешняя политика была направлена на расширение владений в Средиземноморье за счет других царств

и свободных городов. Первым правителем такого же масштаба в Причерноморье стал, правда, на короткое время, боспорский царь Евмел, преемник Перисада I.

Смерть Перисада привела к тяжелой междоусобной борьбе его наследников, ход которой подробно изложил Диодор (XX, 22-24). Он сообщает, что власть от отца получил старший сын Перисада, Сатир II (310 - 309). Это решение не устроило младшего сына, Евмела, который начал борьбу за власть, заручившись поддержкой царя фатеев, Арифарна. Арифарн выставил 20 тыс. всадников и 22 тыс. пеших воинов; на стороне Сатира было ок. 2 тыс. греческих наемников и столько же фракийцев, а основной костяк войска составляли союзные скифы в количестве примерно 10 тыс. всадников и более 20 тыс. пеших (*Diod.*, XX, 22)¹. Направившись в земли фатеев, Сатир в упорном сражении разбил неприятельское войско, остатки которого бежали в царскую крепость, хорошо защищенную укреплениями и водами р. Фат.

Поначалу Сатир опустошил страну, набрав добычи и пленных, а затем подступил к крепости. Попытка овладеть ею штурмом с фронта и тыла принесла успех только с тыльной луговой стороны, где были захвачены деревянные укрепления на противоположном берегу реки. Форсировав ее, воины Сатира стали подступать к крепости, вырубая лес, из которого удачно отстреливались ее защитники. На четвертый день осады во время штурма Сатир бросился на помощь к предводителю греческих наемников, Мениску, но был ранен в руку и к ночи скончался, пробыв царем 9 месяцев. Мениск снял осаду крепости, “отвел войско в город Гаргазу и по реке перевез останки царя в Пантикапей к брату его Притану” (*Diod.*, XX, 23).

Детальное описание Диодора можно дополнить лишь немногими комментариями. Прежде всего следует обратить внимание на статус фатеев и их царя Арифарна. При Перисаде фатеи были подчинены Боспору (КБН, 972, 1015). Можно предположить, что со смертью Перисада они вновь стали независимы и царем вместо него стал Арифарн, однако положение последнего выглядит достаточно стабильным — стоит во главе большого войска, владеет хорошо защищенной крепостью. Возможно, власть Перисада распространялась на часть фатеев, тогда как основной массив управлялся своим царем, либо все фатеи подчинялись Перисаду, а Арифарн управлял ими в качестве “сатрапа” Перисада и после смерти последнего автоматически стал царем. Вероятно, какую-то роль сыграл и сговор Арифарна с незаконным претендентом на престол, Евмелом. Важным моментом в сообщении Диодора

¹ Вероятно, сведения Диодора послужили основой для описания военного столкновения скифов и савроматов в диалоге Лукиана “Токсарис или дружба”. В нем также идет речь о расприх из-за престола после убийства боспорского царя Левканора (*Лис.*, Тох .. 51), в котором можно угадать “Левкониду” Перисада, с. Левкона; со стороны скифов собралось войско ок. 5 тыс. всадников и 20 тыс. голплитов и пеших воинов (*Лис.*, Тох., 48) против 30 тыс. со всадниками у Диодора; во главе их противников стоял незаконнорожденный сын Левканора Евбиот (*Лис.*, Тох .. 51) вместо Евмела, незаконного претендента на престол, по Диодору, и царя махлиев Адирмах — вместо Арифарна.

является прямое указание о греческих наемниках на службе боспорского царя, предводитель которых организовал штурм крепости, а после гибели царя взял на себя функции главнокомандующего. Скорее всего, отряд Мениска находился на службе у Перисада и в полном составе перешел к его законному наследнику. Роль фракийских наемников была, вероятно, более скромной, их составляли, скорее всего, легковооруженные воины.

Кратковременное правление Сатира II, который был занят подготовкой к войне и самой войной, не оставило каких - либо следов деятельности на Боспоре. Еще более коротким было правление Притана, следующего по возрасту сына Перисада. Притан устроил великолепные похороны Сатира в Пантикапее и прибыл в Гаргазу, где "принял начальство над войском и царскую власть". Права Притана на престол признавал и Евмел, который, видимо, боясь вторично искушать судьбу, "завел было через послов переговоры относительно части государства". Однако, Притан не обратил на это предложение никакого внимания и, "оставив в Гаргазе гарнизон, возвратился в Пантикапей, чтобы упрочить свою власть". Тем временем "Евмел с помощью варваров захватил Гаргазу и немало других городов и укреплений. Притан выступил против него с войском, но Евмел одержал победу... и принудил сдать на капитуляцию, в силу которой Притан передал ему войско и отказался от царской власти. Прибыв затем в Пантикапей... Притан попытался было вернуть себе власть, но потерпел неудачу и бежал в так называемые Сады, где и был умерщвлен" (*Diod.*, XX, 24). Очевидно, правление Притана продлилось лишь несколько летних месяцев 309 г.

История этих двух коротких правлений проясняет вопрос о соправительстве на Боспоре. Несмотря на полную дееспособность всех трех сыновей Перисада царская власть в полном объеме наследовалась строго по старшинству. Реакция Притана на предложение Евмела, соглашавшегося на часть государства, была адекватна реакции человека, осознающего себя единодержавным правителем и не допускающего мысли о разделе власти с незаконным претендентом¹. Его желание найти поддержку в Пантикапее (апелляция к Народному собранию?) после сдачи наемников Евмелу было последней попыткой опереться на закон, обеспечивавший его права на престол.

¹ Противоположного мнения придерживается В.П.Яйленко, признающий наличие у Спартокидов института соправителей. Он считает, что "Спартокиды были местной скифской, а точнее, фрако - иранской по происхождению династией, так что принятый у них институт соправления был продолжением существовавшего по меньшей мере с VI в. у скифов Северного Причерноморья аналогичного обычая. Последний был результатом "улусного" принципа распределения владений между членами правящего рода у кочевников. Такой принцип наблюдается и у Спартокидов..." (*Яйленко*, 1990, с.286 - 287, 291). В известных случаях соправлений объясняются чрезвычайными обстоятельствами - Селевк был соправителем вынужден, скорее всего, по болезни взять брата соправителем и спустя три года скончался.

Согласно Диодору, Евмел после захвата власти расправился с окружением своих братьев — были убиты жены, дети и друзья Сатира и Притана, спасся лишь юный Перисад, сын Сатира, нашедший убежище у скифского царя Агара. По-видимому, Агар принимал участие в междоусобице на стороне Сатира. Эти репрессии вызвали негодование граждан и Евмел был вынужден оправдываться перед ними — он созвал Народное собрание, “произнес речь в свою защиту и восстановил прежний образ правления”. Он согласился сохранить беспощинность и обещал освободить всех от податей.

Диодор характеризует Евмела как правителя, который вел активную внешнюю политику, оказывая благодеяния жителям Византия, Синопы и большинству других эллинов Понта. Особо отмечается помощь, оказанная Евмелом Каллатии, осажденной Лисимахом, — он принял тысячу беженцев, предоставив для поселения город и наделив их участками земли “на так называемой Псое и хоре” (этого города). Этим городом являлась Горгиппия, где был обнаружен каталог победителей состязаний в честь Гермеса, учрежденных каллатийцами (КБН, 1137; см. Приложение 4). Каллатийцы жили обособленной общиной (в каталоге отсутствуют представители местного населения, как греки, так и варвары). С прибытием каллатийцев можно связать расцвет хоры Горгиппии, начавшийся в конце IV в.

Евмел очистил море от пиратов — гениохов, тавров и ахейцев, чем заслужил известность далеко за пределами Понта; присоединил многие соседние земли варваров (в последних следует предполагать, прежде всего, скифов, воевавших на стороне Сатира) и “задумал было вообще покорить все племена, окружающие Понт”, если бы не погиб в результате несчастного случая (*Diod.*, XX, 25).

По широте размаха деятельности, охватывавшей все Причерноморье, Евмела вполне можно поставить в один ряд с диадохами Александра, боровавшимися друг с другом за расширение и упрочение своей власти. Акции Евмела явно были направлены на превращение Понта во внутреннее море боспорских правителей.

Кратковременное правление Евмела почти не оставило материальных следов его пребывания у власти. Возможно, его имя фигурирует в одной из фрагментарно сохранившихся надписей (КБН, 917; *Шкорпил*, 1914, с. 81-82, № 11; *Яйленко*, 1990, с. 229), тип которой, к сожалению, не определяется (обращает на себя внимание использование глагола *υπηρετῶ* — помогать, содействовать).

К правлению Евмела можно отнести лишь один выпуск монет — золотых статеров (рис. 16). Это было последнее золото тяжелого веса, соответствующего норме монет Перисада I и его предшественника, что лежит в русле обещаний Евмела “восстановить прежний образ правления”. Выпуск статеров тяжелого веса показывает, что несмотря на повсеместное распространение золота аттической системы Александра Великого в денежном обращении Боспора сохранялся счет на кизикины.

ок. 309-303 гг.

Рис. 16. Статер Пантикапея времени Евмела (золото).

Весьма важен факт возобновления царского черепичного производства при Евмеле. Имеются в виду черепицы, клейменные полным именем Евмела, которые, невзирая на некоторые сомнения, следует отнести к этому царю (см. Приложение 3, № 123). Этот факт свидетельствует о некотором оживлении строительного дела, отражающем стабилизацию внутреннего положения на Боспоре, а также о сохранении царской монополии на производство черепицы, эксплуатация которой должна была приносить Евмелу ощутимый доход.

Сведения Диодора о боспорских делах заканчиваются на Спартоке III, сыне Евмела, о котором лишь кратко сообщается, что он властвовал двадцать лет (*Diod.*, XX, 100, 7), т. е. с 303 по 283 г., поэтому основными источниками по истории его правления становятся надписи, монеты и клейма на черепице.

Спарток III, возможно, впервые выступает на исторической арене в качестве дарителя венка афинскому народу, упомянутого в акте передачи имущества жрецами Афины (*Граков*, 1939, Дополнение, №1). Документ датируется 307/6 г. Граков полагал, что упомянутый в нем “Спарток с Понта” являлся Спартоком II¹, уже давно к этому году умершим, однако это мог быть и сын Евмела, будущий царь Боспора. Спарток, с. Евмела фигурирует в четырех боспорских надписях, в одной из которых он назван только архонтом (КБН, 18), в двух других — архонтом и царствующим, но без перечисления племен (КБН, 974, 1043), в четвертой — только царствующим (КБН, 19).

По мнению Яйленко, титулатура Спартока III отражает “в значительной мере” (?) утрату реальной власти над варварскими народами, поскольку в надписях отсутствуют упоминания о подчиненных племенах. Он считал, далее, что титул βασιλεύων, рангом более высокий сравнительно с титулом βασιλεύς, в надписях Спартока лишен конкретного содержания, то есть перечня подвластных народов, поэтому именование его “царем” в афинском декрете отражает реальное снижение его ранга. Развивая этот тезис, он

¹ О возможном венке Спартока II можно было бы судить по афинскому декрету в честь него, Перисада и Аполлония (*Граков*, 1939, № 3), в котором, в частности, обещается награждать их “в каждый первый год великих Панафиней” золотым венком по тысяче драхм каждый. Поскольку награжденные посвящали венки Афине Полиаде, то на них делали надпись “Спарток и Перисад, дети Левкона, посвятили Афине, будучи увенчаны афинским народом”. Ближайшие Панафины приходились на 344 г. до н.э., так что Спарток, умерший в 345 г., венка от Афин получить не успел. Разумеется, свой венок он мог отправить туда еще при жизни.

пришел к выводу, что возрождение расширенного титула при Перисаде II, с. Спартока, — “архонт Боспора и Феодосии, царствующий над синдами, всеми меотами и фатейми” (КБН, 25) вряд ли следует относить за счет тщеславия этого царя, что он отражал “восстановление” царства в прежних пределах, являвшееся, однако, кратковременным. Мысль автора сводится к тому, что если Евмел “присоединил к своему царству множество окрестных варваров и имел намерение покорить все обитающие вокруг Понта народы”, то уже Спарток утратил все завоевания отца, внук Перисад восстановил положение, однако преемники последнего окончательно все потеряли (Яйленко, 1990, с. 298, 301 - 302). Поскольку эти грандиозные в масштабах Боспора события реконструируются лишь на основе изменения царской титулатуры, было бы осторожнее искать причины трансформации титулов в них самих.

Как известно, начало подчинения варварского населения Боспора относится или, по крайней мере, фиксируется временем правления Левкона I и с тех пор правители довольно скрупулезно вели счет приобретениям и утратам в этой области, что, как принято считать, и отражалось в их титулатуре. К рубежу IV - III вв. ситуация сложилась таким образом, что в результате борьбы диадохов за наследство Александра возникло несколько более или менее стабильных в территориальном отношении царств и большая часть античного мира оказалась под властью царей. После захвата Кипра в 306 г. Антигон и его сын Деметрий были провозглашены царями, тогда же царем был объявлен и Птолемей. “Если это сделали Антигон и Птолемей, — писал Дройзен, — то почему должны были отставать от них и другие представители власти? Еще ранее Селевк был называем варварами царем и приветствуем ими по восточному обычаю... Лисимах Фракийский тоже принял диадему и начал называть себя царем... Вне непосредственных пределов государства [царства Александра Великого. — В. А.] царский титул, как кажется, встретил быстрое распространение; Митридат III Понтийский, Атропат Мидийский, а, может быть, также и властители Армении и Каппадокии вероятно теперь приняли диадему; Агафокл Сиракузский и Дионисий Гераклеяский, которого называли Кротким, тоже приняли царский титул” (II, 1893, с. 263-264).

Как следует из этой длинной цитаты, с начала III в. царский титул становится привычным для демократического слуха греков и некоторые модификации, как, например, на Боспоре, отражают его архаичность и не скрывают за собой никаких глобальных явлений. Власть Спартокидов более всего соответствовала царской власти раннеэллинистических правителей. Евмелу или Спартоку III даже не требовалось формального акта провозглашения себя царями — они и являлись таковыми в нескольких поколениях.

Всеобщее распространение титула βασιλεύς сделало излишним уточнение сферы их царской власти как в силу приоритетности его, так и по причине

стабильности состава варварских племен, находившихся под их рукой. Последнее подтверждается титулом Перисада II, с. Спартока III — “царствующий над синдами, всеми меотами и фатеями” (КБН, 25), полностью совпадающим с одним из последних титулов Перисада I (КБН, 1015). Правда, в нем нет досхов, которые названы в самом позднем из них (КБН, 972), но они — меоты (*Strabo.*, XI, II, 11) и попадают в категорию “всех меотов”. Другие надписи времени Перисада II называют только титул βασιλεύωντος (КБН, 21, 23), который, надо полагать, по содержанию был эквивалентен формуле КБН, 25, но такой же титул употреблялся и при следующих правителях: Спартоке IV (КБН, 24), возможно, Спартоке V (КБН, 26 — титул восстановлен), Перисаде IV (КБН, 1044), так что оснований для утверждения об утрате боспорскими царями власти над варварскими племенами во 2 пол. III - II вв. только по данным титулатуры не имеется.

Вариабельность титулатуры отдельных правителей обычно не влияет на объективность систематизации надписей — разные перечни подчиненных племен в надписях времени Перисада I позволяют уверенно определить их относительную хронологию. Сокращение формулы Спартока III делают задачу более сложной, а выводы — предположительными. Так, неясна причина использования на каком-то отрезке его правления одного лишь титула архонта. Можно допускать, вслед за Яйленко, полную утрату власти над всеми местными племенами, однако после значительных успехов Евмела это кажется маловероятным, тем более, что при сыне Спартока III эти владения были восстановлены. Если отношения с варварскими племенами строились на договорной основе, то посвящение Деметре (КБН, 18) могло быть совершено до того как эти отношения были оформлены. Впрочем, это могло быть и не связано с варварами — посвятельница воспринимала Спартока именно как архонта (Боспора), что и было отражено в надписи, которая, следовательно, могла быть вырезана в любой отрезок времени правления Спартока III. Исчезновение из формулы “архонта и царя” (КБН, 974, 1043) титула “архонт” (КБН, 19) более существенно: оно может быть объяснено изменениями в менталитете как всего боспорского общества, так и лица, поставившего это посвящение, что позволяет датировать надписи примерно первой и второй половиной правления Спартока, т. е. 303-293 и 293-283 гг.

Все боспорские надписи времени Спартока III являются посвящениями и потому дают мало исторической информации¹. Значительно больший интерес в этом отношении представляет афинский декрет в его честь, датируемый 289/8 г. Из текста декрета следует, что афиняне, освободившиеся от власти

¹ Одно из посвящений (КБН, 19) поставлено неким сыном Молпагора за своего сына, Мойродора. Имя Молпагора является уникальным в боспорской ономастике; в то же время известен боспорит Молпагор, служивший в начале III в. наемником в Египте (*Launey*, 1949, p. 422 note 3). Посвятель КБН, 19 хронологически мог быть сыном этого наемника.

мелкие номиналы, то при Спартоке III серебро чеканилось вплоть до диобола, а три номинала меди (МДБ, 124-126) представляли собой обол, тетрахалк и дихалк, что свидетельствует об улучшении финансовой ситуации¹.

ок. 303-293 гг.

ок. 293-283 гг.

Рис. 17. Монеты Пантикапея времени Спартока III.
(1,3— золото; 2,4-7 — серебро; 8,9 — медь).

Другую важную статью доходов Спартока III составляло производство черепицы — к этому правителю отнесены клейма с двустрочной надписью ΒΑΣΙΛΕΩΣ/ΣΠΑΡΤΟΚΟΥ (см. Приложение 3, №№ 124-126). Монополия царя

¹ Этому способствовало хорошее состояние боспорской хлеботорговли, а также, вероятно, подключение к финансированию городской чеканки храма Аполлона. В первой серии Спартока III монопольное положение типа сатира было нарушено — старший номинал серебра был выпущен с изображением головы Аполлона (рис. 17,2). Доминирующее положение культа Аполлона было устойчивым при всех Спартокидах, о чем свидетельствуют посвящения, однако в монетном деле он никак не проявлял себя. Появление головы Аполлона на монетах удовлетворительно объяснялось бы частичным финансированием эмиссии храмом этого божества.

на производство черепицы сохранялась, однако при нем получили такое право и некоторые частные лица. Наибольший интерес представляют клейма ГОР и ЕΠΙ ΓΟΡΓΙΟΥ, принадлежавшие одному из каллатийцев, осевших в Горгиппии (Приложение 3, №№ 128 - 129).

Этими материалами ограничиваются данные, относящиеся к правлению Спартока III. Систематическое изложение "Библиотеки" Диодора Сицилийского обрывается 302 г. до н. э., поэтому хронология следующих боспорских правителей вплоть до Митридата Евпатора восстанавливается лишь приблизительно. Начало правления Перисада II, сына Спартока, определяется годом смерти его отца по Диодору, конец правления относится примерно к середине 40-х гг. III в. до н. э.

Имя и отчество Перисада II содержится в пяти надписях: в одной он назван "царем, сыном царя" (КБН, 20), в двух других — βασιλεύωντος (КБН, 21, 23; к ним, вероятно, можно отнести и третью, где сохранилось только имя и отчество— КБН, 1036), а еще одна содержит устаревшую формулу "архонт Боспора и Феодосии, царствующий над синдами, всеми меотами и фатейми" (КБН, 25). Неустойчивость титулатуры определенно связана с личностями посвятивших титул "царь, сын царя" использован родосцами, посвятившими статую Перисаду, что соответствует общегреческому употреблению этого титула; архаическая титулатура принадлежит сыну царя, Левкону, и отражает, видимо, менталитет молодого царевича.

Внешнеполитическая деятельность Перисада II зафиксирована в двух акциях — посольстве в Египет и дарении золотой чаши в храм Аполлона на Делосе, к ней относится и ответный визит египетского корабля в Боспор. На мой взгляд, эти три события были тесно связаны между собой.

О посольстве сообщается в письме из архива Зенона, управлявшего именем Аполлония, приближенного египетского царя Птолемея II Филадельфа (285 - 247), которое датировано по современному счету 21 сентября 254 г. (Граков, 1939, с. 260 и сл.). Посольство приходится на время II Сирийской войны (258-248 гг.) между Сирией и Македонией с одной стороны и Египтом — с другой. Войне предшествовали такие события. Согласно Дройзену, во время войны за вифинское наследство (262 г.) Египет признал Зиелу царем Вифинии. В результате к Родосу, Пергамскому и Понтийскому царствам в Малой Азии, с которым у Египта были хорошие отношения, добавились Вифиния, Гераклея и Византий. Возникла реальная угроза городам Геллеспонта, находившимся под властью Сирии. "Расширение египетского влияния в Малой Азии, — писал он, — напомнило Селевкидам о том, что Египту стоит только предложить помощь непрерывно угрожаемым городам, чтобы они отошли от Сирии" [угрозы связывались преимущественно с галатами.— В. А.]. Чтобы нейтрализовать успехи Птолемея, Антиох приступил к завоеванию Фракии и сумел распространить свою власть до Византия (260 г.), после чего приступил к осаде самого этого города. Однако, осада шла неудачно и при известии о посылке гераклеотами

40 триер на помощь городу была снята (259 г.). На следующий год началась II Сирийская война, о событиях которой практически ничего неизвестно. В Афинах во время этой войны началось движение за освобождение от власти македонского царя Антигона, союзника Антиоха. Видимо, успехи Птолемея и реальная угроза отпадения подчиненных городов вынудили союзных царей пойти на уступки: Антигон в 255 г. вывел стоявший на Мусейоне гарнизон и восстановил свободу Афин (*Paus.*, III, 6,3), чем снискал одобрение в Греции, а вскоре и Антиох даровал свободу некоторым ионийским городам (*Дройзен*, III, 1893, с. 166 - 167). Международная обстановка несколько разрядилась и Боспор направляет посольство в Египет.

Вопрос о целях визита послов Перисада II к Птолемею II долгое время рассматривался под углом зрения боспорской торговли зерном. Начало этой концепции положил М. И. Ростовцев (*Rostovtzeff*, 1928, p. 13-15). В специальной статье, посвященной проблеме взаимоотношений этих двух правителей, он высказал мысль о том, “что для боспорских царей было вопросом жизни и смерти так или иначе наладить свои отношения с Птолемеями”, от господства которых в Эгейском море зависела боспорская зерноторговля (*Ростовцев*, 1929, с. 114). По его мнению, речь не шла ни о конкуренции, поскольку “на зерно во все периоды существования античности спрос превышал предложения”, ни о стремлении Египта установить монополию, поскольку он “не мог физически прокормить всего греческого мира”. Египет был заинтересован в том, чтобы Перисад направлял хлеб друзьям Птолемеев, а не их врагам; Боспору было выгоднее иметь дело с промышленно развитой Александрией, чем с “примитивной, сельскохозяйственной, деревенской и притом властолюбивой и резкой” Македонией, к тому же Птолемей все еще сохранял свое могущество (*там же*, с. 115). Вскоре после посольства господство на море перешло к сопернику Птолемея, Антигону Гонату, “и как по мановению волшебного жезла изменилась политика Перисада — в инвентарях Делоса ок. 250 г. имя Перисада II стоит рядом с именами Антигона и его жены, а имени Птолемея в этих инвентарях по соседству нет” (*там же*, с. 116).

По мнению Жебелева, посольство имело “своей целью, несомненно, урегулировать также и вопросы, касающиеся хлебного экспорта, в частности, быть может, специально в Афины, с которыми египетский царь состоял в формальном союзе”. Он фактически отрицал предположение Ростовцева об отсутствии конкуренции между Боспором и Египтом, утверждая, что торговля боспорским хлебом “неизбежно должна была сократиться с поступлением на греческие рынки египетского хлеба”; это вело к падению доходов, ослаблявшему военную силу Боспора, державшуюся на наемной армии, “что было, конечно, прекрасно учтено окрестными с Боспором туземными племенами, почувствовавшими начинающийся и постепенно развивающийся упадок правящей на Боспоре династической власти” (*Жебелев*, 1953, с. 84 - 85).

Гайдукевич полагал, что в переговорах, возможно, “затрагивался вопрос о

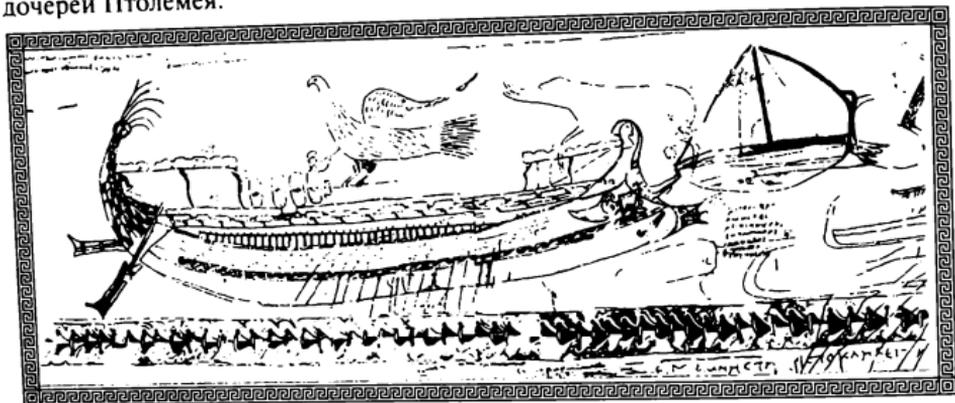
размежевании сфер влияния в хлебной торговле... на рынках Эгейского моря”, поскольку из-за утраты Афинами бывшего политического и экономического значения Боспор терял в их лице “одного из наиболее выгодных и надежных покупателей основной массы боспорской пшеницы” (*Гайдукевич*, 1949, с. 77); по мнению И. Г. Шургая, речь могла идти только о торговле хлебом с Афинами “и ничего другого здесь предположить нельзя” (1973, с. 53).

Гипотеза о торговой конкуренции Боспора и Египта была подвергнута серьезному анализу М. К. Трофимовой, которая показала отсутствие у нее “прочной теоретической почвы”, тогда как археологические исследования не подтверждают предположения об упадке боспорской экономики в середине III в., якобы вызванном этой конкуренцией (*Трофимова*, 1961, с. 68). Тем не менее, идея торговой конкуренции периодически возрождается. Например, Яйленко утверждал, что “в середине III в. Боспор уже не мог составить какой-либо конкуренции процветавшему Египту в хлеботорговле по причине значительной утраты поселений хоры”, и что боспоро - египетские контакты III в. до н. э. нужно рассматривать в плане “поисков помощи извне”, “мобилизации боспорскими царями внутренних сил и внешней помощи по отражению варварской угрозы” (*Яйленко*, 1990, с. 302 - 303). Однако, мы не располагаем данными о том, что на Боспоре к этому времени создалась угрожающая обстановка, поскольку отрывочные факты — строительство оборонительных сооружений, единичные надгробия (*Яйленко*, 1990, с. 301, 303) — нельзя точно датировать.

Особая точка зрения о причинах контактов между Боспором и Египтом в середине III в. была высказана Ю. Н. Литвиненко. Рассматривая археологические материалы, главным образом находки бронзовых перстней “птолемеевского” типа в Северном Причерноморье, и критически разбирая тезисы о проникновении их в результате торговых, религиозных и политических контактов он считает возможным связывать их распространение “с птолемеевскими наемниками — выходцами из северо-причерноморских центров”, а обмен посольствами объяснять вербовкой боспорских наемников в армию Птолемея II (*Литвиненко*, 1991, с. 22). По мнению О. Я. Неверова, исследовавшего указанный тип перстней, “ни в одном районе античного мира не было найдено такого значительного числа подобных памятников” (*Неверов*, 1974, с. 107). Естественно, мы должны были бы ожидать и соответственно значительного числа боспорских наемников в Египте, однако этого не наблюдается — там известны всего лишь два боспорита. К примеру, согласно приведенным Литвиненко данным, в списке наемников по Арсиноитскому ному принимало участие около 90 фракийцев и 2 боспорита (*Литвиненко*, 1991, с. 21 прим. 70, 73), тогда как во Фракии не найдено ни одного такого перстня (Неверов дает ссылку на находку кольца в Самофракии: *ук. соч.*, с. 107 прим. 11) против 28, найденных на Боспоре.

Умозрительный характер гипотезы Литвиненко достаточно очевиден¹.

Для объяснения причин организации посольства царя Перисада II к Птолемею Филадельфу нет необходимости конструировать сложную экономико-военно-политическую ситуацию, в которой якобы оказался Боспор в середине III в. до н. э. Это посольство имело весьма прозаическую задачу — сосватать сыну Перисада, будущему царю Спартоку IV, одну из дочерей Птолемея.

Фрагмент граффити из Нимфея с изображением корабля (по: Грач, 1984).

Поиск подходящей невесты для наследника являлся сложной задачей для любого монарха. Для Перисада II она была сложной вдвойне, поскольку физическое уничтожение Евмелом своих родственников исключало возможность поиска ее в кругу представителей одной династии. С другой стороны, рост числа царств в первой половине III в. до н. э. обязывал Перисада поддерживать авторитет царского дома, универсальным средством для чего служило заключение междинастийных браков. Женитьба старшего сына на представительнице семьи одного из могущественных царей его времени, к тому же находившегося в зените славы, было, пожалуй, пределом мечтаний боспорского царя, и с этой целью он направляет послов в Египет в 254 г. Для Птолемея II такой брак был выгоден — этим он расширял сферу своего влияния в Понте, куда включалось и Боспорское царство. Договоренность о браке была достигнута, что подтверждается рядом фактов, выстраивающихся в единую связную цепь.

Некоторое время спустя великолепный египетский корабль “Исида” доставил на Боспор царевну. “Исида” сделала остановку в Нимфее, где

¹ Никакими доказательствами не аргументировано предположение Туровского о том, что Боспор мог нуждаться в поставках египетского хлеба (!), а Птолемей — в боспорских наемниках (Туровский, 1995, с. 155).

Голова египетской статуи царицы середины III в. до н. э. из Керчи
(по: Ланис, Матье, 1969, рис. 90).

неизвестный художник - египтянин нацарапал на стене местного святилища изображение корабля. Позднее святилище погребло от пожара и штукатурка с изображением "Исиды" обвалилась на рухнувшую кровлю здания с обилием черепиц, имевших клейма ΒΑΣΙΛΙΚΗ (по всей вероятности, речь идет о начальной группе клейм этого типа, относящейся к правлению Перисада II — см. Приложение 3, №№ 132 - 133). Время визита египетского корабля исследовательница этого комплекса, Н. Л. Грач, относила ко 2 четв. III в. до н. э. (Грач, 1984, с. 86; см. также: она же, 1986; 1989; Грач, 1987).

Следует думать, что визит "Исиды" состоялся спустя год или два после боспорского посольства, т. е. в 253 - 252 гг. На это может указывать дарение Перисадом золотой чаши в храм Аполлона на Делосе, первое упоминание о котором относится к 250 г. (Граков, 1939, № 22). Логично предположить, что дар был совершен согласно обету или в знак благодарности божеству за содействие в достижении цели, стоявшей перед посольством.

Египетскую царевну должен был сопровождать обширный круг придворных, ей предстояло строить отношения с местной аристократией и завоевывать симпатии — с этого момента начинается распространение перстней с изображениями ее отца и матери, Арсиной II, умершей в 270 г. (Неверов, 1974; Трейстер, 1982; 1985; 1992). Из Керчи происходит голова египетской базальтовой статуи царицы, датируемой серединой III в. до н. э. (Ланис, Матье, 1969, с. 126 - 127, № 143, рис. 90), которая также, вероятно,

Рис. 18. Монеты Пантикапея времени Перисада II.
(1, 2 — серебро; 3-7 — медь).

была привезена с собой царевной. Ощутимые следы пребывания египтянки на Боспоре обнаруживаются и в дальнейшем.

При Перисаде II в экономической жизни Боспора наблюдаются два любопытных явления. Первое связано с кровельной черепицей. Государственная (= царская) монополия на ее производство впервые принесла значительные прибыли. Если клейм Спартока III по данным Гайдукевича было известно всего 2 экз., то клейм ΒΑΣΙΛΙΚΗ I типа, относимых к Перисаду II, — более 200. Впечатляющие масштабы производства черепицы при нем дают основания для некоторых выводов общего плана. Во-первых, можно смело утверждать, что строительство (и ремонт) жилых, общественных и культовых построек в это время велось весьма широко. Из этого следует, во-вторых, что внутренняя обстановка в государстве была стабильной, благоприятной и не предвещавшей каких-либо военных или политических потрясений. В-третьих, резкий рост производства черепицы означал столь же резкое увеличение доходов.

Второе явление было связано с монетными эмиссиями Пантикапея, оно получило в литературе название “денежного кризиса”. Ко времени Перисада II относятся три серии монет. Первую составляет серия серебра, представленная уникальными экземплярами монет с изображениями бородатого и безбородого сатиров и Аполлона (рис. 18, 1-2). Серия повторяет практику монетариев Спартока III — видимо, и Перисад привлек к финансированию чеканки храм Аполлона, однако эмиссия существенно сократилась в объеме. Вторая серия представлена тремя разновидностями меди: 1) монеты предыдущей спартоковской серии (рис. 17, 9), снабжавшиеся надчеканками “звезда” и “горит” (рис. 18, 3); 2) монеты того же образца, но надчеканки вырезаны в новых штампах, которыми дополнительно начеканивалась эмиссия (рис. 18, 4); 3) монеты нового образца с изображениями головы сатира и головы быка (рис. 18, 5), составлявшие младший номинал к двум первым разновидностям. Монеты второй серии подкрепляют вывод об участии храма Аполлона в эмиссии — им были выпущены в обращение старые монеты, предварительно снабженные надчеканками аполлоновых символов, звезды и горита. Наличие двух номиналов меди и предположение о копировании Перисадом монетной политики отца заставляет вновь вернуться к определению этих номиналов и признать, что они являлись тетрахалком и дихалком, как считал Шелов, тогда как надчеканки указывали на собственника эмиссии — храм Аполлона, а не город. Возможно, городу принадлежала эмиссия со звездой и горитом, вырезанными в штампах. Третью эмиссию составляли монеты типа: сатир/лук и стрела (рис. 18, 6, 7), чеканившиеся, судя по огромному количеству и значительной весовой деградации, в течение длительного времени. Их начальные выпуски по размеру и весу вполне сопоставимы с монетами, надчеканенными “звездой” и “горитом”, что позволяет и их считать тетрахалками. Хронология этих трех эмиссий такова: I — ок. 283—275 гг., II — ок. 275-265 гг., III—ок. 265-245 гг.

Большое количество выпущенной за эти годы деградировавшей меди, сопровождавшееся ее надчеканками и перечеканками, породили теорию о денежном кризисе на Боспоре в середине III в. до н. э. Неоправданное преувеличение и непонимание природы “кризиса” до сих пор заставляет искать его “истинные” причины, среди которых фигурирует и сарматское вторжение в Скифию (Шелов, 1985, с. 194; он же, 1989, с. 58). Сходные явления наблюдаются в это время и в монетном деле других городов Северного Причерноморья. Весьма показательны два подобных случая в чеканке Ольвии, поскольку оба они могут быть привязаны к эпиграфическим материалам, раскрывающим механизм возникновения “кризисных” явлений.

Первый из них имел место ок. 300-280 гг. На смену обильным выпускам серебра ок. 330 - 300 гг. (чеканились также золото и медь, но в небольшом количестве — МАГ, 80-126) пришли т. н. “борисфены”, оставившие далеко

позади все остальные типы ольвийских монет как по абсолютным количественным показателям, так и по числу встречающихся на них дифферентов (МАГ, 127—215). Эту эмиссию можно связать с займом у херсонесита Аполлония 3 тыс. золотых статеров, о чем известно из почетного декрета ольвиополитов в честь сыновей Аполлония — Аполлодора, Аполлония и Евфрона, отсрочивших уплату долга (IPE, 240+ НО,28 + 29 +123).

Чтобы собрать такую сумму город был вынужден примерно в течение двух десятилетий выпускать монеты из дешевого металла, меди. Нам неизвестен разменный курс статера и “борисфена”, но если, к примеру, исходить из льготного для меди соотношения 1 : 400, известного по декрету в честь Протогена сто лет спустя, то общее количество монет, начеканенных на эту сумму (не считая процентов), должно было составить 1 млн. 200 тыс. штук. Около 280 г., вероятно, после выплаты долга, город возвратился к регулярному выпуску серебра.

Другой случай связан с деятельностью упомянутого Протогена, с Геросонта, оказывавшего городу неотложную финансовую помощь золотыми статерами и получавшего в качестве компенсации медную городскую монету “из четырехсот”, т. е. 400 штук за статер (IPE, 32). Со временем Протогена синхронизируется серия ольвийских монет с буквами ВΣΕ (МАГ, 303-309), выпуск которых также носил массовый характер.

Оба эти примера показывают, что причиной обильных эмиссий меди стали значительные выплаты золота, опустошавшие городскую казну. Очевидно, тот же случай имел место и в Пантикапее. Ответ на вопрос о том, куда ушло золото города, заключен в другом экстраординарном факте — массовом выпуске черепицы с надписью ΒΑΣΙΛΙΚΗ. Замена имени царя анонимным термином “царская” означала передачу Перисадом II монополии на производство черепицы городу взамен полученной авансом крупной суммы золота. Солидную брешь в казне город пытался наверстать массовым производством черепицы. Кроме того, город был вынужден перейти к чеканке монет из дешевого металла. Поскольку “стратегемы”, подобные левконовой, являлись царской прерогативой, городская медь времени Перисада II должна считаться полноценной, а не условной, в противном случае ее не требовалось бы чеканить в огромных количествах. Выпуск одной лишь меди вряд ли мог отрицательно сказаться на хозяйственной деятельности, поскольку основную функцию — быть средством обращения — она исправно выполняла, а все остальные функции перешли к повсеместно распространившимся статерам Лисимаха и лисимаховского типа. Отсутствие боспорского золота и серебра в обращении должно было положительно сказаться на местной экономике, поскольку оно вынуждало иноземных купцов ввозить золото, ведя расчеты с помощью медной монеты, а в случае отрицательного торгового баланса ограничивало возможности вывоза драгоценных металлов из Боспора. Из сказанного следует, что понятие “денежный кризис” является неправомерным и неадекватным для характеристики денежного хозяйства Боспора 2 четв. III в. до н. э.

В конце правления Перисада II на Боспоре произошло чрезвычайное событие — Горгиппию покинули каллатийцы, поселенные в ней Евмелом. По всей видимости, выселилось подавляющее большинство каллатийцев (естественно, их основную массу составляли потомки тех беженцев), поскольку состязания в честь Гермеса были прекращены. Последний раз такие состязания были устроены ок. 247 г., так что выселение произошло в этом или следующем году. Возможно, оно было каким-то образом связано с кончиной Перисада II, случившейся где-то в 40-х гг. III в. до н. э. Последствия ухода каллатийцев были катастрофическими для этого региона — хора Горгиппии пришла в полный упадок, а город подвергся тотальному пожару.

К правлению Спартока IV может быть отнесена только одна надпись — посвящение Аглая, с. Гераклида, Дионису, датированная царствованием Спартока, с. Перисада (КБН, 24). Другая надпись, содержащая только его имя, являлась, вероятно, надгробием Спартока (КБН, 822).

Значительный интерес для истории Боспора 3 четв. III в. до н. э. имеет упоминание в схолиях к “Ибису” Овидия братьев Спартока и Левкона в качестве героев романтической трагедии (SC, II, с. 106). Слова Овидия — “была признана невинною та, от мести которой пал Левкон” (Ibis, 310) — интерпретируются в четырех списках схолиаста по двум версиям трагедии, разыгравшейся между братьями. В одном списке объясняется, что Левкон убил своего брата Спартока, желавшего совершить прелюбодеяние с его женой. Впоследствии жена убила своего мужа, Левкона. В другом называется имя жены Левкона — Алкатое (Alcathoe) и утверждается, что Спартак “обыкновенно” совершал прелюбодеяние. Согласно второй версии, Левкон убил своего брата Спартока из-за любви к жене Спартока Алкатое; желая совершить с нею прелюбодеяние он был убит ею врасплох. И то же в кратком изложении: “Левкон, ... убийца своего брата, желая совершить прелюбодеяние с его женой, был ею убит”. Исследователи принимали ту или иную версию, никак не мотивируя свой выбор: Латышев считал наиболее вероятной первую (1909, с. 86-87), Яйленко — вторую (1990, с. 304).

Говоря об источнике Овидия и схолиаста можно предположить, что им являлась хроника Диодора. В пользу этого свидетельствуют обычная для Диодора передача имени Спартока как Спартак, имя жены Спартока, связанная и мотивированная версия случившегося скандального эпизода.

Логичнее считать Алкатое женой Спартока, а не Левкона — вряд ли Перисад искал бы невесту в Египте для своего младшего сына. Левкон, очевидно, завидовал брату, страсть к египтянке подкреплялась столь же сильным желанием самому стать царем. Можно предположить, что после убийства брата он рассчитывал даже со временем жениться на Алкатое — об этом позволяет догадываться легкость, с которой Левкон попал, вероятно, в устроенную ему западню и был убит. По мнению Яйленко, Левкон был царем “очень недолго, в пределах года” (1990, с. 304 прим. 162), однако это желание оправдано — для того, чтобы попытаться удовлетворить свое желание

Левкону не нужно было ждать и года, однако для женитьбы на Алкатое нужен был более продолжительный срок, чтобы память об убийстве несколько померкла бы в сознании Алкатое и ее окружения. Кроме того, нумизматические и керамические материалы, относящиеся к Левкону, невозможно вместить в один год его правления.

Считается, что и правление Спартока IV было непродолжительным (КБН, с. 832 - ок. 245-240 гг.), однако, судя по клеймам и монетам, это определение следует пересмотреть. За клеймами ΒΑΣΙΛΙΚΗ I типа, отнесенными к Перисаду II, следуют клейма с той же легендой II типа, которые нужно датировать правлением Спартока IV. В количественном отношении они значительно уступают клеймам I типа (Гайдукевичу было известно 4 экз. из находок в Пантикапее). Небольшое число клейм II типа свидетельствует о прекращении безудержной эксплуатации полученного городом монопольного права на производство черепицы — очевидно, предполагаемый царский заем был оплачен и экономическая ситуация стабилизировалась. Клейма ΒΑΣΙΛΙΚΗ II типа следует отнести к первому десятилетию правления Спартока IV (можно предположить, что Перисад II передал городу монополию на черепичное производство сроком на 40 лет), тогда как ко второму — клейма с именем Спартока в двух строках (см. Приложение 3, № 138).

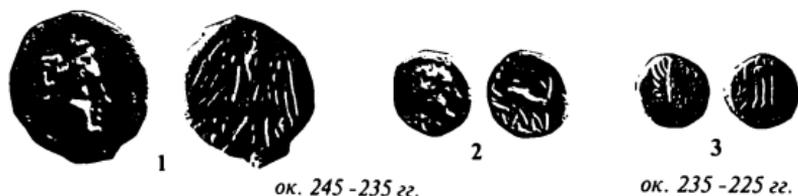

Рис. 19. Монеты Пантикапея времени Спартока IV (медь).

Появление на Боспоре представительницы царского дома Птолемеев заставляет пересмотреть хронологию монетных выпусков второй половины III в. до н. э. В частности, новый в боспорской чеканке монетный тип — изображение стоящего орла в фас с раскрытыми крыльями, навешанный, конечно, птолемеевскими типами (такое же изображение присутствует и на рисунке нимфейского граффито, над кораблем), — следует связать с началом правления Спартока IV. Изображение дельфина на реверсе монет младшего номинала, также новое для Боспора, могло напоминать царице о ее плавании из Египта в Боспор. Эта серия (рис. 19, 1-2), в которой роль среднего номинала выполняли тетрагалки “кризисного” типа (сатир-лук и стрела), может быть датирована примерно 245-235 гг.

На аверсе монет старшего и младшего номиналов этой серии помещено изображение головы Аполлона. Та же голова присутствует и на монетах следующей серии, в которой различаются две операции: 1) старший и средний номиналы предыдущей серии надчеканиваются изображением треножника;

2) выпускаются новые типы монет — голова Аполлона /треножник и крыло/ треножник (рис. 19, 3), представляющие средний и младший номиналы. Обе операции можно отнести к следующему десятилетию, ок. 235-225 гг. Господство типов, связанных с Аполлоном, в обеих сериях свидетельствует о единой направленности монетной политики, в которой, возможно, важную роль играл пантикапейский храм этого божества, и позволяет отнести обе серии к Спартоку IV, царствование которого следует помещать в пределах 245-225 гг.

ок. 225-215 гг.

Рис. 20. Монеты Боспора времени Левкона II.

Царские эмиссии: 1-2; Пантикапей: 3-4; Феодосия: 5; Фанагория: 6 (медь).

Левкон, сын Перисада II, известен по надписи, относящейся еще к правлению его отца (КБН, 25). Эпиграфические памятники царствования самого Левкона неизвестны, что заставляет подойти с особым вниманием к нумизматическим материалам его времени. Эти нумизматические памятники представлены тремя категориями монет: 1) царской, 2) интерлокальной и 3) городской.

Менталитет Левкона, проявившийся еще при жизни его отца в употреблении архаичной и потому несколько претенциозной формулы царского титула ("архонт Боспора и Феодосии и царствующий над синдами, всеми меотами и фатейми") сказался и в выпуске первых на Боспоре царских монет с именем и титулом Левкона — ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΛΕΥΚΩΝΟΣ (рис. 20, 1-2). Все три номинала царской меди носят военные типы: голова Геракла /палица и лук, голова Афины/ молния, щит и копье /меч, однако, с какими событиями военного характера это было связано — неизвестно.

Типологически к этой серии примыкает выпуск медных монет Феодосии: голова Афины /горит и палица (рис. 20, 5). Этот выпуск рассматривался как свидетельство сепаратистских тенденций Феодосии (Шелов, 1956, с. 173). Неясно, однако, какой смысл вкладывался в эту формулировку — ведь выпуск монет должен свидетельствовать о реализации этих тенденций. Но можно ли думать, что Феодосия на какое-то время освободилась от власти Боспора?

Оснований для такого утверждения нет, против него свидетельствует сходство типов феодосийской и царской меди. Скорее можно думать, что Левкон предоставил городу право монетной чеканки в связи с какими-то чрезвычайными обстоятельствами военного характера.

Изображение щита на медных монетах Левкона II дало основания отнести к этому правителю серебряные тетрадрахмы лисимаховского типа, снабженные дополнительным знаком в виде щита подобной конструкции (Seyrig, 1963, pl. I, 1-3, 5). Таким образом, Левкон первым из боспорских правителей эллинистического времени выступил с чеканкой интерлокальной монеты, попытавшись приспособить монетную систему Боспора к денежному рынку городов Фракии, Пропонтиды и Малой Азии, широко выпускавших монеты такого типа (Müller, 1858, Taf. III- IX).

Нет оснований полагать, что при Левконе не выпускалась бы и городская монета. Примерно в это время были чеканены монеты Пантикапея с новыми типами, демонстрирующими отказ от использования спартоковской типологии (орла, дельфина, треножника) и возврат к перисадовской (голова сатира, лук и стрела) наряду с введением новых типов — голова Посейдона, прора (рис. 20, 3-4). Разрыв с монетной политикой брата после его убийства вполне логичен и последователен. Особую пикантность этой левконовской серии монет придает заимствование изображения головы Посейдона у монет македонского царя Антигона. Ранее считалось, что эти монеты принадлежали Антигону Гонату (Зограф, 1951, с. 179). Теперь их относят к правлению Антигона III Досона (227-221), увековечившего таким образом свою морскую победу у Андроса в 227 г. в ходе Карийской экспедиции (Merker, 1960, p. 52). Антигон одержал победу над египтянами, так что использование македонского типа означало не только разрыв связей с Египтом, но и являлось изощренным способом досадить Алкатою.

С этой пантикапейской серией синхронен выпуск фанагорийских монет типа: бородатый сатир/ лук и стрела (рис. 20, 6). Расширение круга эмитентов было вызвано, вероятно, либерализацией политики по отношению к городам, проявлявшим недовольство убийством законного царя. Военские сюжеты на царских монетах Левкона могут указывать на то, что ему пришлось использовать не только политические реверансы для упрочения своего положения. В равной мере они могли отражать собственные представления Левкона о внешнем виде монет, который соответствовал бы его царскому достоинству.

Рассмотренные категории боспорских монет вполне укладываются в небольшой промежуток времени, поскольку ни одна из них не обнаруживает признаков модификации. Это позволяет считать правление Левкона непрерывным, ограниченным примерно одним десятилетием (ок. 225-215 гг.).

К правлению Левкона можно отнести небольшую группу черепиц с надписью ΒΑΣΙΛΙΚΗ, по палеографическим признакам близкую

соответствующим клеймам Спартока IV, но отличающуюся от них дополнительными изображениями трезубца и дельфина (Приложение 3, № 140). Трезубец Посейдона, настигающий дельфина, также может быть намеком на отношения, сложившиеся между Левконом и Алкатоей. Анонимность клейм указывает на то, что Левкон, по примеру отца, сдал свое керамическое производство в аренду, — возможно, Фанагории или частному лицу в этом городе: большая часть таких клейм происходит из Фанагории и Шелов отнес их к керамической продукции этого города (1954, с. 127).

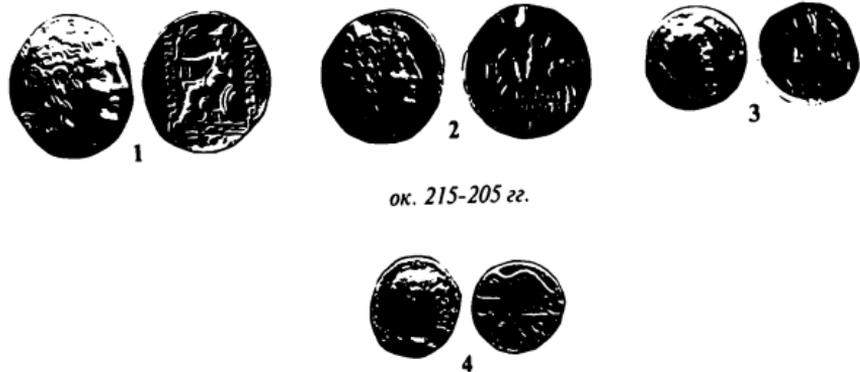
Смерть Левкона от руки Алкатое положила конец евмеловской линии Спартокидов. Брак Спартока IV и Алкатое оказался бездетным либо наследник был уничтожен Левконом вместе с отцом, поэтому чужеземка Алкатое оказалась единственной представительницей правящей династии.

Правителем Боспора стал Гигиэонт, по всей видимости, новый супруг Алкатое, избранный архонтом Народным собранием Пантикапея — таково наиболее вероятное объяснение появления среди царей лица с титулом архонта¹.

Объем власти Гигиэонта, насколько можно судить по источникам, полностью соответствовал царской — ему принадлежало право монетной чеканки и монополия на производство черепицы. Так же, по-видимому, следует отвечать на вопрос о положении варварских племен Боспора, подчинявшихся архонтской власти Гигиэонта — речь шла только о титуловании правителя и предполагать глобальные изменения в составе подчиненных ему варварских племен нет никаких оснований. Власть Гигиэонта над варварами покоилась не на титуле, а на реальной силе, в сохранении этой власти было заинтересовано и все греческое население Боспора, обеспечивавшее эту силу своими ресурсами. Излишне напоминать о том, что все следующие правители носили титул царя.

Гигиэонт превзошел Левкона в монетной чеканке — его «царская» монета выпускалась во всех трех металлах (рис. 21, 1-3). Уникальный золотой статер чеканен по образцу статеров лисимаховского типа, но снабжен надписью чеканен по образцу статеров лисимаховского типа, но снабжен надписью АΡΧΟΝΤΟΣ ΥΓΙΑΙΝΟΝΤΟΣ. Под изображением Афины на реверсе помещен трезубец, впервые появляющийся на монетах Византия ок. 215 - 210 гг. (Seyrig, 1968, р. 195-199), что не расходится с предполагаемой датой правления Гигиэонта (ок. 215 - 205 гг.).

¹ В исторической литературе существует тенденция рассматривать архонтат Гигиэонта как признак ослабления и ограничения царской власти на Боспоре в конце III в., подъема полисной самостоятельности городских и т.д. Эта точка зрения частично может быть подкреплена, например, фактом возрождения городских чеканок Феодосии и Фанагории, однако трактовать нумизматические материалы столь односторонне было бы ошибкой — квази-автономные монеты Феодосии появились на кратчайший срок только при Левконе II. Что же касается архонтата Гигиэонта, то неясно, во-первых, почему этот титул должен был более устраивать полисы, чем царский, — ведь все боспорские правители именовали себя архонтами по отношению к греческим городам; во-вторых, нельзя доказать, что архонтская власть Гигиэонта была меньшей, чем власть остальных архонтов до и после него. Чеканка монет и выпуск черепицы от имени Гигиэонта не подтверждают этого.

ок. 215-205 гг.

Рис. 21. Монеты Боспора времени Гигиэнонта.

“Царские” эмиссии: 1-3; Пантикапей: 4 (1- золото; 2- серебро; 3,4- медь).

Городские монеты времени Гигиэнонта представлены только пантикапейской чеканкой: при нем монеты Посейдон/ прора надчеканивались изображением головы Афины, коррелирующимся с изображением на золотом статере. Можно допускать и политическую подоплеку операции по надчеканке этих одиозных для Алкатое левконовских монет. Возможно, к этим надчеканенным монетам примыкал выпуск редких монет с изображениями Аполлона и лука со стрелой (рис. 21, 4) — вместе с медными монетами Гигиэнонта они могли составлять серию из трех номиналов меди. Судя по выпуску единственной серии “царских” и городских монет правление Гигиэнонта было непродолжительным и завершилось ок. 205 г.

В руках Гигиэнонта находилась и монополия на производство черепицы — известны его клейма с той же надписью, что и на статерах. Небольшое количество найденных клейм указывает на то, что производство черепицы находилось под его контролем.

Отсутствие эпиграфических памятников с упоминанием Гигиэнонта образует некую лауну в списке боспорских правителей, которая вновь заполняется с началом царствования Спартока V. Это, впрочем, не означает, что между Гигиэнонтом и Спартоком был еще один неизвестный нам правитель — как явствует из последовательности черепичных клейм с царскими именами, иных правителей между ними не существовало. Лауна сводится к тому, что оставляет неясным отношение Спартока V к Гигиэнонту и другим предшествовавшим правителям. Попытаемся разобраться в этом вопросе.

Реальность существования Спартока V надежно устанавливается посвящением фиаситов времени Перисада III, в котором упомянут отец царицы Камасарии, Спарток, без царского титула (КБН, 75, стк. 4-6), и дельфийской проксенией, данной Перисаду III и Камасарии, в которой

Если понимать под Перисадом нимфейского граффито царя Перисада II или III, то сразу же возникает ряд вопросов: 1) почему при имени Сатира первой названа мать, а отец, царь, вторым; 2) если это Перисад II, то почему, действительно, не упомянуты его сыновья Спарток и Левкон; 3) если это Перисад III, как считал Яйленко, то почему ни Сатир, ни Аполлоний не оказались на престоле; 4) почему сын Перисада, Сатир, должен был оказаться в Нимфее, в святилище Афродиты, чтобы ознакомиться с обращенным к нему посланием? Комплекс возникающих проблем приводит к убеждению, что в граффито идет речь о частной семье, проживавшей в Нимфее, но почему-то использовавшей широко известные имена членов династии Спартокидов. Есть и возможность определить эту семью, которой могли быть потомки Перисада, сына Сатира II, бежавшего от зверской расправы Евмела к скифам.

Попытаемся восстановить эту сатиловскую линию Спартокидов. Если Перисад, "очень молодой человек", по словам Диодора, остался в живых, то у него ок. 285 г. мог появиться сын, которому в соответствии с обычной практикой было дано имя деда, Сатира. Именно этот Сатир, сын Перисада и некой женщины, являлся адресатом нимфейского граффито. При таком объяснении понятнее становится упоминание первой его матери, возможно, знатной жительницы Нимфея, а вторым — отца, рядового жителя этого города. Перисад мог получить помилование от Спартокидов даже при Евмеле, для которого он в качестве частного лица и полного сироты не мог представлять серьезной угрозы. Упомянутый в граффито Аполлоний был, вероятно, младшим братом Сатира, названным в честь двоюродного прадеда. Автор послания находится с ним в дружеских и, возможно, родственных отношениях (к примеру, брат жены Аполлония).

Упомянутые в граффито два сына Сатира, к сожалению, безымянные, родившиеся ок. 255-250 гг., и стали впоследствии царями — Спартоком V и Перисадом III. Сначала это случилось со старшим из них, Спартоком. По-видимому, ок. 205 г. скончалась Алкатое, ее протеже Гигизонт должен был уйти со сцены и боспорский трон занял при неизвестных обстоятельствах представитель сатиловской линии Спарток. К этому времени Спартоку было ок. 50 лет и он имел, кажется, только одну дочь по имени Камасария. Позднее составитель посвящения КБН, 75 не назвал Камасарию дочерью царя, каковым Спарток на момент рождения дочери и не являлся.

Спарток V пробыл царем достаточно долго, около двадцати лет. После его смерти на трон был возведен его младший брат, "безродный", судя по дельфийской проксении, Перисад III. Он стал царем в возрасте примерно 60 лет и даже более. На "семейном совете", очевидно, учли печальный опыт последних представителей еумеловской линии и решили власть не делить, отдав Камасарию в жены родному дяде. Перисад III царствовал недолго, около пяти лет, от его брака с Камасарией родился сын Перисад IV Филометор.

Обратимся к материалам, характеризующим правление Спартока V. Прежде всего следует упомянуть крупные серебряные монеты — дидрахмы, продолжающие царские эмиссии предыдущих правителей. На дидрахмах изображена мужская голова в диадеме вправо (вероятно, самого царя) и горит с трезубцем, сопровождаемые легендой ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΣΠΑΡΤΟΚΟΥ (рис. 22, 1). При Спартоке возобновились выпуски пантикапейской меди, старший номинал которой имеет изображение головы Посейдона (или Зевса) и бородатого сатира, а младший — такой же головы сатира и лука со стрелой (рис. 22, 3, 4). Им предшествовала операция по надчеканке крупных медных монет левконовского времени (Посейдон - прора), получивших при Гигизонте надчеканку "Афина", изображением головы бородатого сатира (рис. 22, 2). Царское серебро можно датировать примерно 205-195 гг., медь, не имеющую с ней типологических точек соприкосновения, — ок. 195-185 гг.

Рис. 22. Монеты Боспора времени Спартока V.

Царские эмиссии: 1; Пантикапей: 2-4; Фанагория: 5 (1- серебро; 2-5 — медь).

Важным фактом было также возобновление медной чеканки Фанагорией — недавно стал известен уникальный экземпляр мелкой монеты, тетраخالка, однотипный с редкими пантикапейскими тетраخالками (рис. 22, 4), но с остатками букв ФА на реверсе (рис. 22, 5).

К Спартоку V относятся черепичные клейма с его именем (см. Приложение 3, № 147-148), которые известны по находкам в Пантикапее и Горгиппии. Объемы черепичного производства при нем остались такими же, что и при его предшественниках. По палеографическим признакам ко времени Спартока V можно отнести клейма ПАНТИ. Это — первый и последний случай в истории боспорского черепичного производства, когда городская община выпустила черепицу от своего имени. По всей видимости, этот факт отразил особую роль Народного собрания Пантикапея в избрании на боспорский трон Спартока, отблагодарившего народ таким образом.

Правление Перисада III было коротким. Яйленко обратил внимание на то, что в списке жертвователей Аполлону Дидимейскому 178 г. царица Камасария фигурирует одна, без Перисада (Граков, 1939, № 38), и предположил, что Перисад к этому времени умер и Камасария правила одна в качестве регентши

при несовершеннолетнем сыне Перисаде (Яйленко, 1990, с. 306). Эта гипотеза представляется вполне обоснованной, она подкрепляется и приведенными выше расчетами срока правления Перисада.

Кратковременностью правления Перисада объясняется отнесение к нему единственной монетной эмиссии, правда, достаточно показательной — первого выпуска золотых статеров лисимаховского типа с именем царя Перисада — ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΠΑΡΙΣΑΔΟΥ (рис. 23). Хронологически следующие за ними серии монет по ряду веских соображений должны быть датированы временем Камасарии. Перисаду III следует приписать клейма на черепице с именем ΠΑΡΙΣΑΔΟΥ (см. Приложение 3, № 151), выпуск которой и клеймение производились в традициях его предшественников.

ок. 185-180 гг.

Рис. 23. Статер Перисада III (золото).

Перисаду IV к моменту смерти отца было всего несколько лет, так что первые десятилетия его жизни фактической правительницей Боспора была его мать Камасария Филотекна. Царица Камасария упоминается в нескольких эпиграфических документах, в том числе и датированных, что позволяет надежно определить хроно-

логические рамки ее регентства. Самый ранний документ такого рода фиксирует приношение ею в храм Аполлона золотого венка (?) весом 187,5 золотых статеров в 178/7 г. (Граков, 1939, № 38; Яйленко, 1990, с. 306). В списке посвятившей Дидимейона 154/3 г. фигурирует уже царь Перисад (Граков, 1939, № 39), следовательно, ее регентство имело место в пределах 180 - 155 гг. Можно полагать, что оба дарения Аполлону были связаны с началом и концом ее регентства — в первом случае она обращалась к божеству с просьбой обеспечить ей спокойное правление или что-либо в этом роде, во втором — с аналогичной просьбой обращался Перисад IV.

Обращение Камасарии за покровительством к Аполлону Дидимскому, подкреплявшееся приношением в храм золотого венка, отражено и в нумизматических памятниках ее времени. Первой серией такого рода, указывающей на особое внимание правительницы к культу Аполлона, составил выпуск медных монет (тетрахаалков) с изображением головы Аполлона и венка, одновременно с которым крупные монеты ранних эмиссий в качестве оболов надчеканивались изображением венка (рис. 24, 1, 2). Вероятно, этот выпуск открывал самостоятельное правление Камасарии и был предпринят с целью пропаганды этой акции. Небольшой объем этой эмиссии указывает на слабые финансовые возможности Камасарии в начале правления; эмиссия может быть датирована примерно 180 - 175 гг.

Следующий выпуск составляла серия уже из двух номиналов серебра, драхмы и гемидрахмы, имеющих изображение головы Аполлона и орла или головы льва с копьём в пасти (рис. 24, 3-4). Ее следует датировать 175 - 165 гг. Наконец, третью эмиссию составляла еще более полная серия серебра

(пентобол, трибол, диобол), дополненная мелким номиналом меди (рис. 24, 5-8). Все три номинала серебра имеют изображение головы Аполлона, протома грифона и курильница также могут быть связаны с этим божеством. Неясно происхождение земледельческих типов: колос на серебре, голова быка и колос с плугом на меди, возможно они отражают возросшую роль земледелия в экономике Боспора или же были как-то связаны с мужем Камасарии, Арготом. Эта серия отнесена к 165 - 155 гг. С этой серией

Рис. 24. Монеты Боспора времени Камасарии.
 Пантикапей: 1-8; Фанагория: 9 (1,2,8 — медь; 3-7, 9 — серебро).

пантикапейского серебра и меди синхронна фанагорийская серия монет из тех же материалов, представленная неопубликованными экземплярами. Серебро типа: голова Аполлона - роза (рис. 24, 9) не имеет легенды, что сближает его с серебром Пантикапея с колосом на реверсе (рис. 24, 6), также, зачастую, не имеющим названия города. По сведениям, полученным от коллекционеров, эти монеты происходят из округа Фанагории. Медь: голова быка в 3/4(?) - колос вправо и буквы ФА; монета слабой сохранности, хранится в одной из частных коллекций Луганска.

К правлению Камасарии можно отнести черепичные клейма ΒΑΣΙΛΙΚΗ с лунарной сигмой (Приложение 3, № 152). Анонимный характер этих клейм обусловлен регентской формой правления Камасарии, они являются последними в истории боспорского черепичного производства эпохи Спартокидов.

Перисад IV, сын Перисада III, стал единоличным правителем (ок. 155 г.) уже достаточно зрелым человеком в возрасте примерно тридцати лет. Находясь долгое время под опекой матери он принял дополнительное имя Филометора, “матерелюбивого”. Первым и единственным известным его деянием было посвящение в храм Аполлона в Милете золотой фиалы весом 200 статов в 154/3 г. (Граков, 1939, № 39)¹.

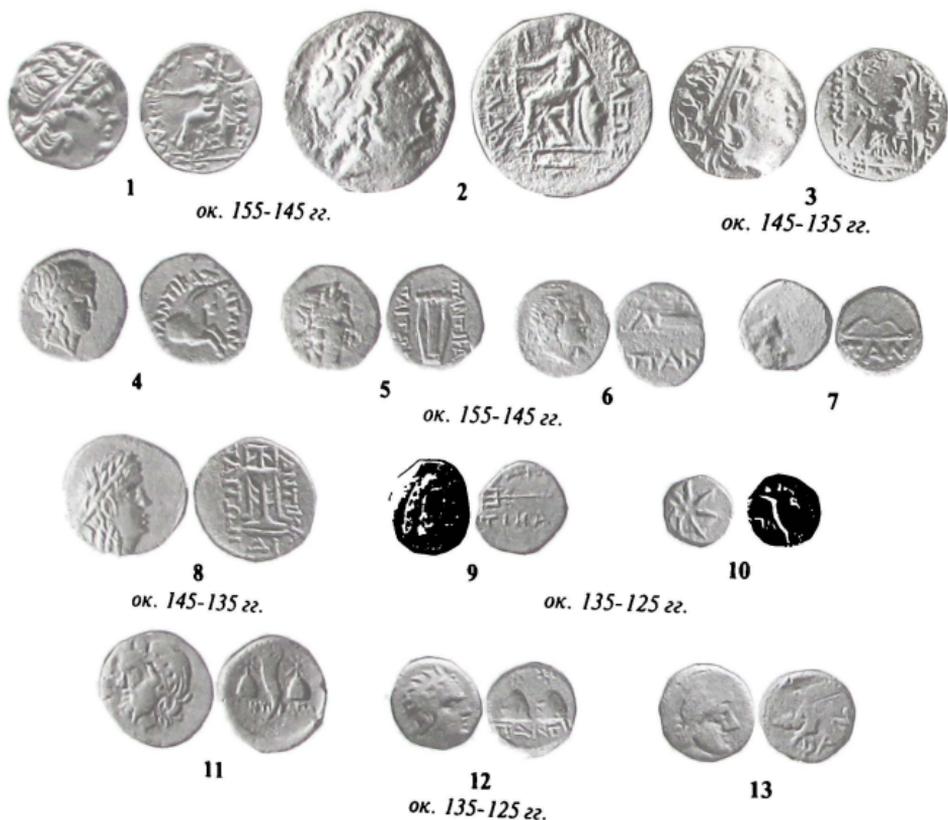

Рис. 25. Монеты Боспора времени Перисада IV.
Царские эмиссии: 1-3; Пантикапей: 4-12; Фанагория: 13
(1,3 — золото; 2, 4, 5, 8-10 — серебро; 6-7, 11-13 — медь).

Очевидно, близко от начала его самостоятельного правления стоит посвящение фиаситов, перечисляющее весь состав царствующего дома: “архонта и царя Перисада, сына царя Перисада, Филометора, ... царицу Камасарию, дочь Спартока, Филотекну, и ... Аргота, сына Исанфа, супруга царицы Камасарии ...” (КБН, 75). Его временем датируется также посвящение Каллона, с. Каллона, Аполлону Врачу (КБН, 1044).

¹ Ср. комм. к КБН, 75 — надпись передатирована 177/6 г. Если эта дата верна, то посвящение было совершено от имени Перисада IV в самом начале его царствования, спустя год после дарения Камасарии.

Монеты этого времени распределяются на две хронологические группы, каждая из которых представлена царскими статерами и пантикапейской чеканкой. К первой группе (ок. 125 - 115 гг.) относятся два "перисада", один из которых снабжен монограммой под треном на реверсе (рис. 26, 1), скрывающей название Пантикапея и свидетельствующей о выпуске на средства города. Городские монеты представлены серебром (драхмы, гемидрахмы, диоболы и оболы) и медью с изображениями Аполлона, Диониса и Афины и их атрибутами (рис. 26, 3-8). Все серебро снабжено дополнительными знаками в виде двух- трех букв или монограмм, что указывает на широкое привлечение средств частных лиц к чеканке в этом металле.

Рис. 26. Монеты Боспора времени Перисада V.

Царские эмиссии: 1, 2; Пантикапей: 3-11

(1, 2 — золото; 3-6, 9, 10 — серебро; 7, 8, 11 — медь).

Внешне эта серия мало чем отличается от предшествующей. Выпуск серебряных оболов свидетельствует об относительном благополучии в денежном хозяйстве. Новое для Боспора явление — широкое участие частных лиц в финансировании чеканки — трудно интерпретировать однозначно. С одной стороны, это будто бы указывает на некоторые финансовые трудности города, не имевшего средств для насыщения денежного рынка; с другой же, это означало вовлечение частного капитала в экономику государства, которое могло идти ему только на пользу. Выпущенная на средства частных лиц монета, естественно, поступала в их распоряжение, однако, город получал доход в виде налога на чеканку и т. п. Город гарантировал функционирование частных монет в качестве законного средства обращения, меры стоимости и платежа, помещая на них название городской общины. В этих акциях могли участвовать как жители Боспора, так и иноземцы, нуждавшиеся в наличных средствах для приобретения товаров.

Во вторую группу (ок. 115-110 гг.) входят царские статыры и городская серия серебра и меди (рис. 26, 2, 9-11). Типы серебра и организация чеканки не меняются, но среди монет всех номиналов имеются разновидности без дополнительных знаков, чеканенные за счет городской общины.

Регулярный выпуск золота и серебра отнюдь не создает картину упадка, которого следовало бы ожидать из-за непомерных требований дани варварами, в результате чего последний Перисад был вынужден передать власть Митридату Евпатору (*Strabo.*, VII, 4, 4). Возможно, это объяснение отражает официальную версию понтийского царя.

Заключительному отрезку правления Перисада посвящено несколько строк херсонесского декрета в честь Диофанта, полководца Митридата Евпатора, посланного на помощь Херсонесу и успешно справившегося со своей задачей (IPE, 352). Военно - политическая деятельность Диофанта, за которую он был удостоен Херсонесом статуи и почетного декрета, началась, согласно общепринятой датировке, в 110 г. и продолжалась четыре года. В первый год Диофант отвел непосредственную военную опасность от Херсонеса со стороны разбойничавших в его окрестностях скифов — он переправился “на ту сторону”, т. е. через Южную бухту современного Севастополя, где находился Ктенунт, и снял его осаду; разбил войско Палака, поставив первым трофеем над скифами; подчинил окрестных тавров и основал город Евпаторий (*Strabo.*, VII, 4, 7), после чего отправился на Боспор¹. О результатах его поездки туда сообщается весьма туманно — он совершил в короткое время много важных подвигов. Неясность сообщения дает возможность для самых разных толкований. Представляется, что во время этой миссии уже была установлена власть Митридата, когда ему удалось убедить Перисада отказаться от царского престола. В числе его аргументов могли быть доверительные сведения, касающиеся обширных планов понтийского царя, гарантия защиты от варваров и сохранения за ним архонтской власти, о чем позволяет догадываться боспорская надпись ΑΡΧΟΝΤΟΣ ΠΑΙΡΙΣΑ[ΔΟΥ] (КБН, 825). По мнению Яйленко, эта надпись относится ко времени последнего Перисада, когда он “уже отрекся от престола в пользу Митридата..., но управлял еще страной от его имени с титулом “архонт Боспора” (Яйленко, 1990, с. 307 прим. 169). Возможно, за туманной формулировкой херсонесского декрета скрывалось намерение обеих сторон временно сохранить соглашение в тайне. Как явствует из всего

¹ Внезапный отъезд на Боспор при оставшихся в тылу “недобитых” скифах объясняли по-разному. Согласно первой гипотезе, Диофант намеревался обеспечить нейтралитет Боспора и удержать его от попытки овладеть Херсонесом (*Блаватская*, 1959, с. 149). Однако, при этом не учитывалось наличие договора между Херсонесом и Понтом (IPE, 402), в силу которого Митридат направил туда Диофанта и который, конечно же, делал такую попытку невозможной. Вторая гипотеза предполагает, что Диофант направился туда с целью между Боспором и скифами существовал договор о взаимопомощи и Диофант направился туда с целью предотвратить возможное выступление Боспора на стороне скифов (1987, с. 73). В пользу существования такого договора не имеется никаких доказательств (наличие браков между скифской и боспорской династиями также относится к разряду предположений), что заставляет квалифицировать эту гипотезу как “умозрительную и фантастичную”.

последующего, перед Диофантом стояли три цели: подчинение Херсонеса, Боспора и скифского царства, и первые две были достигнуты уже на первом году.

Возвратившись в Херсонес, Диофант на следующий год (?) проник в середину Скифии, ему были сданы царские крепости Хабеи и Неаполь и “почти все” скифы стали подвластны царю Митридату Евпатору. Таким образом, и третья цель — подчинение скифов — была достигнута. Посчитав, что борьба закончена, Херсонес почтил Диофанта “приличными почестями” и тот отбыл в Понт. Однако, уже в том же году (дело шло к зиме) скифы “отложились от царя и изменили положение дел”. Митридат вновь посылает Диофанта, который двинулся против скифских крепостей, но из-за непогоды повернул к Керкинитиде, овладел ею и Стенами и начал осаду Калос Лимена. Палак, сочтя момент благоприятным, напал на него во главе скифов и ревксиналов. По сообщению Страбона, войску Диофанта в количестве 6 тыс. человек противостояло ок. 50 тыс. из племени роксоланов, почти все они были уничтожены (*Strabo.*, VII, 3, 17).

В начале весны следующего года (108 г.?) Диофант снова отправился в поход на Хабеи и Неаполь, в результате чего часть скифов бежала, а остальные согласились подчиниться Митридату (*Гаврилов*, 1992, с. 67). Вслед за тем он направился на Боспор и “устроил тамошние дела прекрасно и полезно для царя Митридата Евпатора” (IPE, 352, стк. 32-33). По-видимому, в этот раз боспоритам было объявлено о переходе под власть понтийского царя, что вызвало восстание скифов во главе с Савмаком: Перисад был убит, а Диофанту пришлось спасаться бегством в Херсонес. Лишь на следующий год (107 г.?), прибыв из Понта с морским и сухопутным войском, Диофант занял Феодосию и Пантикапей, виновников восстания наказал, Савмака захватил в плен и отправил в Понт и таким образом “восстановил власть царя Митридата Евпатора” (IPE, 352, стк. 43-44).

Восстание Савмака, совершившего государственный переворот на Боспоре и правившего около года, привлекало внимание многих ученых, высказывавших различные мнения относительно личности предводителя и других обстоятельств, связанных с ним. Итоги первого этапа дискуссии были подведены Жебелевым, который пришел к выводу о рабском характере этого восстания (*Жебелев*, 1953, с. 115). Второй этап дискуссии начался в 50-х гг. и шел, главным образом, по двум вопросам: выражения ἐκθρέψαντα αὐτόν, “воспитавшего его”, и принадлежности монет, приписываемых Савмаку.

В статьях С. Я. Лурье и Э. Л. Казакевич доказывалось, что этот оборот относится не к Савмаку, а к Диофанту, который и был воспитанником Перисада (*Lurie*, 1959; *Казакевич*, 1963), что и было принято большинством исследователей. Казакевич обратила внимание также на выражение τῶν περὶ Σαύμακον Σκυθῶν, которое позволяет заключить, что “Савмак был хорошо известным деятелем еще до переворота” (1963, с. 63).

Принадлежность монет Савмаку остается проблематичной. Против этого активно выступал К. В. Голенко, аргументы которого сводились к тому, что

1) на монетах нельзя достоверно восстановить имя Савмака, поскольку легенда сохранилась не полностью; 2) типы монет не боспорские, а скорее колхские; 3) четыре из семи известных монет Сав(мака) происходят из Сухуми; 4) употребление трех различных типов и неоднородность трактовки изображений делает очень мало вероятной их чеканку в течение кратковременной власти Савмака над Боспором (Голенко, 1951; 1963). Некоторые из этих аргументов достаточно весомы, что ставит перед нами дилемму: признать, что Савм(ак) был одним из мелких царьков на окраине Боспора и в качестве такового выпускал свои монеты, а при передаче власти над Боспором Митридату восстал; или же придерживаться прежней версии Гайдукевича (1962; 1967; 1968) и других ученых о чеканке Савм(аком) монет непосредственно в ходе восстания.

Рассмотрим сами монеты. Они представлены тремя типами. Первый — мужская голова в лучевой короне (Гелиос) вправо и голова быка с надписью, в наиболее полном виде читающейся как ΒΑΣΙ...ΣΑΥΜ... (Голенко, 1963, рис. 1, 1). Металл — биллон или медь, веса — 1,65-1,04 г. Второй — Гелиос и роза (там же, рис. 1, 5). Серебро, вес — 0,98 г. Третий — та же голова анфас и молния (там же, рис. 1, 6). Серебро (?) и медь; 1,83 - 1,75 г.

Лучше всего сохранилась четвертая буква имени на берлинском экземпляре монет первого типа (Гайдукевич, 1962, рис. 3), что позволяет видеть в ней *мю*, одинаковую по начертанию с той же буквой в имени Савмака в декрете (IRE, 352, стк. 34). Это оставляет весьма малую вероятность восстановления какого-либо экзотического имени и бесспорно исключает чтение ΣΑΥΛΑ[ΚΟΥ], которое в качестве альтернативы предлагалось Гутшмидом и Голенко. Таким образом, имя царя на монетах можно читать как ΣΑΥΜΑΚΟΥ, хотя это восстановление полностью зависит от херсонесского декрета.

Рассмотрим монеты Савмака с точки зрения возможности их боспорского происхождения. Активное неприятие самой мысли об этом сквозит во всех рассуждениях Голенко. Так, например, он утверждал, что “эти монеты резко нарушают экономические, метрологические и типологические традиции боспорского монетного дела”, а длинный экскурс в область “четырёхсотлетнего” пути боспорской чеканки должен был подвести читателя к мысли о том, что Савмак был обязан выпустить только золотую монету типа “перисадов”. Но если “чекан боспорского золота преследовал прежде всего экономические цели” (Голенко, 1963, с. 74), то этими ли целями должен был руководствоваться и мятежник, только что севший на трон убитого им царя? Голенко явно не учитывал ни эпоху, ни положение Савмака. Если у Савмака не было возможности чеканить золотые статеры, то это не значит, что он не следовал сложившейся практике боспорской чеканки. Так, несмотря на полную неясность с металлом большей части монет можно считать, что мы имеем дело не с одним номиналом, представленным тремя типами, а с тремя: двумя номиналами

серебра (с молнией и цветком — гемидрахма и диобол) и одним — меди (с быком), которые по весовым характеристикам могли бы соответствовать пантикапейским монетам Перисада. Так же обстоит вопрос и с типологией монет Савмака. Причины выбора того или иного типа для монет конкретного правителя достаточно просты, но редко доступны для нашего понимания. При этом сохранение традиций отнюдь не являлось правилом. Традиционализм не характерен даже для ранней истории Боспора — при безраздельном господстве типов сатира и льва они широко варьировались в целях различения серий. Еще более ярко эта черта проступает со времени Спартока IV, открывающего длинный список новых типов, которым соответствуют типы монет Савмака: Гелиос на монетах Горгиппии (рис. 27, 7), голова быка на монетах Пантикапея, роза на фанагорийских монетах, молния на монетах Левкона. Трактовка изображений на савмаковских монетах несколько иная, что, однако, вполне естественно по причине различия в хронологии, месте чеканки и т. п.

Объективный анализ монет Савмака не дает оснований считать их чужеродным явлением в боспорской нумизматике. Хотя они не соответствуют царским монетам Боспора 2 пол. II в. до н. э., но зато вполне коррелируются с городскими монетами Пантикапея и Фанагории. Можно согласиться с тем, что чеканка их в ходе восстания маловероятна (на это указывает разнообразие типов и использование нескольких штемпелей для чеканки, например, монет с быком) и что они были выпущены до восстания. По-видимому, Савмак являлся скифским царем, чеканившим собственную монету в течение некоторого времени, типологически ориентированную на боспорские городские эмиссии, но на своем монетном дворе. Возможным местом обитания этих скифов могла быть область на границе Боспора и Колхиды, если верить данным о находках монет в Сухуми, или же в районе Семибратнего городища (древняя Лабрита).

Аналогичная ситуация сложилась в это же время на западной окраине скифского массива, где царь крымских скифов Скилур долго выпускал свои монеты в Ольвии. Скилур и Савмак принадлежали к разным царским династиям — западной (Атеевой) и восточной (см. выше). Они были политически самостоятельны и имели разные территориальные интересы — у первого они замыкались на материковой Таврике, включая Херсонес, второй посягал на Боспор. Лишь благодаря вмешательству Митридата захват этих территорий не состоялся, однако весьма показателен сам факт вооруженного восстания тех и других. Скифов Савмака подтолкнуло к этому известие о переходе Боспора под власть Митридата. Возможно, анти-митридатское движение охватило в той или иной мере все слои боспорского общества, которые выдвинули Савмака в качестве основной ударной силы, а составители херсонесского декрета попытались сделать ответственными за все скифов во главе с Савмаком. Это, конечно, не более чем гипотеза, однако нелишне вспомнить, что спустя четверть века против Митридата выступил весь Боспор.

Восстание Савмака подвело черту под 330-летним правлением Спартокидов. К моменту включения в состав державы Митридата Евпатора Боспорское царство представляло собой достаточно обширное государство, контролировавшее берега пролива, Меотиды и северо-восточное побережье Понта Евксинского от Феодосии до Горгииппии. Скелетом царства являлись греческие полисы, расположенные по окраинам материка варварских племен. Экономическое и культурное влияние Боспора на варварское окружение несомненно; что же касается зависимости последнего, то у нас нет данных ни для подтверждения точки зрения о распространении власти боспорских царей на ряд синдо-меотских племен в конце II в. до н. э., ни для отрицания ее. Последний перечень этих племен относится к I пол. III в. до н. э. и нет оснований утверждать, что с тех пор он существенно изменился.

С конца IV в. до н. э. Боспор испытал несколько потрясений, связанных с междоусобицей сыновей Перисада I, возвращением каллатийцев на родину, которое оголило юго-восточную границу царства, убийством Спартока IV Левконом II, а Левкона—Алкатоией, которые также, вероятно, сопровождались военными действиями, на что указывают типы монет Левкона и Гигиэонта. Как это ни покажется странным, внутренние распри положительно сказывались на политическом статусе полисов. Это отмечено Диодором для времени Евмела после его расправы с родственниками; при Левконе на короткое время получила право чеканки монет Феодосия, а при Гигиэонте надолго — Фанагория; восшествие на престол первого представителя сатирической линии дало Пантикапею право выпуска черепицы от имени общины. Создается впечатление, что к концу правления Спартокидов боспорские города имели больший чем когда-либо удельный вес в политической системе “царь-полис”.

На рубеже III - II вв. греческий мир вступил в заключительную фазу своей истории. Римская республика начала планомерное наступление на восток, умело используя военные столкновения между противоборствующими державами Селевкидов и Птолемеев, Македонией и Этолийским и Ахейским союзами. Сперва был разгромлен Филипп V в битве при Киноскефалах (197 г.), затем Антиох III, изгнанный римлянами из Греции и потерпевший от них поражение в Малой Азии при Магнесии (190 г.). Выступавший на стороне Рима в войне с Филиппом Этолийский союз прекратил существование после третьей римско-македонской войны (171-168 гг.). В результате ее царь Персей был взят в плен, Македония разделена на четыре области, контролировавшиеся Римом. Превращение Македонии в римскую провинцию (148 г.) и разгром Ахейского союза во главе с Коринфом, жители которого были проданы в рабство (146 г.), означали конец независимости Греции.

Римское владычество постепенно распространилось и на Малую Азию. После подавления восстания Аристоника Пергамское царство было превращено в римскую провинцию Азия (130 г.), однако там еще продолжали

существовать в глубине материка и на его окраинах многие независимые государства. К их числу принадлежало небольшое Понтийское царство, престол которого в 120 г. занял еще ребенком Митридат VI Евпатор. Этот энергичный и во многих отношениях выдающийся правитель сумел за короткий срок подчинить своей власти обширные территории вокруг Черного моря. Перед началом первой войны с римлянами (89 г.) посол Митридата Пелопид заявлял, что царь, владея Понтом, подчинил колхов, обитающих у Понта эллинов и живущих выше них варваров и что у него есть многочисленные друзья — скифы, тавры, бастерны, фракийцы, сарматы и все племена от Танаиса до Истра (*App., Mithg., 15*).

Используя сильный нажим варваров на причерноморских греков Митридат включил в состав своей державы ок. 110 г. Херсонес и Боспорское царство. Видимо, вскоре после этого ему подчинились и другие города Северного Причерноморья вплоть до Тиря. Известно, что гарнизоны Митридата стояли и в некоторых городах Западного Понта.

Подчиненные Митридату области управлялись им через наместников. Страбон сообщает, что когда Колхида перешла под власть Митридата, туда посылался кто-то из его друзей в качестве наместника и правителя (VII, 4, 18). Видимо, то же случилось и с Боспором — Плутарх мимоходом упомянул о том, что один из сыновей Митридата управлял Понтом и Боспором (*Plut., Sulla, XI*). Это сообщение относится к 87 г. до н. э.

Первоначально власть Митридата над Боспором имела мягкие формы. Из декретов Аспурга стало известно о существовании наследственного закона Евпатора, существенно расширявшего права граждан, который был, вероятно, введен Митридатов вскоре после подчинения Боспора. В надписи, найденной на некрополе Нимфея (*Виноградов, Молев, Толстиков, 1985*), Митридат именуется “великим царем царей Митридатов Евпатором Дионисом, спасителем (?) и благодетелем нимфаитов (?), победившим скифов” (*Яйленко, 1987, с. 123*). Время надписи определяется в пределах между 102/1 г., когда титул “Дионис” впервые появляется в делосских посвящениях Митридата (*Виноградов, Молев, Толстиков, 1985, с. 595*), и 83 г., когда Боспор отпал от него. Существенным дополнением к ней является посвящение нимфаита Евтиха, с. Аполлония, “за себя и своего сына Евбула и за всех плавающих Зевсу Урию, Серапису, Исиде, Анубису, Гарфократу, богам, почитаемым в одном храме и на одном алтаре”, совершенное на Делосе ок. 100 г. до н. э. (*Граков, 1939, № 58*) и свидетельствующее о существовании общины Нимфея.

Чрезвычайно важно в этом плане постановление совета и народа Фанагории о внесении в списки граждан наемников, находившихся на службе полиса, и предоставлении им ряда льгот. Декрет принят в царствование Митридата Евпатора и датирован 210 г. понтийской эры (88/7 г. до н. э.) (*Виноградов, 1991, с. 16*). Он свидетельствует о привлечении полисом на военную службу наемников — они должны были нести ее вместе с

гражданами. Декрет обязывал наемников уже в качестве граждан участвовать во всенародном ополчении (*πανδημου στρατείας*). Как видно из декрета, в начале I в. до н. э. Фанагория располагала собственными военными силами. Можно предположить, что полисы получили такую возможность после упразднения царской власти Спартокидов, опиравшейся, как показывают факты, правда, немногочисленные и более раннего времени, на наемников. Наместник Митридата не располагал, вероятно, значительным войском и полисам было предоставлено право самим заботиться о своей обороне.

По мнению Виноградова, текст декрета не дает оснований думать о реальном участии фанагорийцев в каких-то военных действиях, а предоставление гражданских прав и льгот наемникам было вызвано желанием сэкономить на их жалованьи в условиях дефицита денег в городской казне, вызванного повышением ставки фороса (Виноградов, 1991, с. 30-31). Он прав лишь в том, что город, действительно, сэкономил таким образом деньги, которых в казне не хватало, однако основной вопрос заключается в другом — откуда и по какой причине наемники оказались в Фанагории, если город не участвовал в военных действиях и ему, находившемуся под эгидой Митридата, как будто бы ничто не угрожало. Ответа на него декрет не дает, но можно предположить, что эти наемники участвовали в I-й войне с Римом и затем были отправлены Митридатом в разные города, в том числе и в Фанагорию, в запас. Возможность участия фанагорийцев в этой войне также нельзя полностью исключать.

Нельзя согласиться и с тем, что дефицит денег в казне был вызван увеличением фороса Митридату. Страбон называет стабильные цифры — крымские и азиатские области около Синдики вносили 180 тыс. медимнов зерна и 200 талантов серебра (VII, 4, 6)¹. Неизвестно, к какому отрезку времени относятся эти данные (вполне возможно, что этот форос был наложен после восстания) и менялись ли они вообще за время правления Митридата.

Основная масса городских монет Боспора была выпущена до восстания 83 г. Первая серия монет Пантикапея имеет те же типы — голова Аполлона/горит на драхмах и голова Диониса /тирс на гемидрахмах (рис. 27, 1-4), что и последняя серия Перисада. Существенные изменения отмечены в системе финансирования чеканки серебра: монеты выпускались с дополнительным символом в виде палицы или меча или без него, кроме того,

¹ Эти суммы выражают годовой суммарный взнос северных владений Митридата и их трудно назвать "огромными". Для сравнения можно привлечь свидетельства Демосфена, согласно которому вывоз Левкона только в Афины составлял ежегодно 400 тыс. медимнов зерна (XX, 32). То же касается и серебра — Ликурга только в Афины составлял ежегодно 15 талантов серебра (XX, 33). На фоне лишь от проданных излишков зерна афиняне однажды выручили 15 талантов серебра (XX, 33). На фоне убежденности Страбона в чрезвычайной плодородности этих земель приведенные им цифры фороса можно назвать скорее умеренными.

ок. 107-100 гг.

ок. 107-100 гг.

ок. 100-95 гг.

ок. 100-95 гг.

ок. 95-90 гг.

ок. 90-83 гг.

ок. 90-83 гг.

14

Рис. 27. Монеты Боспора времени Митридата VI Евпатора. Пантикапей: 1-4, 8, 10-14; Фанагория: 5, 6; Горгиппия: 7, 9 (1, 2, 5, 7-11 — серебро; 3, 4, 6, 12-14 — медь).

15

16

17

ок. 90-83 гг.

18

ок. 90-83 гг.

19

20

ок. 90-83 гг.

21

22

ок. 80-65 гг.

23

ок. 65-63 гг.

24

ок. 65-63 гг.

Рис. 27. Монеты Боспора времени Митридата VI Евпатора.
 Фанагория: 15-18; Горгиппия: 19-21; наместник Махар: 22;
 Митридат Евпатор: 23; Пантикапей: 24
 (15-17, 19 — серебро; 18, 20-22, 24 — медь; 23 — золото).

на них ставилась еще и монограмма $\overline{\text{M}}$ (одна из разновидностей, с мечем, такой монограммы не имеет¹). Эта серия может быть датирована ок. 107-100 гг.

Вскоре после этого Фанагория и Горгиппия получили право чеканки и выпустили монеты от имени своих общин. Фанагорийские монеты представлены тетроболами типа: голова Артемиды/роза и тетраخالками типа: голова Артемиды/лань (рис. 27, 5-6); уникальная драхма Горгиппии имеет изображение Гелиоса и рога изобилия (рис. 27, 7).

К чеканке следующего периода (ок. 95-90 гг.) можно отнести однотипные драхмы Пантикапея и Горгиппии (изображение головы Диониса и бегущей лани с тирсом; рис. 27, 8, 9). Часть этих монет перечеканена из драхм Амиса, что указывает на понтийские дотации, поддерживавшие местные чеканки. Отсутствие однотипного серебра Фанагории вызывает некоторое недоумение. Видимо, к этому времени следует отнести часть драхм и гемидрахм Фанагории с тирсом на реверсе рис. 27, 16-17), среди которых также встречаются экземпляры, перечеканенные из амисских драхм.

Наиболее впечатляющей является боспорская чеканка заключительного периода расцвета полисных эмиссий, когда три города, Пантикапей, Фанагория и Горгиппия, осуществили выпуски унифицированного серебра и меди — дидрахм типа: голова Диониса/венки; оболы: голова Мэна/стоящий Дионис с тирсом; тетраخالков: голова Диониса /треножник и тирс (рис. 27, 10-21). Все дидрахмы снабжены монограммой $\overline{\text{M}}$, частично ею же помечалась и медь². В монограмме следует видеть имя самого Митридата, финансировавшего эту акцию. По мнению М. Прайса, эти монеты были выпущены в период активной подготовки первой войны с римлянами (*Price*, 1979, p. 4,5); крайней датой этих эмиссий следует считать 83 г., когда на Боспоре вспыхнуло восстание против Митридата.

Об этом восстании известно лишь по краткому упоминанию Аппиана. Описывая начало второй войны между Римом и Митридатом, он сообщает: "Сулла оставил в Азии Мурену с двумя легионами, бывшими у Фимбрии, чтобы привести в порядок остальные дела в Азии; но Мурена издевательским образом искал поводов к войне, охваченный жадной триумфальной идеей, уйдя в Понт, воевал с колхами и жителями Боспора, отпавшими от него. Колхи просили его дать им царем сына его, Митридата, и, получив его, тотчас подчинились... Против же жителей Боспора он начал строить большой флот и готовить огромное войско, при этом размах приготовлений сразу создал впечатление, что все это собирается не против боспорцев, но против римлян" (*App., Mithg.*, 64). Вторая война Митридата с Римом закончилась приблизительно на третий год (80 г.) и, "пользуясь спокойствием, Митридат постарался овладеть Боспором и назначил боспорцам в качестве правителя

¹ О системе дифферентов на монетах этого времени см. Приложение 6.

² См. Приложение 6, рис. 75.

одного из своих сыновей, по имени Махару” (*ibid.*, 67). Скорее всего, именно к этой войне с Боспором относится сообщение Страбона о стратеге Митридата, Неоптолеме, который дважды разбил варваров в проливе — зимой на льду в конной битве, летом — в морском сражении (II, 1, 16; VII, 3, 18).

При Махаре на Боспоре выпускались медные анонимные оболы типа: голова Диониса/горит (рис. 27, 23). Имеющиеся на них монограммы принадлежали, вероятно, частным лицам. Время выпуска оболов следует ограничивать 70 г., когда Махар изменил отцу, или даже 65 г., когда он погиб после прибытия Митридата на Боспор.

Третья война с Римом, начавшаяся в 74 г., привела к полному крушению царства Митридата. Военные действия сначала не затрагивали Боспор, использовавшийся царем в качестве базы, которая обеспечивала войска в Южном Понте. В 72 г. во время осады Гераклеи римлянами гераклеоты отправили посольство о помощи “к херсонесцам и феодосийцам в Скифию и к династам Боспора” с просьбой о союзе (*Memn.*, 49). Это было второе посольство; первое было направлено анонимным колонистам с просьбой о продаже продовольствия (*Memn.*, 47). Неясно, кто кроме Махара мог подразумеваться под “династами Боспора”.

После разрушения римлянами Синопы и Амиса и измены Махара, приславшего собранное для войска отца продовольствие, а также венок в тысячу золотых Лукуллу с просьбой о включении в число друзей и союзников Рима, Понт был потерян для Митридата. В 66 г. он потерпел тяжелое поражение при Дастире от Помпея, принявшего командование римскими войсками. Митридат спасся с небольшим отрядом и перезимовал в Диоскурии, а в 65 г. направился на Боспор. Он был радушно встречен меотийскими правителями, заключил с ними союз и обручил с могущественнейшими из них своих дочерей. Махар пытался через послов объяснить свое поведение необходимостью, но, узнав о сильном гневе отца, бежал в Херсонес и покончил жизнь самоубийством (*App.*, *Mithr.*, 102) или, по другой версии, был убит по приказанию отца (*Dio Cass.*, XXXVI, 50, 2).

Далее события развивались следующим образом (*App.*, *Mithr.*, 107-111). Захватив Пантикапей, Митридат направил к Помпею послов с просьбой вернуть ему Понтийское царство на условиях уплаты дани, но тот потребовал его личной явки. Митридат отказался и начал собирать войско “из свободных и рабов”, снаряжение, обложив налогом даже бедных. Было собрано 60 отрядов по 600 человек и много другого войска, корабли, заняты укрепления. Часть войска была направлена в Фанагорию, чтобы укрепить оба берега пролива, однако там неожиданно вспыхнуло восстание, закончившееся отпадением города. Примеру Фанагории последовали “Херсонес, Феодосия, Нимфей и все прочие удобные для ведения войны укрепления вокруг Понта”. Митридат направил дочерей в жены скифским династам с просьбой прислать как можно скорее войско, однако сопровождавший их отряд перебил евнухов и отвел царевен к Помпею.

Дальнейшие планы Митридата носили фантастический характер — он заключил союз с кельтами, намереваясь вместе с ними вторгнуться в Италию. В ход событий вмешался Фарнак, сын Митридата, составивший заговор. Заговор был раскрыт, но Митридата убедили не лишать жизни любимого сына перед походом. Тем временем Фарнак склонил к измене лагерь римских перебежчиков, за которыми последовали и другие отряды. Видя, как войско приветствует Фарнака в качестве нового царя, Митридат принял яд, не подействовавший на него, после чего попросил предводителя отряда кельтов убить его (весна 63 г.).

Последние монеты времени Митридата представлены серией обол и тетрахаков Пантикапея типов: голова Аполлона/ орел или треножник (рис. 27, 24). Они несут отчетливые следы поспешной работы и могут быть отнесены к узкому отрезку времени между 65 и 63 гг., когда Митридат развернул бурную деятельность по подготовке к новой войне с римлянами. К боспорскому периоду жизни Митридата следует относить и уникальный золотой статер с его изображением на аверсе и эмблемой Ахеменидов (звезда над полумесяцем) в венке и надписью ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΕΥΠΑΤΟΡΟΣ (рис. 27, 23). Датировка этой монеты началом правления Митридата в Понтийском царстве типологически не оправдана. Предположение о боспорском происхождении этой монеты (Загинайло, 1963, с. 117) подкрепляется тем обстоятельством, что внучка Митридата, Динамия, оказавшись царицей Боспора, полностью (кроме венка) заимствовала тип реверса для своей золотой чеканки.

Помпей получил известие о гибели Митридата, находясь в Аравии. «Фарнак овладел всем, что принадлежало его отцу, и написал Помпею, что он сделал это ради него и римского народа. Эта весть... чрезвычайно обрадовала войско; воины приносили жертвы и устраивали угощения, как будто в лице Митридата погибли десятки тысяч врагов» (Plut., Pomp., 41-42). Помпей спешно направился в Амис, куда Фарнак переслал останки Митридата, членов царской семьи, подарки и заложников. Труп Митридата был отправлен для захоронения в Синопу. Помпей оставался в Амисе, вероятно, до весны 62 г., назначая правителей и наделяя их владениями. Фарнак был включен в списки «друзей и союзников римлян», за ним было оставлено Боспорское царство вместе с Херсонесом, но за исключением Фанагории, первой поднявшей восстание против Митридата и получившей за это права автономного города (App., Mithg., 113).

Документальными свидетельствами правления Фарнака являются его золотые статеры с титулом ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΒΑΣΙΛΕΩΝ ΜΕΓΑΛΟΥ ΦΑΡΝΑΚΟΥ 243-247 гг. понтийской (или боспорской) эры (55/4 — 51/50 гг. до н. э.; рис. 28), одно или два посвящения (КБН, 28-29), бирка (Яйленко, 1987, с. 150) и многочисленные отрывочные упоминания у древних авторов. Важное значение имеет находка на таврском святилище близ Ялты статера царицы Динамии 277 г. б. э., позволившего уточнить годы правления Асандра, преемника Фарнака, и пролить дополнительный свет на историю

царствования последнего. Хронологически оно может быть разделено на три коротких отрезка: 63-56/5; 55/4-51/50 и 50/49-48/7 гг.

Начальный период правления Фарнака прежде всего характеризуется отсутствием монет. Последние годы Митридата были особенно тяжелыми для Боспора. Хотя военные действия здесь и не велись в широких масштабах, все же некоторые города пострадали с прибытием Митридата на Боспор в 65 г. и восстанием Фанагории в 63 г¹. Значительно истощали ресурсы приготовления Митридата к мало реальному походу на Италию, большой ущерб наносила военная блокада Северного Причерноморья, куда Помпей закрыл доступ торговым судам под угрозой смертной казни (*Plut.*, *Pomp.*, 39).

Рис. 28. Статер царя Фарнака 245 г. б. э. (53/52 г. до н. э.) (золото).

Захват власти Фарнаком привел к прекращению прямой конфронтации с Римом, однако положение нового царя упрочилось нескоро. Утверждение Помпеем Фарнака последовало, видимо, не ранее 62 г. — Аппиан говорит о 15-летней продолжительности царствования Фарнака (*Mithr.*, 120), что соответствует 62-47 гг. Возможно, примерно год на Боспоре сохранялась неопределенная ситуация, которая способствовала распаду царства и сковывала действия Фарнака. У Страбона имеется сообщение о том, что когда Фарнак овладел Боспором, царь сираков Абеак собрал 20 тыс. всадников, царь аорсов Спадина — 200 тыс., а “верхние” аорсы — еще больше (XI, 5, 8). Голенко и Карышковский не сомневались в том, что это делалось для оказания помощи Фарнаку (*Golenko, Karyszkowski*, 1972, p. 32), однако силы собирались, скорее, для противодействия возможной агрессии с его стороны. Думать так позволяет другой отрывок из того же Страбона, в котором речь идет, во-первых, о затоплении Фарнаком территории одного из меотских племен, дандариев, водами Гипаниса, и, во-вторых, о том, что Фарнаку вновь пришлось завоевывать варварское население Меотиды, бывшее некогда подчиненным Митридату (XI, 2, 11).

Признание Фарнака царем развязало ему руки во внутренних делах. Вероятно, именно в этот начальный период Фарнак расширил свое царство на

¹ Тяжелые последствия для боспорских городов имело землетрясение 63 г. до н.э. (*Блаватский*, 1977, с. 56 — 57).

азиатской стороне Боспора, доведя его границы на севере до Танаиса и осуществив упомянутую акцию против дандариев. Овладев варварскими племенами он имел все основания принять титул “царь царей” по примеру других монархов. В то же время внешнеполитическое положение Фарнака все еще оставалось неопределенным, поскольку римский сенат не утвердил распоряжения Помпея на востоке. Когда это было сделано Цезарем, ставшим консулом в 59 г. после создания I триумvirата Помпея, Красса и Цезаря, Фарнак опять таки не использовал этот благоприятный момент для начала чеканки. Возможной причиной могло быть отсутствие стабильности в самом Риме: противодействие сената, раздоры между триумвирами, отъезд одного из них, Цезаря, в Галлию и др., однако могли сказаться и другие факторы.

В 55 г. Фарнак начинает свою золотую чеканку. Несомненно, это было связано с тем, что консулами этого года являлись оба находившихся в Риме триумвира, Помпей и Красс¹. Голенко и Карышковский связывали его чеканку с получением титула “великий царь царей”, которым он, по их мнению, мог обладать только в короткий промежуток времени после смерти Тиграна Великого и возвышением могущества Парфянского царства при Ороде II (57 - 37/6 гг.) и который стал его “безусловной собственностью” (*Golenko, Karyszkowski*, 1972, p. 31-34). Однако, наличие такой связи более чем сомнительно. Прежде всего, не устанавливается точная хронологическая зависимость между этими событиями: во-первых, Фарнак начал чеканить свое золото еще в год выпуска монет Тиграном; во-вторых, упомянутый Ород II с титулом “великий царь царей” (?) начал править уже с 57 г., то есть до выпуска монет Фарнаком; в-третьих, этот же титул носил брат и соперник Орода, Митридат III, убитый им в 54 г. — оба соперничавших брата приняли титул “великий царь царей” (*Shore*, 1993, p. 25, 119); в-четвертых, сын Тиграна, Артавазд, который начал править, видимо, с 54 г., также выпускал серебро с титулом “царь царей” (*BMC, Galatia*, p. 101, pl. XIV, 2). Следовательно, мы сталкиваемся с четырьмя практически синхронными правителями, носившими титул “великий царь царей”. Широкое распространение этого титула среди восточных монархов, нередко зависевших от Рима (такowymi являлись Фарнак и Артавазд), вызывало определенное скептическое отношение к нему: римляне в насмешку наделяли им Помпея перед Фарсальской битвой (*App., De bell. civ.*, II, 67). Правда, несколько позднее

¹ Видимо, в такой же зависимости от консульства Помпея в Каппадокии началась чеканка Ариобарзана II, который по его распоряжению сменил на троне своего отца, Ариобарзана I (*BMC, Galatia*, p. XXXII - XXXIII). Монеты царей Каппадокии не датировались по какой — либо эре, а помечались годами правления царя. Если год смены правителей — 62 г. до н.э. — причислять еще ко времени Ариобарзана I, а первым годом правления Ариобарзана II считать 61 г. до н.э., то его самые ранние датированные монеты (с датой Z) должны как раз приходиться на 55 г. до н.э. Кроме того, известные монеты этого царя 8 года правления и без дат, которые можно датировать соответственно 54 и 53 гг. — последними годами его правления. Правление Ариобарзана III началось в 52 и продолжалось до 42 г. включительно, как показывают его монеты 9 и 11 годов правления (*BMC, Galatia*, p. XXXIII).

выставлял то обстоятельство, что он не выступил на стороне Помпея, хотя теперь, после гибели последнего, это могло вызвать у Цезаря только отрицательное отношение к этому “отцеубийце”, как он называл его — ведь Фарнак не оказал помощи своему патрону, которому был обязан царством. Роль чеканки Асандра заключалась, вероятно, еще и в том, чтобы убедительнее представить последнего как полноправного властителя Боспора.

Открытое вооруженное выступление против Рима Фарнак начал вскоре после Фарсальской битвы (6 июня 48 г.) — еще сразу же после нее сторонники Помпея считали Фарнака потенциальным союзником. Информация о сражении могла поступить к Фарнаку до конца июня, следовательно, уже в июле-августе он мог начать осуществление своих планов.

Древние авторы единодушно считали, что Фарнак стремился возвратить себе отцовское царство, пользуясь раздорами среди римлян (*Suet.*, Caes., 35; *Flor.*, II, 13, 62; *Dio Cass.*, XLII, 9,2), поэтому нельзя, вслед за Т. Моммзенем (1941, с. 352), сводить его действия к “усердию” в пользу Цезаря. Он как бы действовал на-руку Цезарю, выступив против недавних союзников Помпея, однако преследовал сугубо личные цели, стремясь воспользоваться плодами победы Цезаря при Фарсале. Нельзя также согласиться с Е. С. Голубцовой в том, что Фарнака побуждали к выступлению антиримские настроения местного населения [сосуществовавшие, однако, с проримскими. — В. А.] или же его непрочное положение на Боспоре (*Голубцова*, 1951, с. 57-58) — для таких выводов мы не располагаем никакими данными. Заслуживает внимания предположение Гайдукевича о том, что Фарнака воодушевлял успех гетов, разгромивших греческие города Западного Понта от Аполлонии до Ольвии (1949, с. 311-312). Из декрета Дионисополя в честь Акорниона (*Граков*, 1939, № 18) следует, что Биребиста “стал первым и величайшим из царей фракийских и овладел всею странюю по ту и по сю сторону реки” перед тем как направить посольство к Помпею, что могло иметь место только до сражения при Фарсале; стало быть, нападение гетов на греческие города имело место до июня 48 г. и Фарнаку уже было известно об этом.

Фарнак, как только узнал о том, что между Помпеем и Цезарем “возгорелось междоусобие, начал стремиться к возвращению себе отцовского царства... и захватил много местностей...” (*Dio Cass.*, XLII, 9,2). Открытые военные действия начались, видимо, походом на ближайшую Фанагорию. Город был осажден, наступивший голод вынудил жителей вступить в битву, которая закончилась их поражением. Фарнак “сделал их своими друзьями и удалился, взяв заложников” (*App.*, *Mithr.*, 120).

Заключительный отрезок жизни Фарнака, связанный с вооруженной борьбой в Малой Азии и на Боспоре, отчетливо делится на три фазы, разграниченные сражениями при Никополе и Зеле.

Начальный период был для него наиболее успешным. Выступление началось не ранее конца июня — начала июля 48 г. Вероятно, именно к этому

времени относится его посвящение Артемиде (Советнице?) (КБН, 28), связанное с принятием решения начать поход в Малую Азию. Присоединение Фанагории, вряд ли потребовавшее много сил и времени, следует отнести примерно к июлю. Возможно, эта операция была осуществлена отдельно от общего похода в Колхиду и Малую Азию. После захвата Фанагории Фарнак направился на юго-восток по побережью — как сообщает Дион Кассий, он “без труда подчинил себе Колхиду и всю Армению в отсутствие Дейотара и покорил некоторые города Каппадокии и Понта, приписанные к Вифинской области” (LII, 45, 3). Дейотар принимал участие в сражении при Фарсале с отрядом в 600 галлов (*Caes.*, V. C., III, 4), после поражения бежал и был взят Помпеем на борт корабля (*Plut.*, *Pomp.*, LXXIII). По всей вероятности, он сопровождал Помпея, не терявшего надежды собрать силы для продолжения борьбы, вплоть до его гибели в Египте (28 сент. 48 г.) и, следовательно, мог возвратиться в Малую Азию не ранее начала октября. К этому времени Фарнак захватил Синопу (*App.*, *Mithr.*, 120) и, таким образом, под его властью оказались все земли к юго-востоку от побережья, включавшие Колхиду, Понт и Пафлагонию. Для достижения этой основной цели Фарнаку потребовалось, видимо, не более двух месяцев. Узнав о его успехах, Цезарь, находившийся в Египте, направил против Фарнака Гн. Домиция Кальвина, который, вместе с присоединившимися к нему Дейотаром и Ариобарзаном III, племянником Фарнака (ВМС, *Galatia*, р. XXXIII), потерпел поражение в битве при Никополе (Малая Армения) в 48 г. (*Dio Cass.*, XLII, 42,2; *Suet.*, *Div. Jul.*, 36; *App.*, *De bell. civ.*, II, 91; *Mithr.*, 120; *Plut.*, *Caes.*, 50). Сражение у Никополя произошло, очевидно, в конце ноября — начале декабря: одной из причин прекращения сопротивления Кальвина Фарнаку Дион Кассий называет приближение зимы (XLII, 46, 3).

Перед сражением у Никополя Фарнак пытался заключить перемирие и вступить в переговоры с Кальвином, но безуспешно. Эта попытка расценивалась исследователями как удачный маневр, предпринятый с целью усыпить бдительность противника (*Голубцова*, 1951, с.59), однако дело заключалось, видимо, не только в этом. Преследуя свои цели, Фарнак объективно выступал на стороне Цезаря против Дейотара и Ариобарзана, союзников Помпея. Ясно, что он мог надеяться на понимание своей позиции Цезарем. Кроме того, Фарнаком могло руководить не только желание воспользоваться благовидным предлогом. Любопытное объяснение действий Дейотара, возвратившего после гибели Цезаря владения, которые тот отобрал у него после Фарсальской битвы, приведено Цицероном: “умудренный человек [Дейотар. - В. А.], он знал, что если у кого - либо его имущество было отнято тиранном, то после убийства тиранна оно возвращалось тому, у кого было отнято, и что это всегда считалось законным” (*Phil.*, II, 37, 95). Фарнак поступил точно так же после гибели Помпея, отнявшего у него царство его отца, как позднее Дейотар - после гибели Цезаря.

Однако, усиление Фарнака не соответствовало планам самого Цезаря. После гибели Помпея он простил Дейотара и Ариобарзана. Известно, что первый из них обязался выплатить Цезарю некую сумму денег (*Cic., Pro Deiotaro, 14, 24*), которую не смог собрать из-за нападения Фарнака (*Голубцова, 1951, с. 59*). Оказалось, таким образом, что Фарнак воюет фактически не с врагами, а с союзниками римлян, и его стратегический замысел - бороться за восстановление царства своего отца под флагом союзника Цезаря - полностью провалился. Конечно, ему трудно было предвидеть такой поворот событий, но, даже не принимая в расчет миролюбие Цезаря к бывшим противникам, Дейотару и Ариобарзану, цели Фарнака вряд ли были достижимы. Ведь еще на памяти многих были войны Митридата с римлянами, которые не могли допустить возвышения его сына, тем более, что они считали Азию своею и ни с кем не собирались ее делить.

В первой фазе войны Фарнак обходился с побежденными достаточно миролюбиво - на это прямо указывал Аппиан в описании захвата Фанагории; нет также сведений о жестокостях в Южном Понте, если не считать разграбления Фарнаком святилища Левкотеи в Колхиде (*Strabo., XI, 2, 17*). После поражения Кальвина положение изменилось коренным образом: прямое столкновение с римлянами полностью отрезало для Фарнака пути к миру с ними и некоторую надежду давала только беспощадная борьба, в которой все средства были хороши. Так, Фарнак захватил после осады Амис, находившийся на стороне римлян, после чего все взрослые граждане были обращены в рабство, а их сыновья осклоплены (*App., De bell. civ., II, 91*); захватываемые в плен римляне подвергаются казни (*Caes., Bell. Alex., XXXIV, XL, LXV; Suet., Caes., 36*); кроме того, он побуждает местных царей и тетрархов поднять восстание против римлян (*Plut., Caes., 50*).

После поражения римлян при Никополе Фарнак занял Вифинию и Каппадокию и начал борьбу за провинцию Азия. По-видимому, он решил распространить военные действия на всю Малую Азию, подняв местное население на войну с Римом и обретя в нем союзника. Наступление Фарнака было остановлено известием об измене Асандра, который, видимо, посчитал, что действия Фарнака исключали всякую возможность примирения с римлянами. Дион Кассий сообщает, что "Асандр, как только получил известие, что Фарнак ушел от него далеко вперед, ...восстал против него, имея в виду угодить римлянам и получить от них власть на Боспоре" (*XLII, 46*). Несмотря на внушительные успехи и значительные территориальные приобретения в Малой Азии Фарнак счел для себя более важным восстановить положение на Боспоре. Он отказался от продолжения военных действий в провинции Азия и направился на восток. Видимо, такой поворот событий позволил Аппиану кратко заметить, что личный враг Фарнака Асандр "выгнал его из Азии за недосугом римлян" (*Mithr., 120*).

Фарнак намеревался идти на Боспор пешим путем через Понт и Колхиду, что давало ему возможность привести с собой достаточное количество войска,

1

50/49 з.

1 (деталь)

2

ок. 50/49 - 48/47 гг.

3

4

ок. 50/49 - 48/47 гг.

5

6

29/28 з.

7

ок. 47-37 гг.

8

9

ок. 37-27 гг.

10

ок. 27-21 гг.

11

ок. 47-37 гг.

12

ок. 37-27 гг.

13

ок. 27-21 гг.

Рис. 29. Монеты Боспора времени Асандра.
Архонтские эмиссии: 1-3; царская эмиссия: 6; Пантикапей: 4, 7-10;
Фанагория: 5, 11-13 (1, 6 — золото; 2-5, 7-13 — медь).

Последние архонтские статеры Асандра были выпущены до октября 47 г. Вероятно, еще до получения известия о гибели Фарнака на Боспоре Цезарь принял решение о передаче его царства своему другу и соратнику по войне в Египте, Митридату Пергамскому, много лет воспитывавшемуся при дворе Митридата Евпатора (*App., Mithr.*, 121; *Caes., Bell. Alex.*, 78), который начал готовиться к походу. Известие о победе Асандра над Фарнаком не повлияло на решение Цезаря, но Дион Кассий связывал его уже с именем Асандра: Цезарь дал Митридату Пергамскому "тетрархию в Галатии с именем царя и позволил ему воевать с Асандром, чтобы, победив его, отнять у него и Боспор за то, что он оказался изменником другу" (XLII, 48). Решительность и быстрота действий Митридата, которые он продемонстрировал в Александрийской войне (*Caes., Bell. Alex.*, 26), позволяют думать, что поход против Асандра состоялся еще осенью 47 г. Возможно, именно во время него храм Левкотеи в Колхиде был ограблен Митридатом (*Strabo.*, XI, 2,17). Результат этого похода оказался плачевным для Митридата - он был низложен Асандром (*Strabo.*, XIII, 4,3) и, вероятно, убит.

Устранение Фарнака и Митридата Пергамского доставило Асандру широкую известность в древнем мире и позволило ему принять царский титул на четвертом году правления (окт. 47 - сент. 46 г.). Царская чеканка Асандра была достаточно стабильной - из длинного ряда статеров 4 - 29 гг. правления неизвестны пока выпуски 5, 8, 11, 12, 15, 24 и 26 гг. Подавляющее большинство монет не имеет дополнительных знаков, что свидетельствует о выпуске их на средства самого царя. Известна также уникальная медная монета Асандра с царским титулом, датированная 4 годом правления (МДБ, 246).

На самом Боспоре Асандр титулуется "великим царем царей, филоромеем, сотером" (КБН, 30)¹. Эта надпись, представляющая собой посвящение наварха Панталеонта Посейдону Сосинею и Афродите Навархиде, относится ко второй половине правления Асандра и указывает на признание Римом царской власти Асандра. Это случилось при имп. Августе, который, в неточной интерпретации Лукиана, дал Асандру царский титул вместо титула

считать более реальной датой последнего года чеканки Асандром золотых монет... Вряд ли Динамиа ждала год, чтобы заявить о своих правах на престол" (1990, с. 97). Еще более произвольны выкладки Навотки, "беспорным" правителем Боспора, а конец - к 16 или 15 г. Поскольку это давало 31 или 32 года правления против 29, зафиксированных монетами, он допускал, что либо монеты двух-трех последних лет неизвестны, либо Асандр не считал свои годы правления с момента действительного прихода к власти (*Nawotka*, 1992, р. 35-38). Названные авторы не видят очень простого факта: промежуток между последним статером Фарнака (51/50 г.) и первым статером Динамии (21/20 г.) составляет ровно 29 лет, который и заполняли 29 годовых чисел на статерах Асандра. Конечно, весь массив его золота можно передвинуть в ту или другую сторону, однако для этого требуются новые факты, но не новые домыслы. При современном состоянии нумизматического источника это является актом грубого насилия над ним.

¹ Исключение восстановленного титула "царь царей" (*Яценко*, 1987, с. 30 - 32) неосновательно. Именно победы над "великим царем царей" Фарнаком и царем Митридатом Пергамским давали Асандру право принять такой титул, не говоря уже о том, что его власть, несомненно, распространялась и на некоторых царей местных племен, окружающих Боспор.

этнарха (*Luc., Масг., 17*). Титулом “сотера” (“спасителя”) он был наделен, возможно, за постройку оборонительной стены, обезопасившей Боспор от нападений кочевых племен скифов и сарматов (*Strabo., VII, 4, 6*).

Военная обстановка на Боспоре при Асандре несколько ухудшилась. На это указывает постройка упомянутой стены, представлявшей собой внушительное сооружение длиной 360 стадий (ок. 64 км) с 3600 башнями. Возможно, это была реакция на успешные действия Фарнака, захватившего Феодосию и Пантикапей с помощью кочевников, имевшая целью воспрепятствовать их возможные вторжения в будущем. В любом случае постройка стены была связана с возросшей военной активностью кочевого населения Таврики. Страбон называет Асандра в числе тех боспорских правителей, которым пришлось захватывать области вплоть до Танаиса (XI, 2, 11). Военные действия велись также и на море, на что указывает изображение Nike на статерах Асандра и посвящение Панталеонта.

Ощутимой потерей для Асандра явилось получение Херсонесом свободы от Цезаря в результате посольства Гая Юлия Сатира (IPE, 691). Это посольство состоялось между маем 46 и январем 45 г. (*Ростовцев, 1917, с. 3*). Получение городом элевтерии подтверждается выпуском монет с надписью $\text{XEPONHCOY EAEY\Theta EPAC}$ (МДХ, 200-201)¹. По-видимому, Асандр не мог примириться с выводом Херсонеса из-под власти Боспора и вынашивал планы его захвата. Как раз ко времени Асандра относится попытка “боспорианов” захватить Херсонес, весьма красочно изложенная в истории Гикии (*Const. Porph., De adm. imp., 53*). Эта легенда имеет, несомненно, реальную основу, поскольку, во-первых, именно концом правления Асандра датируется исходный момент херсонесской эры (24 г. до н. э.) и, во-вторых, начало датирования херсонесских монет по этой эре относится ко времени военного противостояния Боспора и Рима, в котором Херсонес выступил на стороне последнего (МДХ, с. 77 - 78), то есть явно носит антибоспорскую направленность.

Трудно сказать, какие именно действия предпринял Асандр против Херсонеса - история Гикии во многих деталях носит легендарный характер. Видимо, на какой-то стадии борьбы с Асандром граждане Херсонеса обратились к Августу как к арбитру, ссылаясь на элевтерию, полученную от Цезаря, и, получив подтверждение своих прав, смогли отстоять независимость города. Кажется, попытка Асандра захватить Херсонес, нарушив распоряжение Цезаря, не прошла ему даром. Дион Кассий сообщает, что Асандром было передано управление государством супруге, царице Динамии (LIV, 24, 4). О причинах передачи власти ничего не говорится.

¹ Точка зрения о том, что после смерти Цезаря (15 марта 44 г.) Херсонес был вновь подчинен Боспору основана лишь на факте прекращения выпуска монет с такой легендой, что не может служить достаточным аргументом. Данных о подчинении Херсонеса Асандру нет и мнение Ростовцева о лишении Херсонеса прав свободного города при Марке Антонии (1917, с. 19) ничем не может быть подтверждено.

однако можно заключить, что она носила вынужденный характер – ведь, согласно Лукиану, Асандр в 90-летнем возрасте никому не уступал в пешем или конном бою и умер 93-летним, уморив себя голодом во время мятежа Скрибония (Масг., 17). Можно предположить, что после благополучного для Херсонеса исхода конфликта с Боспором Асандр был отстранен от власти в пользу Динамии спустя два-три года, в 22/21 г. до н. э., к которому относятся его последние золотые статеры.

Рис. 30. Статер Динамии I правления 277 г. б. э. (21/20 г. до н. э.) (золото).

При Асандре была возобновлена городская чеканка, прерванная Фарнаком. К архонтскому периоду можно отнести оболы Пантикапея типа: голова Аполлона/лира и ветвь и тетраخالки Фанагории с головою Нике и ветвью (рис. 29, 4 - 5). В царский период эти же города осуществили три эмиссии меди, которые условно можно приурочить к 47 - 37, 37 - 27 и 27 - 21 гг. до н. э. Первую эмиссию составляли тетраخالки и дихалки Пантикапея (типы: голова Аполлона / лук и колчан и голова Геракла / палица и шкура льва; рис. 29, 7 - 8) и тетраخالки Фанагории (голова Аполлона / лук и стрела; рис. 29, 11); вторую - однотипные тетраخالки Пантикапея и Фанагории¹ с изображениями головы Аполлона и пасущегося пегаса (рис. 29, 9, 12); третью - также однотипные тетраخالки этих городов с изображениями головы Аполлона и носа корабля (рис. 29, 10, 13).

Восстановление регулярной городской чеканки свидетельствует об отказе Асандра от политики ограничения прав боспорских полисов, которую проводили Митридат Евпатор и Фарнак. Для него, узурпатора царской власти, было важно добиться расположения и поддержки полисов, позиция которых, как это показали события последних лет жизни Митридата, во многом определяла судьбу правителя. Фактически Асандр вернулся к политике последних Спартокидов — цари выпускали общегосударственную золотую монету, города — свою разменную монету. Об этом убедительно свидетельствует уникальность медной царской монеты Асандра².

¹ Неизданная монета Фанагории этого типа имеется в собрании W. M. Stancomb'a (Англия), приславшего ее фото и сообщившего о том, что она происходит из коллекции А. Л. Бертье-Делагарда. Пользуясь случаем, выражаю ему искреннюю признательность за фото и сообщение.

² SNG. — Vol. IV. — Fitzwilliam Museum: Leake and general collections. — Part II. — London 1972, № 1604. Фролова считает, что подлинность этой монеты "более чем сомнительна" (1997, т. 1, с. 56 прим. 81), не чеканке этого периода. Тонкая работа и прекрасный стиль изображения Гелиоса на аверсе этой монеты, а также высокий авторитет составителя каталога, F. Heichelheim'a, которому ассистировали E.S.G. Robinson, W.Schwabacher и C.T. Seltman, не позволяют разделить ее сомнения.

Первое правление Динамии началось в 21/20 г. до н. э. (статер 277 г. б. э.; рис. 30) и закончилось между 17/6 (статер 281 г. б. э.; МДБ, 254) и 14 г., когда произошло восстание Скрибония. Кроме двух статеров других памятников ее единоличного правления не сохранилось. Оба статера, разделенные промежутком в три года, чеканены одним лицевым штемпелем, что говорит о слабой интенсивности чеканки. На аверсе монет изображен бюст царицы с диадемой на голове, на реверсе помещены митридатовские символы - звезда над полумесяцем, указывающие на происхождение Динамии. Динамия смогла удержать власть лишь на это короткое время. После мятежа Скрибония на Боспоре появился римский ставленник Полемон, и хотя через некоторое время местная династия была восстановлена, судьбы ее правителей всецело определялись Римом. Можно считать, что с последними статерами царицы Динамии, внешне носящими все признаки независимого государства, эллинистическая эпоха на Боспоре закончилась.

ГЛАВА V
БОСПОРСКОЕ ЦАРСТВО В РИМСКУЮ ЭПОХУ
(14 г. до н.э. - 527 г. н.э.)

"Римское правительство бережно относилось к Боспорскому царству. Оно не поставило его в зависимое положение от Рима, но удовлетворялось тем, что прочно установило свой суверенитет над Боспором, не присоединяя его ни к дунайским, ни к малоазийским провинциям".

Жебелев С. А., 1953, с. 152.

Дион Кассий под годом консулов М. Красса и Гн. Корнелия (14 г. до н. э.) сообщает следующее: "В Боспоре Киммерийском произошло восстание. Некто Скрибоний, выдававший себя за внука Митридата и уверявший, что он получил царскую власть от Августа после смерти Асандра, взял в замужество супругу его, по имени Динамию, которой было передано мужем управление государством и которая действительно была дочерью Фарнака и внучкою Митридата, и стремился овладеть Боспором. Проведав об этом, Агриппа послал против него Полемона, царя прилежащей к Каппадокии части Понта. Полемон уже не застал в живых Скрибония, так как боспоряне раньше убили его, узнав о его замысле; когда же они и ему оказали сопротивление из страха быть отданными под его власть, он вступил с ними в битву и одержал победу, но не успел подчинить их себе, пока Агриппа не прибыл в Синопу с намерением идти на них походом. Тогда они положили оружие и сдались Полемену; Динамия сделалась его женою, очевидно, по решению Августа" (LIV, 24; пер. В. В. Латышева).

История короткого царствования Полемона на Боспоре до недавнего времени вырисовывалась достаточно четко. С самого начала он проявил себя как верный ставленник Рима - среди его акций числится переименование двух боспорских городов в Кесарию и Агриппию,

Бюст царицы Динамии (по: *Ростовцев, 1914*).

которыми являлись, по мнению большинства исследователей, Пантикапей и Фанагория¹.

¹ По мнению Яйленко, переименование городов могло иметь место только в 12 - 11 гг. до н. э., после смерти Агриппы в марте 12 г., но не до назначения Полемона царем на Боспоре в 17 - 14 гг., как считала Фролова (*Яйленко, 1987, с. 77 - 80*). Ее ссылка на то, что и в самом Риме монеты с именем Агриппы после 12 г. до н. э. неизвестны (*Фролова, 1978, с. 58*), неверна, поскольку такие монеты существуют - ассы с изображением головы Агриппы и Нептуна (*RIC, 32*) относят ко времени имп. Калигулы, хотя предлагаются и другие даты в пределах I пол. I в. н. э.

1

ок. 14/13 г.

2

ок. 14-10 гг.

3

ок. 14-10 гг.

4

5

ок. 10-5 гг.

6

7

ок. 10-5 гг.

8

9

10

ок. 10-5 гг.

11

12

ок. 10-5 гг.

13

ок. 5-1 гг.

14

Рис.31. Монеты Полемона (1 — золото; 2-14 — медь).

Вскоре Полемон оставил Динамию и женился на Пифодориде, дочери некоего богача из Тралл (*Strabo.*, XVI, 1, 42). Брак с Пифодоридой, который обычно относят к 12 г., принес Полемону троих детей (*Strabo.*, XI, 3, 29). Разрыв с Динамией показал, что Полемон не стремился наладить дружественные отношения с местной знатью и основным методом подчинения Боспора своей власти избрал вооруженную борьбу. Так, он воевал с народами Меотиды вплоть до р. Танаис (*Strabo.*, XI, 2, 11), а сам Танаис был взят им и разрушен или разграблен (*Strabo.*, XI, 2,3). Полемон также завоевал Колхиду (*Strabo.*, XI, 2,18), а если учесть, что он уже владел Киликией, Понтом и Малой Арменией, то перспектива возникновения нового обширного государства, близкого по размерам царству его предшественника, Митридата Евпатора, была вполне реальной.

Стремясь сломить вооруженное сопротивление боспорцев Полемон пытался опереться на другие антибоспорские силы, в частности, на Херсонес. Этот город, недавно защищенный Августом, оказывал ему военную помощь, что явствует из херсонесской надписи в честь неизвестного лица, одной из заслуг которого было успешное предводительство вспомогательным отрядом, посланным царю Полемону (IPE, 419). Известно также начало письма Полемона совету и народу херсонеситов, в котором он именует себя "благочестивым" и "спасителем" (IPE, 704)¹.

Оба упомянутых херсонесских памятника являются пока единственными эпиграфическими свидетельствами царствования Полемона. Спустя некоторое время, напав на аспургианов под предлогом заключения с ними договора о дружбе, он попал к ним в плен и был казнен (*Strabo.*, XI, 2, 11).

Конец правления Полемона определялся статерами с монограммой Δ, которые выпускала Динамия. Самые ранние статеры с такой монограммой датировались 289 г. б. э. = 9/8 г. до н.э. (МДБ, 259), отсюда считалось, что Полемон погиб в 8 г. до н. э. Однако, в последние годы были обнаружены статеры с такой монограммой 286 и 288 гг. б.э.=12/11 и 10/9 гг. до н. э.² Из этого следует, что правление Полемона, женившегося на Пифодориде и имевшего от нее троих детей, продолжалось какое-то время параллельно с правлением Динамии. Это, в свою очередь, заставляет вернуться к гипотезе П. фон Родена и Миннза, допускавших такую возможность (*Rohden*, 1896, стлб. 1739; *Minns*, 1913, p. 594 note 1).

Новые находки монет заставляют по-иному реконструировать события, относящиеся к началу правления Полемона. В первый год правления (14/3 г.) Полемон выпустил свои золотые статеры с монограммой Π (рис. 31, I).

¹ Участие Херсонеса в военных акциях Полемона следует рассматривать в контексте всех херсонесско-боспорских отношений последней четверти I в. до н. э. Со времени получения цезаревой эвтерии 46 г. Херсонес оставался и формально, и фактически свободным городом, политика которого определялась устойчивой проримской ориентацией. Что делалось для блага Рима, то поддерживалось и Херсонесом.

² *Покрасс*, 1997, с. 6 - 7, рис. 1 - 2. Автор находит следы изношенности лицевого штемпеля монеты 286 г. б. э. и предполагает существование статеров еще более ранних годов.

Первые год или два Динамия в качестве супруги Полемона вряд ли могла выпускать свою монету, поэтому начало чеканки ею статов в 12/11 г. следует понимать как свидетельство раздела царства между нею и Полемоном. Этот раздел был, очевидно, санкционирован Августом.

Благодаря разделу царства между двумя правителями, каждый из которых имел достаточно оснований на самостоятельную власть, острота проблемы, возникшей с появлением на Боспоре Полемона, была несколько снята, желание пойти на развод и раздел царства являлось, скорее всего, обоюдным, а создание двух царств было также и в римских интересах.

Рис.32. Статеры Динамии 2-го правления. 1 — 286 г. б. э. (12/11 г. до н. э.). Вес — 8,05 г. 2 — 303 г. б.э (6/7 г. н. э.). Вес — 7,95 г (золото; увеличены).

Нетрудно определить и как было поделено царство (правда, лишь в самых общих чертах). Полемону достался собственно Боспор (в трактовке титулатуры ранних правителей), то есть города по обоим берегам пролива (в Гермонассе найдена надпись Пифодориды - Болтунова, 1989); Динамией - азиатская часть, которую контролировали аспургиане ее сына.

Оторвав Полемона от статов с монограммой Δ мы лишаемся возможности установить дату его гибели от рук этих самих аспургиан. Срок его правления после брака с Пифодоридой определяется или по наличию троих детей от этого брака или по продолжительности выпуска медных монет с такой же монограммой, как на его статере, на основании чего они и были привязаны к Полемону (МДБ, с. 81 - 82)¹. Анализ этих монет показывает, что Полемону можно приписать три таких серии (рис. 31, 2-14), которые выпускались приблизительно до начала н.э. Обосновать точную дату гибели Полемона этими материалами нельзя, судя по монетам, это случилось около рубежа нашей эры. Надпись Пифодориды из Гермонассы, которую Болтунова относил ко времени после гибели Полемона (Болтунова, 1989, с. 91), следует датировать, вероятно, правлением ее мужа - после смерти Полемона она не имела никаких шансов удержаться на Боспоре. Согласно Страбону, за нею были оставлены только малоазийские владения Полемона, включая Колхиду (Strabo., XI, 2,18; XII, 3,29), тогда как Динамия оказалась властительницей всего Боспора.

¹ Видимо, следует пересмотреть вопрос о монограмме и вернуться к высказанному ранее предположению Карышковского о том, что она могла скрывать имя, титул и эпитет Полемона (βασιλεύς Πολεμων εὐσεβής; Фролова, 1989, с. 3). Если согласиться с такой расшифровкой, то логично было бы все выпуски меди с такой монограммой относить ко времени Полемона.

Раздел Боспорского царства оставил Динамию правительницей в азиатской части, что позволяло ей вести самостоятельную чеканку золота (рис. 32). К периоду ее совместного правления с Полемоном можно отнести царскую медь с монограммой $\text{P}\epsilon$, но с ахеменидскими типами - звездой и полумесяцем (рис. 33, 1), на которые Полемон не имел права. В связи с тем, что с 16 г. до н.э. право чеканки золота принадлежало Августу, Динамия, как и ранее Полемон, должна была довольствоваться помещением монограммы Δ , которая со времени Т. Моммзена считается содержащей ее имя (*Mommsen*, 1860, S. 702 Anm. 127). Выпуск этих статов продолжался с 286 по 304 г.б.э., то есть с 12/11 г. до н.э. по 7/8 г. н.э. Регулярный выпуск золота был, возможно, однажды дополнен серией анонимной меди (рис. 33, 7-9).

Рис.33. Медные монеты Динамии 2-го правления.
1-6— ок. 14-10 гг.; 7-9— ок. 1-8 гг.

Важным свидетельством второго правления Динамии являются надписи, в которых ее имя и титул неизменно сопровождаются эпитетом "римлянолюбивая" (КБН, 31,38,978,979,1046), две из которых найдены в Пантикапее, две - в Фанагории и одна - в Гермонассе. Тот же эпитет восстановлен Виноградовым в херсонесском декрете в честь посла Динамии (IRE, 354; *Виноградов*, 1992, с. 131).

Динамию сменил на престоле неизвестный правитель, ставивший на своих статерах монограмму $\text{P}\epsilon$ (рис. 34). Такие монеты выпускались только два года - в 8/9 и 9/10 гг. Они чеканены одним штемпелем лицевой стороны -

тем же, что статеры Динамии последних лет. Это немаловажное обстоятельство позволяет уверенно говорить о преемственности правлений. Можно предположить, что этот правитель Кле...(?) происходил из ближайшего окружения Динамии. Скорее всего, он может быть определен как супруг Динамии, сменивший престарелую царицу (ей было около 67-68 лет) на короткий срок, но не политический авантюрист или узурпатор, подобный

Скрибонию (ср. *Блаватский*, 1976, с. 58).

В 307 и 310 г. до н. э. (10/11 - 13/4 г. н.э.) на Боспоре были выпущены статеры с новой монограммой $\bar{\Lambda}$ на реверсе (рис. 35), при этом часть монет 307 г. чеканена тем же штампом лицевой стороны, что и монеты предшествующего правителя (*Бертье-Делагард*, 1911, табл. III, 44 - 45 и 46). Как и в том случае, преемственность обоих правлений представляется несомненной. Монеты

с этой монограммой обычно сопоставляют с чеканкой царя Аспурга, на монетах которого стоит монограмма $\bar{\Lambda}\Phi$. Бесспорное тождество обоих правителей подтверждается тем фактом, что Аспург, как это стало известно из его декрета жителям Горгииппии, уже был правителем Боспора до поездки в Рим в 14 г. и получил титул царя в результате этой поездки (*Блаватская*, 1965, с. 205). Следовательно, обе эти монограммы принадлежали одному лицу, Аспургу, а наличие во второй из них элемента В указывало на обладание титулом царя.

На этом основании предполагалось, что Аспург первоначально "принял титул архонта, следуя примеру своего отца Асандра" (*Блаватский*, 1976, с. 58), однако это маловероятно - в монограмме $\bar{\Lambda}$ можно вычитать буквы имени Аспурга (А, П, Р), но не его архонтского титула. Остается признать, что Аспург

Рис.34. Статер неизвестного правителя.
305 г. б. э. (8/9 г. н. э.).

Рис.35. Статер Аспурга 1-го правления.
310 г. б. э. (13/14 г. н. э.).

Рис.36. Монеты Динамии 3-го правления.
1—статер 310 г. б. э.; 2-4 — ассарий, семис, триенс (1— золото; 2-4— медь).

ставил на своих ранних статерах монограмму своего имени, как это делали его предшественники - Полемон, Динамия и Кле..., находясь, как, например, Динамия, в ранге царя, однако включил царский титул в свою именную монограмму лишь после признания его царем в Риме.

О кратковременном первом правлении Аспурга (10/11 - 13/14 гг.) практически ничего не известно. Завершалось оно поездкой в Рим, начавшейся, вероятно, не ранее весны 14 г. Считается, что целью поездки было желание "получить наследственный титул царя вместе с официальным признанием его прав" (*Блаватская*, 1965, с. 204 - 205). То, что эта поездка ($\alpha\nu\acute{\alpha}\beta\alpha\sigma\iota\varsigma$) должна была принести Аспургу благоприятные результаты, подтверждается одним из типов медных монет Динамии, чеканенных по этому случаю¹, на которых изображена голова Геракла и дерево Гесперид, обвитое змеей (рис. 36, 4). Путешествие было предпринято к императору Августу, о чем прямо говорится в рескрипте Аспурга (*Блаватская*, 1965, с. 198, письмо А). Результатом поездки стало признание Аспурга царем Боспора и включение его в списки "друзей римлян", что явствует из последующей чеканки его монет с именной монограммой, дополненной элементом Β, $\beta\alpha\sigma\iota\lambda\epsilon\acute{\upsilon}\varsigma$, и надписей, в которых он титулуется царем и филоромеем.

Монеты Аспурга "архонтского" и царского правления разрываются уникальным статером 310 г. б. э. с монограммой Δ из собрания Американского нумизматического общества (рис. 36, 1). Сходство этой монограммы с монограммами Динамии позволяют выявить третье правление этой царицы, ограниченное всего одним годом или менее того (13/14 г. н.э.).

Новым появлением на боспорском троне Динамия была обязана Аспургу, который оставил ее управлять государством на время своей поездки в Рим. Возможно, именно Динамии пришлось успокаивать какие-то волнения на Боспоре, вспыхнувшие во время отсутствия Аспурга (*Блаватская*, 1965, с. 36). В связи с этим обращает на себя внимание посольство Динамии в Херсонес, декрет о котором, в отличие от всех остальных надписей времени Динамии,

¹ Монеты этой серии носят буквы Β, Α и знак Δ . В одном случае они выписаны на реверсе в один ряд (рис. 36, 2), в другом на аверсе вразбивку - справа от бюста Ареса Β (вверху) и знак (внизу), слева - Α (рис. 36, 3), в третьем - на реверсе в две строки, ΒΑ / знак (рис. 36, 4). Полная идентичность изображений среднего номинала этой серии и монет Аспурга этого же номинала с монограммой $\beta\alpha\sigma$ и тамгой Аспурга Δ (рис. 37, 2) не позволяет сомневаться в том, что эта серия относится ко времени Аспурга. Как в таком случае следует понимать буквы и знак на ней? Буквы ΒΑ из-за разбивки на среднем номинале нельзя читать слитно как ΒΑ [$\beta\alpha$], например, вероятнее их должно понимать как аббревиатуру $\beta\alpha\sigma\iota\lambda\epsilon\acute{\upsilon}\omega\varsigma$ (слитно как ΒΑ [$\beta\alpha$]), например, вероятнее их должно понимать как аббревиатуру $\beta\alpha\sigma\iota\lambda\epsilon\acute{\upsilon}\omega\varsigma$ [$\beta\alpha$ σιλευω]. Знак Δ можно понимать двояко: либо это монограмма из букв ΜΙ, которая могла бы представлять имя старшего сына Аспурга, Митридата, находившегося к этому времени еще в детском или юношеском возрасте; либо, основываясь на сходстве этого знака с верхней частью монограммы Динамии, считать его представляющим царицу. В этом случае он функционально идентичен тамге Аспурга на его семисах. Аналогичный элемент известен на треугольной и круглой основе (*Драчук*, 1972, рис. I - 1,8 и VIII, За - 3 б), что указывает на его самостоятельный, законченный смысл (какой, к сожалению — неизвестно). Возможно, этот знак следует считать личной тамгой Динамии, так же как и тамгу на ее статерах, различие которых отражало ее различный социальный статус.

титует ее "великой и благочестивой" (IRE, 354). Возможно, посольство относилось к третьему правлению Динамии и было связано с просьбой об оказании военной или иной помощи. О причине и характере волнений ничего не известно. Может быть, косвенно на них указывают последующие распоряжения Аспурга, затрагивавшие социально-экономическую сферу, - подтверждение действия норм родственного наследования, содержащихся в законе Евпатора (более о нем ничего не известно) и отмена налогов (?) с некоторых видов продукции (вина, пшеницы, ячменя, проса), касающиеся, правда, только населения Горгииппии. Вероятно, Динамии удалось восстановить положение еще до возвращения Аспурга из Рима.

Рис.37. Монеты Боспора времени 2-го правления Аспурга. Царские эмиссии:
 1 — статер 317 г. б. э.(20/21 г.); 2— семис ок. 14-15 гг.; 3— додранс ок. 14-38 гг.;
 4— ассарий ок. 14-38 гг.; 5— ассарий ок. 37-38 гг. Кесария; 6— додранс
 ок.14-38 гг. Агриппия; 7— додранс ок. 14-38 гг. (1— золото; 2-7— медь).

Второе правление Аспурга открывают статеры с монограммой BAP , чеканка которых началась с 311 г. б.э. (14/5 г. н.э.). На первых порах он титулуется скромно - "царь, друг римлян" (рескрипты Горгииппии - июнь 16 г.; КБН, 985 - июнь 17 г.). Вскоре, однако, положение меняется. В посвяtitельной надписи Менестрата он уже назван "великим царем, другом цезаря и другом римлян, царствующим над всем Боспором, Феодосией, синдами, маитами, гарпитами, торетами, псесами и танаитами, подчинившим скифов и тавров" (КБН, 40). Такая же формула присутствует и в другом посвящении, датированном 320 г.б.э. (23/4 г. н.э.), следовательно, военные успехи Аспурга были достигнуты им за сравнительно короткий срок. Эта развернутая титулатура, несомненно, заимствованная Аспургом у представителей династии

Спартокидов, впервые встречена в после-митридатовское время и не употреблялось более никем из представителей новой династии. Какая-то часть перечисленных племен прочно входила в состав Боспора, однако некоторые из них Аспургу пришлось завоевывать вооруженным путем. Это относится не только к населению, жившему по берегам Меотиды, с которым, по словам Страбона, приходилось воевать Фарнаку, Асандру и Полемону, - впервые после Митридата Евпатора объектом экспансии стали скифы и тавры. Если при Асандре против тех же кочевников был сооружен оборонительный вал, то Аспург перешел к активной наступательной политике в западном направлении.

Рис.38. Статеры царицы Аспурги.

1 — 319 г. б. э. (22/23 г. н. э.). Вес - 7,97 г. 2— 322 г. б. э. (25/26 г. н. э.).
Вес — 8,01 г (золото; увеличены).

О внешнеполитической деятельности Аспурги известно немного. Судя по тому, что следующие правители Боспора, начиная с Рескупорида I, носили родовое имя Тибериев Юлиев, это имя было принято в титулатуре боспорских царей при Аспурге, основателе новой династии. На медных монетах Рескупорида I изображены инсигнии не только самого Рескупорида и его отца Котиса I, но также и деда, Аспурга, - курульное кресло, венок и скипетр с бюстом императора (МДБ, с. 101). Возможно, получение этих инсигний, равно как и включение Аспурга в число "друзей цезаря", было результатом не известной по другим источникам второй поездки Аспурга в Рим, которая могла иметь место между 17 и 24 гг. (ср. *Блаватская*, 1965, с. 207 прим. 49).

Какие-то отношения Аспург поддерживал с Херсонесом. Об этом свидетельствует база статуи, поставленной там Аспургом, от надписи на которой сохранились только остатки начала первых двух строк, содержащие титул и имя Аспурга (IRE, 573; *Виноградов*, 1992, с. 132).

Аспург вел достаточно активную монетную политику. Золото выпускалось практически ежегодно¹; его дополняли регулярные выпуски царской меди, к которым относятся семисы с тамгой Аспурга ок. 14 - 15 гг. (рис. 37,2), редкие додрансы (рис. 37,3) и ассарии времени Тиберия (14 - 37 гг.; рис. 37,4) и

¹ Единственный пропуск приходится на 312 г. б. э. (15/6 г.); за последнее время стали известны статеры 319 и 322 гг. (*Покрасс*, 1997, № 9,12; рис. 38).

Калигулы (37 - 38 гг.; рис. 37, 5). Право чеканки при нем получили городские общины Кесарии и Агриппии, выпустившие в первый и последний раз в своей истории унифицированные монеты номиналом 8 унций (додранс). Чеканка этих монет, аналогичных царским додрансам, производилась, вероятно, в первые годы его второго правления и отражала подчеркнуто либеральную политику Аспурга по отношению к греческим полисам.

Рис.39. Монеты Гепеирии.

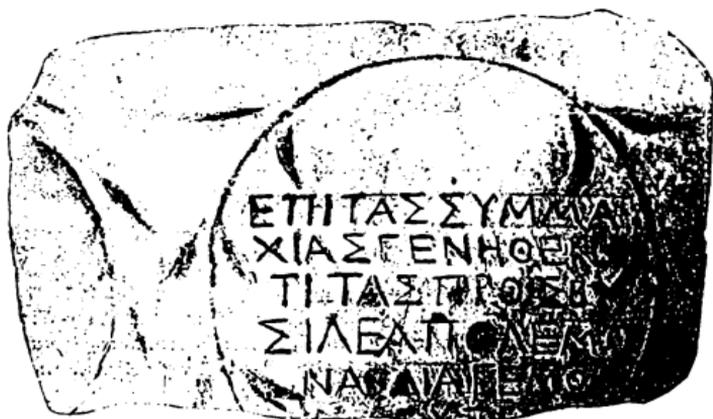
1 — статер 334 г. б. э. (37/38 г.); 2 — ассарий (1 — золото; 2 — медь).

Последние статеры Аспурга датированы 334 г. б.э. Этим же годом помечены статеры с монограммой ΑΡ , которые относят к царице Гепеирии. Все ее статеры чеканены тем же штемпелем лицевой стороны, что и монеты Аспурга 332 - 334 гг. Правление Гепеирии было коротким - последние статеры с ее монограммой датированы 335 г. б.э.(38/9 г.; рис.39, 1). При ней выпускались также и царские медные монеты (ассарии) с ее полным именем и титулом - ΒΑΣΙΛΙΣΣΗΣ ΓΗΠΑΠΥΡΕΩΣ (рис. 39, 2).

Именно Гепеирия первой после долгого перерыва поместила царское имя на монетах, что свидетельствует о более значительной роли этой царицы в истории Боспора, нежели предполагалось. Как известно из сообщения Диона Кассия, имп. Гай Калигула передал Полемону II царство, которым владел его отец (в действительности, дед; *Орешников*, 1921, с.3; *Sullivan*, 1979, р.11-12), Полемон I (*Dio Cass.*, LIX, 12,2). Это сообщение следует рассматривать в связи с другим отрывком из того же автора, в котором говорится, что Клавдий сохранил Боспор за Митридатом, ведшим свой род от знаменитого Митридата (Евпатора), а Полемону дал взамен его одну область Киликии (*Dio Cass.*, LX, 8).

Никаких следов правления или даже появления Полемона на Боспоре не обнаруживается, а нумизматические источники ясно показывают, что царицей Боспора после Аспурга в год его смерти стала Гепеирия. Исследователи по-разному пытались преодолеть расхождение между сообщениями Диона и нумизматическими данными: Полемон и Митридат разделили Боспор (*Латышев*, 1909, с. 108), Полемон правил недолго и не успел чеканить свою монету (*Орешников*, 1921, с. 3), Полемон встретил на Боспоре сильное сопротивление и Клавдий сменил его в 41 г. (*Дьяков*, 1942, с. 31; *Голубцова*, 1951, с. 128); существуют и другие достаточно правдоподобные версии Баррета, Салливена, Браунда и Яйленко (*Виноградов*, 1992, с. 133 - 134). Виноградов пытался доказать, что Полемон намеревался решить вопрос в

свою пользу вооруженной борьбой. Он реконструировал в практически не сохранившейся на эстампаже (сам камень утерян) строке 6 надписи IPE, 419 упоминание провинции Мезия и на этом основании относил ее к Полемону II (Виноградов, 1992, с. 137 - 138), якобы пытавшемуся силой заполучить переданный ему в 37 г. Калигулой боспорский трон, о чем сообщил Дион Кассий (LIX, 12,2). Автор подводит читателя к такому выводу сначала общими соображениями - "мог ли Полемон три года терпеливо и бесстрастно взирать на то, как на Боспоре, отданном ему по высочайшему повелению,

Фрагмент надписи из Херсонеса (IPE, 419).

хозяйничает сначала Гепепирия, а потом и Митридат", "допустимо ли, чтобы Калигула... проявлял... столь несвойственную ему пассивность, закрывая глаза на грубое попрание своей воли?" (там же, с.134 -135). Подразумеваемый ответ - ни тот, ни другой не могли терпеть это беззаконие. Однако, предлагаемое Виноградовым решение ставило бы и Полемона, и Калигулу в еще более жалкое положение - они попытались поставить на место зарвавшихся боспорцев, но сначала не хватило сил, а потом императору было некогда (там же, с. 139). Далее предполагалось, что между Гепепирией и Полемоном (родные брат и сестра) могло быть заключено соглашение (о невмешательстве), а демарш Полемона был вызван воцарением "дерзкого и коварного" сына Гепепирии, Митридата II. В таком случае, этот демарш мог иметь место не в 39 и 40 годах, а в первой половине 39 года, поскольку уже с октября этого года мы обязаны допускать начало правления Митридата, первые статеры которого (336 г. б.э.=39/40 г.) имеют изображение Ники как возможного, по Виноградову, символа победы над объединенными войсками Мезии и Херсонеса. Затем автор сослался на то, что чтение Латышева стк. 5 - ΔΙΑΓΕΜΟ - было поправлено Ад. Вильгельмом - ΚΑΙ ΑΓΕΜΟ. По его мнению, Латышев был введен в заблуждение К. К. Костюшко-Валюжиничем, принявшим за нижнюю гасту Δ след разлиновки (там же, с. 136). Однако, этот

вывод не имеет под собой оснований. На фото в IPE,419 заметно, что разлиновкой ограничена сверху и снизу стк. 1 и только сверху - стк. 4-5. Следов линейки, ограничивающей стк. 5 снизу, нет, отсутствует она и на приведенном в статье Виноградова фото (*там же*, рис. 1). Линейка, если бы она была на камне, и не могла проходить по нижней гасте *дельты*, уверенно показанной на фото в IPE, поскольку следующие буквы слегка опускались бы ниже ее, чего мы не замечаем в стк. 1. Лакуна между NA и ΔI вовсе не обязательно должна была иметь букву: во-первых, она не так уж велика; во-вторых, резчик надписи в нескольких случаях оставлял свободное поле между соседними буквами, иногда по необъяснимым причинам (например, в слове ΠΡΟΣΧ на эстампаже Херсонесского музея). Из всего этого следует, что в стк. 5 после букв NA стояла именно *дельта*, а не *альфа*, и что поправка Вильгельма не может быть принята. Что касается усика от якобы стоявшей в лакуне *каппы*, то на фото в IPE его не видно, а тонкая линия на фото Херсонесского музея никак его не напоминает. Остается неясным, в чем же в данном случае заблуждался сам Костюшко и ввел в заблуждение эпиграфистов? Снимаемый с камня эстампаж объективно отражает его поверхность и как бы ни давить на него карандашом при съемке, буквы из этого не получится. Остаются верхушки букв стк. 6, заметные на фото в IPE, однако в них название Мезии усмотреть нельзя.

В первом сообщении Диона (LIX, 12, 2) Боспор не упоминается, а из второго можно сделать вывод, что Полемон претендовал и на Боспорское царство, но получил взамен него область в Киликии (LX,8). По-видимому, самое большее, что могло случиться между претендентами, это - спор. Правившая на Боспоре династия была утверждена Августом, это было подтверждено и Тиберием, так что римский сенат вряд ли мог отменить постановления того и другого. Возможно, Полемон попытался доказать свои большие права на Боспорское царство (или на часть его), однако отменить силой распоряжения Августа он вряд ли решился бы. С другой стороны, Гепеирия, имевшая все права на Боспор, могла на законном основании отстаивать их в Риме, в соответствии с которыми она немедленно, еще в год смерти Аспурга, начала выпускать свои монеты.

Если поспешность Гепеирии в этом вопросе частично может быть объяснена претензиями Полемона, о которых ей стало известно, то в дальнейшем, еще при жизни Калигулы, этой спешки уже не обнаруживается - сын Аспурга и Гепеирии, Митридат, начал свою чеканку со следующего года после ухода матери со сцены. Его золотые монеты резко порывают с прежней практикой: хотя на лицевой стороне помещается портрет императора, реверс занимает титул и имя царя ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΜΙΘΡΙΔΑΤΟΥ вокруг изображения Nike. Монеты выпускались в 336 - 338 гг. б.э. = 39/40 - 41/42 гг. (рис. 40). Как раз в эти годы в Риме произошла смена правителей - 24 января 41 г. императором был провозглашен Клавдий, однако на чеканке и статусе Митридата это никак не сказалось.

Рис. 40. Монеты Митридата VIII.

1 — статер 338 г. б. э. (41/42 г.); 2-3— ассарии (1— золото; 2-3— медь).

Судя по титулатуре, Митридат стал проводить независимую политику с первого года своего царствования. Вероятно, он уже тогда понимал, что она неизбежно приведет к столкновению с Римом. О конкретных планах Митридата мы судить не можем из-за отсутствия данных. Скорее всего, они ограничивались Северным Причерноморьем - вряд ли он мог рассчитывать на успешное претворение замыслов, не удавшихся ни Митридату Евпатору, ни Фарнаку. Тем не менее, и такие притязания вызвали сопротивление Рима, намеревавшегося замкнуть кольцо своих владений на северо-востоке Понта.

Прекращение чеканки Митридата следует связывать, видимо, с тайной подготовкой к войне. Отрывок из Петра Патрикия проливает свет на предысторию столкновения Рима с Боспором. Он сообщает: "Митридат, царь (Боспора), замыслив изменить политику, стал готовиться к войне с римлянами. Так как мать его была против этого и, не успев в своей попытке уговорить его, хотела бежать, то он, с целью скрыть свои намерения, сам продолжая приготовление к войне, отправил своего брата Котиса послом к Клавдию с поручением передать ему дружественные заверения. Котис, злоупотребив оказанным ему, как послу, доверием, донес обо всем и стал царем (Боспора) вместо Митридата" (FHG, IV, 185, fr. 3; пер.: *Орешников*, 1921, с. 5).

Утверждение Котиса на престоле произошло в результате крупнейшей военной акции римлян в Северном Причерноморье - экспедиции А. Дидия Галла на Боспор в середине 40-х гг. I в. Изучение нумизматического материала раскрыло ее влияние и на другие города - Херсонес (МДХ, с. 63 - 64), Ольвию и Тиру (МАГ, с. 62 - 63, 97). Совершенно ясно, что эта экспедиция должна была решить все проблемы, связанные с утверждением римского господства в этом регионе - заменить неугодного правителя на боспорском троне, привлечь на сторону Рима как греческое, так и варварское население, поощряя союзников (возможное соучастие царя одного из сарматских племен, Фарзоя.

в борьбе с Митридатом и предоставление ему в последующем права золотой чеканки) и беспощадно карая противников (расправа над населением сиракского города Успе). Если учесть, что одновременно с нею было ликвидировано давно зависимое от Рима Фракийское царство, включенное в состав провинции Мезия (46 г.), и даже отдаленный от театра военных действий Византий несколько лет спустя был вынужден просить у римлян отмены налогов в связи с создавшимся тяжелым положением из-за войн с фракийцами и Боспорским царством (в результате город получил ателию на пять лет - *Тас., Анн., XII, 62 - 63*), то масштабы этого похода действительно представляются впечатляющими.

Непосредственным поводом к конфликту могли послужить честолюбивые замыслы Митридата, о которых поведал Клавдию Котис и которые, в частности, нашли выражение в выпуске золотых монет с его полным именем и титулом. Кстати сказать, Котис I вернулся к тому типу статеров, которые выпускались до Митридата. Впрочем, коль скоро результаты экспедиции затронули огромную территорию от Фракии до азиатской части Боспора, поведение Митридата могло послужить лишь благовидным предлогом для организации экспедиции. К примеру, Фарзой на пятом году ольвийской эры (50/51 г. н. э.) чеканит свое золото в Ольвии с полным именем и титулом (МАГ,344), да и прекращение чеканки Митридатом после 41/2 г. свидетельствует о том, что он не был готов к такому решению Клавдия и, следовательно, не имел в начале своего правления обдуманного намерения вступать в конфликт с Римом. Видимо, лишь когда столкновение оказалось неизбежным он принял решение сопротивляться.

Со всех точек зрения оно представляется ошибочным - ограниченное в ресурсах Боспорское царство вряд ли могло успешно противостоять Риму, владевшему чуть ли не всем миром. Правда, некоторые особенности предшествующей римской политики в отношении Боспора могли породить определенные иллюзии. Митридат мог рассчитывать, что император не пойдет на военный конфликт. До этого момента Боспор не испытывал римского нашествия, хотя несколько раз был на грани от него - при Помпее в 3-й войне Рима с Митридатом Евпатором, при Юлии Цезаре после гибели его друга Митридата Пергамского, при Августе во время мятежа Скрибония и после гибели римского ставленника Полемона I. Видимо, во всех этих случаях немаловажную роль играли удаленность Боспора и многочисленные трудности, ожидавшие римлян. Весьма примечательны приписываемые Клавдию соображения, руководствуясь которыми он отказался от дальнейших попыток захватить Митридата силой - хотя его и "толкала горечь нанесенных ему оскорблений и жажда мести; но возникали и такие возражения: придется вести войну в труднодоступной местности и вдали от морских путей; к тому же цари в тех краях воинственны, народы - кочевые, земля - бесплодна; медлительность будет тягостна, а торопливость чревата опасностями; победа обещает мало славы, а возможное поражение - большой позор"

(Тас., App., XII, 20). Вероятно, Митридат тоже учитывал все это и надеялся на успех. Более трезво оценивала ситуацию мать Митридата (Гепепирия), которая хотела даже бежать.

Перед экспедицией А. Дидия Галла ставились и другие задачи, претворение в жизнь которых демонстрируют возобновление чеканок в Ольвии и Тире и начало выпуска датированных медных и золотых монет в Херсонесе. Вряд ли можно сомневаться в том, что по мере продвижения на Боспор отдельные отряды римлян могли осуществлять разные акции по наведению угодного им порядка в отношении греческого или местного населения.

Наиболее вероятным местом концентрации римских войск являлся Византий, на который, возможно, возлагалась обязанность обеспечить перевозку войск к месту действий и обратно и снабжение их провиантом, что требовало больших расходов. Несомненно, что часть войск (по крайней мере), скорее всего, прибыла из Малой Азии вместе с проконсулом провинции Азия А. Дидием Галлом, назначенным командовать всей экспедицией.

Время начала экспедиции определяется по косвенным данным. Последние статеры Митридата относятся к 41/2 г., следовательно, начало военных действий должно относиться не ранее чем к 43 г. Однако, в 43 г. состоялся поход Клавдия в Британию, в котором принимал участие и Дидий Галл, так что в этом году он не мог быть на Боспоре. Возможно, на 43 г. приходится посольство в Рим Котиса, выдавшего планы Митридата. По мнению Д. Оливера, Дидий Галл сразу же по возвращении из Британии отправился в Мезию, чтобы поставить на боспорский трон Котиса, и завершил эту акцию уже в начале 44 г. Единственным аргументом является то обстоятельство, что в надписи в честь Дидия Галла, найденной в Олимпии, приведена его должность [leg]atus без названия провинции. По его мнению, он был легатом именно этой области, то есть Ахайи, составлявшей часть провинции Мезия вплоть до 44 года, когда она была превращена в сенатскую провинцию (Oliver, 1941, p. 241). Однако, этот довод нельзя признать решающим - Дидий Галл мог быть удостоен в Ахайе почетной надписи, пребывая в должности наместника Мезии (legatus Augusti propraetore provinciae Moesiae) в связи с какими-то проблемами по отделению Ахайи от Мезии. Кроме того, завершение войны с Митридатом к началу 44 г. представляется крайне маловероятным по ряду причин: во-первых, в зимнее время вряд ли было возможно перебросить крупные военные силы из Малой Азии (а не Мезии) на Боспор; во-вторых, вызывает сомнения столь быстрое завершение операции (всего несколько зимних месяцев); в-третьих, первые статеры Котиса относятся только к 45/6 г. (342 г. б.э.), а ведь именно они должны указывать на завершение первого, основного этапа миссии Дидия Галла.

Все эти обстоятельства заставляют отнести экспедицию Дидия Галла к весенне-летним месяцам 46 г. - изгнание Митридата и утверждение на

престоле Котиса, выпуск им статоров и уход основных сил римлян во главе с Дидием Галлом в Мезию, к которой были присоединены остатки Фракийского царства. Видимо, со следующего года он и получил в управление эту провинцию. В пользу этой даты свидетельствует и тот факт, что начало ольвийской эры приходится как раз на 46 г.

О развитии событий после ухода основных сил римлян подробно сообщает Тацит. На Боспоре оставалось несколько когорт под командованием римского исадника Юлия Аквилы. Когда об этом узнал Митридат, то "не ставя ни во что ни римлян, ни Котиса, он принимается возмущать племена и смагивать к себе перебежчиков и, собрав в конце-концов войско, прогоняет царя дандаров и захватывает его престол. Когда это стало известно и возникла опасность, что Митридат вот-вот вторгнется в Боспорское царство, Котис и Аквила, не рассчитывая на свои силы, тем более, что царь сираков Зорсин возобновил враждебные действия против них, стали искать поддержки извне и направили послов к Эвнону, правившему племенем аорсов. Выставляя на вид мощь Римского государства по сравнению с ничтожными силами мятежника Митридата, они без труда склонили Эвнона к союзу. Итак, было условлено, что Эвнон бросит на врага свою конницу, тогда как римляне займутся осадой городов" (Тас., Анн., XII, 15).

В походе против Митридата участвовала конница аорсов (впереди и в тылу), римские когорты и вооруженные римским оружием боспорцы. Войско противника было отброшено, Митридат покинул город Созы "вследствие ненадежности горожан". Римляне заняли его и, оставив в нем гарнизон, направились в земли сираков к городу Успе. Этот город (столица сираков) находился на возвышенном месте и был окружен стенами из плетня с землей и рвами, поэтому римлянам пришлось осаждать его по всем правилам военного искусства - были сооружены высокие башни, с которых осажденных забрасывали горящими головнями и копьями. В первый день из-за наступления ночи город взят не был, а на следующий день осажденные прислали послов с просьбой пощадить свободных горожан, предлагая в качестве выкупа 10 тыс. рабов. Римляне посчитали затруднительной охрану и транспортировку такого количества пленных и решили не принимать этих условий - "проникшим в город с помощью лестниц воинам был подан знак к беспощадной резне. Истребление жителей Успе вселило страх во всех остальных, решивших, что больше не стало безопасных убежищ, раз неприятеля не могут остановить ни оружие, ни крепости, ни труднодоступные и высокогорные местности, ни реки, ни города" (Тас., Анн., XII, 17). Царь Зорсин признал власть римлян "и, выдав заложников, простерся ниц перед изображением Цезаря", царство за ним было сохранено. Митридат был вынужден прибегнуть к посредничеству царя аорсов Эвнона ради сохранения жизни. С этим условием он был выдан Эвноном и доставлен в Рим прокуратором провинции Понт (49 г.). Вероятно, окончательную победу и пленение Митридата отмечают статоры Котиса 345 г. э. (48/9 г.) - два

предыдущих года чеканка не производилась в связи с тревожной обстановкой и военными действиями.

При возвращении римлян (в Мезию) "несколько кораблей (ибо войско возвращалось морем) выбросило к берегу тауров, и их окружили варвары, убившие префекта когорты и множество воинов из вспомогательного отряда" (Тас., Анн., XII, 17). Следы этой катастрофы были обнаружены при раскопках таврского святилища на Гурзуфском седле (раскопки Н. Г. Новиченковой) - большое количество найденных там вещей и монет представляет собой часть римской добычи, захваченной таврами¹.

Рис. 41. Монеты Котиссы I.

1 — статер 342 г. б. з. (41/42 г.); 2-4 — серия ок. 49 г.; 5-6 — серия ок. 50-54 гг.; 7 — ассарий ок. 54-56 гг.; 8 — ассарий ок. 63 г. (1 — золото; 2-8 — медь).

Даже из частично сохранившегося описания действий римской военной экспедиции можно представить те последствия и тот огромный резонанс, который они получили среди населения Северного Причерноморья. Для греков не оставалось иного выбора кроме как следовать в фарватере римской политики - источники не отмечают ни одного выступления с их стороны против Рима. Несколько меньший эффект она произвела на варваров, постоянно подлитывавшихся за счет кочевников, однако разобщенность их выступлений не требовала привлечения значительных военных сил.

¹ На Бокпоре найдена надпись, которую можно связать с этой экспедицией. В ней упоминается "стратег триполитов" (КБН, 382). Кто такие триполиты - остается неизвестным, но коммодаторы КБН приводят в качестве аналогии малоазиатский городок Лусулбос (Strab. IV, 5, 11).

Боспорское царство после похода Дидия Галла оказалось в еще большей зависимости от Рима. Котис, получивший трон благодаря римским войскам, вводит на Боспоре культ римских императоров и становится его пожизненным первосвященником (КБН, 41), он вносится в списки "друзей цезаря и друзей римского народа" и принимает элитет "благочестивого" (КБН, 69, 958, 1124). Его золотые монеты повторяют тип монет Аспурга - на них ставится только его именная монограмма Φ (рис. 41, 1). Любопытны выпуски медных монет Котиса, особенно первой серии, относящейся к 49 г. Она состоит из четырех номиналов. Старший из них, ассарий, имеет изображения Клавдия и его супруги, Агриппины; следующий, додранс, голову Британника, сына Клавдия и Мессалины, и голову Котиса; семисы - изображения Аспурга и Котиса с их монограммами; и младший (триенс) - изображение Гелепирии с ее монограммой и женского божества в калафе и покрывале (рис. 41, 2 - 4). На монетах следующих выпусков также отражен состав императорской семьи и статус ее женской части (рис. 41, 5 - 8), все они представляют собой ассарии.

Рис. 42. Монеты имп. Нерона, выпущенные на Боспоре.
1 — статер 359 г. б. э. (63 г.); 2-3 — серия ок. 63-68 гг. (1 — золото; 2-3 — медь).

Последние статеры с монограммой Котиса датируются 357 г. б. э. = 60/61 г. К самому началу 63 г. относится выпуск ассариев с его же монограммой, имеющих на реверсе изображение Поллеи, супруги Нерона, с титулом "себаста" (= Augusta), который она получила после рождения дочери 21 янв. 63 г., после чего были выпущены статеры 359 г. б. э. = 62/3 г. с монограммой имени Нерона Φ (рис. 42, 1). Они дополняются серией медных монет новых для Боспора номиналов - сестерция и дупондия - с изображениями Нерона и без всяких намеков на боспорского царя (рис. 42, 2 - 3).

По мнению А. Н. Зографа, эти факты свидетельствуют о мероприятиях Нерона по переводу Боспора на положение римской провинции (1951, с. 198 - 200). Другие исследователи также говорят о попытке или даже о неудачной попытке Нерона перевести Боспор на положение римской провинции, хотя

имеются и сторонники мнения, что Боспор был превращен в провинцию. Оставалось неясным, почему не сохранилось никаких данных о предполагаемой новой провинции. Наиболее близкое к истине объяснение предложил Гайдукевич, по мнению которого с превращением Понтийского царства в римскую провинцию в 63 г. "Боспорское царство, как и во времена Митридата Евпатора, должно было, по замыслу римских правителей, составить в административно-политическом отношении единое целое с бывшим Понтийским царством и Колхидой..." (1949, с.331). Нумизматические данные показывают, что эти намерения были полностью реализованы. Весьма показательным, что выпуск золота от имени Нерона состоялся только в год отстранения от власти Котиса, в пределах лета 63 г. С переходом Боспора в подчинение римского наместника золотая чеканка, естественно, должна была прекратиться.

Перевод Боспора в состав провинции Понт произошел без видимых военных потрясений. Как раз на эти годы приходится ряд важных свидетельств о том, что римляне прочно контролировали военно-политическую ситуацию в Северном Причерноморье. Так, в середине 60-х годов Т. Плавтий Сильван, будучи наместником провинции Меэзия, вынудил скифов снять осаду Херсонеса (*Dez.*, 986). Возможно, его экспедиция совпала по времени с переходом Боспора в состав римской провинции и носила для него характер демонстрации военной мощи римлян. К 66 г. относится сообщение Иосифа Флавия о том, что 3 тыс. воинов и 40 военных кораблей поддерживают мир в Понте (*De bell. Jud.*, II, 16, 4).

Однако, подчинение Боспора носило кратковременный характер. Уже в 365 г. б.э. (68/9 г.) Боспор снова чеканит свою золотую монету (с монограммой) , что указывает на возвращение ему прежнего статуса и утверждение царем Рескупорида, сына Котиса, известного по нескольким надписям. Не следует думать, что сил римлян оказалось недостаточно для падения. Не следует думать, что сил римлян оказалось недостаточно для того, чтобы удержать Боспор в повиновении (ср. *Гайдукевич*, 1949, с. 332). Достаточно вспомнить, как быстро был подавлен мятеж Анникета в провинции Понт, куда входил и Боспор, случившийся в конце лета того же 69 г. (*Тас.*, *Нист.*, III, 47 - 48). Даже если бы Веспасиан и не отреагировал тогда же на мятежную чеканку Рескупорида, что представляется маловероятным, то у него было достаточно возможностей сделать это позднее, когда, по свидетельству Светония, "Ахайю, Ликию, Родос, Византий, Самос он лишил свободы, горную Киликию и Коммагену, ранее находившиеся под властью царей, обратил в провинции..." (*Div. Vesp.*, 8).

Единственно возможной причиной восстановления Боспорского царства могло быть соглашение между Веспасианом и Рескупоридом. Возможно, первая была соблазнен значительной суммой денег, необходимых ему для военных расходов, или же свою роль сыграло то обстоятельство, что перевод Веспасиан положение провинции был осуществлен Нероном, к которому Веспасиан относился враждебно и распоряжения которого он систематически отменял.

Первые статеры Рескупорида были выпущены до октября 69 г., когда мятеж Веспасиана еще только набирал силу. Его открытое выступление против Вителлия относится к 1 июля 69 г., когда наместник Египта Тиберий Александр провозгласил Веспасиана императором и привел к присяге ему два своих легиона. Сам Веспасиан 11 июля принял присягу своих войск в Иудее, наместником которой он являлся (*Suet.*, *Div. Vesp.*, 6); в июле к нему открыто присоединился его тайный сообщник, наместник Сирии Муциан. Дальнейший ход событий описывает Тацит. Примеру Муциана последовала вся Сирия и вскоре "все приморские провинции, вплоть до границ Азии и Ахайи, и все внутренние, вплоть до Понта и Армении, присягнули на верность Веспасиану". С этого времени Веспасиан начал открыто готовиться к военным действиям - набирал рекрутов, призвал ветеранов, стал заготавливать оружие, начал чеканку золотых и серебряных монет. "Провинции содрогались от грохота оружия, поступи легионов, передвижений флотов. Хуже всего, однако, им приходилось от денежных поборов. Муциан часто повторял, что деньги — становая жила войны..., все богатые имения были разграблены" (*Tac.*, *Hist.*, II, 83-84). Предложение помощи со стороны Рескупорида было весьма кстати, и Веспасиан, нуждавшийся в союзниках, когда исход его выступления был еще далеко не ясен, вполне мог пойти на восстановление Боспорского царства. Рескупорид безоговорочно признавал верховную власть Рима и в одной из самых ранних надписей (71 г.) раболепно именовал Веспасиана "господином всего Боспора" (КБН, 1047).

Правление Рескупорида I продолжалось с 365 по 388 г. б.э. (69-91/2 гг. н.э.). В надписях он именуется "другом цезаря и другом римлян, благочестивым, пожизненным первосвященником Августов, благодетелем отечества" (КБН, 70, 76, 986, 1047, 1118, 1126). Об истории царства при его правлении письменные или эпиграфические источники ничего существенного не сообщают, но ряд важных данных можно извлечь из типологии его монет.

Прежде всего следует отметить, что при нем на статерах вновь появляется полное имя и титул царя - ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΡΗΣΚΟΥΠΟΡΙΔΟΣ, а однажды даже с родовым именем - ΤΙΒΕΡΙΟΣ ΙΟΥΛΙΟΣ ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΡΗΣΚΟΥΠΟΡΙΣ (рис. 43, 1-2). Появлением имени царя Рескупорид был обязан либеральной политике имп. Тита (79-81). Тогда же начался выпуск сестерциев и дупондиев, как при Нероне (рис. 43, 5), тогда как до этого, при Веспасиане, чеканились только дупондии с изображением пятиколонного храма и монограммами родителей Рескупорида, царя Котиса и царицы Евн[ики] (рис. 43, 3-4). Медная чеканка домициановского времени представлена четырьмя сериями: 1) с изображением царя на троне и инсигний - как самого Рескупорида, так и его предков, Аспурга и Котиса; 2) с курульным креслом; 3) с изображением царя, поставившего ногу на припавшего к его стопам пленника и трофея (в этой серии интересен один из типов реверса - изображение городской стены с башней и воротами, украшенными конной статуей царя); 4) с бюстом самого царя (рис. 43, 6-17). Изображения на монетах третьей серии позволяют

Рис. 43. Монеты Рескупорида I.

1-2 — статеры 365 и 381 гг. б. э. (68/69 и 84/85 гг.); 3-4 — серия ок. 68-79 гг.; 5 — серия ок. 80-85 гг.; 6-17 — выпуски ок. 86-92 гг. (6-7 — 1 эмиссия; 8-9 — 2 эмиссия I серия; 10-13 — 2 эмиссия II серия; 14-17 — 3 эмиссия)
(1-2 — золото; 3-17 — медь).

догадываться о военной активности Боспора и о какой-то победе (над варварами?), в связи с чем допустимо восстановление титула "великий царь" в почетной надписи, поставленной "народом горгиппейцев" (КБН, 1118). На сестерциях последней серии по обеим сторонам бюста царя изображены палица и трезубец, являвшиеся царскими атрибутами. Очевидно, представление о божественном происхождении правящей династии от Посейдона и Геракла впервые стало пропагандироваться при Рескупориде I, а при его сыне, Савромате I, упоминание об этих божественных предках уже входило в царскую титулатуру.

Внешнеполитическое положение Боспора при Савромате I (93/4 - 123/4) оставалось достаточно стабильным - три сменившихся при нем императора, Нерва, Траян и Адриан, не покушались на его статус. Чеканка золота была регулярной, пропуски отмечены только для четырех годов и, возможно, носят случайный характер. Весьма интенсивно выпускалась медная монета - всего насчитывается 17 эмиссий по 2 - 6 разновидностей в каждой (МДБ, с. 106, табл. VIII; рис. 44).

Правление Савромата отмечено столкновениями с варварами. Театром военных действий являлась азиатская часть Боспора, в двух городах которой (Гермонассе и Фанагории) обнаружены надписи с упоминанием псеханов, против которых Савромат совершил удачный поход (КБН, 1048; Яйленко, 1987, № 148) и основал город Никополь (КБН, 44, 1112; Яйленко, 1987, № 28, 162). О военных действиях Савромата свидетельствует посвящение ему какого-то здания с находившейся в нем картиной, отображавшей "доблестную отвагу" этого царя (КБН, 45).

В скором времени направление и объект военной активности Боспора меняются - уже в первый год правления Котиса II (123/4 - 132/3) Трифон, с. Аполлония, ставит почетную надпись за победу над скифами (КБН, 33). Обращает на себя внимание тот факт, что Трифон являлся навархом. Впрочем, из этого нельзя с уверенностью заключить, что победа была одержана именно в морском бою с кораблями скифов, в равной мере речь может идти о боспорской морской пехоте, победившей каких-то сухопутных скифов. Начиная с этого времени скифы становятся одним из основных противников Боспора, и не только его — Антонин Пий оказывал помощь Ольвии также против тавро-скифов (SHA, Ant. Pius, 9).

Военные успехи Боспора в борьбе со скифами и вероятное наступление последних на Херсонес послужили, возможно, причиной того, что этот город был поставлен под военное покровительство Боспора - видимо, именно в этом плане следует понимать сообщение о подчинении Херсонеса Боспору при царе Котисе (*Phleg. Trall.*, XV, 20). Ко времени Котиса II относится, возможно, еще одна плохо сохранившаяся надпись, упоминающая о победе над скифами (КБН, 32; Яйленко, 1987, № 22). С первого года правления Котиса наделяется титулом "царя царей" (КБН, 33).

Рис.44. Монеты Савромата I.

1 — статер 393 г. б. э. (96/97 г.); 2-4 — серия 93-94 г.; 5-8 — 94-95 г.;
 9-10 — 95-96 г.; 11-15 — 96-97 г.; 16-17 — 98-99 г.; 18-25 — 100-101 г.;
 26-28 — 102-103 г.; 29-30 — 104-105 г.; 31-33 — 106-107 г.; 34-35 — 108-109 г.;
 36-38 — 110-111 г.; 39-40 — 112-113 г.; 41-42 — 114-115 г.; 43-45 — 116-117 г.;
 46-48 — 118-119 г.; 49-52 — 120-121 г.; 53 — 122-123 г.
 (1 — золото; 2-53 — медь).

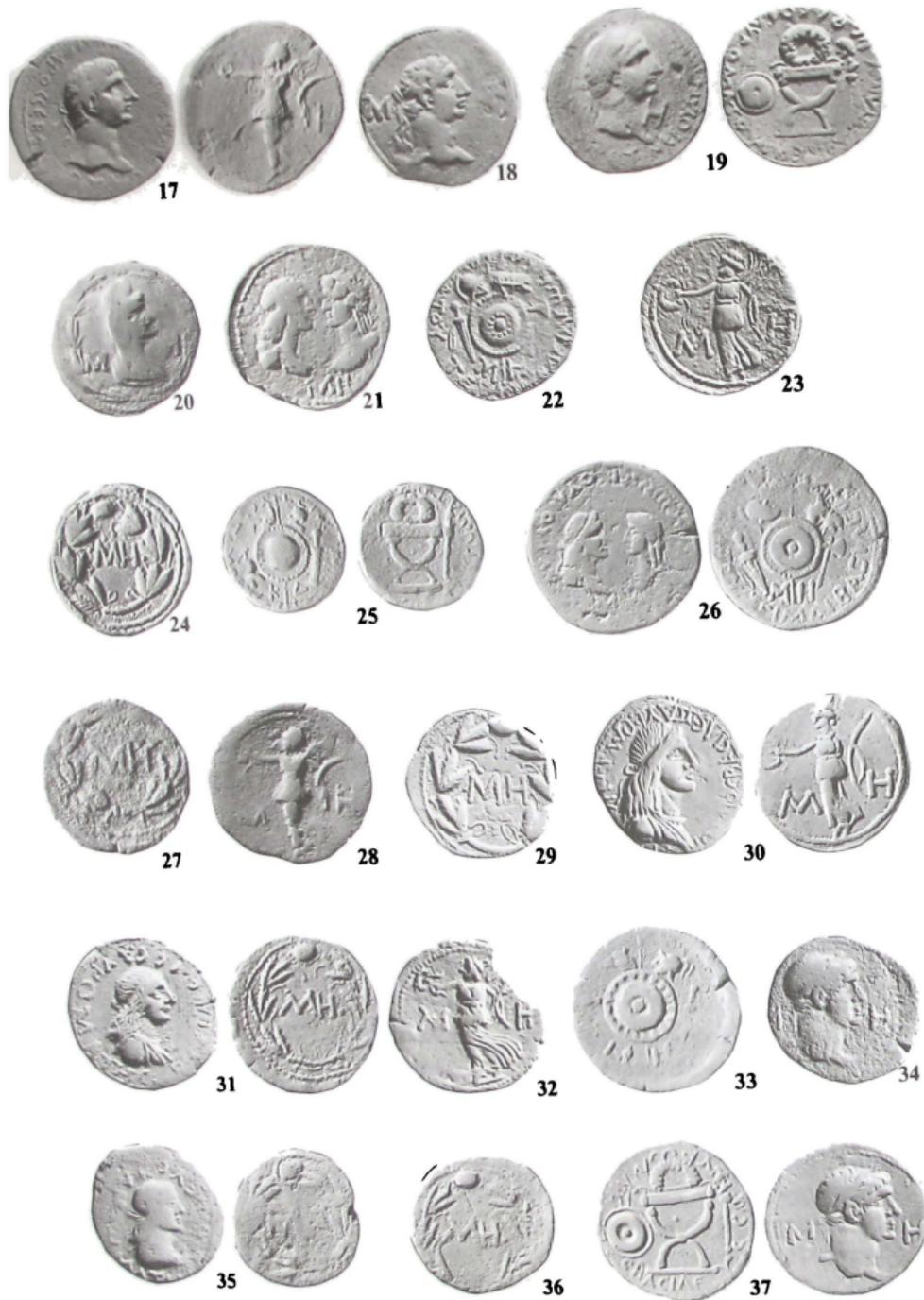

Рис.44. Монеты Савромата I.

Рис.44. Монеты Савромата I.

При Котисе было осуществлено восемь ежегодных эмиссий меди (рис. 45). Последние два года он выпускал статеры совместно с царем Реметалком, что впервые отмечено в практике боспорского монетного дела. Проблема усложнена еще и тем, что в надписях Реметалка не указывается, что он являлся сыном Котиса и вообще отсутствуют упоминания об отце (КБН, 47, 976). Следует также иметь в виду, что сын Реметалка, Савромат II, пришел к власти только после 16-летнего правления Евпатора, не являвшегося сыном Реметалка. Все это позволяет прийти к выводу, что в конце правления Котиса II установившийся на Боспоре порядок передачи власти прямому наследнику был нарушен.

Латышев отмечал, что определить родственные отношения трех царей - Котиса II, Реметалка и Евпатора - не представляется возможным (1904, с. 30) и признавал, что у Котиса не было прямых наследников (1909, с. 114). Основываясь на принадлежности Реметалка и Евпатора к роду Тибериев Юлиев их можно определить, например, как братьев Котиса, не имевшего наследника мужского пола. Из них самым младшим являлся Реметалк, которого Котис предпочел избрать своим преемником и, чтобы обеспечить ему наследование трона, разрешил выпускать монеты еще при своей жизни (МДБ, с. 110). Вопрос престолонаследия решался на Боспоре, а не в Риме - новый царь Реметалк поставил статую имп. Адриану, утвердившему его на троне и включившему в списки "друзей цезаря и друзей римского народа" только в 133/4 г. (КБН, 47), то есть на следующий год после смерти (?) Котиса II.

Пребывание у власти Реметалка (131/2-153/4) подверглось серьезному испытанию в начале правления имп. Антонина Пия (138-161). По свидетельству Юлия Капитолина, император, выслушав дело между Реметалком и куратором (*curatorem*), отослал первого назад, в Боспорское царство (SHA, Ant. Pius, 9, 8). По мнению Сагу, в текст вкралась ошибка и вместо названия должности куратора следует читать собственное имя Евпатора (*Eupatorem*). Это исправление, принятое многими учеными, представляется оправданным. Дело заключалось, несомненно, в вопросе о престолонаследии, за это говорит суть решения императора - отсылка Реметалка на царство, и имя претендента - Евпатора, который и стал царем после Реметалка. В монетном деле Реметалка (рис. 46) зафиксирован 5-летний перерыв в чеканке золота (137/8-141/2 гг.), указывающий на продолжительность спора между претендентами (естественно, в эти годы не выпускались также и медные монеты).

По всей вероятности, это испытание было для Реметалка единственным. Каких-либо данных о военных действиях на самом Боспоре не имеется, хотя боспорские вспомогательные войска были направлены в 136 г. в Малую Азию под начальство наместника Арриана для отражения нападения аланов (*Arr.*, Acies c. Alanos, 3, 18). Возможно, в связи с тавро-скифской угрозой Херсонес направлял к Реметалку два успешных посольства (IPE, 423).

Рис.45. Монеты Котиса II.

1 — статер 420 г. б. э. (123/124 г.); 2—серия 124-125 гг.; 3-4—125-126 гг.;
 5—126-127 гг.; 6-8 —128-129 гг.; 9-12—129-130 гг.; 13-15—130-131 гг.;
 16—131-132 гг.; 17-19—132-133 гг.(1—золото; 2-19—медь).

Относительно спокойная внутренняя обстановка на Боспоре при Реметалке характеризуется строительной деятельностью в Илурате и Гермонассе (КБН, 966, 1052) и заботой царя о святилище в Фанагории, которому царь, "собрав и приумножив", передал земли и пелатов (КБН, 976). В пелатах — этот термин зафиксирован только на Боспоре и потому не поддается однозначному толкованию — обычно видят зависимых земледельцев, прикрепленных к земле (Гайдукевич, 1949, с. 363). До конца жизни Реметалк носил титул "друга цезаря и друга римлян", однако в надписях его сына, Савромата II, он назывался "великим царем" (КБН, 1134, 1242).

Рис.46. Монеты Реметалка.

1 — статер 428 г. б. э. (131/132 г.); 2-10 — сестерции (1 — золото; 2-10 — медь).

В середине II в. положение в Северном Причерноморье оставалось стабильным. Периодически возникавшая напряженность на этих окраинах античного мира гасилась римлянами не без помощи местных греков и даже самих варваров. Так, в 136 г. в войне со вторгшимися в Каппадокию аланами принимали участие не только "пешие боспоранцы во главе с Лампроклом", но и "пешие стрелки номадов", а также, вероятно, "скифы" (*Arr., Acies c. Alanos*, 3, 18). На Боспоре стоянки римских войск середины II в. не отмечены. Местные военные силы, содержавшиеся, вероятно, за счет "ежегодно посылаемых им императорами даров... постоянно удерживали скифов, желавших переправиться в Азию" (*Zosim., I, 31, 2*).

Спокойная внешняя обстановка благоприятно сказывалась и на внутреннем положении в царстве. Приход к власти Евпатора (154/5 - 170/1) не сопровождался никакими заметными осложнениями. В частности, выпуск

монет нового царя начался на следующий год после конца правления Реметалка. Статеры Евпатора выпускались ежегодно, медь - от случая к случаю: при Антонине Пие и Марке Аврелии было осуществлено по два выпуска (рис. 47).

Рис.47. Монеты Евпатора.

1 — статер 452 г. б. э. (155/156 г.); 2-ок. 154-161 гг., 1 выпуск; 3-ок. 154-161 гг., 2 выпуск; 4-ок. 161-167 гг.; 5-8 - ок. 167-171 гг. (1— золото; 2-8—медь).

О каких-либо событиях истории Боспора за 17-летнее правление Евпатора нам мало что известно. Как это видно из надписей, сам царь, принадлежавший к роду Тибериев Юлиев, уже на втором году носит титул "друга цезаря и друга римлян, благочестивого" (КБН, 1260), и он не меняется, видимо, до конца правления. Можно с уверенностью сказать, что каких-либо войн с варварами за это время не велось, в противном случае титулатура была бы расширена за счет соответствующих пышных эпитетов. К такому же выводу приводит и характер надписей - две из них поставлены пресбевтами царя в Танаисе (посвящение Аполлону и строительная надпись; КБН, 1239, 1241), две другие - фиасами этого города (КБН, 1260, 1260а).

В 471 г. б.э. началось правление нового боспорского царя, Савромата II (174/5-210/11). Его ранняя титулатура имела обычную для этого времени формулу - "царь Тиберий Юлий Савромат, друг цезаря и друг римлян, благочестивый". В некоторых надписях упоминается, что он - "сын великого царя Реметалка". Трехлетний перерыв между выпусками Евпатора и царя Реметалка. Трехлетний перерыв между выпусками Евпатора и Савромата II возможно был связан с претензиями на трон наследников Евпатора и сыном Реметалка Савроматом, когда вопрос о новом правителе

решался в Риме.

Савромат активно стремился завоевать расположение отдельных граждан и фиасов (КБН, 1134) и городов различными благодеяниями (КБН, 57,63,1134). В первой половине правления продолжалось восстановление оборонительных сооружений Танаиса — в 188/9, 192/3 гг. (КБН,1242,1245). Возможно, это было связано с повышением военной активности варваров в регионе, однако вскоре Савромат и сам провел успешную войну против них. В не полностью сохранившейся надписи так говорится о результатах этой войны— "... завоевав сирахов и скифов и Таврику присоединив по договору, сделал море свободным для мореплавателей в Понте и Вифинии ..." (КБН, 1237). Надпись поставлена в Дистре 490 г.б.э. (февраль - март 194 г.), следовательно, состоявшуюся кампанию нужно отнести к 193 г.¹

Завоевание сирахов и скифов следует рассматривать как единую по месту и времени акцию, синхронную с "присоединением Таврики по договору". Из некоторых источников можно заключить, что власть боспорских царей со времени Савромата II существенно простерлась к западу, достигая в степи Старого Крыма, а на побережье - Партенита (КБН, 955). Отсюда следует, что покоренные сираки и скифы занимали Восточный Крым. В связи с этим, под "Ахилловым дромом" Плиния, где он помещает сираков (*Plin., Nat. hist., IV, 83*), следует видеть, может быть, не Тендровскую косу, а Арабатскую стрелку. Под присоединенной по договору Таврикой подразумевалось морское побережье Восточного Крыма до горы Аю-Даг. Речь может идти об усилении военного наблюдения за морскими коммуникациями. Если ранее эту часть, как и все юго-восточное побережье Крыма, контролировали римские морские и сухопутные части со стоянкой в Хараксе, то теперь, очевидно, охрана берега к востоку от него была возложена "по договору" между Римом и Боспором на последний. С этим связаны и декларативные строки относительно обеспечения безопасности для мореплавателей южного берега Черного моря.

Военная акция Боспора против сираков и скифов была предпринята, скорее всего, по согласованию с новым императором, Септимием Севером (признан сенатом в июне 193 г.), хотя нельзя полностью исключать проявления инициативы самим Савроматом. Что же касается "присоединения Таврики по договору", то здесь речь должна идти о реализации плана

¹ Н. Ф. Шевченко высказал предположение о датировке этих событий серединой II в. - "сама победа может быть отодвинута на 40 - 60 лет назад, а события, ей предшествовавшие вообще отнесены к концу I - началу II вв. н. э." (1989, с. 144 - 145). Доказательства автора весьма поверхностны. Исходя из того, что памятники конца II в. практически неизвестны, он и предлагает устранить это противоречие таким образом. Между тем, Восточное Приазовье отнюдь не было единственным местом обитания сираков. Уже в I в. н. э., помимо указанной территории, на которой разгорелся военный конфликт между сираками, поддерживавшими Митридата, и римско-боспорскими войсками в союзе с аорсами, выступавшими на стороне Котиса, сираки населяли причерноморские степи между Ольгией и Гилеей, в районе "Ахиллова ур. Танаис и разделяющихся на многие племена, среди которых не называет сираков (*Nat. hist., VI, 19*).

Рис.48. Монеты Савромата II.

1-6 — статеры 471, 477, 490, 493, 498, 505 гг. б. э. (174/5, 180/1, 193/4, 196/7, 201/2, 208/9 гг.). Выпуски ок. 174-179 гг. 7-10 — 175-176 гг.; 11-12 — 176-177 гг.; 13-16 — 177-178 гг.; 17- 178-179 гг. Выпуски ок. 180-192 гг. 1 эмиссия: 18—1 серия, 19-20— 2 серия. 2 эмиссия: 21-34 — двойные денарии, 35-37— денарии, 38-39— тройные сестерции, 40— двойной сестерций, 41-42— сестерции. Выпуски ок. 193-211 гг. 1 эмиссия: 43-46— двойные денарии, 47— тройной сестерций, 48— сестерций. 2 эмиссия: 49—денарий (1-6— золото; 7-49—медь).

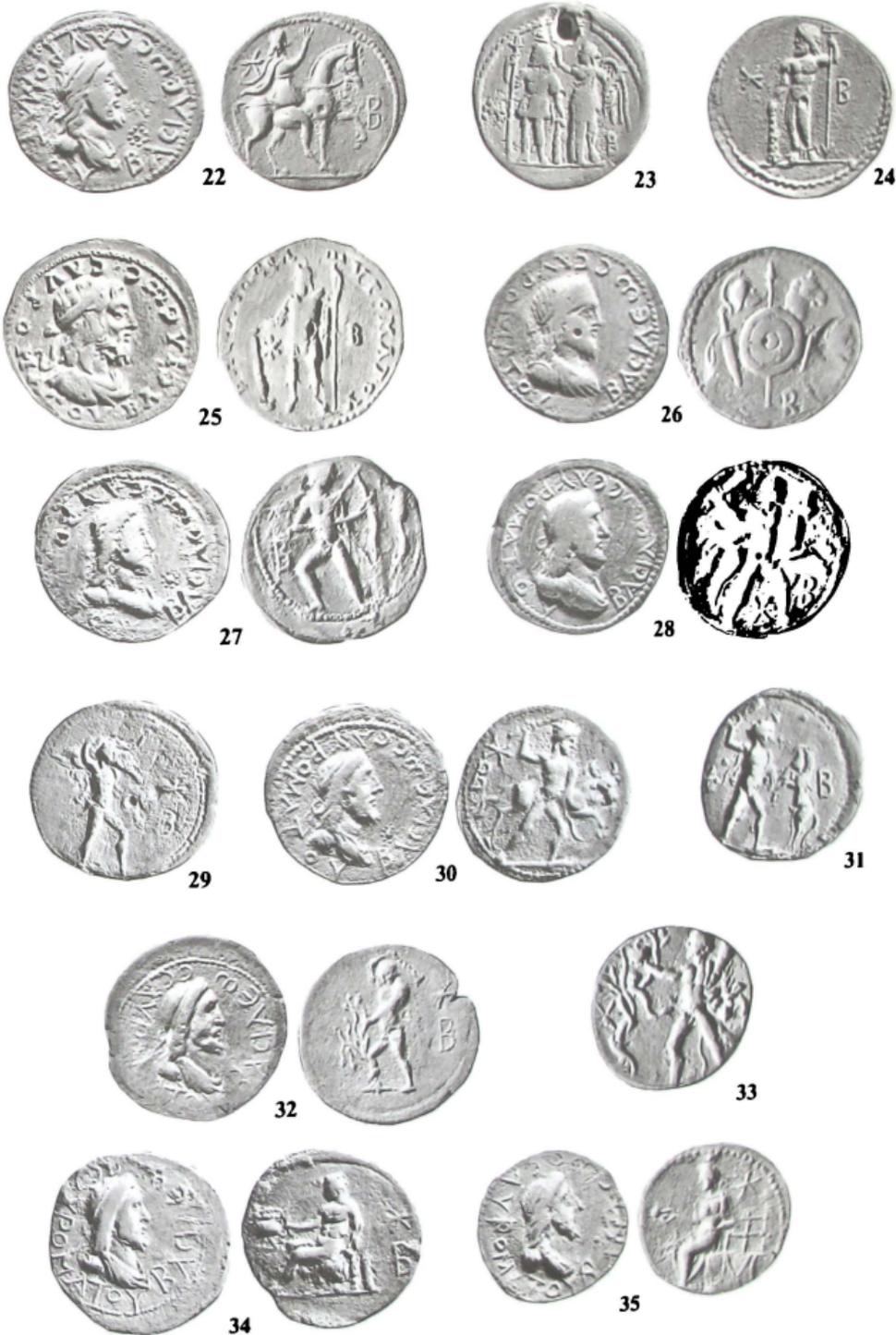

Рис.48. Монеты Савромата II.

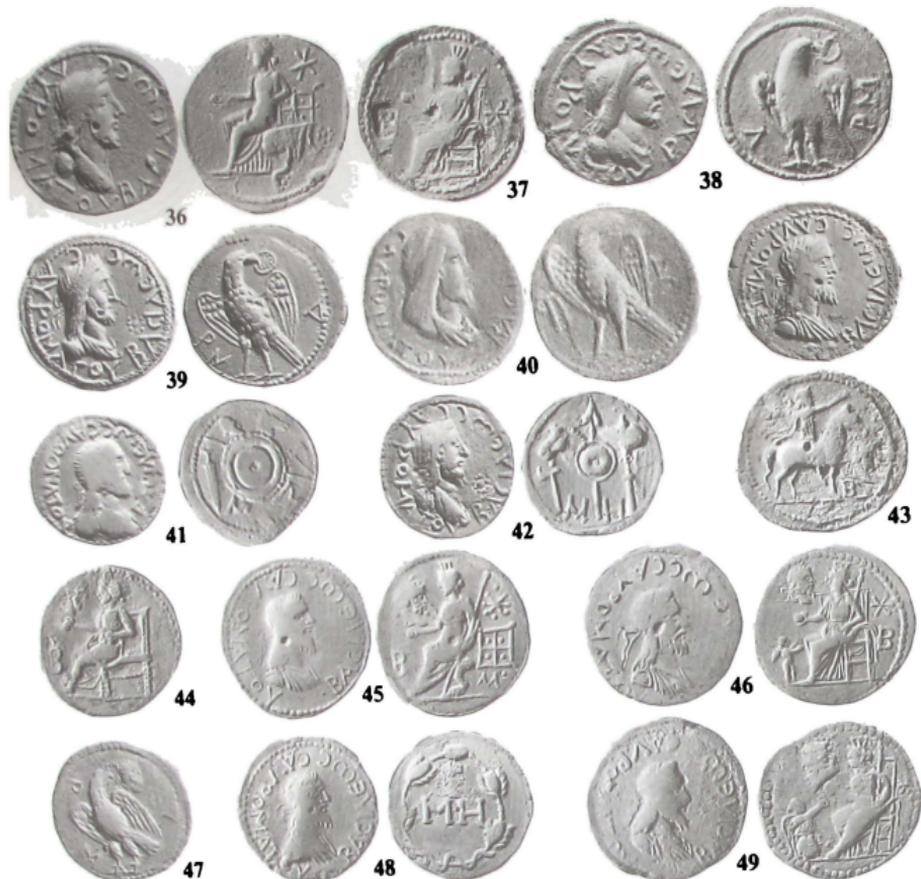

Рис.48. Монеты Савромата II.

упоминается о божественном происхождении царя от Геракла и Посейдона. Полный титул Рескупорида в начале царствования гласил: "происходящий от Геракла и сына Посейдона Евмолпа и от предков царей, сын великого царя Савромата, царь Тиберий Юлий Рескупорид, друг цезаря и друг римлян, благочестивый, пожизненный первосвященник Августов" (КБН, 53; 215/6 г.).

О каких-либо военных акциях Рескупорида ничего не известно. Появляющиеся с 220/21 г. особые титулы - "царя Боспора и окрестных племен" (КБН, 54), "царь всего Боспора и окрестных племен" (КБН, 56), "царь всего Боспора и тавроскифов" (КБН, 1008) - вряд ли могут рассматриваться как следствие завоевательной политики самого Рескупорида, тем более, что они сосуществуют с обычными: "царь Рескупорид, сын великого царя Савромата" (КБН, 1245), "происходящий от царей Тиберий Юлий Рескупорид, сын великого царя Савромата, друг цезаря и друг римлян, благочестивый" (КБН, 55); в одном случае Рескупорид именуется "великим царем" (КБН, 953).

Рис.49. Монеты Рескупорида II.

1-2 — *статеры* 508 и 525 гг. б. э. (211/12 и 228/29 гг.); 3-11— *денарии*;
12 — *сестерций* (1-2— *золото*; 3-12—*медь*).

Судя по надписям, внутренняя жизнь боспорских городов сводилась, помимо хозяйственной и религиозной деятельности, к восстановлению оборонительных сооружений и благоустройству: восстанавливается стена и сооружается рыночная площадь в Танаисе (КБН, 1245, 1248); восстанавливается башня на берегу Меотиды (КБН, 897). Боспор поддерживает достаточно интенсивные связи, очевидно, не только торговые, с городами Южного Причерноморья - Амастрией (КБН, 54), Прусой (КБН, 55), общины и должностные лица которых в знак благодарности воздвигли статуи царя - "своего благодетеля". Одно из таких посвящений "своему спасителю и благодетелю", поставленное первым архонтом Прусы М. Аврелием Маркианом Апинием, обнаружено в Старом Крыму (КБН, 955).

Ряд исследователей считает, что Рескупорид II умер в 523 г. б.э. и его сын и преемник Котис III, чьи монеты известны с 524 г. б.э., якобы выпустил в 525 г. статеры с портретом и титулом покойного царя и буквами ΘΕ на аверсе (рис. 49, 2), долженствующими указывать на обожествление Рескупорида. Эти монеты, таким образом, причислялись к категории памятных выпусков (*Гиль*,

1891, с. 16 № 80; Зограф, 1951, с. 207; Голенко, 1978, с. 19; Фролова, 1980, с. 18; Молчанов, 1989, с. 83-84; Фролова, 1997, т. II, с. 8), ни до, ни после того неизвестных в боспорской чеканке¹. Значительно ближе к истине точка зрения Бертье-Делагарда о совместном правлении Рескупорида и Котиса с той лишь оговоркой, что раздел царства между ними (Бертье-Делагард, 1913, с. 133 прим. 40) ничем не подтверждается. Аналогичный случай имел место в правление Котиса II (см. выше), а несколько позднее у того же Котиса III были два соправителя - Савромат III и Рескупорид III. По-видимому, в 525 г. б.э. (228/9 г.) Рескупорид был еще жив и оставался соправителем Котиса. Используемая в качестве доказательства противного боспорская надпись 525 г., в которой упомянут только один царь - Котис (КБН, 1283), мало влияет на предлагаемое решение: к 1 Горпииея (самый конец боспорского года), который фигурирует в надписи, Рескупорид уже мог отойти от правления или скончаться.

Рис.50. Монеты Котиса III.

1— статер 525 г. б. э.; 2-4 — денарии; 5— двойной денарий
(1— золото; 2-5—медь).

Котис III выпускал монеты до 530 г. б.э. (233/4 г.; рис.50). Относительно немногочисленные надписи этого времени не содержат каких-либо важных сведений - большая часть представляет собой списки фиаситов, одна - продолжает серию строительных надписей Танаиса (КБН, 1247). Возможно, обилие строительных надписей этого города, практически неизвестных в других городах Боспора и связанных, главным образом, с ремонтом

¹ Не прибегая к экзотическим объяснениям можно предложить более реальную реконструкцию. Часть монет Котиса III 525 г. б. э. имеет дифференты в виде "точки" на аверсе и на реверсе. Статеры Рескупорида того же года помечены теми же дифферентами с той лишь разницей, что к ним на аверсе добавлена буква E, которую и требуется объяснить. Цель помешения этой буквы и ее смысл неясны, поскольку неизвестно, какое слово она замещала. Возможно, к примеру, она стояла вместо слова ἔδωκεν - дары и указывала на субсидирование Котисом чеканки своего отца.

оборонительных сооружений, должно характеризовать тревожную обстановку, постепенно складывавшуюся в этой удаленной части царства с рубежа II-III вв.

Рис.51. Монеты Савромата III.

1-3— статеры 526 и 527 гг. б. э. (229/30 и 230/31 гг.); 4-6 — денарии (1— серебро; 2-3—биллон; 4-6— медь).

Одновременно с этим наблюдается политический кризис в правящей династии. Начало ему было положено Рескупоридом II, принявшим в соправители своего сына Котиса III. В свою очередь, спустя два года у Котиса появился соправитель на три года, Савромат III (рис. 51), а в конце правления - Рескупорид III, правивший всего два года (рис. 52). Забегая вперед отмечу, что одновременно с последним в 531 г. б.э. начал выпуск монет царь Ининфимей. О причинах частого появления соправителей и их взаимоотношениях никаких сведений не сохранилось. Иногда делается вывод о разделении царства между правителями в тот или иной период, однако

Рис.52.

Монеты Рескупорида III.

1— статер 530 г. б. э. (233/34 г.);
2— двойной денарий
(1— биллон; 2— медь).

убедительных доказательств этому не имеется. Например, монеты Котиса III и Савромата III 526 г. б.э. известны с одним и тем же дифферентом "точка" на реверсе (МДБ, 656 и 665), что, вероятно, исключает предположение о соперничестве между ними. В начале 527 г. Котис и Савромат продолжали выпускать монеты с прежним дифферентом; возможно, к этому или предшествующему году относится единственная надпись, с упоминанием обоих правителей (КБН, 1230). Однако, в надписи 527 г. из Танаиса фигурирует только имя Котиса (КБН, 1284). Судя по количеству дифферентов, в 527 г. чеканка Савромата доминировала, он использовал

иной набор дифферентов ("венки", "две точки", "три точки" против "трезубца" у Котиса) и можно было бы думать о противостоянии обоих правителей, однако в 528 г. и тот, и другой используют одну пару дифферентов "меч - три точки" (напр., МДБ, 6586 и 667), так что тезис о противостоянии не подтверждается.

В 530 г. появляются статеры нового правителя - Рескупорида III (233/4 - 234/5 гг.). Он, возможно, не являлся соправителем Котиса III, а заменил его на троне, отчеканив свои статеры в том же году. Объем чеканки этого правителя увеличился за счет выпуска монет без дифферентов. Такие статеры, выпущенные за счет царя, достаточно редко встречаются в боспорской монетной практике II-III вв. Например при Реметалке они составляют всего 3%; при Евпаторе - чуть более 1 %; у Савромата II они не достигают 4%; у Рескупорида II они неизвестны. С учетом этого в Рескупориде III следует видеть претендента с большими финансовыми возможностями. Возможно, его следует отождествить с Рескупоридом II, за пять лет до этого отказавшимся от власти в пользу сына и теперь вынужденным (?) вновь вернуться к ней. Невысокий уровень мастерства резчиков боспорских статеров не позволяет провести сравнение изображений обоих царей, хотя можно отметить, что, в отличие от бородатых Евпатора, Савромата II и Ининфимея, Рескупорид II, Котис III и Рескупорид III изображались без бород.

Переход власти к царю Ининфимею (531 - 535 гг. б.э. = 234/5 - 238/9 гг.; рис. 53) произошел, скорее всего, без существенных потрясений, на что указывает отсутствие перерыва в чеканке. О спокойной обстановке свидетельствует завершение в переходном 531 г.б.э. строительства храма "богу гремющему, внемлющему" с прилегающим домом и оградой в Китее (КБН, 942). Надпись датирована 1 числом Дия (октябрь - ноябрь 234 г.), к сожалению, она не содержит упоминания о правящем царе¹.

Ининфимей принадлежал к той же фамилии Тибериев Юлиев, что и его предшественники, хотя, судя по имени, относился к особой ветви, представители которой не занимали ведущего положения на Боспоре. Вызывает интерес созвучие имен его и сарматского царя Иненсимея или Инисмея (INENΣIMEΩΣ - ININΘIMHYOY), сына (?) царя Фарзоя, чеканившего короткое время монеты в Ольвии во второй половине I в. н.э. (МАГ, 368 - 369). Вероятно, Иненсимей и Ининфимей принадлежали к одному сарматскому роду, на что указывает и сходство их тамг (☉☉ - Фарзоя, ☉☉☉ - Иненсимея, ☉ - Ининфимея).

¹ Храм был сооружен на средства "патриды" китейцев, под которой К. М. Колобова понимала потомков основателей Китее, "отцов города" (1953, с. 53 прим. 5). Гайдукевич считал совершенно маловероятным, чтобы память об основателях города могла сохраниться до этого времени, ту же позицию занимали и комментаторы КБН. Не отвергая их предположения, что под "патридой" следует понимать общину Китее, в поддержку мнения Колобовой можно сослаться на ольвийскую надпись самого конца II в. н. э., также содержащую упоминание о предках, основавших город (IPE, 42).

Рис.53. Монеты Ининфимея.

1-2— статеры 532 и 535 гг. б. э. (235/36 и 238/39 гг.). 1 серия: 3-4 — двойные денариусы; 5-6 — денариусы. 2 серия: 7-12—двойные денариусы; 13— денариус (1-2— биллон; 3-13—медь).

Прекращение чеканки Ининфимея совпадает с концом правления имп. Максимиана, что позволяет высказать предположение о существовании тесной связи между ними. Как известно, Максимиан был родом из Фракии (отчего и получил прозвище Фракиец). Отцом его был гот Микка, матерью — аланка Абаба (*Jordan., Getica, 83*). Последнее имя сразу же напоминает об ольвийском гражданине Оронте, с. Абаба, "возвысившемся во всем понтийском народе" и даже "известным Августам" (*ИРЕ, 79*), жившем в I пол. I в. н.э. Многочисленные варварские имена жителей Ольвии, включая и самых знатных, отражают продолжительное существование значительной части ольвиополитов, бежавших из-за нашествия гетов, в сарматской среде (*МАГ, с.58*). Очевидно, отец этого Оронта, Абаб, с. Каллисфена, соорудил в Ольвии портик и посвятил его Августу и Тиберию (*ИРЕ, 181*). Тесная связь ольвиополитов с сарматскими царями Фарзоом и Иненсимеем дает ключ к пониманию взаимоотношений полу-сармата Максимиана, ставшего императором, и сарматского царя Ининфимея. Именно возвышение Максимиана привело Ининфимея на боспорский престол, с гибелью первого должен был уйти и второй. Правление Максимиана продолжалось с февраля 235 по апрель 238 г., те же рамки следует отводить и правлению Ининфимея.

Ко времени Ининфимея относятся несколько надписей, в которых он титулуется "другом цезаря и другом римлян, благочестивым". Все надписи происходят из Танаиса и сообщают о продолжении восстановительных работ (КБН, 1249, 1250, 1251, 1251а, 1252).

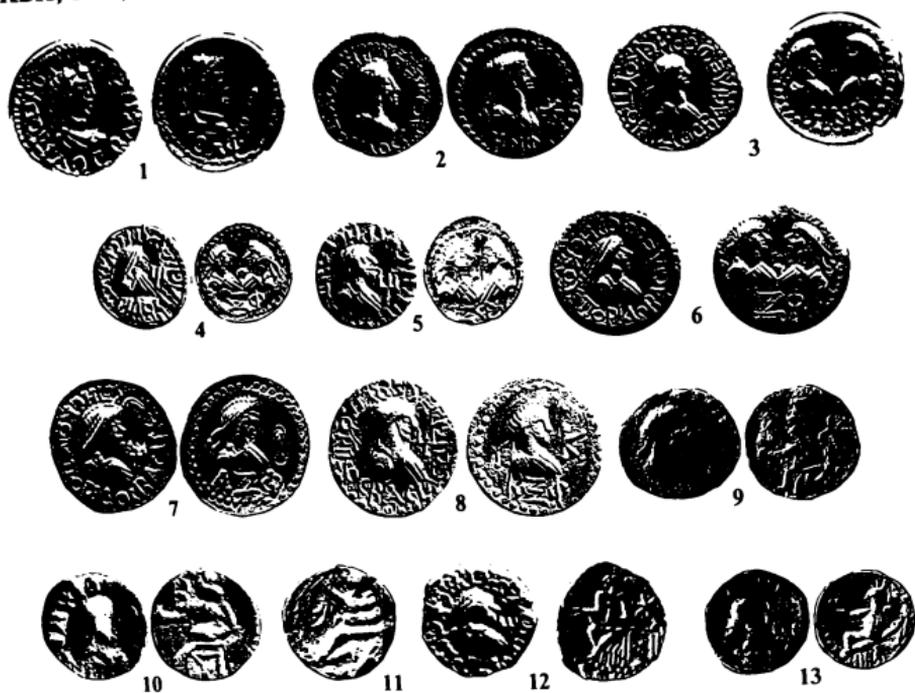

Рис.54. Монеты Рескупорида IV.

Эмиссии 242-262 гг.: 1-3—статеры 539 и 558 гг. б. э. (242/43 и 261/62 гг.).

Эмиссии 263-276 гг.: 4-5 -1/2 ауреуса и аргентеус 560 г. б. э. (263/64 г.);

6-8—статеры 560, 561 и 562 гг. б. э. (263/64, 264/65 и 265/66 гг.);

9-11 — двойные денарии; 12-13 — денарии

(1-3, 6-8—биллон; 4—золото; 5—серебро; 9-13—медь).

Трехлетний перерыв в боспорской чеканке после Ининфимея был, возможно, заполнен борьбой за возвращение к власти представителя основной линии династии, и в 242/3 г. начал царствовать Рескупорид IV. Монеты с именем Рескупорида чеканятся до 276/7 г. включительно, правда, с двумя продолжительными перерывами. Попытка выделить на этом отрезке времени нескольких одноименных правителей (Кругликова, 1958, с.140 - 141) успеха не имела (Карышковский, 1959), а сам факт 35-летнего правления одного царя не представляет собой чего-либо необычного: к примеру, Савромат II правил 37 лет.

Время Рескупорида IV было одним из самых насыщенных важнейшими для истории Боспора и всего античного мира событиями. Надвинувшиеся племена готов несколько раз совершали с территории Боспора опустошительные набеги на балканские и малоазийские провинции Рима. Видимо, огромный ущерб был нанесен и самому Боспору, правители которого не смогли противостоять готам. Сложившуюся в то время на Боспоре обстановку обрисовал Зосим: "бораны попытались даже переправиться в Азию и легко устроили это при посредстве жителей Боспора, скорее из страха, чем из расположения давших им суда и показавших путь при переправе. Пока у них были цари, получавшие власть от отца к сыну, то вследствие дружбы с римлянами, правильно организованных торговых сношений и ежегодно посылаемых им даров они постоянно удерживали скифов, желавших переправиться в Азию. Когда же по исчезновении царского рода во главе правления стали недостойные и потерянные люди, то боясь за себя они предоставили скифам проход через Боспор в Азию, переправив их на собственных судах, которые они (боспорцы) взяли обратно и возвратились домой" (*Zosim.*, I, 31). В первом походе готы потерпели поражение, но на следующий год (256 г.) им сопутствовала удача - перемещаясь на боспорских судах они захватили Пителиунт и Трапезунт и возвратились морским путем на Боспор с огромной добычей (*Zosim.*, I, 33). Подобные набеги, морские и пешие, предпринимались готами и позднее.

Приведенный отрывок из сочинения Зосима содержит ряд важнейших сведений о Боспоре— его роли заслона империи от варваров, успешно выполнявшейся благодаря торговле с теми же варварами (отсюда постоянное внимание к обороноспособности Танаиса под девизом "для города и купцов"), получаемых из империи "дарах", а также прекращении царской династии и занятии престола "недостойными и потерянными людьми". Правда, последнее с трудом поддается объяснению, поскольку имя Рескупорид было как раз самым популярным в династии Тибериев Юлиев.

История длительного правления Рескупорида IV может быть несколько детализирована благодаря немногочисленным надписям и монетам (рис. 54). К начальному периоду его правления относятся две надписи с обычной ("друг цезаря и друг римлян, благочестивый"; КБН, 58; 546 г. б.э. = 249/50 г.) и пышной ("происходящий от предков-царей, великий царь, друг цезаря и друг римлян, благочестивый"; КБН, 59; 547 г. б.э. = 250/51 г.) титулатурой. Тип надписей: посвящение Афродите Урании (КБН, 35; 539 г. б.э.), список фиаситов из Танаиса (КБН, 1287; 541 г. б.э.), посвящения статуи самому Рескупориду и Аврелию Родону, с. Лоллея, известному августам наместнику царской резиденции, хилиарху и римскому всаднику, совершенные жителями Гераклеи Понтийской (КБН, 58, 59), свидетельствует о спокойной обстановке.

После 250 г. положение резко меняется. К этому году относятся самые поздние монеты из танаисских находок (*Анисимов*, 1989, с. 129). С 550 г. б.э. (253/4 г.) объем чеканки катастрофически сокращается, и в этом же году

начинает выпуск статеров царь Фарсанз, известный только по монетам (рис. 55). Количество монет Фарсанза этого года в несколько раз больше, чем у Рескупорида. Важно отметить, что на монетах обоих царей ставится один и тот же дифферент ("две точки").

Рис.55. Статеры Фарсанза
550 г. б. э. (253/54 г.)
(1-2— медь).

В 551 г. б.э. (254/5 г.) статеры выпускают оба царя, но Рескупорид увеличивает объем, а Фарсанз сокращает (известна только одна монета). Монеты Фарсанза следующих годов неизвестны¹.

Первый поход готов состоялся, скорее всего, в этом же году. Рескупорид продолжал чеканку и в 552 - 554 гг. б.э. (255/6 - 257/8 гг.), однако объем ее неуклонно снижался (зафиксировано, соответственно, 38, 14 и 2 экз.) и в 555 г. она была прекращена.

После трехлетнего перерыва эмиссии были возобновлены в 558 г. б.э. (261/2 г.). На монетах попрежнему ставилось имя

Рескупорида, однако тот ли это Рескупорид сказать с уверенностью нельзя: иконографический анализ невозможен из-за низкого художественного уровня изображений, а датированные надписи этого времени отсутствуют. Невозможно также сказать, какими событиями был заполнен этот перерыв.

Уже в первом году были выпущены две разновидности статеров - с одним (более ранние) и двумя бюстами императоров на реверсе. Ранее это случалось в те годы, когда у императора был соправитель, но теперь Галлиен (253-268), после пленения Валериана Шапуром I летом 260 г., оставался единоличным правителем. Объяснением этого факта может служить следующее предположение. Захват Валериана вызвал неоднозначную реакцию на окраинах империи. Послания царя персов в связи с этим не были приняты армянским царем Артаваздом и "тавроскифами", которые "написали римским вождям, обещая помощь для освобождения Валериана" (SHA, *Jul. Capit.*, *Valer. Duo*, 6). Под "тавроскифами" в данном случае следует понимать какое-то варварское или варваризованное, но государственное образование в Таврике, которому может соответствовать только Боспорское царство. Возможно, Боспор, сохраняя верность Риму, предпринял какие-то меры для освобождения императора, которые, как и попытки римлян, не увенчались успехом. Изображение на боспорских статерах двух соправителей могло быть

¹ О личности Фарсанза можно высказать лишь некоторые предположения. Судя по иранскому имени, он принадлежал, вероятно, к местной аристократии. Возможно, на него возлагались надежды на организацию сопротивления готам, в результате чего он погиб или сошел со сцены, тогда как Рескупорид удержался на троне, угождая готам. Фролова упорно называет Фарсанза "Фарзансом" (см., напр., 1997, т. II, с. 51 и сл.), хотя на монетах такой формы его имени не встречено.

одной из демонстративных акций в знак протеста и непризнания его пленения персами.

К этому времени готская опасность уже не была столь значительной для самого Боспора. После успешного похода 256 г. боспорские готы утратили активность. Инициативу взяла на себя западная группа готских племен, которая совершила несколько успешных набегов вдоль западного берега Понта (*Zosim.*, I, 34 - 35, 42). Объектами этих рейдов стали провинции Северной и Центральной Греции. Оказываемое повсюду упорное сопротивление значительно ослабило мощь готов и периодически повторявшиеся набеги заканчивались, как правило, их тяжелыми поражениями: при Галлиене (262/3 г.), Клавдии Готском (268 - 270), Квинтилле (270 г.), Аврелиане (270 - 275) (*Zosim.*, I, 34 - 35, 42; SHA, *Trebell. Poll.*, Div. Claud., 6 - 8; *Fl. Vopisc.*, Aurel., 16).

Относительное спокойствие, временно наступившее на Боспоре, значительно оживило торговлю. В 560 г. б. э. (263/4 г.) Боспор предпринял попытку восстановить золотое обращение - наряду с продолжавшейся чеканкой низкопробных биллоновых статеров в небольшом количестве выпускались золотые и серебряные монеты. В 561 г. б.э. (264/5 г.) статеры еще имеют изображение двух римских правителей, но уже в том же году появились монеты с одним портретом и цифрой I (=10). Исчезновение бюста одного правителя следует связывать, возможно, с дошедшими до Боспора сведениями о смерти Валериана в плену, что проливает свет на судьбу императора, не известную по другим источникам. В 562 г. б.э. (265/6 г.) продолжался выпуск статеров с цифрой I и начался выпуск новых, с цифрой K (=20). Изменение цифровых обозначений на статерах связывается с реформой денежного обращения, осуществленной в несколько этапов (МДБ, с. 125 - 126).

Статеры этих лет весьма многочисленны, значителен объем эмиссий и в 563 - 564 гг. б.э., поэтому прекращение чеканки в 565 г. б.э. (268/9 г.) представляется неожиданным и неоправданным с экономической точки зрения. Вероятно, речь должна идти о вмешательстве каких-то внешних сил. Одной из причин могла быть гибель имп. Галлиена (ок. сент. 268 г.), за которой последовала новая серия готских вторжений, одно из которых началось от берегов Меотиды (SHA, *Fl. Vopisc.*, Div. Aurel., 16).

Возобновление чеканки тем же (?) царем Рескупоридом имело место еще в 571 г. б.э. (274/5 г.), возможно, в самом конце правления имп. Аврелиана. Эти уникальные монеты имеют ошибочное написание даты - АΞΦ вместо АОФ. В 572 г. б.э. чеканка Рескупорида остается столь же незначительной, но зато достаточно обильны выпуски его соправителей (?) - Савромата IV (275/6 г., рис. 56) и Тейрана (275/6 - 278/9 гг., рис. 57). Определить их взаимоотношения не представляется возможным: Савромат пользовался теми же источниками финансирования, что и Рескупорид ("трезубец" на аверсе), но вместе с тем выпускал монеты за свой счет (без дифферентов) и с "орлом" на реверсе; все монеты Тейрана выпускались без дифферентов. В 573 г. б.э. из

трех правителей монеты выпускали только Рескупорид (известна одна монета с "трезубцем" на аверсе) и Тейран, в 574 - 575 гг. (277/8 - 278/9 гг.) - только Тейран, после чего в боспорской чеканке наступил очередной перерыв.

Рис.56. Статеры Савромата IV 572 г. б. э. (275/76 г.) (1-3—медь).

О позднем периоде правления Рескупорида IV и о Савромате IV никаких источников, кроме монет, не имеется. Правлением Тейрана датирована одна надпись, в которой он носит обычную титулатуру - "царь Тиберий Юлий Тейран, друг цезаря и друг римлян, благочестивый", вместе с царицей Элией. Надпись поставлена Зевсу Сотеру и Гере Сотере за победу и долголетие царя и его супруги аристократами - придворной знатью боспорского царя (КБН, 36). Эпиклеса Зевса и Геры красноречиво указывают на тревожное время, в котором короткое правление Тейрана было только небольшой передышкой.

Рис.57. Статеры Тейрана 573, 574, 575 гг. б. э. (276/77, 277/78, 278/79 гг.) (1-3—медь).

Военные походы причерноморских варваров в пределы Римской империи в основном завершились к началу последней четверти III в.н.э. Эти походы принесли массовые разрушения не только малоазийским и европейским провинциям, но также и тем областям Северного Причерноморья, где они зарождались, и прежде всего Боспору. Археологически отмечаются разрушения ряда городов (Танаис, Горгиппия) и гибель многих поселений на азиатской стороне Боспора. Правда, эти разрушения не имели необратимого характера - к концу III в. жизнь на некоторых из них возобновляется и они продолжали существовать до начала средневековья.

Наступивший после Тейрана семилетний перерыв в чеканке монет представляется для исследователей полной лакуной, которую комментаторы КБН, вслед за Шкорпиллом (1914 а, с. 65), считали возможным заполнить правлением царя Хедосбия (КБН, 846). Отсутствие монет с именем Хедосбия не может служить решающим препятствием для включения его в список боспорских царей второй пол. III в.

О правлении царя Фофорса (286/7 - 309/10) известно только по его монетам. Судя по иранскому имени и регулярно помещавшейся на реверсе статеров тамге, он был выходцем из местной сарматской (аланской) среды. Первые монеты Фофорса были выпущены в 583 г. б. э.¹ Среди них можно выделить три разновидности: 1) статеры традиционного типа с изображением бюста царя и легендой ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΘΘΘΡΣΟΥ на аверсе и мужского бюста с диадемой на голове, считающегося императорским, но уже давно неузнаваемого, с цифрами года под ним на реверсе (рис. 58, 1); 2) статеры того же типа с тамгой (☉, хотя с 585 г. б. э. используется иной вид - ☉; рис. 58, 2); 3) монеты с орлом в качестве самостоятельного типа реверса (рис. 58, 3). Неустойчивость типологии обычно характерна для начального года чеканки. Если введение тамги в тип реверса может быть объяснено менталитетом царя, его амбициями, то появление орла не совсем понятно. Орел в качестве дополнительного знака известен на монетах Савромата II, его преемника Рескупорида II и Савромата IV за десять лет до начала правления Фофорса; кроме того, он известен и у Рескупорида V. Столь частое использование "орла" может свидетельствовать о значительных финансовых возможностях скрытого за ним спонсора, в котором можно угадывать Рим, его центральные или провинциальные власти. Очевидно, в самом начале правления Фофорс попытался развернуть дополнительный знак в самостоятельный тип. Бюст на реверсе вероятно уже не воспринимался как изображение конкретного императора, а был лишь признаком верховной власти Рима, поэтому замена его "орлом" была бы вполне логичной и даже более символичной. Впрочем, эта попытка не имела продолжения - можно думать, отчасти по причине обилия спонсоров, финансировавших чеканку в этот период, дифференты которых ("точка", "две точки", "три точки" и т.п.) также требовали бы

¹ Вопреки утверждениям Фроловой (1997, т. II, с. 76), статеры с годом 582 (ФПВ) нельзя признать первым выпуском этого царя. Против свидетельствуют такие факты: 1) полностью искаженное имя и титул на аверсе этих монет; 2) обратный порядок цифр года на реверсе вместо обычного ГПФ, ДПФ и т. д. на монетах следующих годов; 3) особый вид тамги на них ☉, появившийся на статерах Фофорса с 585 г. б. э.; 4) наличие среди первых и бытующий до конца чеканки (на монетах 583 - 584 гг. она имеет форму ☉); 5) наличие среди выпусков монет особого типа, с орлом на реверсе и без даты, чеканенных общим штемпелем аверса со статерами 583 г., которые в дальнейшем уже не выпускались; 6) выпуск монет без тамги в 583 г. Последние две разновидности естественно считать экспериментами первого года чеканки, не получившими развития. Единственный аргумент Фроловой в пользу ее точки зрения - обратный порядок цифр встречен и в 588 г. (ФПН) - также может служить свидетельством позднего происхождения спорных монет. Все сказанное заставляет признать последние не соответствующими выставленной на них дате. "...Всякое чувственное восприятие, лишенное разума, дает лишь грубое и неточное представление о явлениях..." (Pseudo-Bacchii *Introductio artis musicae*, p. 101 - 102). По мнению Голенко, эти монеты являлись подражаниями чеканенными "на Боспоре после прекращения регулярного выпуска монет Рескупорида VI - возможно... по частной инициативе" (Голенко, 1959, с. 190). К сожалению, это интересное предположение, позволяющее продлить боспорскую чеканку (в какой бы то ни было форме) за пределы последних выпусков Рескупорида и обходящее поэтому к предельной осторожности в заключениях и максимально возможной доказуемости, впоследствии не было подкреплено ни Голенко, ни кем-либо другим. Рассматриваемые монеты следует признать продукцией неграмотных резчиков, синхронной основной массе монет Фофорса.

аналогичной операции. Образцом для подражания могли послужить медные тетрадрахмы Александрии Египетской— единственный вид провинциальных монет, доживших до реформы Диоклетиана 295 г., излюбленным типом реверса которых был римский орел. Впрочем, возможно и более прозаическое объяснение - спонсор "орел" отказался от дальнейшего финансирования чеканки, других спонсоров не нашлось и Фофорс в течение семи лет должен был выпускать монеты только за счет своих средств, то есть без дифферентов. В 589 г. б.э. (292/3 г.) отмечен перерыв в чеканке, а предшествующем годом датирована последняя монета большого Судакского клада¹. В дальнейшем монеты выпускались без перерывов, с использованием нескольких дифферентов; их чеканка прекратилась в 606 г. б.э. (309/10 г.).

Рис.58. Статеры Фофорса. 1-3— 583 г. б. э. (286/87 г.); 4-6— 586, 594 и 595 гг.б.э. (289/90, 297/98 и 298/99 гг.) (1-6 — медь).

Эпиграфических памятников, достоверно относящихся ко времени Фофорса, известно всего два, оба они относятся к одному году (603 г. б. э. = 306/7 г.) и ни в одном из них имя Фофорса не упоминается. В первой надписи (КБН, 64) сообщается о постройке в этом году молельни Аврелием Валерием Согом, с. Олимпа, наместником Феодосии, известным августам и почтенным Диоклетианом и Максимианом, который находился на чужбине 16 лет и испытал много бед. Вторая надпись (надгробие) поставлена архонтами Агриппии [и] Кесарии Марку Аврелию Андронику, с. Паппа, бывшему наместнику царской резиденции, и его сыну Алексарфу, лохагу (КБН, 1051).

Значение обеих надписей для истории Боспора трудно переоценить. Прежде всего, они позволяют сделать вывод о сохранении в целом системы государственного управления Боспорского царства, начавшей складываться на рубеже нашей эры (КБН, 301), еще в начале IV в., а упоминание архонтов показывает, что эта система продолжала сосуществовать с органами городского самоуправления. Судя по надписи Сога, позиции Рима на Боспоре оставались прочными.

¹ По данным Р. А. Исанчурина, обнаружившего на месте находки клада дополнительно свыше сотни монет.

Большой интерес вызывает история самого Сога. Житель Боспора (Феодосии ?), он, скорее всего, не по своей воле покинул его на 16 лет. Возможно, благодаря своему прежнему высокому социальному статусу он сумел добиться расположения имп. Диоклетиана (284 - 305) и Максимиана (285 - 310), что помогло ему не только возвратиться на родину, но и занять высокую должность наместника Феодосии. Если сооружение молельни по обету относится к 307 г., то, следовательно, Сोग покинул Боспор в 291 г. Возникает вопрос - где он находился эти 16 лет? В надписи его местопребыванием называется анонимная епархия, то есть провинция, под которой одни исследователи подразумевают Боспор, фактически превращенный, по их мнению, в провинцию (*Латышев*, 1904, с. 27), другие - Понт (*Гайдукевич*, 1949, с. 457; *Крюгер*, 1966, с. 178 - 179). Одним из доводов в пользу второго мнения может служить то соображение, что Олимпиан, как прозвали Сога в этой провинции, находился вдали от родины, то есть Боспора. Очевидно, там, в Малой Азии, а не на Боспоре, он мог стать "известным августам".

Итак, в 291 г. Сोग при неизвестных обстоятельствах покидает Боспор и оказывается в провинции Понт. В 292 г. в результате каких-то тревожных событий возле современного Судака был спрятан большой клад боспорских статов, а в 293 г. интенсивная чеканка Боспора была прервана на один год. Безотносительно к каким-либо историческим построениям можно с полным основанием предположить, что в 291 - 293 гг. в западной части Боспора произошли какие-то важные события военного характера.

В сочинении Константина Багрянородного (*Const. Porph., De adm. imp.*, 53), использовавшего херсонесские хроники, сообщается, в частности, о трех войнах, которые Херсонес вел с Боспором. При ближайшем рассмотрении этих сведений бросается в глаза несоответствие некоторых географических названий (Кафа, Боспор как название города) описываемому времени. Исследователи считают, что хроника возникла не ранее V - VI вв. (*Надэль*, 1961), однако нельзя с уверенностью сказать, что ответственность за эти географические несоответствия несут именно херсонесские летописцы; к ним и иным ошибкам мог приложить руку и сам Константин. Кроме того, у Константина все три боспорских царя носят имя Савромата, тогда как по монетам цари с этим именем правили значительно раньше; отчество одного из них искажено (Крискорон - несомненно, вместо Рескупорида); все это заставляет отдавать приоритет римской хронологии, в которой, конечно, не могли ошибаться ни в Херсонесе, ни в Византии X века.

Согласно этой хронологии, первая война Херсонеса с Боспором (*Const. Porph., De adm. imp.*, 53, сткк. 1 - 123) должна быть отнесена к правлению царя Фофорса. Ход ее описан следующим образом. При имп. Диоклетиане, когда в Херсонесе "венценосцем и протевонном" был Фемист, с. Фемиста, Савромат, "из боспорян", выступил с войском сарматов против римлян. Он захватил страну лазов (Колхиду) и дошел до р. Галис. Ставший на его пути

командующий римским войском трибун Констант, будущий император Констанций I (305 - 306), предложил Диоклетиану направить на Боспор войско Херсона, чтобы заставить Савромата отказаться от войны. Этот план и был осуществлен. Херсониты, при венценосце и протевоне Хресте, с. Папия, на следующий (?) год после начала развязанной Савроматом войны захватили город Боспор и крепости на Меотиде. Направленное к Савромату посольство херсонитов добилось возвращения Савромата на Боспор с условием освобождения захваченных им пленных и отказа от требования римского золота. Диоклетиан в знак благодарности предоставил херсонитам "права и свободы и полное избавление от налогов", был также "весьма почтен" и Констант, "как мужественно отразивший войну савроматов".

Описанные события детально рассмотрел Я. Харматта. Он пришел к выводу об их исторической достоверности и предложил следующую хронологию, основываясь на дате назначения Константа = Констанция I цезарем (1 марта 293 г.) и упоминания двух херсонесских протевонов: 291 г. — начало похода Савромата и завоевание им Лазики; 292 г. — вторжение его в Понт до р. Галис, противостояние Савромата и Констанция, нападение Херсона на Боспор, заключение мира между Римом и Савроматом; 293 г. — возвращение Савромата на Боспор (Харматта, 1967, с. 205).

Точка зрения Харматты представляется убедительной¹ и подтверждается рядом фактов, неизвестных ему: 1) в 291 г. знатный боспорит Сог, с. Олимпа, покидает Боспор, видимо, в составе войска Савромата; 2) в 292 г. зарыт Судакский клад на пути вторжения херсонеситов на Боспор; 3) в 292/3 г. чеканка монет на Боспоре не производится, ее возобновление - не ранее октября 293 г.; 4) в 294 г. Констанций получает победный титул *Sarmaticus Maximus*. Таким образом, поход Савромата 291 - 293 гг., описанный Константином Б., становится реальным фактом боспорской истории конца III в. Доводы противников реальности боспорского похода 291 - 293 гг. не убедительны. Так, В. В. Григорьев ссылался на то, что в источниках нет сведений о войнах Констанция в Малой Азии в бытность его цезарем или августом (1876, с. 407), однако война с Савроматом имела место до получения Константином этих титулов и, возможно, потому не привлекла внимания древних хронистов. По мнению Гайдукевича, Боспор был ослаблен предыдущими готскими походами и не мог предпринять столь значительную

¹ В качестве подтверждения реальности похода Фофорса, а не Савромата, Харматта привел сасанидскую надпись, повествующую о нападении войска мазкутов (=сарматов) под предводительством Вахнама, с. Фуфруса на Армению, отождествляя Фуфруса с Фофорсом. По его мнению, в эти годы имело место одновременное нападение Фофорса и его предполагаемого сына Вахнама на Лазикю. Понтику и Армению (Харматта, 1967, с. 208). При всей вероятности рассуждений Харматты, приведенный им аргумент не представляется решающим. Скорее, напротив, он лишь усложняет доказательство историчности рассказа Константина. К тому же сама по себе подмена имени Фофорса на Савромата легко объяснима поздней записью (или редакцией) действительных событий конца III в. или совпадением реального царского имени Савромат с названием варварского народа.

военную акцию (*Gajdukevic*, 1971, S. 478, Anm. 46). Даже в самом общем виде трудно согласиться с таким заключением. Варварский мир Меотиды, неоднократно служивший очагом зарождения нашествий, сотрясавших восточную часть Римской империи в 3 четверти III в., и позднее, в I четв. IV в., продолжал оставаться таковым независимо от того, составляли ли основную ударную силу воинства Савромата сарматы или готы. К тому же мы слишком мало знаем о Боспоре времени Фофорса, чтобы говорить об истощении его материальных и людских ресурсов, а возобновление чеканки при этом царе говорит против такого заключения.

Весьма сумбурна аргументация Фроловой, пытавшейся отнести рассматриваемые события ко времени после Константина Великого (*Фролова*, 1984, с. 48). Выдвигая свою версию, она не позаботилась о том, чтобы объяснить, как согласуется эта передвижка с именами императоров рубежа III - IV вв., Констанция и Диоклетиана. Названия "Боспор" и "Кафа" применительно к Пантикапею и Феодосии она относит к V в., тогда как первое зафиксировано уже в начале посл. четв. IV в. (*SC*, I, с. 709), а второе в конце того же столетия (*Шангин*, 1938, с. 253). Можно допускать, что в обиходной речи эти названия появились значительно раньше. Обращая внимание на важность нумизматических данных при исследовании этого вопроса, она не отмечает перерыва в чеканке Фофорса, приходящегося как раз на время предполагаемой войны с Констанцием. Вне поля ее зрения осталось и совпадение по времени этой войны и отбытия Сога за пределы Боспора. Ее единственным доводом является присутствие изображения императора на реверсе статеров Фофорса, что, как она считает, было бы невозможным при враждебных отношениях между ним и Римом (*там же*, с. 1, 52). Вряд ли этому факту следует придавать какое-либо значение вообще, против него может свидетельствовать устойчивость традиции, практическая неузнаваемость портретов императоров, которые вряд ли воспринимались как таковые, и пр. В целом, предположение Фроловой о том, что эта война имела место в неопределенное пост-константиновское время не заслуживает внимания.

Несовпадение имен боспорских царей - реального Фофорса и легендарного Савромата - в достаточной мере объясняется позднейшей редакцией херсонесских хроник. Несколько смущает открытое противостояние царя Боспора и Рима, однако и здесь, возможно, сказалась редакция херсонесских хронистов, поставивших во главе похода "царя Савромата" для придания большего веса своим действиям на территорию империи. времени началась волна сарматских вторжений на территорию империи, борьба с которыми подтверждается присвоением титула *Sarmaticus Maximus* Диоклетиану в 285 г., ему же во второй раз и Максимиану в четвертый раз, в третий раз и Констанцию и Галерию в 294 г., Диоклетиану в четвертый раз, Максимиану в третий, Констанцию и Галерию во второй раз в 299 г. или 300 г. (*Kienast*, 1990). Такой поход, если его рассматривать как один из стихийных

рейдов начавшегося сарматского наступления на империю, становится в один ряд со вторжением Вахнама, с. Фуфруса, в Армению (*Харматта*, 1967, с. 207 - 208) и сарматскими войнами на Дунае в 286 - 293 гг.

На судьбе самого Фофорса неудача похода никак не сказалась (так и у Константина Б.), если не считать годичного перерыва в чеканке. После перерыва объем ее существенно увеличивается. Подъем монетного дела продолжался до 302/3 г., после которого оно резко пошло на убыль. Последние монеты Фофорса датированы в 606 г. б. э. (309/10 г.).

Рис.59.

*Статер Радамсада
611 г. б. э. (314/15 г.)
(медь).*

Этим же годом помечены и первые монеты нового царя, Радамсада, правившего по 318/19 г. (рис. 59). Радамсад упоминается в двух строительных надписях. В первой сообщается о том, что попечением лица, имя которого не сохранилось, выстроено некое сооружение (царя) Радамсада (КБН, 65); во второй говорится о какой-то постройке, сооруженной при царях Радамсаде и Рескупориде (КБН, 66). Яйленко восстанавливал буквы АПОΛΓ в стк. 2 как указание на завершение строительства объекта по истечении 33

лет, ἀπὸ λγ (1987, с. 54 - 56). Если принять это восстановление, то, отсчитывая от 606 г. б. э., единственного года, к которому относятся монеты обоих правителей, мы должны датировать начало строительства 573 г. б. э., то есть последним годом правления Рескупорида IV или вторым годом правления Тейрана. Возможны, однако, и другие варианты реконструкции, к примеру: Ἀγαθῆ [τύχη] / Ἀπὸ ἀγεῶν [ἦτος βασιλέως] / Ραδαμψ[αδίου βασιλεύς Ῥη-] / σκούρο[ις εὐσεβῆς ἀνεσ-] / τάθη...

Монеты Радамсада стали предметом детального исследования Р. А. и Е. Р. Исанчуриных (1989). Каких-либо принципиально новых данных о его правлении обнаружено не было, однако в результате анализа штемпелей уточнилось чтение некоторых спорных дат. Перерыв в чеканке, приходящийся на 610 г. б. э. (313/4 г.), они объясняли победой Лициния над Максимианом 1 мая 313 г. (1989, с. 67), однако такая связь маловероятна.

Представляет интерес их наблюдения относительно того, что иранские имена, начинающиеся на Ραδαц, встречаются в надписях Танаиса II - 1 пол. III в. (КБН, 1262, 1277, 1278), а с конца III в. распространяются по Боспору (1989, с. 71)¹. Это наблюдение хорошо согласуется с предположением Д. И. Данышина о переселении части танаитов в Феодосию (1990, с. 55). Все без исключения монеты Радамсада снабжены дифферентом "палица", последний раз использовавшимся при Рескупориде IV до 251/2 г. По всей вероятности, "палица" являлась символом Танаиса, разрушенного в разгар

¹ КБН, 36 - Пантикапей, время Тейрана; КБН, 947 - Феодосия, а не Горгиппия, как считали Исанчурины.

"готских войн", сохранившаяся община которого финансировала чеканку Радамсада.

Последним годом чеканки Радамсада иногда считают 616 г. б. э. (Фролова, 1975, с. 47), однако Голенко установил при сравнении штемпелей, что монеты с этой предполагаемой датой в действительности относятся к 613 г. б. э. (1956, с. 108). Этот вывод подтвердили Исанчурины, рассмотревшие все случаи определения монет Радамсада этим годом и еще более поздними датами, 617 и 619 гг. (1989, с. 83).

В том же 615 г. б. э. начинается чеканка нового царя, Рескупорида V (рис. 60). Предположение о разделе царства между ним и Радамсадом спорно, возможно, они не были и соправителями: монеты первых двух лет правления Рескупорида имеют на реверсе тот же дифферент "палицу".

Рис.60. Статеры Рескупорида V.

1—615 г. б. э. (318/19 г.); 2— 620 г. б. э. (323/24 г.); 3— то же (деталь);
4 — 633 г. б. э. (336/37 г.) (медь).

Сложная система дифферентов времени Рескупорида не поддается пока однозначной расшифровке¹, поэтому приходится ограничиться разбором отдельных элементов и дат. Так, с 616 г. б. э. (319/20 г.) на реверсе статеров появляется не встречавшийся ранее знак "двузубец" (Y или Y), который использовался ежегодно до 619 г. б. э. включительно (323/2 г.). "Варварский" характер этого знака, напоминающего сарматские тамги, и дата его исчезновения позволяют предположительно связать его с сарматами или "савроматами", жившими у Меотийского озера, которые под предводительством царя Равсимода напали на империю, переправившись через р. Истр в 322 г. (Zosim., II, 21). Война велась летом 323 г., сарматы были разгромлены, а сам Равсимод был убит. Возможно, "двузубец" являлся личной тамгой этого царя. К этому времени можно отнести вторую войну Херсона против "некоторых" в Скифии, затеявших мятеж, которая велась при протевоне Диогене, с. Диогена, за Истром (Const. Porph., De adm. imp., 53, 124- 161).

¹ Перечень разновидностей монет Рескупорида (МДБ. 764 - 777) следует дополнить вариантом 767г, имеющим на л. с. "венюк" и на о. с. "ветвь" с ошибочно написанной датой НЛХ вместо ННХ (Голенко, Сокольский, 1968, табл. VIII, 318); и 772л с дифферентом "звезда" на л.с. (чк). Исключению подлежит монета якобы 630 г. б. э. (МДБ, 776) - при более внимательном изучении слепка реверса этой редкой монеты оказалось, что вторая буква даты представляет собой неудачно вырезанную каплу с коротким и тонким верхним усиком (рис. 60, 2-3). Она и чеканена общим штемпелем аверса с монетами 620 г. б. э.

Очень спорны монеты с годом 633, что отмечал еще Голенко (1960, с. 235). Сравнение изображений показывает, что близкие типы голов аверса и реверса встречаются на монетах 623 и 624 г. б. э., так что в данном случае мы сталкиваемся, возможно, с ошибочным написанием года ГЛХ вместо ГКХ.

Наиболее вероятным годом прекращения боспорской монетной чеканки следует считать 627 г. б. э. (330/1 г.). Правление Рескупорида V продолжалось, по крайней мере, до 632 г. б. э. (335/6 г.), которым датирована строительная надпись (КБН, 1112), поэтому следует считаться с возможностью отсутствия чеканки в конце его правления, вызванного различными причинами политического, экономического или военного характера.

В качестве одной из них можно предположительно назвать следующую неудачную для Боспора войну с Херсоном (*Const. Porph., De adm. imp.*, 53, 162-178). Константин передает, что опять-таки Савромат, внук Савромата, воевавшего в Лазике, желая отомстить за оскорбление, нанесенное его деду, собрав войско с Меотидского озера, выступил против херсонитов. Последние встретили его "в местах, называемых Кафа", и одержали победу. На этом месте была установлена граница Херсонеса и Боспора и принесена клятва о ее нерушимости, после чего Савромат удалился на Боспор. Если следовать счету правлений на Боспоре и подразумевать под Савроматом, с. Крискорона, Фофорса, то Радамсад должен был быть его сыном, а Рескупорид V - внуком. Далее, Феодосия могла быть включена в состав территории Херсонеса именно в эту войну, хотя зафиксирована в составе епархии Херсона несколько позднее, о чем известно из географического трактата, составленного между 360 и 386 г. (*Шангин, 1938, с. 253*). Наконец, Савромат у Константина возвратился в Боспор, также и Рескупорид V продолжал править после прекращения чеканки монет. Все сказанное позволяет считать и эту войну достоверным событием, относящимся, скорее всего, к 331 г. Тяжелым последствием этой войны для Боспора была потеря важного наместничества, Феодосии. Причина поражения Боспора заключалась в преимуществе военной организации и технического оснащения Херсонеса, армию которого составляла тысяча профессиональных воинов-баллистариев, получавших довольствие и материалы от империи, перед случайно набранным войском из варварского населения Меотиды, именуемым у Константина "толпой".

Прекращение чеканки монет лишает нас возможности проследить в деталях исторические судьбы античного Боспора, так как скудные отрывочные сведения, получаемые преимущественно из эпиграфических источников, лишь с большим трудом выстраиваются в цельную картину.

До недавнего времени общераспространенная точка зрения на историю позднего Боспора сводилась к тому, что после гуннского нашествия Боспор как государство перестает существовать и жизнь на всех поселениях и в городах прекратилась. К такому же выводу склоняло и сообщение Константина Багр. о том, что после третьей войны с Херсонесом "царство савроматов в Боспоре было уничтожено" (*De adm. imp.*, 53, 232 - 233).

К настоящему времени накоплены значительные археологические материалы, заставляющие пересмотреть этот вывод. Передатировка позднеантичных и раннесредневековых слоев показала, что многие населенные пункты Боспора продолжали существовать от рубежа IV - V вв. до времени имп. Юстиниана I (Масленников, Чевелев, 1983; Сазанов, 1989; Сазанов, Иващенко, 1989; и др.). Находка Ильичевского клада монет, в котором вместе с солидами этого императора присутствовали медные статеры Рескупорида V, свидетельствует о преемственности населения, среди которого сохранялись и обращались эти статеры, а также о существовании денежной формы товарообменных операций. Следует признать, что гибели населения и тотального опустошения Боспора не было ни после войны с Херсонесом, ни после нашествия гуннов. Более сложен вопрос о том, существовала ли на Боспоре во 2 пол. IV - V в. государственная или какая-либо политическая структура и в какой форме она выражалась. Рассмотрим в хронологическом порядке те немногие данные, которые проливают свет на эту проблему.

К середине IV в. относится надгробие, поставленное некой Стораной, женой принкипа, своему умершему сыну, найденное в Керчи (КБН, 744). Надгробие имеет дату по боспорской эре с несохранившимся числом единиц и потому датируется в пределах 343/4 - 352/3 г. Должность мужа Стораны указывает на то, что еще в середине IV в. в Боспорском царстве сохранялась военно-административная структура, сложившаяся во второй половине III в. (должность принкипа упоминается с 243 г. - КБН, 35). Применение боспорского летосчисления также указывает, в самом общем виде, на сохранение античных традиций (боспорской эрой датировано еще одно надгробие - из Гермонассы; КБН, 1091). Определенный интерес представляет находка двух серебряных блюдец имп. Констанция в Пантикапее, являвшихся, по предположению Б. В. Фармаковского, подарком императора двум знатым пантикапейцам (Блаватский, 1985, с. 250).

Спустя одно-два десятилетия положение Боспора существенно изменилось. В 362 г. к имп. Юлиану (360 - 363) явилось посольство "боспоранцев и других дотоле неизвестных народов, высланных посольства с просьбой, чтобы им позволено было жить в пределах родных стран, платя ежегодно обычную дань" (*Amm. Marc.*, XXII, 7, 10). Это сообщение следует оценивать как указание на обычную дипломатическую миссию к новому императору с целью пролонгации договорных отношений, существовавших при прежних правителях. Однако, что касается Боспора, цели посольства могли быть несколько более сложными. Дело в том, что третья война между Херсонесом и Боспором поставила последний в крайне тяжелое положение. Ее последствия изложены Константином Багр. (*De adm. imp.*, 53, 179 - 233) в таких деталях, которые вряд ли уместны для легенды. После победы херсонского протевона Фарнака, с. Фарнака в единоборстве с очередным Савроматом, Фарнак совершает ряд реалистических действий в отношении Боспора: 1) распущено войско ("толпа") с Меотиды; 2) люди из Боспора

оставлены в плену, их земли отняты; 3) поставлены пограничные знаки в Кивернике, Боспору оставлена территория в 40 миль; 4) немного боспорцев оставлено в плену "для земледелия", остальные отпущены из сострадания; последние воздвигли стелу Фарнаку в Боспоре в знак благодарности. Менявшееся отношение к судьбе пленных боспорцев подчеркивает хронологическую последовательность и реальность акций Фарнака.

Катастрофическое ограничение территории Боспора 40 милями могло послужить одной из причин обращения к имп. Юлиану с просьбой о пересмотре этого решения херсонитов, подчинявшихся Риму. Если предположение верно, то цель не была достигнута - начиная с 70-х гг. IV в. название Боспор прилагается исключительно к городу, бывшему Пантикапею.

В историографическом плане рубеж IV - V вв. на Боспоре неразрывно связывается с готской проблемой. По мнению А. А. Васильева, уже к концу IV в. готы полностью захватили Боспор (он относит захват сразу же ко времени после 362 г.: *Васильев*, 1921, с. 25). Один из немногих пунктов его доказательства связан с появлением на Боспоре первого епископа крымских готов, Унилы, рукоположенного Иоанном Златоустом во время его патриаршества (398 - 404 гг.). По смерти Унилы правитель готов просил прислать нового епископа, Иоанн в письме советует задержать его под предлогом наступления зимы, когда "невозможно плыть ни в Боспор, ни (вообще) в те страны" (*Васильев*, 1921, с. 37). Продолжение существования на Боспоре греческого населения с устойчивыми античными традициями (использование дат по боспорской эре) ставит под сомнение возможность существования особого Готского царства на Боспоре. Можно допускать, что последнее располагалось где-то в Восточной Таврике, территориально не совпадая с реликтовым Боспорским царством, границы которого были определены Херсонесом.

Это не дает оснований отрицать возможность фактического господства готов в Боспорском царстве, также как и позднее - гуннов. Известно, что гунны, возвращавшиеся на восток после гибели Аттилы (453 г.), заняли всю территорию между Херсоном и Боспором (*Procop.*, *De bell. Pers.*, I, 12, 7; *De bell. Goth.*, IV, 5, 27), часть их вместе с готами - тетракситами перешла из Таврики на Тамань (*Васильев*, 1921, с. 44). Власть на Боспоре фактически должна была перейти в руки гуннов, однако остается не ясным, как последние инкорпорировались в политическую организацию Боспорского царства. Новая датировка надписи царя Дуптуна 483 г. (*Виноградов*, 1998) позволяет утверждать, что внешне эта организация вплоть до конца V в. следовала античной практике¹.

¹ Надпись зафиксировала ряд новых явлений - негреческие имена правящей верхушки, датировка четырьмя эпонимами, заслуживающих детального исследования с привлечением сравнительного материала. До этого тезис Виноградова об отсутствии "малейших признаков интеграции" Боспора в империю (*Виноградов*, 1998, с. 244) представляется пока рабочей гипотезой.

Все имена из надписи Дуптуна принадлежали выходцам из местной среды (гуннов). К ним относился и гуннский царевич Грод или Горда, с историей которого заканчивается и история античного Боспора.

Как сообщает Прокопий (*De bell. Pers.*, I, 12, 8), боспориты решили подчиниться имп. Юстину (518 - 527). Юстин отправил на Боспор Проба, племянника императора Анастасия, с миссией привлечь гуннов к союзу с персами, не имевшей успеха. Грод крестился в Константинополе в 527 г. и был назначен имп. Юстинианом (527 - 565) блюсти интересы империи на Боспоре. Вместе с ним туда прибыл и военный отряд. Новообращенные христиане начали уничтожать языческие святыни, что привело к восстанию. Грод был убит и вместо него царем поставлен его брат, мятежники захватили и Боспор (город), перебив охранявший его отряд. Юстиниан направил сушей из Одесса и морем из Византии готские отряды, которые отвоевали Боспор для империи, так что предельной датой существования самостоятельного Боспорского царства является 527 г.

ХРОНОЛОГИЯ СПАРТОКИДОВ

Хронология Спартокидов содержится в XII — XX книгах "Библиотеки" Диодора Сицилийского. Последовательно излагая события по годам афинских архонтов Диодор, как правило, кратко называет правителя Боспора и продолжительность его правления. Поскольку в рукописях иногда фигурируют различные цифры исследователи по-разному преодолевали эти разночтения, так что единой хронологии боспорских правителей до сих пор не существует. Современные исследователи не оставляют попыток пересмотреть как саму хронологию, так и список правителей, что побуждает заново рассмотреть весь комплекс вопросов.

В первом отрывке (*Diod.*, XII, 31, 1) упоминается правление Археанактидов и принятие власти Спартоком, царствовавшим 7 лет. Этот отрывок отнесен к году архонта Феодора (438/7г.). Выше было сказано, что смена власти на Боспоре произошла в результате Понтийской экспедиции Перикла, состоявшейся в 437 г., следовательно, правление Спартока I нужно датировать 437 - 430 гг. до н. э.

В следующем отрывке (*Diod.*, XII, 36, 1), датированном годом архонта Апсевда (433/2 г.), сообщается о смерти Спартока и получении власти Селевком. В нем содержится сразу три спорных момента: 1) продолжительность правления Спартока определялась не в 7, как в первом отрывке, а в 17 лет; 2) отрезок времени между годами Феодора и Апсевда составляет только пять, но не семь или семнадцать лет; 3) царствованию Селевка отводилось 4 года, а в Патмийской рукописи - 40 лет. Первое разночтение следует исправлять в соответствии с *Diod.*, XII, 31, 1; таким образом, датировка Диодора годом Апсевда неверна - она возникла, как будет показано ниже, в результате его искусственной синхронизации. Относительно Селевка мнения расхолись - Р. Вернер отводил ему 40 лет (*Werner*, 1955, S. 430), большинство же вообще исключало его из списка боспорских правителей, считая, что это имя появилось в результате ошибки переписчика вместо имени Сатира (*Латышев*, 1909, с. 176). Считая, что для отрицания реальности Селевка требуются более весомые доказательства, мы должны признать его лицом, получившим власть на Боспоре после Спартока I в 430 г. и правившим до 390 г.

В третьем отрывке (*Diod.*, XIV, 93, 1) речь идет о смерти Сатира, сына Спартока, и наследовании власти его сыном Левконом. Здесь также следует отметить несколько неясных моментов: 1) отсутствие упоминания о начале правления Сатира; 2) если Сатир был сыном Спартока, то неизвестно кем приходился Спартоку Селевк; 3) продолжительность правления Сатира в вульгате определялась в 14 лет, а в Патмийской рукописи - 44 года; 4) смерть Сатира Диодор поместил в год архонта Демострата (393/2 г.), что указывает на 37-летнюю продолжительность его правления, не фигурирующую ни в одном списке. Эти расхождения устранялись следующим образом. Издатель Патмийской рукописи исправлял чтение 44 на 40. Получается, что Селевку и Сатиру следует отводить одни и те же сорок лет совместного правления после смерти Спартока I - 430-390 гг. Датировка смерти Сатира годом Демострата (393/2 г.) ошибочна. Причина ошибки чрезвычайно проста - в боспорском источнике смерть Сатира была действительно синхронизирована с годом Демострата, но не Демострата I, названного Диодором, а Демострата II, архонтат которого приходился как раз на 390/89 г. По всей вероятности, год Демострата I более соответствовал собственным расчетом Диодора хронологии боспорских правителей. Что же касается внезапного появления Сатира и его отношения к Селевку, вклинившегося между правлениями отца и сына, а также отсутствия у Диодора указания на смерть Селевка, то эти отклонения от принятых Диодором формулировок находят исчерпывающее объяснение в следующей реконструкции. Очутившись на Боспоре, Спарток I женился на местной уроженке, от брака с которой у него родился сын, Сатир. К моменту смерти отца Сатиру было всего несколько лет, поэтому ему был избран (отцом?) в опекуны некто Селевк, принадлежавший к ближайшему окружению Спартока. Селевк сохранял высокое положение опекуна-соправителя вплоть до смерти Сатира, хотя, конечно, основным правителем являлся Сатир. Источники, относящиеся к этому времени, постоянно употребляют прилагаемый к боспорским правителям термин "тиран" во

множественном числе. Так, Гилон, предавший Нимфей, получил Кепы в дар от "тираннов" (*Aesch.*, III, 171); гераклеоты посылали 40 кораблей против "тираннов" (*Arist.*, *Оес.*, II, II, 8); Тинних освободил от осады Феодосию, осажденную "соседними тираннами" (*Polyaen.*, *Strateg.*, V, 23). Если исходить из продолжительности правления Сатира, указанной в Патмийской рукописи - 44 года, возможно, отсчитанной с момента его рождения, то датой рождения Сатира следует признать 434 г. до н.э. Что же касается Селевка, то он, вероятно, отошел от дел после смерти Сатира, когда власть перешла к сыну последнего.

Под годом Диотима (354/3 г.) Диодор помещает смерть Левкона, правившего 40 лет, и наследование власти его сыном Спартоком (II) на пять лет (XVI, 31, 6). В действительности же, отсчитывая от года Демострата II (390/89 г.), мы должны датировать смерть Левкона 350/49 г.

В следующем отрывке, датированном годом архонта Каллимаха (349/8 г.), сообщается о смерти Спартока после 5-летнего правления и наследовании власти его братом Перисадом на 38 лет (*Diod.*, XVI, 52, 10). На основании афинского декрета в честь братьев — Спартока, Перисада и Аполлония, относящегося к апрелю 346 г. до н. э. (*Граков*, 1939, № 3), можно заключить, что в это время Спарток еще был жив и что синхронизация его смерти с годом Каллимаха неверна. Правление Спартока, следовательно, должно быть датировано 350 - 345 гг.

Сложнее обстоит дело с определением времени правления Перисада, конец жизни которого Диодор отнес к году архонта Гиеромнемона (XX, 22), т. е. 310/9 г. Если начало 38-летнего правления Перисада отсчитывать с года смерти Спартока II, т. е. с 345 г., то его конец приходился бы на 307/6 г. и синхронизации Диодора (XX, 22; XX, 100, 7) оказывались бы неверными. Если же исходить из того, что синхронизация Диодора в обоих случаях верна и начало правления Перисада следует отнести к году Каллимаха, примерно к концу его, то окажется, что первые годы Спарток II правил единолично, а в середине 348 г. назначил Перисада соправителем. Их совместное правление продолжалось три года (348 - 345 гг.), после чего Перисад правил один до начала года Гиеромнемона (310/9 г.). Таким образом, общий царский "стаж" Перисада составлял названные Диодором 38 лет с несколькими месяцами. Эта версия представляется единственно верной, поскольку она, во-первых, объективно приводит к выводу о соправлении Спартока II и Перисада I, документально установленному вышеупомянутым афинским декретом 346 г., о существовании которого Диодору не было известно, и, во-вторых, согласуется со всеми его синхронизациями.

Уже давно было замечено, что точная синхронизация правлений боспорских царей с годами афинских архонтов Диодора имеет в качестве отправной точки конец правления Перисада I, по мере удаления от которой она становится все менее и менее точной. Ростовцев отмечал, что расхождения годов правления у Диодора с подлинными датами могли "произойти только в том случае, если автор, имевший в руках список царей с указанием годов их правления, отсчитывал годы их правления по Олимпиадам от определенного синхронизма назад, т. е. примерно от Перисада I к Спартоку и затем Левкону". И далее: "Но какова та дата, тот синхронизм, от которого считал источник Диодора? Это может быть либо дата смерти Перисада, годы которого уже насчитаны ошибочно, но может быть и любая более поздняя дата" (*Ростовцев*, 1925, с. 123 - 124). По мнению В. П. Яйленко, точкой отсчета для Диодора служили правление Евмела и год смерти Перисада, точно синхронизированные с какими-то известными лицами или событиями, происходившими вне царства (*Яйленко*, 1990, с. 285). Эта точка зрения представляется вполне оправданной и подтверждаемой проведенной выше реконструкцией реальной хронологии боспорских правителей. Для того, чтобы понять причины ошибок Диодора следует попытаться восстановить возможный ход его рассуждений. Это может помочь нам составить более детальное представление о характере того источника, которым пользовался Диодор.

Итак, допустим, Диодор исходил из того, что Перисад умер в год афинского архонта Гиеромнемона, который продолжался с середины июля 310 по середину июля 309 г. до н. э. Ему было известно, что Перисад правил 38 лет, и, отсчитав это число, он точно попал на год архонта Феофила (348/7 г.). Почему же он поместил начало правления Перисада годом ранее? Наиболее правдоподобное объяснение заключается в том, что и количество лет правления Перисада, и имена афинских архонтов, фиксировавших его начало и конец, содержались в том

источнике, которым пользовался Диодор. Источник же округлил продолжительность правления до цифры 38, не посчитав, быть может, один-два месяца, превышавших эту цифру. Вероятно, правление Перисада началось в самом конце года Каллимаха (середина 348 г.) и закончилось в начале года Гиеромнемона (конец лета 310 г. до н. э.).

Следующим шел Спарток II, о котором Диодору было известно только то, что он правил пять лет, и Диодор добросовестно помещает начало его правления в год архонта Диотима (354/3 г.). Факт соправления Спартока и Перисада источник, очевидно, не отмечал и указания на афинского архонта, при котором началось правление Спартока, не содержал.

Далее следовал Левкон, о котором Диодор знал, что тот правил 40 лет, начав править при архонте Демострате. Отсчитав сорок лет от архонта Диотима, он попадал на год архонта Эвбулида (394/3 г.), однако ему нужно было совместить начало правления Левкона с годом Демострата. Наиболее подходящей датой был год Демострата I (393/2 г.), что давало, правда, только 39 лет, но, тем не менее, было принято Диодором в качестве истинной. Как видим, и в данном случае Диодор не выходит за рамки добросовестных расчетов.

Для Селевка источник отводил 40 лет правления, начало которого, скорее всего, не было синхронизировано с годом афинского архонта. Это лишь облегчило задачу Диодору и он точно соотнес его с годом Апсевда (433/2 г.). Сложнее обстоит вопрос с Сатиром, для которого мы имеем синхронизированный конец правления (год Демострата) и его продолжительность - то ли 14, то ли 44 года. Исправление Фогелем последней цифры на 40 (Латышев, 1909, с. 176) достаточно убедительно, поскольку оно уравнивает правления Сатира и Селевка, однако предпочтительнее все же обойтись без него и начинать отсчет 44-летнего правления Сатира с 434/3 г., который можно принять за год рождения и объявления наследником Спартока. Возможно, так же понимал эту дату и Диодор, по расчетам которого начало правления Сатира приходилось на 437/6 г.

И, наконец, правление Спартока I. Для него в источнике Диодора назывались и отправная точка правления (год архонта Феодора; 438/7 г.), и его продолжительность (7 лет). Однако смена правлений у него пришлось на год Апсевда, что сокращало правление Спартока на два года. Видимо, исходная дата - год Феодора - была незыблемой для Диодора, поэтому он, не найдя ошибок в своих вычислениях, не смог устранить это противоречие.

Таким образом, анализ возможного хода рассуждений Диодора показывает, что использованный им источник во всех случаях содержал указания на продолжительность правления того или иного царя и привязки начала (исключая Спартока II) и конца правлений к годам афинских архонтов. Ввиду того, что Спарток I являлся ставленником Афин, это обстоятельство вряд ли может вызвать удивление. Выясняется, что Диодор вполне добросовестно использовал и передавал данные своего источника, не внося никакой отсебятины, и все без исключения обнаруживаемые у него ошибки проистекают из незнания факта короткого соправительства Спартока II и Перисада I. Вряд ли это можно поставить в вину Диодору, скорее всего об этом не упоминалось и в самом источнике Диодора.

Как говорилось выше, Перисад I умер в начале года архонта Гиеромнемона, т. е. в конце лета 310 г. Власть перешла к Сатиру II, однако против него восстал младший брат, Евмел. Сатир сначала брал верх, но вскоре умер от полученной раны после 9-месячного правления (*Diod.*, XX, 23). Это случилось в середине 309 г. Власть получил следующий по старшинству сын Перисада, Притан, который вскоре также потерпел поражение от Евмела и был вынужден отказаться от царской власти, а после неудачной попытки вернуть ее бежал и затем был убит (*Diod.*, XX, 24). Правление Притана закончилось, видимо, уже осенью 309 г. Правление Евмела, отмеченное многими важными событиями, продолжалось всего 5 лет и 5 месяцев (*Diod.*, XX, 25). Завершилось оно в год архонта Ферекла (304/3 г.), приблизительно в начале 303 г., и власть перешла к его сыну, Спартоку III, правившему 20 лет (*Diod.*, XX, 100, 7), т. е. в 303 - 283 гг. На этом сведения Диодора обрываются.

Дополнительные источники по истории и хронологии ранних Спартокидов ограничиваются вышеупомянутым афинским декретом 346 г. до н. э. и найденной в Горгиппии надписью, изданной А. И. Болтуновой (1964) (рис. 10). Согласно ее заключениям, надпись представляет собой проксению, данную двумя правителями, из которых определяется Селевк, с. Евмела, и потому должна относиться ко времени Селевка и Сатира I, т. е. к рубежу V - IV вв.

до н. э. Надпись подтверждает факт их совместного правления, что отрицалось Латышевым и большинством современных исследователей Боспора, и называет отчество первого из них.

Выводы Болтуновой встретили возражения Гайдукевича (КБН, с. 938 - 939), который считал, в частности, шрифт надписи более поздним, с чем, однако, не согласилась Н.С. Белова (1967, с. 66 прим. 17). Позднее к этому вопросу вернулся В.П. Яйленко, который отнес надпись к рубежу IV - III вв., приписав ее неизвестному ранее Селевку, с. Евмела, и Спартоку (Яйленко, 1985, с. 153 - 159). К тому же времени отнес надпись Ю.Г. Виноградов, который принял восстановление имени Селевка, с. Евмела с дополнением ΚΑΙ ΠΑΙΔΕΣ (Яйленко, 1985, с. 158; Шелов-Коведяев, 1985, с. 70; Яйленко, 1990, с. 299 - 301). С учетом вариантов восстановления горгиппийской надписи Болтуновой, Яйленко и Виноградова можно предложить наиболее оптимальную реконструкцию (рис. 11), которая дает основания согласиться с Болтуновой и другими авторами, относившими ее ко времени совместного правления Селевка, с. Евмела и Сатира, сына Спартока I.

Список правителей Боспора, выходящих за пределы диодоровского повествования, устанавливается, в основном, благодаря боспорским надписям и имеет более или менее устойчивый характер, однако их хронология часто является предметом дискуссий и не всегда оправданных корректировок. Лишь привлечение нумизматического материала позволяет восстановить объективную картину и наметить надежные хронологические рамки для каждого правления. Разумеется, об абсолютной точности этих рамок говорить пока не приходится. При использовании нумизматического материала руководящей идеей была убежденность в том, что монетная политика того или иного правителя, как и всякая другая, носила устойчивый характер и имела существенные признаки, отличающие ее от монетной политики предшественника. Обратимся к рассмотрению конкретных материалов.

В правление Перисада II, преемника Спартока III (303 - 283), имели место три мероприятия в области монетного дела: 1) выпуск серии серебра из трех номиналов (рис. 18, 1-2); операция по надчеканке медных монет времени Спартока III (рис. 17, 9) изображениями "звезда/горит", на позднем (?) этапе которой имела место дочеканка подобных монет штемпелями с врезанными изображениями звезды и горита; в качестве младшего номинала к ним был отчеканен новый тип монет - голова сатира/голова быка (рис. 18, 3-5); 3) выпуск меди нового типа - голова сатира/лук и стрела (рис. 18, 6-7). Внутреннее единство этих акций обнаруживается в эмиссии меди, а чеканка серебра с новыми типами (голова Аполлона и пасущийся конь на реверсах) вполне отличает их от монет Спартока. Дискретный характер боспорского монетного дела со сменой типов примерно раз в десять лет позволяет датировать эмиссию серебра ок. 283 - 275 гг.; надчеканку меди - ок. 275 - 265 гг.; выпуск монет типа - голова сатира/лук и стрела, учитывая их сильнейшую весовую деградацию, - ок. 265 - 245 гг. Таким образом, правление Перисада II укладывается в пределах 283 - ок. 245 гг.

Ему наследовал Спарток IV, к которому можно отнести две серии медных монет. Старшие номиналы в обеих сериях имеют на аверсах изображение головы Аполлона, что указывает на их взаимосвязанность, и орла и треножника на реверсах (рис. 19, 1-3). Серии датируются в пределах 245 - 235 и 235 - 225 гг., это позволяет отнести правление Спартока примерно к 245-225 гг.

Ко времени Левкона II можно отнести несколько монетных эмиссий, полностью порывающих с практикой всего боспорского монетного дела предшествующего времени. Это: 1) возобновление городских чеканок Фанагории (рис. 20, 6) и Феодосии (рис. 20, 5); 2) выпуск серии медных царских монет (рис. 20, 1-2); 3) выпуск тетрадрахм лисимаховского типа (Seyrig, 1963, pl. I, 1 - 3, 5). Несмотря на обилие этих новых для Боспора эмиссий продолжительность правления Левкона II определяется единственной серией пантикапейской меди (рис. 20, 3-4), которая также выделяется изображениями головы Посейдона и проры. Эта серия может быть датирована ок. 225 - 215 гг.

При архонте Гигизонте была выпущена серия "царской" монеты (рис. 21, 1-3), включая золото и серебро (новые элементы для этой категории чеканок); операции монетного двора Пантикапея свелись, по-видимому, только к надчеканке старшего номинала серии левконовского времени изображением головы Афины. Время Гигизонта - ок. 215 - 205 гг.

Правление Спартока V характеризуется: 1) выпуском царской монеты - серебряных

дидрахм (рис. 22, 1); 2) двумя операциями пантикапейского монетного двора — надчеканкой старшего номинала левконовской меди поверх головы Афины изображением головы бородатого сатира (МДБ, 153) и выпуском новой серии меди с изображениями головы Посейдона и головы бородатого сатира на старшем номинале (рис. 22, 2 - 4); 3) чеканкой мелких медных монет Фанагории типа - бородатый сатир/лук и стрела (рис. 22, 5). Две акции монетного двора Пантикапея позволяют отнести правление Спартока V к 205 - 185 гг.

К правлению Перисада III можно отнести только золотые статеры лисимаховского типа (рис. 23). признаков работы монетного двора Пантикапея при нем не обнаруживается. Повидимому, его правление было весьма коротким, в пределах 185 - 180 гг.

Сын Перисада III, Перисад IV, к моменту смерти отца был еще в совсем юном возрасте, поэтому фактической правительницей Боспора некоторое время была его мать, Камасария Филотекна. Ко времени Камасарии относятся следующие монетные эмиссии: 1) надчеканка старых монет изображением "венки" с одновременным выпуском более мелкой меди с тем же изображением на реверсе (рис. 24, 1 - 2); 2) выпуск двух серий серебра (рис. 24, 3 - 4; 5 - 7); 3) выпуск медных монет Фанагории с изображением головы быка в 3/4 на аверсе и колоса с буквами ФА на реверсе (неопубликована), которые синхронны пантикапейским (рис. 24, 8). На три операции Пантикапея можно было бы отвести три десятилетия, однако, самостоятельное правление Перисада началось ок. 155 г., поскольку он фигурирует в списке посвятителей Дидимейона 154/3 г. (*Граков*, 1939, № 39). Следовательно, эти три акции можно датировать примерно 180 - 175 (Камасария совершила приношение в Дидимейон в 178/7 г.; см.: *Граков*, 1939, № 38; *Яйленко*, 1990, с. 306), 175 - 165 и 165 - 155 гг. Таким образом, регентство Камасарии имело место ок. 180 - 155 гг.

При Перисаде IV Филометоре были осуществлены: 1) три выпуска пантикапейских монет (рис. 25, 4 - 7, 8, 9 - 12); 2) три царских выпуска - серебряных тетрадрахм с именем Перисада (рис. 25, 2) и двух эмиссий золотых "перисадов" (рис. 25, 1, 3). Серии пантикапейских монет позволяют датировать правление Перисада IV в пределах 155 - 125 гг.

Наконец, к правлению Перисада V отнесены: 1) два выпуска царского золота (рис. 26, 1, 2) и 2) две серии монет Пантикапея (рис. 26, 3-11). Концом правления Перисада V, согласно общепринятой хронологии событий, сопровождавших включение Боспорского царства в состав державы Митридата VI Евпатора, считается 109 г. до н.э. Это позволяет датировать обе пантикапейские серии соответственно 125 - 115 и 115 - 110 гг., а правление последнего Спартокида - 125-109 гг.

БОСПОРСКИЕ ПРОКСЕНИИ

Проксении составляют одну из наиболее редких категорий боспорских надписей - к настоящему времени их известно около десятка. Ни одна из них не сохранилась целиком, а большая часть представлена незначительными фрагментами, восстановление текста которых допускает разные варианты. По этой причине выделение типов проксений, различившихся между собой набором привилегий, и их распределение во времени пока еще остаются во многом гипотетическими.

В 1964 г. А.И. Болтунова опубликовала декрет из Анапы (Синдская Гавань — Горгиппия), который был дан от имени Селевка, с. Евмела, и второго лица, предположительно, Сатира, с. Спартока, предоставляя следующие права: проксению, ателию и право приобретения земли и жилища, энктесис (*Болтунова*, 1964, с. 136 сл.). Декрет был включен в КБН (Addenda, 4) с комментариями В.Ф. Гайдукевича, который, в частности, считал шрифт надписи более поздним и отвергал восстановление имени Селевка.

В.П. Яйленко при работе над камнем подтвердил чтение имени Селевка, обнаружил утрату на камне и в реконструкции целой строки и, сделав ряд других важных наблюдений, уточнил восстановление Болтуновой (*Яйленко*, 1985, с. 153 - 159). Считая, что палеография декрета "находит ближайше параллели в надписях последней четверти IV-начала III в.", он определял Селевка как неизвестного по другим источникам сына боспорского царя Евмела, правившего в 310 - 304 гг. (*там же*, с. 156). Свое восстановление текста надписи предложил Ю.Г. Виноградов, отнесший ее к I четв. III в. и реконструировавший политику вместо проксении (*Яйленко*, 1885, с. 158 - 159; *Шелов-Коведяев*, 1985, с. 57 прим. 2, 66,70).

На мой взгляд, существенный прогресс в реконструкции текста декрета сопровождался неприемлемым заключением о его датировке. Мнение Гайдукевича о поздней палеографии надписи, кстати сказать, изложенное недостаточно последовательно, поскольку он считал возможным относить ее ко времени до присоединения Синдской Гавани к Боспору (КБН, с. 939), встретило решительные возражения Н.С. Беловой. По ее заключению, палеографически декрет вполне соответствует надписям Левкона I (1967, с. 66 прим. 17); это признавал и Яйленко (1985, с. 155 - 156).

Действительно, шрифт декрета находит наиболее близкие аналогии в надписях Левкона I - КБН, 8 (*Болтунова, Книпович*, 1962, рис. 4), 1037 и 1038 (*Марти*, 1934, рис. 1 и 2), а также самой ранней из них, изданной Т.В. Блаватской, насколько можно судить по прорисовке и скверно воспроизведенной в печати фотографии (*Блаватская*, 1993, рис. 1 - 2). С другой стороны, широкие буквы и особенности их начертания, характерные для анапского декрета и надписей Левкона I, не наблюдаются в надписи Спартока, с. Евмела КБН, 18 (*Белова*, 1970, рис. 4), которую Яйленко считал ближайшей аналогией первому Анапский декрет достаточно близок по шрифту проксении Перисада I и его сыновей КБН, I (*Болтунова, Книпович*, 1962, рис. 5), однако у последней заметно проступают более поздние признаки, в частности, *омега* со стягивающимися дужками, *ню*, правая черта которой не выходит за пределы строки. Правда, нельзя не отметить, что в декрете не наблюдаются архаические формы некоторых букв: *эпсилон*, *сигмы*, *омеги*, которые определенно указывали бы на до-левконовское время. Но это находит объяснение в самом факте находки его в Синдской Гавани, которая во времена Селевка и Сатира I еще не входила в состав боспорских владений. Наиболее удовлетворительный ответ может заключаться в том, что найденный текст декрета является копией, изготовленной при Левконе I и предназначенной для установки в недавно присоединенной Синдской Гавани, где после войны, развязанной Тиргатао, должно было оказаться много пустующих земель. Наконец, нельзя не сказать и о том, что Диодор называет преемником Евмела его сына Спартока (XX, 100, 7), что упоминаемые в декрете соправители во главе с Селевком, с. Евмела, соответствуют соправлению Перисада I, македонского имени известному Диодору, и что появление в семье Евмела, сына Перисада I, македонского имени

Селевк (*Блатский*, 1976, с. 58 прим. 20) выглядело бы по меньшей мере странным. Так же неприемлемо и восстановление Виноградова в стк. 1 καὶ λαῖδες, которое вводит неизвестного Селевка, с. Евмела, вместе с неизвестными сыновьями (!), хотя после зафиксированного Диодором Спартока, с. Евмела, боспорскими надписями прочно устанавливаются правления Перисада II и его сыновей, Спартока IV и Левкона II. В стк. 2 - 3 можно дополнять [καὶ τῶν ἀδελφῶν], поскольку для имени и отчества второго лица остается слишком мало места.

Вопрос о восстановлении в стк. 4 - 5 проксении или политике и в стк. 5 - 6 соответственно проксенов или политов должен решаться исходя из контекста самого документа: предоставление права приобретения земли и жилища проксенам составляло скорее исключение, поэтому и выражение "как другие проксены пользуются (получают)" вряд ли было бы возможно. Иное дело политика - новый гражданин, естественно, уравнивался в правах со всеми другими гражданами (Боспора). С учетом дополнений Яйленко и Виноградова текст анапского декрета (рис. 10) может быть реконструирован в следующем виде (рис. 11): "Селевк, сын Евмела, и Сатир Эпикрату, сыну Хериппа, и его брату дали им самим и всем их потомкам право гражданства, право приобретения земли и жилища, что положено и в чем другие граждане имеют долю, свободу от пошлин на земле и на море, право ввоза и вывоза всех товаров, входа и выхода из гавани во время войны и мира без конфискации и без необходимости договора". Таким образом, анапский декрет представляет собой не проксению, а закон о наделении правами гражданства некоего чужеземца и его брата.

В 1984 г. Яйленко опубликовал фрагмент декрета, который предоставлял права ателии "на всем Боспоре", проксении и энктесиса. По его мнению, проксения была дана от имени Перисада I и его сыновей (*Яйленко*, 1984, с. 219 - 222, рис. 2). Иную реконструкцию декрета предложил Виноградов (*Шелов-Коведяев*, 1985, с. 59 прим. 18). Наиболее существенным в ней является датировка надписи временем Левкона I, реконструирование определения "на всем Боспоре и в Синдике" (Шелову-Коведяеву казалось более резонным восстанавливать "на Боспоре и в Феодосии", с чем Виноградов согласился) и политики.

Реконструкции Виноградова и Шелова-Коведяева уязвимы по нескольким пунктам. Во-первых, определение "на всем Боспоре и в Феодосии" документально не зафиксировано. Допуская существование этого определения при Левконе I мы должны сопоставлять его с определением "на всем Боспоре" времени Перисада I и признавать, что понятие "весь Боспор" при этих правителях имело разный смысл при одном и том же содержании, а это весьма маловероятно. Понятие "весь Боспор" является, несомненно, политическим термином, соответствующим всей подвластной Перисаду I территории от Феодосии до Синдики. Во-вторых, восстановление Виноградова предполагает короткую строку (25 и менее букв против 30 у Яйленко), при которой две важные формулы оказываются опущенными (ὡν ἂν εἰσάγη ἢ ἐξάγη; καὶ εἰσπλοῦν καὶ ἐκπλοῦν), а одна - разорванной (καὶ ᾗς ἐγκτήσιν ἔδοσαν καὶ οἰκίας). В конце стк. 5 Виноградов восстановил остатки последних четырех букв, что позволило реконструировать завершающие строки декрета. Таким образом, этот декрет (найден в Фанагории в 1976 г.) представляют собой I тип собственно проксений, дающий проксену ателию и энктесис.

Следующий тип проксений (II) представлен несколькими памятниками. Наиболее полный текст (КБН, 1) включал наделение проксенией и ателией на всем Боспоре. Другие надписи этого (?) типа (КБН, 2, 3, 5) были составлены по той же или близкой формуле, хотя сохранившиеся незначительные фрагменты не позволяют судить об этом с полной уверенностью.

Интересную разновидность проксений II типа представляла, вероятно, надпись КБН, 4. В первой строке перед остатками букв, восстанавливаемых в КБН как Λ Ν Ι, на камне, судя по эстампажу (*Шкорпил*, 1908, с. 53 № 13 - заметка принадлежит Латышеву), видны следы еще двух-трех букв, от которых сохранились косая и две вертикальных черты. Косая могла принадлежать *омега* (см. *Болтунова, Книпович*, 1962, табл. II, стлб. 3 - конец IV - начало III в.); обе вертикальные не могли принадлежать одной букве, это, скорее всего, *iota* и *ni* (ср. ПЛ в

стк. 2). Далее, последняя буква в стк. 1 не может быть *иотой*, поскольку за нею не видно остатков соседней буквы, это, вероятно, левая черта от *ню* и все слово следует считать предлогом *πλὴν* - "кроме". Очевидно, данная проксения в чем-то ограничивала права проксена, и если остатки двух предшествующих букв принять за окончание определения *ἴεν παντὶ Βοσπόρῳ*, то ограничения касалось какой-то территории или полиса, предположительно столицы Боспора, Пантикапея. Проксения должна быть отнесена ко времени Перисада (датировка в КБН; см. также комм.: Яйленко, 1987, с. 24 № 16).

Незначительные фрагменты проксенических декретов были опубликованы Шеловым-Коведяевым (1985, рис. 1 - 2), однако остатки ключевых слов не позволяют восстановить полный круг привилегий.

В итоге мы можем зафиксировать следующую картину. Предоставление различных прав иноземцам на Боспоре началось с Селевка и Сатира I и первым типом таких декретов было наделение их всеми гражданскими правами - политией, энктесисом и ателией. Единственный декрет такого рода (КБН, Add., 4) может быть датирован 400 - 390 гг. (см. Яйленко, 1996, с. 210-211). Собственно проксенические декреты появляются при Перисаде I (345 - 310). Они даны от имени "Перисада и сыновей" (см. КБН, 1). Упоминание сыновей обычно рассматривается как свидетельство того, что они реально участвовали в управлении государством, были соправителями. Однако, сама формула - "и сыновья" - весьма неопределенна: подразумевала ли она всех сыновей Перисада, в том числе и детского возраста, или только старших. Эта неопределенность подсказывает иную причину ее появления - она является юридической оговоркой, указывающей на гарантию преемственности политики и обязывающей сыновей после смерти отца выполнять принятые им постановления. Проксенические декреты наделяли соответствующими правами не только лиц, названных в них поименно, но также и их потомков, обеспечить права которых могли только потомки самого Перисада, независимо от того, в каком возрасте они в данный момент находились. Иначе говоря, наследники Перисада обязывались соблюдать права наследников проксена.

Очевидно, при Перисаде I появляется формула, предусматривающая действие привилегий "на всем Боспоре" (КБН, 1; Яйленко, 1984, с. 219 - 220). Одна из проксений (наиболее ранняя?) предоставляла, в порядке перечисления, ателию, проксению и энктесис (Яйленко, 1984); в других называются только проксения (на первом месте) и ателия. Трудно сказать, почему в декретах этого типа не предоставляется энктесис - может быть это зависело от купца, не намеревавшегося приобретать недвижимость на Боспоре, но, возможно, это было вызвано ограничением, введенным Перисадом по настоянию городских общин. желавших самостоятельно распоряжаться своими землями. В пользу этого свидетельствовала бы конструкция "на всем Боспоре кроме Пантикапея" (см. выше), если бы была полная уверенность в этом восстановлении. Проксений других типов или принадлежавших иным правителям пока назвать нельзя.

ЧЕРЕПИЧНЫЕ КЛЕЙМА БОСПОРА

Важным источником по истории Боспора являются клейма на местной черепице, содержащие имена частных лиц и представителей дома Спартокидов. Первые публикации таких клейм начали появляться в различных изданиях с середины XIX в. (*Macpherson*, 1857, pl. XI, 5; ОАК за 1861 г., с. 168 - 169; ОАК за 1869 г., с. 169; МАР, № 17, с. 71; *Giel*, 1886, SS. 41 - 43; *Юргевич*, 1895, с. 87 - 174). По мере расширения археологических работ на Боспоре интерес к клеймам становился все более устойчивым. Важную роль в этом сыграл В.В. Шкорпил, который систематически публиковал керченские находки и разрабатывал вопросы, связанные с царскими клеймами (*Шкорпил*, 1902, с. 122 - 165; 1904, с. 19 - 166; 1911, с. 33 - 36). Черепичные клейма из собрания Эрмитажа издал Е.М. Придик (1917), однако в его каталоге, как и в работах Шкорпила, отсутствуют прорисовки клейм, что существенно снижало их научную ценность.

Решительный прорыв в изучении боспорских черепичных клейм совершил В.Ф. Гайдукевич, который всесторонне исследовал проблемы истории местного черепичного производства и дал полную сводку известных ему клейм с рисунками факсимиле (*Гайдукевич*, 1934).

Основные положения его работы сводятся к следующему. Критерием для определения хронологии клейм должны служить палеографические признаки, которые позволяют отнести значительную часть клейм к IV в. до н.э. (*там же*, с. 262); производство клейменной черепицы началось около середины IV и продолжалось до середины II в. до н.э. (*там же*, с. 266). Клейма, в основном, содержат имена промышленников, принадлежавших к высшему слою боспорского общества, верхушку которого составляли Спартокиды (*там же*, с. 256, 270). Двойные клейма указывают на то, что ряд частных промышленников находился в зависимости от царя Перисада I. Промышленники сперва включали имя Перисада в свои клейма, а позже выпускали продукцию со своими именными клеймами (*там же*, с. 271). Клейма ΒΑΣΙΛΙΚΗ и ΒΑΣΙΛΙΚΟΣ, обозначающие "царская [керамида]" и "царский [каллиптер]", являются изделиями мастерских, принадлежавших Перисаду II, и указывают на монополизацию черепичного производства этим царем (*там же*, с. 292 - 296).

Исчерпывающий характер выводов работы Гайдукевича, которую дополняла статья Б.Н. Гракова о царских черепицах (1934, с. 202 - 210), стал причиной того, что последующие статьи на эту тему сводились, главным образом, к публикации раскопочных материалов, новых клейм и их вариантов или же к постановке некоторых частных проблем (*Придик*, 1941, с. 173 - 193; *Гайдукевич*, 1947 а, с. 22 - 27; 1958 а, с. 123 - 135; 1967 а, с. 15 - 21; *Мернерт*, 1951, с. 227 - 235; *Штаерман*, 1952, с. 387 - 394; *Шелов*, 1954, с. 119 - 130; 1956 а, с. 128 - 153; 1957, с. 202 - 226; *Кругликова*, 1955, с. 26 - 30; *Веселов*, 1962, с. 349 - 358; *Савельев*, 1964, с. 196 - 206).

Принципиально новые подходы к изучению боспорских черепичных клейм предложил Э.О. Берзин (1959, с. 53-60). По его мнению, "существование частных предприятий предшествовало по времени образованию предприятий, совладельцами которых являлись частное лицо и царь". Он классифицировал клейма частных владельцев, разделив их на две группы - со знаком сокращения и без него [а фактически на четыре, поскольку в каждой из групп выделены подгруппы с более полными и более сокращенными именами. - В.А.], и пришел к выводу, что клейма со знаком сокращения являются более ранними. В абсолютных датах его классификация имела следующий вид: 1) клейма со знаком сокращения относятся к 3 четв. IV в.; 2) клейма без этого знака - к 4 четв. этого века; 3) двойное клеймение происходило в течение всего правления Перисада I, тогда же была установлена и государственная монополия; 4) клейма с полными именами относятся к 1 четв. III в. до н.э. (*там же*, с. 58 - 60, табл. 2).

Ряд методических погрешностей скомпрометировал предложенную Берзиным классификацию. По мнению Гайдукевича, "хронологическая схема Э.О. Берзина содержит, с одной стороны, повторение уже хорошо известных определений, с другой стороны, в ней предложены даты некоторых клейм, лишенные серьезного обоснования". Он настаивал на

том, что "дальнейшая работа по уточнению дат... должна опираться на систематическое накопление наиболее точных и многочисленных наблюдений относительно условий, в которых обнаруживается каждое клеймо при раскопках - в хорошо датированных слоях и в так называемых закрытых комплексах" (Гайдукевич, 1967 а, с. 18 прим. 3).

Оценивая предложенный Гайдукевичем метод датировки клейм по археологическому контексту мы должны признать, что он мало перспективен. Во-первых, датировка клейм из закрытых комплексов всегда будет зависеть от датировок сопутствующих вещей, оставляя неясным вопрос - что чем датировать. Например, в качестве "показательного факта" Гайдукевич ссылался на находку краснофигурной кальпиды в гробнице, сложенной из черепиц, одна из которых имела клеймо Гермократа. Кальпида датирована посл. четв.-концом V в., использование ее "в качестве урны в данном погребении вряд ли намного отстояло от времени ее производства. Это дает все основания предполагать наиболее вероятную дату погребения, приблизительно, около середины IV в., что, в свою очередь, соответственно датирует клеймо Гермократа..." (Гайдукевич, 1934, с. 265 - 266). Однако, разница между датами кальпиды и клейма составляет, как минимум, полстолетия и остается неясным, почему клеймо не следует датировать временем кальпиды. Берзин также ссылался на этот пример "точной" датировки клейма (1959, с. 54 прим. 11). Во-вторых, находки клейм в археологических слоях, обычно датировемых рамками одного столетия и более, мало что дают для их точной абсолютной хронологии, да и период их использования по прямому назначению определялся самим Гайдукевичем "промежутком в сто лет и даже более" (1934, с. 264). Естественным следствием обоих факторов явилось то обстоятельство, что археологами до сих пор не было предложено точных датировок ни по одному типу черепичных клейм. Очевидная бесперспективность поиска археологических датировок вынуждает вновь обратиться к типологическому методу, предложенному Берзиным.

Наблюдения над одноименными клеймами показывают, что среди них встречаются разновидности, существенно отличающиеся одна от другой по форме клейма и букв, степени сокращения и наличию или отсутствию знака сокращения в конце имени (или перед ним). Так, одно имя известно в пяти вариантах, восемь - в четырех, тринадцать - в трех и десять - в двух (рис. 61). Выстраивая вертикальные колонки одноименных клейм в единственно возможной, на мой взгляд, последовательности - от более полного сокращения к менее полному - и сопоставляя клейма разных лиц по формально-типологическим признакам мы получаем возможность выделить горизонтальные ряды клейм с устойчивыми типологическими характеристиками. В качестве важного дополнительного критерия для синхронизации отдельных разноименных клейм могут служить монограммные клейма, которые, несомненно, использовались во избежание смещения продукции эргастериев, принадлежавших владельцам с одинаковыми или сходными именами.

В результате мы получаем пять основных хронологических групп (рис. 61, группы 2 - 6). Общим признаком для которых является прямоугольная или близкая к ней форма клейм. Исключение составляет небольшая группа иррегулярных клейм: в виде листка плюща (рис. 62, 23, 107), круга (рис. 61, 24) и нескольких других, которые выделяются из основной массы 8 клейм, образуя предшествовавшую остальным 1 группу. В ней выделяются клейма 8 владельцев. Большая часть имен дана в полной или почти полной форме, в пяти случаях начертания имен ретроградны, знак сокращения не употребляется.

2 группу составляют клейма 33 владельцев. Форма клейм - прямоугольник, не всегда правильный, приближающийся к квадрату. Имена, как правило, сокращены до одной-трех букв, реже - состоят из двух-трех слогов. Если начало имен двух разных владельцев совпадало, то буквы одного из них даны в монограмме или лигатуре. В 18 случаях имена начертаны ретроградно, знак сокращения не употребляется.

В 3 группу входят клейма также 33 владельцев. Форма клейм - прямоугольник. Имена удлинены на одну-две буквы, половина из них начертана ретроградно. Сходные имена по-прежнему различаются начертаниями с использованием монограмм или лигатур. Появляется знак сокращения (С), который присутствует в клеймах 16 владельцев.

<p>ЛЕВКОН I (390-350)</p>	<p>1 группа 390-380 гг.</p> <p>2 группа 380-370 гг.</p> <p>3 группа 370-360 гг.</p> <p>4 группа 360-350 гг.</p>	
<p>ΠΕΡΙΣΑΔ I (348-310)</p>	<p>5 группа 350-340 гг.</p> <p>6 группа 340-330 гг.</p>	

Рис. 61. Хронология боспорских черепичных клейм IV в. до н. э.

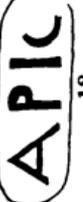
<p>1 группа 390-380 гг.</p>	 <p>24</p>	 <p>27</p>
<p>2 группа 380-370 гг.</p>	 <p>25</p>	 <p>28</p>
<p>3 группа 370-360 гг.</p>	 <p>19</p>	 <p>26</p>
<p>4 группа 360-350 гг.</p>	 <p>17</p>	 <p>29</p>
<p>5 группа 350-340 гг.</p>	 <p>20</p>	 <p>30</p>
<p>6 группа 340-330 гг.</p>	 <p>18</p>	 <p>22</p>
<p>ЛЕВКОН I (390-350)</p>	 <p>23</p>	 <p>29</p>
<p>ПЕРИСΑΔ I (348-310)</p>	 <p>21</p>	 <p>30</p>

Рис. 61. Хронология боспорских черепичных клейм IV в. до н. э. (продолжение).

<p>ЛЕВКОН I (390-350)</p>	<p>1 группа 390-380 гг.</p>	
<p>ПЕРИСАД I (348-310)</p>	<p>5 группа 350-340 гг.</p>	
<p>6 группа 340-330 гг.</p>		

Рис. 61. Хронология боспорских черепичных клейм IV в. до н. э. (продолжение).

	1 группа 390-380 гг.			
ЛЕВКОН I (390-350)	2 группа 380-370 гг.			
	3 группа 370-360 гг.			
ПЕРИСΑΔ I (348-310)	4 группа 360-350 гг.			
	5 группа 350-340 гг.			
	6 группа 340-330 гг.			

Рис. 61. Хронология боспорских черепичных клейм IV в. до н. э. (продолжение).

<p>ЛЕВКОН I (390-350)</p>	<p>1 группа 300-380 гг.</p>	
<p>ПЕРИСАД I (348-310)</p>	<p>5 группа 350-340 гг.</p> <p>6 группа 340-330 гг.</p>	<p>КРАΤΙΓΟΥ 67</p>

Рис. 61. Хронология боспорских черепичных клейм IV в. до н. э. (продолжение).

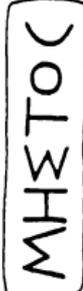
	1 группа 390-380 гг.	 84 85 86 83 82 80 81 79	 84 85 86 87
ЛЕВКОН I (390-350)	2 группа 380-370 гг.		
	3 группа 370-360 гг.		
	4 группа 360-350 гг.		
	5 группа 350-340 гг.		
ПЕРИСАД I (348-310)	6 группа 340-330 гг.		

Рис. 61. Хронология боспорских черепичных клейм IV в. до н. э. (продолжение).

<p>ЛЕВКОН I (390-350)</p>	<p>1-група 340-380 зз.</p> <p>2-група 380-370 зз.</p> <p>3-група 370-360 зз.</p> <p>4-група 360-350 зз.</p>	
<p>ПЕРИСАД I (348-310)</p>	<p>5-група 350-340 зз.</p> <p>6-група 340-330 зз.</p>	

Рис. 61. Хронология боспорских черепичных клейм IV в. до н. э. (продолжение).

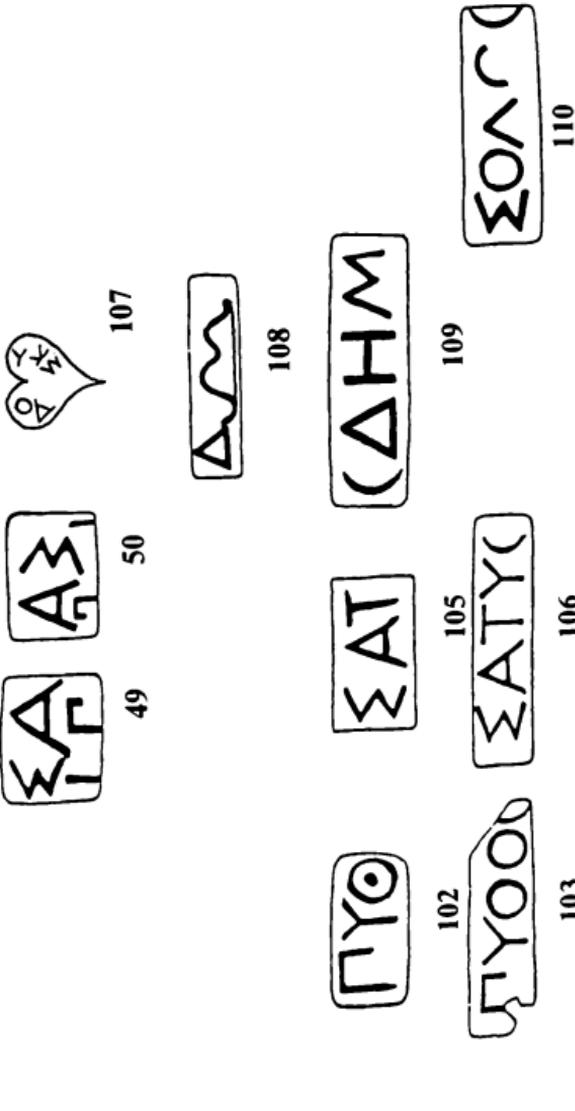
<p>ЛЕВКОН I (390-350)</p>	<p>1 группа 390-380 гг.</p> <p>2 группа 380-370 гг.</p> <p>3 группа 370-360 гг.</p> <p>4 группа 360-350 гг.</p>	
<p>ПЕРИСАД I (348-310)</p>	<p>5 группа 350-340 гг.</p> <p>6 группа 340-330 гг.</p>	

Рис. 61. Хронология боспорских черепичных клейм IV в. до н. э. (продолжение).

<p>ЛЕВКОН I (390-350)</p>	<p>1 группа 390-380 гг.</p> <p>2 группа 380-370 гг.</p> <p>3 группа 370-360 гг.</p>	
<p>ПЕРИСАД I (348-310)</p>	<p>4 группа 360-350 гг.</p> <p>5 группа 350-340 гг.</p> <p>6 группа 340-330 гг.</p>	

Рис. 61. Хронология боспорских черепичных клейм IV в. до н. э. (окончание).

ЕВМЕЛ (309-303)	<div data-bbox="70 1055 146 1308" style="border: 1px solid black; padding: 5px; display: inline-block;">ΕΥΜΗΛΟΥ</div> <div data-bbox="118 986 146 1031" style="margin-left: 10px;">123</div>
СПАРТОК III (303-283)	<div data-bbox="174 1055 280 1308" style="border: 1px solid black; padding: 5px; display: inline-block;">ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΣΠΑΡΤΟΚΟΥ</div> <div data-bbox="288 1170 315 1211" style="margin-left: 10px;">124</div> <div data-bbox="174 539 267 864" style="border: 1px solid black; padding: 5px; display: inline-block; margin-top: 20px;">ΑΙΣΧΥΛΟΥ</div> <div data-bbox="283 678 311 723" style="margin-left: 10px; margin-top: 20px;">127</div> <div data-bbox="197 354 260 482" style="border: 1px solid black; padding: 5px; display: inline-block; margin-top: 20px;">ΓΟΡ</div> <div data-bbox="277 395 305 440" style="margin-left: 10px; margin-top: 20px;">128</div> <div data-bbox="215 59 260 274" style="margin-left: 20px; margin-top: 20px;">ΝΕΟΚΛΕΟ</div> <div data-bbox="277 152 305 197" style="margin-left: 10px; margin-top: 20px;">130</div> <div data-bbox="335 1020 459 1308" style="border: 1px solid black; padding: 5px; display: inline-block; margin-top: 20px;">ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΣΠΑΡΤΟΚΟΥ</div> <div data-bbox="459 1142 487 1187" style="margin-left: 10px; margin-top: 20px;">125</div> <div data-bbox="335 864 433 991" style="border: 1px solid black; padding: 5px; display: inline-block; margin-top: 20px;"> </div> <div data-bbox="439 904 467 949" style="margin-left: 10px; margin-top: 20px;">126</div> <div data-bbox="356 343 436 487" style="border: 1px solid black; padding: 5px; display: inline-block; margin-top: 20px;">ΕΠΙΓΟ ΡΓΙΟΥ</div> <div data-bbox="449 395 477 440" style="margin-left: 10px; margin-top: 20px;">129</div> <div data-bbox="346 65 439 302" style="border: 1px solid black; padding: 5px; display: inline-block; margin-top: 20px;">ΓΑΝΘΡΟΣ ΝΕΟΚΛΕΟΥΣ</div> <div data-bbox="449 145 477 190" style="margin-left: 10px; margin-top: 20px;">131</div>
ПЕРИСАД II (283-245)	<div data-bbox="505 1095 560 1303" style="border: 1px solid black; padding: 5px; display: inline-block;">ΒΑΣΙΛΙΚΗ</div> <div data-bbox="570 1187 598 1232" style="margin-left: 10px;">132</div> <div data-bbox="505 864 560 1078" style="border: 1px solid black; padding: 5px; display: inline-block; margin-top: 20px;">ΒΑΣΙΛΙΚΟΣ</div> <div data-bbox="563 944 591 989" style="margin-left: 10px; margin-top: 20px;">133</div> <div data-bbox="501 591 563 840" style="border: 1px solid black; padding: 5px; display: inline-block; margin-top: 20px;">ΙΔΩΤΙΚΗ</div> <div data-bbox="570 701 598 746" style="margin-left: 10px; margin-top: 20px;">134</div> <div data-bbox="553 279 615 579" style="border: 1px solid black; padding: 5px; display: inline-block; margin-top: 20px;">ΣΑΤΥΡΙΩΝΟΣ</div> <div data-bbox="619 388 647 434" style="margin-left: 10px; margin-top: 20px;">135</div>
СПАРТОК IV (245-225)	<div data-bbox="684 986 739 1216" style="border: 1px solid black; padding: 5px; display: inline-block;">ΒΑΣΙΛΙΚΗ</div> <div data-bbox="750 1083 778 1128" style="margin-left: 10px;">136</div> <div data-bbox="677 597 778 835" style="border: 1px solid black; padding: 5px; display: inline-block; margin-top: 20px;"> </div> <div data-bbox="785 644 813 689" style="margin-left: 10px; margin-top: 20px;">137</div> <div data-bbox="801 1020 895 1199" style="border: 1px solid black; padding: 5px; display: inline-block; margin-top: 20px;">ΣΠΑΡ ΤΟΚΟΥ</div> <div data-bbox="864 956 891 1001" style="margin-left: 10px; margin-top: 20px;">138</div> <div data-bbox="822 361 874 517" style="border: 1px solid black; padding: 5px; display: inline-block; margin-top: 20px;"> </div> <div data-bbox="864 302 891 347" style="margin-left: 10px; margin-top: 20px;">139</div>

Рис. 62. Хронология боспорских черепичных клейм конца IV в. до н. э. — начала I в. н. э.

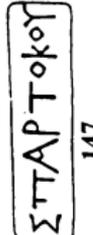
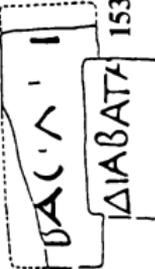
ЛЕВКОН II (225-215)	 140	 141
ГИГИЭНОНТ (215-205)	 142	 143 144 145 146
СПАРТОК V (205-185)	 147	 148 149 150
ПЕРИСΑΔ (185-180)	 151	
КАСАРИЯ (180-155)	 152	 154 153 155
АСПУРГ (110-38)	 156	

Рис. 62. Хронология боспорских черепичных клейм конца IV в. до н. э. — начала I в. н. э. (окончание).

возникновения клеймения может указывать на то, что эта ключевая в строительном деле отрасль ремесла оказалась под контролем правителя. Можно думать, что глинища на Боспоре являлись собственностью правителя, как считали Шкорпил и Гайдукевич (*Шкорпил*, 1914, с. 138 прим. 2; *Гайдукевич*, 1934, с. 271), и сдавались в аренду частным лицам для организации керамического производства, либо глинища находились в частной собственности и их владельцы получали за плату разрешение на производство черепицы.

Четыре хронологических периода клеймения, приходящиеся на сорок лет правления Левкона I, определенно указывают на то, что срок аренды глинищ или лицензия на производство черепицы ограничивались примерно десятью годами, после чего они должны были продлеваться и предприниматели получали клейма нового образца. Продолжительность срока действия аренды или лицензии объясняется сезонным характером керамического производства и трудоемкостью процессов обработки глины и обжига (некоторые расчеты по черепичному производству средневекового Херсона приведены А.Л. Якобсоном; см: *Якобсон*, 1950, с. 150 - 153).

Расцвет керамического производства пришелся на правление Левкона I. Так, в 380 - 370 гг. одновременно действовали 33 мастерские, только 6 из которых работали в предшествующее десятилетие. В 370 - 360 гг. количество мастерских осталось прежним, из них только 7 начали производство за этот отрезок времени. В 360 - 350 гг. количество мастерских уменьшилось до 30 - возможно, за счет естественной убыли владельцев, тогда как число впервые вступивших в производство осталось почти таким же.

Решительные изменения как в масштабах черепичного производства, так и его характере произошли, вероятно, сразу же после смерти Левкона. В 350 - 340 гг. действовало всего 8 мастерских, 7 из которых начали производство еще при Левконе. Из этих 7 мастерских только три сохранили прежних владельцев, а четыре приняли в качестве совладельца самого Перисада. За этот период начал производство только один человек - Притан, сын Перисада. В следующем десятилетии (340 - 330 гг.) зафиксирована деятельность только двух эргастериев, Гермократа и Притана, совладельцем которых был Перисад, после чего производство клейменной черепицы прерывается вплоть до правления Евмела. Таким образом, именно Перисад завершил монополизацию черепичного производства на Боспоре, после чего выпуск черепицы стал прерогативой царской власти.

Выпуск клейменной черепицы возобновился при Евмеле (309 - 303) и продолжался без перерывов до середины II в. до н.э. Клейма этого периода (рис. 62) содержат имена царей и частных лиц, сравнительно немногочисленных, получавших от царя право на организацию собственного производства. Кроме них имеется значительная группа черепиц с клеймами ΒΑΣΙΛΙΚΗ, так или иначе связанная с царским производством.

Основу хронологии клейм этого периода составляют царские имена, к которым по палеографическим признакам могут быть привязаны имена частных лиц. Кратковременность существования царских и частных эргастериев обусловила практическое отсутствие вариантов клейм, что позволило бы расчленить их по времени; исключение составляют клейма ΒΑΣΙΛΙΚΗ, известные в трех основных разновидностях, относительная хронология которых была установлена уже Гайдукевичем (1934, с. 291 - 292).

Как уже было сказано выше, после перерыва, приходившегося на 330 - 310 гг., первым начал выпускать черепицу Евмел - именно ему следует приписать клейма с полным именем ΕΥΜΗΛΟΥ (рис. 62, 123). Гайдукевич подвергал сомнению возможность такой атрибуции на том основании, что такие клейма расположены посередине, а не у нижнего края черепиц, как мнения придерживался Граков, относя эти клейма ко II в. до н.э. и считая, что царю Евмелу принадлежат "только клейма с сокращением Εϋμλ" (1934, с. 205). Датировку Гракова разделял Яйленко (1990, с. 299). Однако, приведенные Гайдукевичем аргументы недостаточно весомы для отрицания принадлежности этих клейм царю Евмелу. Во-первых, появление букв из курсивного письма (в том числе и *μιο* такой формы) в лапидарных памятниках Боспора отмечается с III в. до н.э. (*Болтунова, Книпович*, 1962, с. 15 - 16, табл. II); во-вторых, нехарактерное для ранних черепиц расположение евмеловских клейм вполне могло быть

связано с перерывом в клеймени, нарушившим преемственность традиционных приемов. Что же касается клейм с сокращением Ευμλ, то публикации таких мне неизвестны.

Царю Спартоку III (303 - 283) следует приписать клейма с двустрочной надписью, содержащей титул и имя царя. Они известны в трех вариантах: с чертой, разделяющей строки, и без нее (рис. 62, 124 - 126). Возможно, черта являлась хронологическим дифференцирующим признаком, что позволяет предположительно отнести клейма к нею ко второй половине правления Спартока, 293 - 283 г. По палеографическим признакам ко времени Спартока III можно отнести несколько клейм частных владельцев: Эсхила, Горгия и Пантера и Неокла (рис. 62, 127 - 131). По-видимому, Спарток III возобновил существовавшую при Левконе практику предоставления права заниматься черепичным производством частным лицам.

Особо следует остановиться на клеймах ΓΟΡ и ΕΠΙ ΓΟΡΓΙΟΥ (рис. 62, 128 - 129). Первое было найдено в Горгии. И.Т. Кругликова отнесла его к местному производству и датировала IV в. до н. э., считая, что оно "может быть началом имени Горгии или началом названия гражданского общины Горгии" (*Кругликова*, 1975, с. 18). Клейма ΕΠΙ ΓΟΡΓΙΟΥ были найдены при раскопках сельской усадьбы на полпути между Пантикапеем и Мирмекием, что позволило Гайдукевичу отнести их к продукции Пантикапея (1958 а, с. 133). Это единственное на Боспоре черепичное клеймо с именем эпонима вместе с клеймом ΠΑΝΤΙ представлялось ему "глухим отзвуком происходившей на Боспоре борьбы за ограничение царской власти и расширение прав полиса...", а архонта Гигизонта он считал, вслед за Ростовцевым, ставленником "пантикапейского гражданства", якобы пришедшим к власти в результате временного отстранения Спартокидов (*Ростовцев*, 1918, с. 102; *Гайдукевич*, 1958 а, с. 133-134).

Столь важные выводы, однако, вряд ли имеют под собой достаточные основания. Во-первых, формы букв обоих клейм вполне идентичны и должны быть отнесены не к IV, а к III в. до н. э. Близкая по палеографии надпись дипинто ΓΟΡ известна на амфоре (*Шкорпил*, 1902, с. 165, VIII, 1). Эти клейма следует приписать одному лицу, Горгию, который, следовательно, предстает перед нами в двух ипостасях - как владелец эргастерия и как эпоним. Во-вторых, именно эпонимат Горгия не позволяет относить клейма к Пантикапею — там эпонимом мог быть только архонт или царь.

Несомненная принадлежность обоих клейм Горгии заставляет считать Горгия жителем этого города и решать проблему его эпонимата на местном эпиграфическом материале. Это имя неоднократно встречается в агонистическом каталоге первой половины III в. до н. э. из Анапы (КБН, 1137), в том числе и в качестве патронимика. Важным дополнением к этому каталогу служит надгробная стела Демофонта, с. Горгия, каллатийца, происходящая из Керчи (КБН, 252) и датируемая втор. пол. III - началом II в. Привлекая сообщение Диодора об акции Евмела, давшего убежище тысяче каллатийцев (XX,25), можно придти к следующему заключению. Прибывшие на Боспор каллатийцы были поселены в Горгии, на хоре которой в местности под названием Псоа им были выделены также и земельные участки. Этот вывод первым сформулировал Берзин на основе изучения упомянутого агонистического каталога (1961, с. 121, 127). Каллатийцы составили особую общину, имевшую право избирать собственного эпонимного магистрата, по всей вероятности, жреца. Одним из эпонимов был Горгий, имя второго эпонима восстанавливается в каталоге как Деметрий, с. Тимея (КБН, 1137, Б 1 - 3). Для обустройства на новом месте один из каллатийцев, Горгий, получил право на производство черепицы (с клеймом ΓΟΡ), возможно, еще при Евмеле. Исходя из того, что такое право давалось примерно на 10 лет, данный тип клейма должен был использоваться в такое время давалось примерно на 10 лет, данный тип клейма должен был использоваться в первой половине правления Спартока III. Вторично каллатийцы выпускали черепицу во время магистратуры того же (?) Горгия, ее производителем мог быть как сам Горгий, так и иное лицо. Любопытной аналогией может служить черепица I в. до н. э. из Спарты с несколькими клеймами, дающими в совокупности подробную формулу: — "кирпичи государственные [для] скенотеки, при Калликрате, фабриканта Никасиона" (*Гайдукевич*, 1934, с. 253 - 254). Скенотеки, при Калликрате, фабриканта Никасиона" (*Гайдукевич*, 1934, с. 253 - 254). Скенотеки не разбирал вопрос о причинах датировки продукции, практический смысл ее оставался неясным. Он лишь верно заметил, что мнение Нильсона, согласно которому в этом сказалась практика датировки эпиграфических документов, не может служить достаточным

объяснением. На мой взгляд, включение даты было вызвано причинами чисто фискального порядка. Так, на Боспоре с III в. до н.э. право выпуска черепицы принадлежало царю, на это указывают клейма с царскими именами и надписью ΒΑΣΙΛΙΚΗ. Синхронные им клейма с именами частных лиц свидетельствуют о том, что эти лица получали такое право от царя на определенных условиях и на определенный срок. Горгиппийское клеймо с легендой "при Горгии" следует понимать в том смысле, что некто получил такое право на срок магистратуры Горгия. Аналогичный смысл имели, очевидно, и клейма из Спарты: фабрикант Никасион получил право изготовить государственные кирпичи для стенотеки при магистрате Калликрате. Скорее всего, это был типичный подряд, имевший целевое назначение и ограниченный срок действия, за пределы которых Никасион не имел права выйти.

Ко времени Перисада II (283 - 245) следует относить начальные выпуски клейм с надписями ΒΑΣΙΛΙΚΗ и ΒΑΣΙΛΙΚΟΣ (рис. 62, 132 - 133), параллельные им клейма с легендой ΙΔΩΤΙΚΗ и близкие по палеографическим признакам клейма Сатириона (рис. 62, 134 - 135). Клейма с легендой ΒΑΣΙΛΙΚΗ заслуживают особого внимания по двум причинам: 1) почему Перисад II отказался помещать на черепицах свое имя, как это делали его предшественники; 2) чем был вызван огромный по объему выпуск черепиц с клеймами этого типа - они составляли около 15 % всех клейм, собранных в работе Гайдукевича. Изучение вопроса с привлечением нумизматических и других материалов позволяет предположить, что Перисад передал право на выпуск царской черепицы городской общине Пантикапея, которая безудержно эксплуатировала его в течение ряда лет.

В правлении Спартока IV (245 - 225) выделяются два периода клеймения. Возможно, вначале Спарток продолжил практику отца, сдав на откуп производство царской черепицы городу, который метил ее клеймами ΒΑΣΙΛΙΚΗ второго типа (рис. 62, 136) (не следует исключать возможность того, что срок действия откупа, данного городу Перисадом II, заканчивался при Спартоке IV), и частному лицу, имя которого осталось не прочитанным (рис. 62, 137). Впрочем, во второй строке этого клейма, возможно, стояло слово ΠΟΛΕΩΣ. Во второй половине правления Спарток IV организовал собственный эргастерий (клейма с его именем в две строки) и разрешил черепичное производство некоему Акилу (рис. 62, 138, 139).

Левкону II (225 - 215) можно приписать клейма с надписью ΒΑΣΙΛΙΚΗ, заключенной между двумя линиями и дополненной изображениями трезубца и дельфина; синхронными им следует считать клейма Диотима, имя которого также заключено в рамку (рис. 62, 140 - 141).

Ко времени Гигзионта (215 - 205) относятся клейма с его именем и титулом (рис. 62, 142-143). По палеографии им вполне соответствует обломок клейма на калиптере с остатком слова, предположительно восстанавливаемым как ΑΡΧΟΝΤΙΚΟΣ (рис. 62, 144), с меньшей уверенностью к его правлению отнесены клейма Афродисия и Орхама (рис. 62, 145 - 146).

Спартоку V (205 - 185) можно приписать клейма с его именем, начертанным в одну строку. Встречаются две разновидности таких клейм, с прямой и ломаной перекладной *альфы* (рис. 62, 147 - 148), однако для хронологического членения этого недостаточны. В этот же отрезок времени можно поместить клейма городской общины Пантикапея и частного владельца Эпикрата (рис. 62, 149 - 150). Черепичные клейма Пантикапея указывают на тот лишь факт, что городская община получила право организовать собственное производство, который никоим образом не может рассматриваться в качестве свидетельства ослабления царской власти (ср. Шелов, 1954, с. 123). Нет никаких оснований сомневаться в том, что царская монополия на производство черепицы на Боспоре сохранялась до самого конца клеймения и все исключения из нее диктовались фискальными или иными интересами царей.

Короткому правлению Перисада III (185 - 180) принадлежат только клейма с полным именем этого царя (рис. 62, 151). Ко времени Камасарии (180 - 155) следует отнести последний правления - регентство Камасарии при малолетнем наследнике, будущем царе Перисаде IV, - объясняет отсутствие царского имени на черепице. Временем Камасарии следует датировать клейма царских черепиц, изготовлявшихся Батаком и Нумением (рис. 62, 153-154). По мнению Гайдукевича, ни Батак, ни Нумений не могли быть собственниками эргастериев, а являлись мастерами, арендаторами или откупщиками черепичного производства.

принадлежавшего царю и находившегося в Горгииппии, откуда происходят оба типа клейм (1947 а, с. 25 - 26). Ко времени Камасарии могут быть отнесены и клейма частного предпринимателя, Евтесиона (рис. 62, 155). Частные клейма времени Камасарии интересны тем, что они отражают три различных имущественно-правовых статуса их владельцев на заключительном этапе истории боспорского черепичного производства.

Клейма, которые можно было бы отнести к последним Перисадам, неизвестны. Последний эпизод клеймения местной черепицы связан с именем царя Аспурга (10-38), личная тамга которого (рис. 62, 156) оттиснута на черепицах из находок в Горгииппии. Он ясно показывает, что царская прерогатива на выпуск черепицы сохраняется на Боспоре вплоть до начала I в.н.э.

Каталог боспорских клейм*.

1. АΘ. *Веселов*, 1962, № 27. Ἀθηναῖος КБН, 164.
2. С АΘ. *Гайдукевич*, 1934, №1. — " —.
3. АΘН. *Веселов*, 1962, № 28. — " —.
4. АΘН С (ретроградно). *Гайдукевич*, 1934, № 3. — " —.
5. АЛК (ретроградно). *Гайдукевич*, 1958а, рис. 2, 2. Ἀλκίμος.
6. [ΑΛ]ΚΙΜ. *Веселов*, 1962, № 44. — " —.
7. АЛКΙΜ С. *Гайдукевич*, 1934, №4. — " —.
8. АЛКΙΜ С ΠΑΙ. *Гайдукевич*, 1967а, рис. 1, 6. Ἀλκίμος, Παιρισάδης.
9. ΑΠ (ретроградно). *Гайдукевич*, 1934, № 5. Ἀπολ... (I).
10. ΑΠ Δ *Гайдукевич*, 1934, №6. — " —.
11. ΑΠΟ С. *Гайдукевич*, 1967а, рис. 1, 7. — " —.
12. ΑΠ (в лигатуре). *Гайдукевич*, 1934, № 7. Ἀπολ... (II).
13. ΑΠ (в лигатуре, ретроградно). *Гайдукевич*, 1958 а, рис. 2, 3. — " —.
14. ΑΠ (в лигатуре, ретроградно, со знаком сокращения?). *Шелов*, 1957, табл. VII, 2. — " —.
15. ΑΠΟ (ретроградно). *Гайдукевич*, 1934, № 8. — " —.
16. ΑΠΟΛ С (А и П в лигатуре). *Гайдукевич*, 1934, № 9. — " —.
17. ΑΡΙΣΤΑ (Р ретроградно). *Гайдукевич*, 1934, №10. Αρισταγόρης КБН, 165.
18. ΑΡΙ С. *Гайдукевич*, 1958 а, рис. 1, 3. — " —.
19. ΑΣΤΥ/Δ (ретроградно). *Гайдукевич*, 1967а, рис. 1, 3. Αστούδημος КБН, 1056.
20. ΑΣΤΥΔΑ. *Гайдукевич*, 1934, № 12. — " —.
21. ΑΣΤΥ С. *Гайдукевич*, 1934, № 11. — " —.
22. ΑΣΤΥ С; ΠΑΙΡΙ С (ретроградно). Два клейма на одной черепице. *Гайдукевич*, 1967а, рис. 1, 4-5. Αστούδημος, Παιρισάδης.
23. ΒΑΚΙΔ, канфар. *Гайдукевич*, 1934, № 13. Βάκις.
24. ΓΟΡ/ΓΠ/ΠΟ/Υ, веноч. *Гайдукевич*, 1934, № 14. Γόργυλλος.
25. ΕΠΙ С (ретроградно). *Веселов*, 1962, № 17. Ἐπίλυ...
26. ΕΠΙΛΥ С (ретроградно). *Гайдукевич*, 1934, № 18. — " —.
27. ΕΡΜΟ (ретроградно). *Гайдукевич*, 1934 № 20. Ερμoκратης КБН, 213.

* Клейма 1—122 располагаются в алфавитном порядке, далее — в хронологическом со ссылкой на публикацию и предполагаемое имя владельца.

28. ΕΡΜΟ **С**. *Берзин*, 1959, рис. 1, 2. —”—.
29. ΕΡΜΟ **С** ΠΑΙ. *Γαϊдукевич*, 1934, № 21. Ἑρμοκράτης, Παιρισάδης.
30. ΠΑΡΙΣΑ/ΕΡΜΟΚΡ (ретроградно). *Γαϊдукевич*, 1934, № 67. —”—.
31. ΖΗ (ретроградно). *Γαϊдукевич*, 1934, № 22. Ζήνων ΚΒН, 116.
32. ΖΩ (ретроградно). *Веселов*, 1962, № 25. Ζώιλος ΚΒН, 183.
33. ΖΩ) (ретроградно). *Γαϊдукевич*, 1934, № 31. —”—.
34. **С**ΖΩ (ретроградно). *Веселов*, 1962, № 26. —”—.
35. ΗΡΟΦΛ **С**. *Шелов*, 1957, табл. VII, 7. Ηροφάνης.
36. ΘΕ. *Γαϊдукевич*, 1934, № 27. Θεόμνηστος.
37. ΘΕ). *Γαϊдукевич*, 1934, № 25. —”—.
38. **С** ΘΕ. *Веселов*, 1962, № 23. —”—.
39. ΘΕΟ **С**. *Γαϊдукевич*, 1934, № 28. —”—.
40. ΘΕΟМ. *Юргевич*, 1895, VI, 40. Не издано. —”—.
41. ΘΕ (в лигатуре). *Γαϊдукевич*, 1934, № 26. Θευδ...
42. ΘΕΥ. *Γαϊдукевич*, 1934, № 29. —”—.
43. ΘΕΥ (ретроградно, Θ и Ε в лигатуре). *Γαϊдукевич*, 1934, № 30. —”—.
44. **С** ΘΕΥΔ (ретроградно). *Γαϊдукевич*, 1934, № 31. —”—.
45. ΙΗ (ретроградно). *Γαϊдукевич*, 1934, № 33. Ιη...
46. ΙΗ) (ретроградно). *Γαϊдукевич*, 1934, № 32. —”—.
47. ΙΟ. *Γαϊдукевич*, 1934, № 34. Ιοφ...
48. ΙΟΦ) (ретроградно). *Γαϊдукевич*, 1934, № 94. —”—.
49. ΣΑ/Π. *Γαϊдукевич*, 1934, № 75. Σάτυρος ΚΒН, 1017; Ἴπλοκράτης (I) ΚΒН, 1056.
50. ΣΑ/Π (ретроградно). *Γαϊдукевич*, 1934, № 76. —”—.
51. ΙΠΠΟ (ретроградно). *Γαϊдукевич*, 1934, № 36. Ἴπλοκράτης (I).
52. [I] ΠΠΟ **С** (ретроградно). *Веселов*, 1962, № 20. —”—.
53. ΙΠΠΟΚΡΑ **С**. *Γαϊдукевич*, 1934, № 35. —”—.
54. ΠΑΙΡΙ **С**; ΙΠΠΟΚΡΑ **С**. Два клейма на одной черепице. *Γαϊдукевич*, 1934, № 69. Παιρισάδης, Ἴπλοκράτης (I).
55. ΙΠΚ (ретроградно; Π и К в лигатуре). *Γαϊдукевич*, 1934, № 38. Ἴπλοκράτης (II).
56. ΙΠΠΩ. *Веселов*, 1962, № 21. Ἴππων.
57. ΙΣΤ (ретроградно). *Шелов*, 1957, табл. VII, 10. Ἴστιαῖος ΚΒН, 191, 192.
58. ΚΑΛΛΙ. *Γαϊдукевич*, 1934, № 39. Καλλιφ...
59. [Κ]ΑΛΛΙ **С**. *Веселов*, 1962, № 43. —”—.
60. ΚΑΛΛΙΦ **С** (ретроградно). *Γαϊдукевич*, 1967 а, рис. 1, 10. —”—.
61. ΚΟ. *Γαϊдукевич*, 1934, № 40. Κοίρανος ΚΒН, 11.
62. ΚΟΙ). *Γαϊдукевич*, 1934, № 41. —”—.
63. ΚΟΙ **С**. *Γαϊдукевич*, 1934, № 42. —”—.
64. ΚΡ (в лигатуре). *Γαϊдукевич*, 1958 а, рис. 2, 5. Κράτιπλος ΚΒН, 912.
65. ΚΡΑ (ретроградно). *Γαϊдукевич*, 1934, № 44. —”—.
66. ΚΡΑΤΙΠ **С**. *Γαϊдукевич*, 1934, № 43. —”—.
67. ΚΡΑΤΙΠΟΥ. *Юргевич*, 1895, VI, 53. Не издано. —”—.

68. ΛΕΥΚΩΝΟΣ (ретроградно). *Γαϊдукевич*, 1947 а, рис. 10. Λεύκων ΚΒН, 6, 6а, 8, 37, 1014, 1037, 1038, 1111.
69. ΛΕ (ретроградно). *Шелов*, 1957, табл. VII, 6. —"—.
70. ΛΕΥ (ретроградно). *Γαϊдукевич*, 1934, № 45. —"—.
71. ΛΕΟ (ретроградно). *Юргевич*, 1895, VII, 26. Λεωκράτης ΚΒН, 921.
72. ΛΕΩ (ретроградно). *Γαϊдукевич*, 1934, № 47. —"—.
73. ΛΕΩ (ретроградно). *Γαϊдукевич*, 1934, № 48. —"—.
74. ΛΕΩ **С** *Γαϊдукевич*, 1934, № 46. —"—.
75. ΛΥΚ (в монограмме). *Γαϊдукевич*, 1934, № 49. Λύκων.
76. ΛΥΚΩ/ **С** (ретроградно). *Шелов*, 1957, табл. VII, 8. —"—.
77. ΛΥΚ **Д**. *Шелов*, 1957, табл. VII, 4. —"—.
78. ΛΥΣΙ **С** (ретроградно). *Γαϊдукевич*, 1934, № 51. Λυσι...
79. ΜΑΝ **С**. *Γαϊдукевич*, 1958 а, рис. 2, 6. Μᾶνις ΚΒН, 16.
80. ΜΕ (ретроградно). *Γαϊдукевич*, 1934, № 52. Μέδων ΚΒН, 8.
81. ΜΕΔΟ (ретроградно). *Γαϊдукевич*, 1934, № 53. —"—.
82. ΜΕΔΟΝΤΟΣ. *Γαϊдукевич*, 1934, № 54. —"—.
83. ΜΕΝΟΙ **С**. *Γαϊдукевич*, 1934, № 55. Μενои...
84. ΜΗ/ΟΥ. *Γαϊдукевич*, 1934, № 60. Μηστο..., Ουλ...
85. ΜΗ. *Γαϊдукевич*, 1934, № 56. Μηστο...
86. ΜΗΣ **С**. *Γαϊдукевич*, 1934, № 57. —"—.
87. ΜΗΣΤΟ **С**. *Γαϊдукевич*, 1958 а, рис. 2, 7. —"—.
88. ΜΗΤ (М и Н в лигатуре). *Γαϊдукевич*, 1934, № 58. Μητρόβιος ΚΒН, 205.
89. ΜΗΤΡΟ **С**. *Γαϊдукевич*, 1934, № 59. —"—.
90. ΜΟ (ретроградно). *Γαϊдукевич*, 1934, № 62. Μολπᾶς (I) ΚΒН, 210.
91. ΜΟ **С** (ретроградно). *Γαϊдукевич*, 1934, № 61. —"—.
92. ΜΟ (в монограмме). *Γαϊдукевич*, 1934, № 63. Μολпᾶς (II) ΚΒН, 210.
93. ΝΙ (ретроградно). *Веселов*, 1962, № 8. Νίκων ΚΒН, 1056.
94. ΝΙΚΩ **С**. *Γαϊдукевич*, 1967 а, рис. 1, II. —"—.
95. ΝΥΜΦΟ **С** (ретроградно). *Веселов*, 1962, № 2. Νυμφόδωρος ΚΒН, 213.
96. Ο. *Веселов*, 1962, № 60. Ουλ...
97. Ο. *Веселов*, 1962, № 61. —"—.
98. ΟΥΛ (ретроградно). *Γαϊдукевич*, 1934, № 50. —"—.
99. ΠΟ (в монограмме, ретроградно). *Γαϊдукевич*, 1934, № 71. Πολυχάρης ΚΒН, 212; Πολέμαρχος ΚΒН, 1059.
100. ΠΡΥΤΑ/ **С**. *Γαϊдукевич*, 1934, № 72. Πρύτανις.
101. ΠΑΡΙΣΑ/ΠΡΥΤΑΝΙ. *Γαϊдукевич*, 1934, № 68. Παιρισάδης, Πρύτανις.
102. ΠΥΘ. *Γαϊдукевич*, 1934, № 73. Πυθόνικος ΚΒН, 1056.
103. ΠΥΘΟ **С**. *Γαϊдукевич*, 1934, № 74. —"—.
104. ΠΥΘ/Ο **С**, ветка. *Придик*, 1917, №№ 105-107. Не издано. —"—.
105. ΣΑΤ. *Γαϊдукевич*, 1934, № 77. Σάτυρος ΚΒН, 1017.
106. ΣΑΤΥ **С**. *Γαϊдукевич*, 1934, № 78. —"—.
107. ΣΚΥΘΑ (ретроградно), лист. *Γαϊдукевич*, 1987, рис. 116. I. Σκύθας ΚΒН, 1111.

108. Δ. λυκ. *Γαϊδουкевич*, 1934, № 15. Δήμαρχος ΚΒΗ, 1111.
109. Σ ΔΗΜ. *Γαϊδουкевич*, 1934, № 16. —"—.
110. ΣΟΛΩ Σ. *Γαϊδουкевич*, 1934, № 80. Σόλων.
111. ΣΠΑΡ. *Γαϊδουкевич*, 1934, № 81. Σπάρτοκος.
112. ΤΕΙΣΑ (ретроградно). *Γαϊδουкевич*, 1958а, рис. 1, 4. Τει..., Απολλώνιος.
113. Τ. *Веселов*, 1962, № 57. Τιμο...
114. ΤΙ. *Γαϊδουкевич*, 1934, № 87. —"—.
115. ΤΙ Δ. *Γαϊδουкевич*, 1934, № 88. —"—.
116. ΤΙΜΟ Σ. *Γαϊδουкевич*, 1934, № 89. —"—.
117. ΤΥ (ретроградно). *Γαϊδουкевич*, 1934, № 90. Τυαίης ΚΒΗ, 227;
Τυαίης ΚΒΗ, 228.
118. ΤΥ (ретроградно). *Γαϊδουкевич*, 1934, № 91. —"—.
119. ΤΥΜ (в монограмме). *Веселов*, 1962, № 5. Τυμ...
120. ΦΑΝΟΜΑ (ретроградно). *Савельев*, рис. 2. Φανόμαχος ΚΒΗ, 113.
121. ΦΑΝ Σ. *Шелов*, 1957, табл. VI, 8. —"—.
122. ΦΑΝΟ Σ. *Юргевич*, 1895, VI, 91. Не издано. —"—.
123. ΕΥΜΗΛΟΥ. *Γαϊδουкевич*, 1934, с. 272, рис. 75.
124. ΒΑΣΙΛΕΩΣ/ΣΠΑΡΤΟΚΟΥ. Берзин, 1959, рис. 1, 13.
125. ΒΑΣΙΛΕΩΣ/ΣΠΑΡΤΟΚΟΥ. *Γαϊδουкевич*, 1934, № 83.
126. [ΣΠΑΡΤΟ]ΚΟΥ/[ΒΑΣΙ]ΛΕΩΣ. *Веселов*, 1962, № 45.
127. ΑΙΣΧΥΛΟΥ. *Шелов*, 1957, табл. VII, 1.
128. ΓΟΡ. *Кругликова*, 1975, с. 18 рис. Горγίας.
129. ΕΠΙΓΟ/ΡΓΙΟΥ. *Γαϊδουкевич*, 1958, рис. 2, 9.
130. ΝΕΟΚΛΕΟ. *Шелов*, 1954, с. 121. Не издано.
131. ΠΑΝΘΗΡΟΣ/ ΝΕΟΚΛΕΥΣ. *Γαϊδουкевич*, 1934, № 66.
132. ΒΑΣΙΛΙΚΗ. *Γαϊδουкевич*, 1934, с. 277, рис. 76 а.
133. ΒΑΣΙΛΙΚΟΣ. *Γαϊδουкевич*, 1934, с. 279, рис. 76 д.
134. ΙΔΙΩΤΙΚΗ. *Савельев*, рис. 6.
135. ΣΑΤΥΡΙΩΝΟΣ. *Γαϊδουкевич*, 1958 а, рис. 1, 1.
136. ΒΑΣΙΛΙΚΗ. *Γαϊδουкевич*, 1934, с. 277, рис. 76 б.
137. ΒΑΣΙΛΙΚΗ/...Σ. *Шелов*, 1957, табл. VI, 5.
138. ΣΠΑΡ/ΤΟΚΟΥ. Берзин, 1959, рис. 1, 12.
139. ΑΚΥΛΟΥ. *Савельев*, рис. 1.
140. ΒΑΣΙΛΙΚΗ/ трезубец, дельфин. *Γαϊδουкевич*, 1934, с. 278, рис. 76 в.
141. ΔΙΟΤΙΜΟΥ. *Γαϊδουкевич*, 1934, № 17.
142. ΑΡΧΟΝΤΟΣ/ΥΓΙΑΙΝΟΝΤΟΣ. *Шкорпил*, 1911, с. 35, рис. 2.
143. ΑΡΧΟΝΤΟΣ/ΥΓΙΑΙΝΟΝΤΟΣ. *Шкорпил*, 1911, с. 34, рис. 1.
144. [ΑΡΧΟΝ?]ΤΙΚΟΣ. *Веселов*, 1962, № 6.
145. ΑΦΡΟ... *Савельев*, рис. 4.
146. ΟΡΧΑΜΟΥ. *Γαϊδουкевич*, 1934, № 65.
147. ΣΠΑΡΤΟΚΟΥ. *Γαϊδουкевич*, 1934, № 84.
148. ΣΠΑΡΤΟΚ... *Γαϊδουкевич*, 1934, № 86.
149. ΠΑΝΤΙ. *Γαϊδουкевич*, 1958 а, рис. 3.

150. ΕΠΙΚΡΑΤΟΥ. *Гайдукевич*, 1967 а, рис. 1, 8.
 151. ΠΑΙΡΙΣΑΔΟΥ. *Гайдукевич*, 1934, № 70.
 152. ΒΑΣΙΛΙΚΗ. *Гайдукевич*, 1934, с. 278, рис. 76 г.
 153. ΒΑΣΙΛΙΚΗ; ΔΙΑ ΒΑΤΑ. Два клейма на одной черепице.
Гайдукевич, 1947 а, рис. 12.
 154. ΒΑΣΙΛΙΚΗ/ΔΙΑ ΝΟΥΜΗ. *Гайдукевич*, 1947 а, рис. 11.
 155. ΕΥΘΕCΙΩΝΟC (N ретроградно). *Гайдукевич*, 1958 а, рис. 1, 2.
 156. Тамга. *Гайдукевич*, 1947 а, рис. 13.

Антефикс боспорской черепицы (по: *Гайдукевич*, 1934).

КАЛЛАТИЙЦЫ В ГОРГИППИИ

В 1895 г. в Анапе был найден каталог имен. Он представляет собой мраморную плиту высотой более 2 м, на каждой стороне которой имеется по два столбца имен с отчествами. Каталог был издан Латышевым (1909, с. 244 - 258), который отнес его к I пол. III в. и констатировал, что все четыре столбца, не доходящие до низа плиты, представляли собой отдельные законченные списки. Поскольку два столбца имели заглавия: εὐεξίας (сторона А, стлб. 1). "крепостью тела [победили]", и οἶδε Ἐρμῆα δόλιχον ἐνίκησαν (сторона А, стлб. 2), "следующие победили в длинном беге на празднике в честь Гермеса", памятник был отнесен к числу агонистических каталогов. Латышеву оставались неясным: точное время каталога, периодичность состязаний, занесены ли в списки только победители, причина прекращения списков. Он обратил внимание на то, что некоторые имена поставлены в дорической форме и высказал предположение о принадлежности их "переселенцам дорического происхождения или их потомкам" (*там же*, с. 256 - 257).

Изучением каталога занимался М.М. Кубланов, который пришел к выводу об одновременности победы некоторых лиц, перечисленных в списках А1 и А2, допуская различную периодичность состязаний - в один, два и четыре года (*Кубланов*, 1954, с. 143 - 146).

Эти предположения, в частности, подверг критике Э.О. Берзин, который внес наиболее существенный вклад в понимание памятника (*Берзин*, 1961, с. 111-127. По непонятным причинам комментаторы КБН, 1137 обошли молчанием эту важную статью Берзина). Изучая палеографические особенности надписи он заключил, что все четыре списка были прерваны одновременно по неизвестной причине. Расположив последние строки списков на одном уровне (*Берзин*, 1961, табл.1) он получил возможность объективного сопоставления одинаковых имен, встречающихся в разных столбцах. Основные выводы Берзина сводятся к следующему.

Единственно возможный промежуток между состязаниями - один год. "В последовательности побед одних и тех же лиц в различных видах состязаний существует строгая закономерность. Наиболее ранними по времени являются победы в состязании ВII, затем идут победы в состязаниях АI, АII и наконец, в ВI. Ни в одном из тридцати девяти случаев двойных и тройных побед мы не имеем обратной последовательности" (*там же*, с.115). Поскольку максимальный промежуток между победами в списке ВII и АII составляет 6 - 7 лет, первый из них, ВII, следует считать списком мальчиков, а второй, АII, - юношей. Победители списка ВI старше юношей в среднем на 13 лет, так что они представляли группу взрослых. Юноши, возможно, делились на старшую (АII) и младшую (АI) группы, разница между которыми составляла 3 года. Абсолютный возраст победителей групп таков: мальчики - 12 лет (ВII) . юноши - 16-17 лет (АI) и 18-19 лет (АII), взрослые (ВI) - старше 20 лет, что соответствует делениям участников подобных состязаний в Греции на три возрастные группы - παῖδες, ἔφηβοι и νεοί или ἄνδρες (*там же*, с. 115, 118). Плохая сохранность начальных строк в столбцах ВI и ВII не позволяет судить о характере состязаний для взрослых, средний возраст которых составлял около 30 лет, и мальчиков. В последнем случае по остаткам букв он восстанавливал заголовок τῆ λατῆδὶ ἐνίκησαν, "в беге с факелами победили" (*там же*, с. 120).

Вслед за Латышевым, Берзин обратил внимание на высокий процент имен дорийского характера в списках и связал этот факт с переселением тысячи каллатийцев во время осады их города Лисимахом по приглашению Евмела, который дал им "город для поселения, а кроме того, разделил на участки так называемую Псою и хору" (*Diod.*, XX, 25). Переселение каллатийцев состоялось между 309 и 307 гг., так что Гермеи в Горгииппии были учреждены между 309 и 304 гг. Он пришел к выводу о том, что резкое уменьшение числа каллатийцев в списках с 26 года соревнований подтверждает гипотезу Т.В. Блаватской о возвращении значительной части переселенцев на родину после восстановления независимости Каллатии в 281 г. (*там же*, с. 127).

Выводы Берзина представляются в основной своей части бесспорными и окончательно проясняющими значение каталога для истории Горгиппии. Правда, некоторые наблюдения не были им достаточно развиты, а ряд вопросов вовсе оказался за пределами его внимания, что и побуждает вновь вернуться к этому памятнику.

Свидетельство Диодора позволяет, на мой взгляд, определить дату переселения каллатийцев на Боспор. Восстание западнопонтийских городов против Лисимаха, которое возглавила Каллатия, началось в четвертый год 116 Олимпиады (*Diod.*, XIX, 73), т.е. в 313 г. Ход и судьба восстания детально изложены в работе Т.В. Блаватской (1952, с. 95 - 101). Каллатийцы изгнали гарнизоны Лисимаха из своего и соседних городов и провозгласили соседию автономию. Был создан военный союз греческих городов, к которому примкнули соседние фракийцы и скифы. Однако, Лисимах выступил против восставших достаточно быстро и в тот же год овладел Одессом, Истрией, вывел из борьбы фракийцев и скифов и начал осаду Каллатии. На четвертый год осады¹, т.е. к концу 309 г., в Каллатии стал ощущаться недостаток хлеба, так что выселение столь значительной массы жителей состоялось, скорее всего, летом 308 г. Если предположить, что год - два были посвящены обустройству на новом месте, то первые состязания мужчин² (проведение Гермией носило, несомненно, характер декларации готовности продолжать борьбу за независимость города, поэтому слишком отодвигать дату начала состязаний от даты переселения вряд ли возможно) состоялись уже в 306 г. Исходя из этой даты мы можем точно датировать каждое состязание в промежутке времени между 306 и 247 г. до н.э. включительно. Начальные даты соревнований: Б1-3 - ок. 306 г., А1-2 - ок. 303 г., Б2-2 - тот же год, А2-3 - ок. 297 г. Последние состязания всех групп (Б1-62, Б2-58, А1-58, А2-53) относятся примерно к 247 г.

Абсолютные даты состязаний дают возможность определить возраст победителей в каждом состязании, причем, в случаях двух- или трехкратных побед их возраст проверяется по двум-трем показателям. Для вычисления даты рождения победителей в группе мальчиков (Б2) берется возраст в 12 лет - кажется, именно эта цифра определяла включение ребенка в "спортивную" категорию *παῖδες*, ограничивавшуюся мальчиками 12 лет.

Победители в этой категории часто побеждали и в длинном беге по группе старших эфэбов А2 (11 случаев), тогда как в числе победителей в эвексии из группы младших эфэбов (А1) фигурирует лишь один бывший мальчик. Это приводит к выводу о близости видов состязаний Б2 и А2, в которых дети могли состязаться на-равных с юношами старшего возраста. Поскольку А2 является списком победителей в длинном беге, то Б2 мог быть списком победителей в беге на более короткую дистанцию, например, стадий.

Мальчики-победители в коротком беге (Б2) становились и победителями в длинном беге в тот же год (1 случай), на следующий год (2), через два года (2), через четыре года (2), через шесть лет (3) и через семь лет (1 случай). Если бы возрастная категория мальчиков имела бы диапазон в несколько лет (например, 2 - 3 года), то тогда соответственно увеличивались бы пределы и возрастной группы старших эфэбов, что маловероятно. Это служит дополнительным аргументом в пользу предположения, что группа мальчиков в Горгиппии была ограничена 12-летним возрастом и уже 13-летними они причислялись к эфэбам.

¹ По мнению Ю.Г. Виноградова, во время общего мира 311 г. между Кассандром, Лисимахом, Птолемеем и Антигоном Каллатии должна была быть дарована элевтерия и автономия (со ссылкой на работу: *Seibert J. Das Zeitalter der Diadochen*. Darmstadt 1983, SS. 123-129), чего не учитывала Блаватская, но в 310 - 309 г. город снова восстал (*Виноградов*, 1995, с. 25). Остается неясным, почему восстает полис, только что получивший элевтерию и автономию.

² Это противоречит предположению Ж. и Л. Роберов, которые считали каталог списками победителей на состязаниях учащихся местного гимнасия (см. КБН, 1137, лемма). Лишь последние три списка (Б2, А1, А2) подходят под такое определение. Возможно, отставание детских и юношеских состязаний от мужских на 3 года (Б2, А1) и 9 лет (А2) было связано с организацией гимнасия.

Теперь сравним победителей групп младших (А1) и старших (А2), по определению Берзина, эфебов. Победителями в обеих группах становились 7 человек. Победитель в эвексии побеждал в длинном беге в тот же год (1 случай), на следующий год (5 случаев), через три года (1 случай). Если группа А2 ограничивалась 19 годами, то победители в эвексии становились также и победителями в длинном беге соответственно в возрасте 19 (1 случай), 18 (5 случаев) и 16 лет (1 случай). На возраст 15 лет как самый крайний указывает единственный случай, когда победитель в категории мальчиков (Б2) стал победителем в эвексии спустя три года. Таким образом, группа А1 также состояла из эфебов 15 — 19 лет, и отличалась она не различием в возрасте победителей, как полагал Берзин, а разницей в виде состязаний. Итак, можно прийти к следующим выводам: 1) в группе Б2 представлены победители в беге - мальчики в возрасте 12 лет; 2) в группах А1 и А 2 - победители в эвексии и длинном беге следующей возрастной категории, эфебов, в возрасте 15 (или 13) - 19 лет.

Обратимся к группе взрослых (Б1). Из 61 человека 22 одерживали ранее победы (в эвексии - 9 чел.; длинном беге - 4; беге мальчиков - 6; в беге мальчиков и длинном беге - 2; в эвексии и длинном беге - 1), что позволяет установить их возраст, равный в среднем 30 годам, как считал и Берзин. Самый младший из победителей в этой группе был в возрасте 22 года, самый старший (Б1 - 61) - 48 лет. Чаше всего победителями в этом виде становились в 26—30 лет (9 чел.).

Располагая данными о возрасте победителей в разных видах состязаний мы получаем возможность определить их родственные связи (рис. 63), которые существенно отличаются от реконструкции Берзина (1961, с. 126 табл. 6). Так, например, у него Евфрон, с. Андросфена (Б1-10), ставший победителем по группе взрослых в 299 г. примерно в возрасте 30 лет, имел сыновей: Агесилая (А2-7) [это ошибка, в действительности, отцом этого Агесилая был Дионисий. - В.А.], Анфестерия (А1-44) (родился в 277 г.) и Филея (род. в 264 г.), что маловероятно, поскольку разница в возрасте между отцом и сыновьями составляла примерно 52 и 65 лет. Этому Евфрону можно приписать только одного сына, Агесилая (Б1-35), род. ок. 304 г.: Анфестерий и Филей были сыновьями другого Евфрона, род. ок. 307 г. Далее, у Фоанта был сын Феотим (Б1-59; Б2- 42); у Диона, с. Дионисия (А1-4) было, вероятно, еще 5 братьев, ставших в свое время победителями: Мейдий (Б1-9), Аполлоний (Б1-12), Артемидор (Б1-25), Агесилай (А2-7) и Каллимах (Б1-30), разница в возрасте между которыми составляла 21 год (последний сын родился у Дионисия, когда тому был 51 год).

В указанной таблице Берзина представлены родословные победителей, которых, по его мнению, можно считать каллатийцами. Его список насчитывал 41 имя (1961, с. 122 - 125, табл. 6), однако он явно неполон: во-первых, в нем отсутствуют победители с каллатийскими антропонимами Аристокл, Горгий, Демосонт, Демофонт, Диокл, Гераклит, Иасимах, Клеандр, Котитион, Кратин, Мосхион, Симон, Скиф; во-вторых, что самое главное, список лиц каллатийского происхождения нельзя ограничивать только именами, стоящими в дорийской форме или характерными для других дорийских полисов и областей. Каллатийцами также следует считать как отцов, имена детей которых имеют дорийскую форму в парах (Скиф, с. Аристодема, А2-13; Дион, с. Дионисия, А1-4; Агесилай, с. Дионисия, А2-7; Матрий, с. Евмела, Б2-10; Скиф, с. Феодора, А2-22; Клеандр, с. Каллипида, А2-44; Феоних, с. Левкона, Б2-6; Горгий, с. Пагуриона, Б1-52; Матрий, с. Стратоника, А2-9; и др.), так и сыновей с отчествами в дорийской форме (Апемант, Блепс и Евбул, сыновья Горгия; Посидей, с. Гелланида А2-32; Анфестерий и Филей, сыновья Евфрона; Сосипатр, с. Иасимаха; Архедем, Никострат и Гестией, сыновья Кратина; Пасион, с. Скифа, и др.). Это, в свою очередь, намного расширяет число лиц, принадлежавших к семьям каллатийского происхождения, так что остается лишь около 20% победителей с именами в ионийской форме или койнэ, которые, однако, также могли принадлежать выходцам из Каллатии.

Все сказанное ведет к следующему заключению — в горгиппийских состязаниях в честь Гермеса принимали участие только переселенцы из Каллатии и их потомки. Можно предположить, что каллатийцы составляли большую часть населения этого полиса; во всяком случае, наличие в это время в Горгиппии местного (греческого или туземного) населения необходимо доказывать. В КБН зафиксировано только два ранних надгробия из Горгиппии:

Микки, жены Кокка, гераклеянки (КБН, 1193), и Демохариса, с. Никасиона, элейца (КБН, 114), датируемых соответственно 2 пол. IV и III вв. Оба надгробия принадлежат дорянам, которые, скорее всего, попали сюда с волной каллатийцев. Демохарис, возможно, упомянут в каталоге как отец Деманта (А1-47). В соответствии с колонизационной практикой каллатийцы в Горгии должны были составлять замкнутую гражданскую общину, обособленную в политическом и культурном отношении от остального населения полиса. Их обособленность проявилась не только в учреждении Гермей. Находка в Горгии черепиц с клеймами ΕΠΙ ΓΟΡΓΙΟΥ показывает, что у них существовали свои эпонимные магистраты. В этой связи значительный интерес представляет частично сохранившийся заголовок столбца Б1 рассматриваемого каталога. В стк. 2 имя Деметрия стоит в род. падеже, а не в именительном, как во всех остальных случаях, а имя отца стоит с артиклем τοῦ, чего нет в других случаях. Близкую аналогию может представлять надпись из Каллатии, которая содержит список дарителей на постройку храма. Она датирована именем царя Сима, с. Асклапиада в род. пад. и с артиклем, тогда как имена дарителей стоят в имен. пад. и также имеют отчества без артикля (*Блаватская*, 1952, Приложение, №23). По всей вероятности, заголовок столбца Б1 заканчивался указанием на время составления списка - "при Деметрии, с. Тимея". Возможно, Деметрий также занимал должность жреца-эпонима, а весь заголовок мог иметь, к примеру, следующий вид: ἱερέω/Δημητρίου τοῦ Τιμέου.

Итак, нам известны имена двух эпонимов каллатийской общины в Горгии - Деметрия, с. Тимея, и Горгия (см. выше). Деметрий стал эпонимом ок. 308 - 306 гг. Пятеро его сыновей (рис. 63; s. n. Τιμέας I) родились около 316 - 309 гг. Черепицы, датированные эпонимом Горгия, относятся примерно к 293 - 283 гг., следовательно, это мог быть только Горгий, имевший сыновей Апеманта, Блепса и Горгия (ок. 305 - 296 гг. рождения), родившийся около 335 г. (рис. 63; s. n. Γορύας). Царь-эпоним в Каллатии избирался сроком на один год (*Блаватская*, 1952, с. 197). То же самое следовало бы предполагать и для Горгии, однако два обстоятельства указывают на большую длительность эпониматов обоих лиц. Во-первых, если бы эпонимат Деметрия соответствовал одному году, то тогда имена победителя (победителей) следующих лет должны были бы предваряться ссылкой на соответствующих эпонимов. Во-вторых, указание на эпонимат Горгия как на некий ограниченный отрезок времени, в течение которого черепица могла изготавливаться. Цикл производства черепицы (от подготовки глины до обжига) занимал несколько лет, так что Горгий должен был выполнять функции эпонима достаточно продолжительное время (при Левконе I срок действия договоров на производство черепицы составлял около 10 лет). По-видимому, жрецы-эпонимы каллатийцев в Горгии избирались на длительный срок и не являлись эпонимами в буквальном смысле слова.

Следует остановиться еще на одном аспекте истории каллатийцев в Горгии, связанном с именами, образованными от названий варварских народов - Скиф, Синд, Синдок. Латышев полагал, что "эти имена сохранялись в родах настоящих скифов и синдов, поселившихся в Горгии и мало-по-малу огречившихся" (1909, с. 258). Берзин принимал этот вывод и даже считал, что свободное местное население нельзя ограничивать только носителями этих имен, что вследствие сильной эллинизации синдов большая часть местной знати носила греческие имена и что "путем генеалогических сопоставлений можно было бы выделить в списке целый ряд семей местного и смешанного происхождения" (*Берзин*, 1961, с. 121). Однако, эти декларации не были подтверждены ни анализом имен, ни фактами, кроме ссылки на греческое имя синдского царя Гекатея.

Если исходить из посылки Латышева, то мы должны были бы ожидать широчайшего распространения на Боспоре таких и подобных им антропонимов, однако ни одного Синда или Синдока нигде более не зафиксировано, кроме данного каталога, а Скиф встречен лишь однажды (КБН, 1111) против шести - в каталоге. Отсюда следует, что эта посылка неверна и что, как считал Берзин, представителей местного и смешанного свободного населения, в наличии которого на Боспоре сомневаться не приходится, нужно искать под греческими именами. Правда, шанс доказать их варварское происхождение оказывается при этом минимальным.

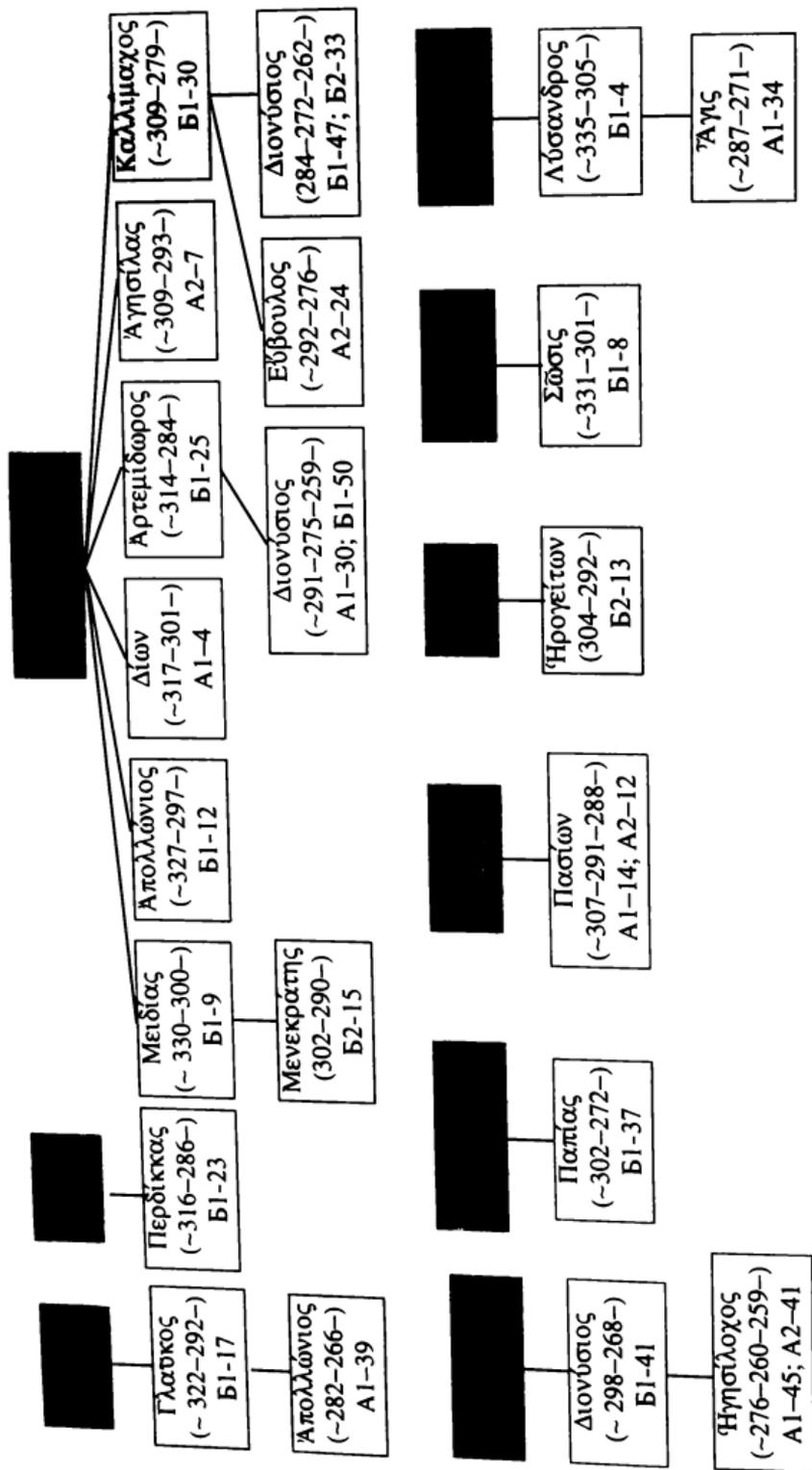

Рис.65. Родословные победителей состязаний в честь Гермеса в Гортинии (КБН, 1137).

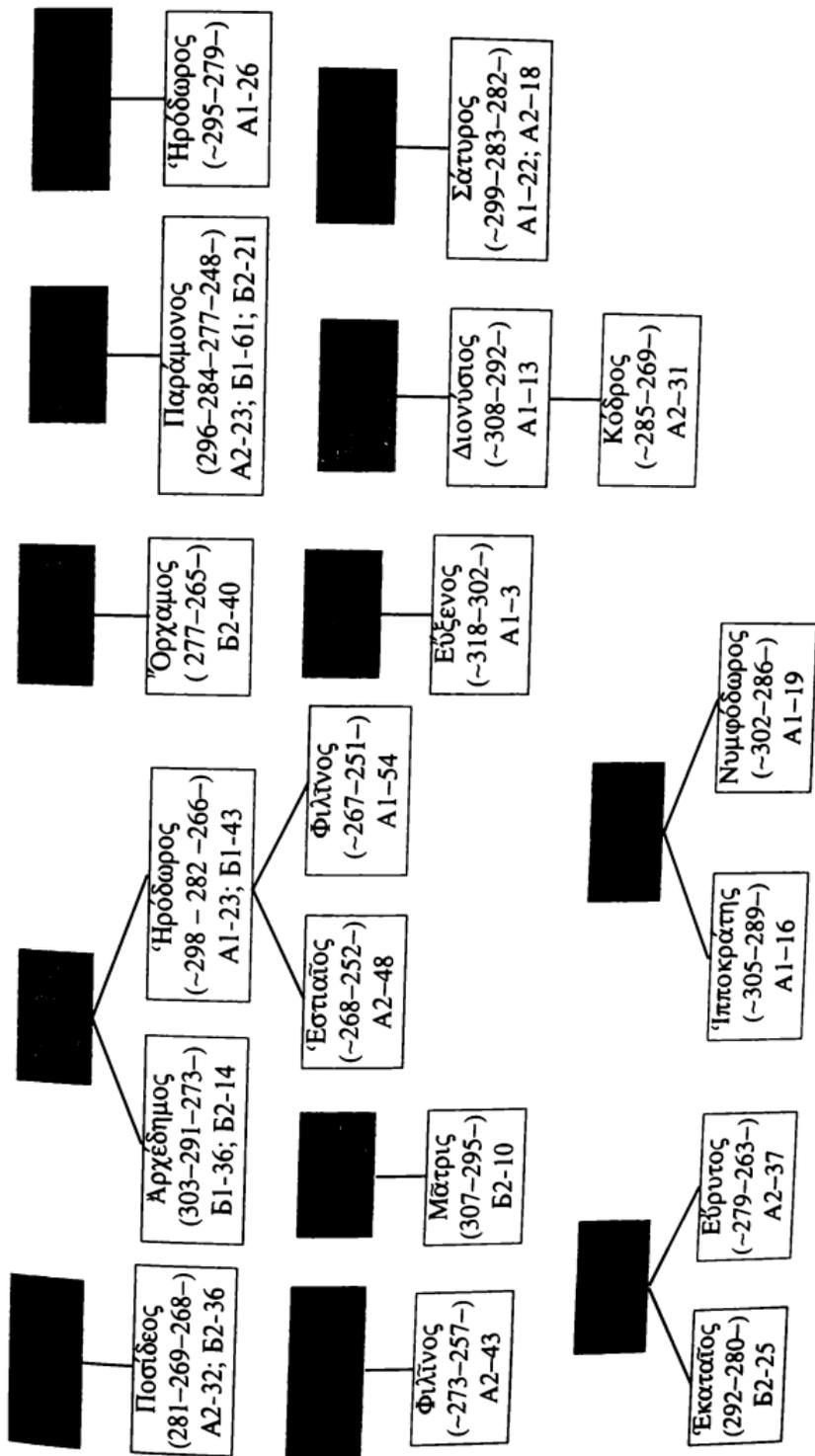

Рис. 66. Родословные победителей состязаний в честь Гермеса в Горгиилии (КБН, 1137).

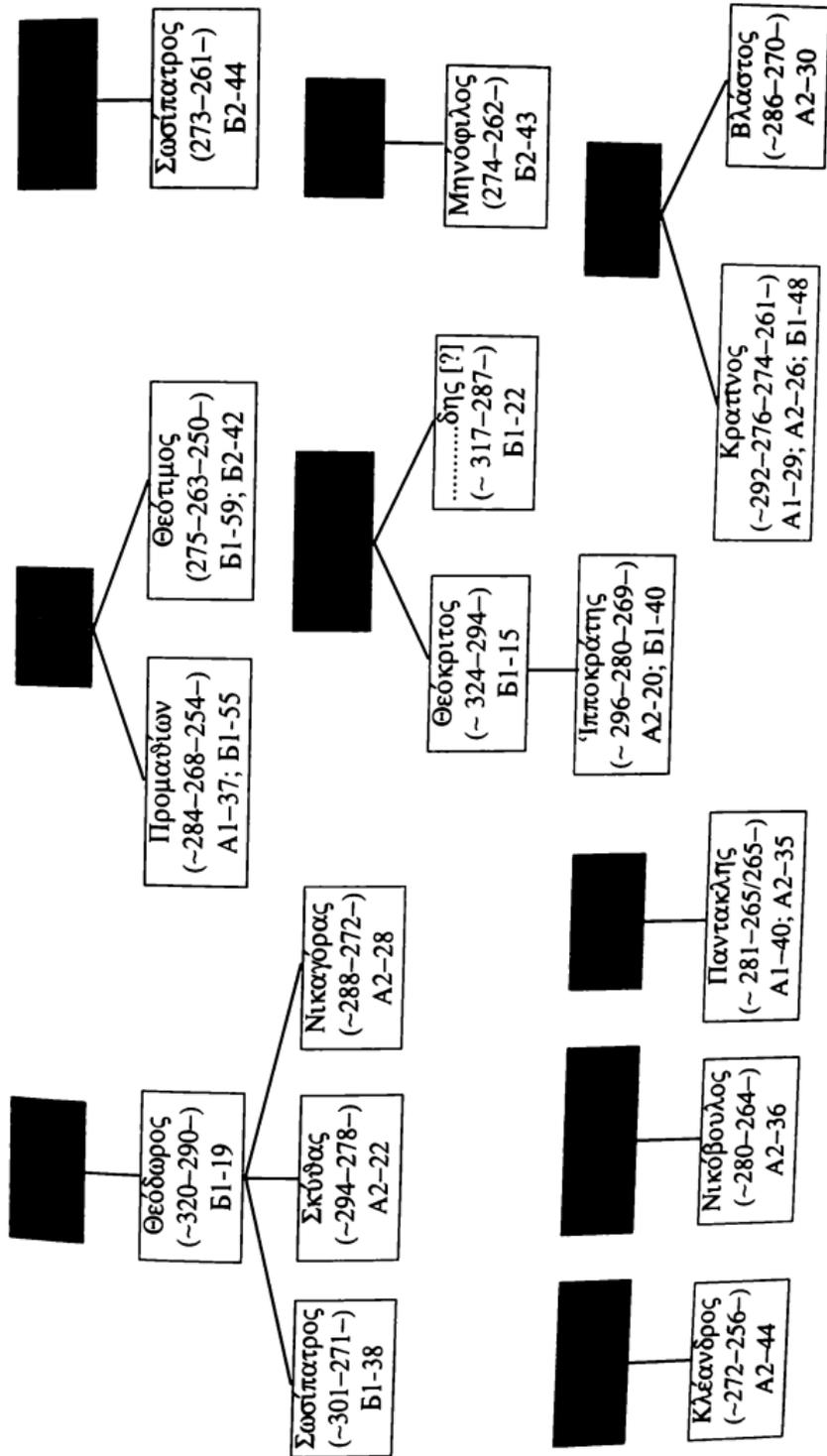
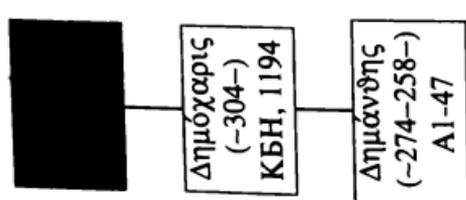
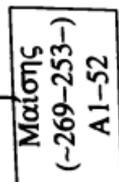
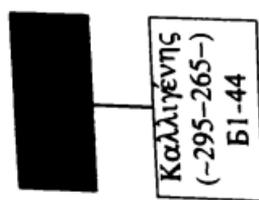
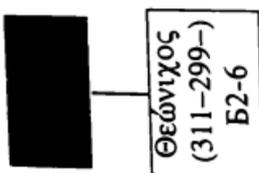
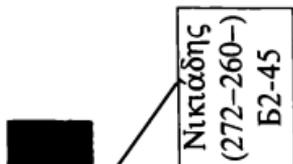
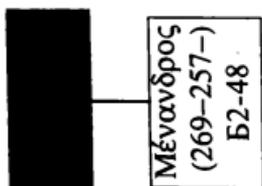
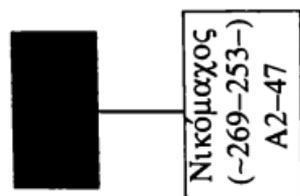
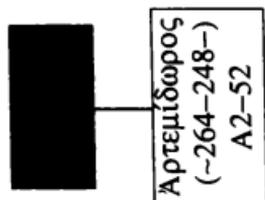
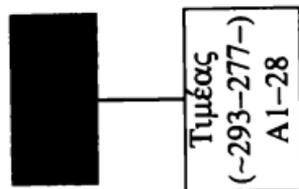
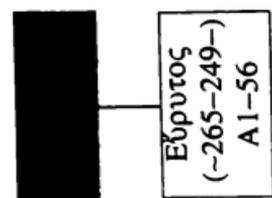
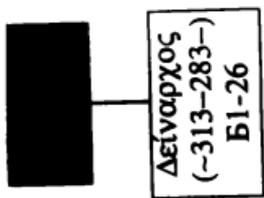

Рис.68. Родословные победителей состязаний в честь Гермеса в Горгиппии (КБН, 1137).

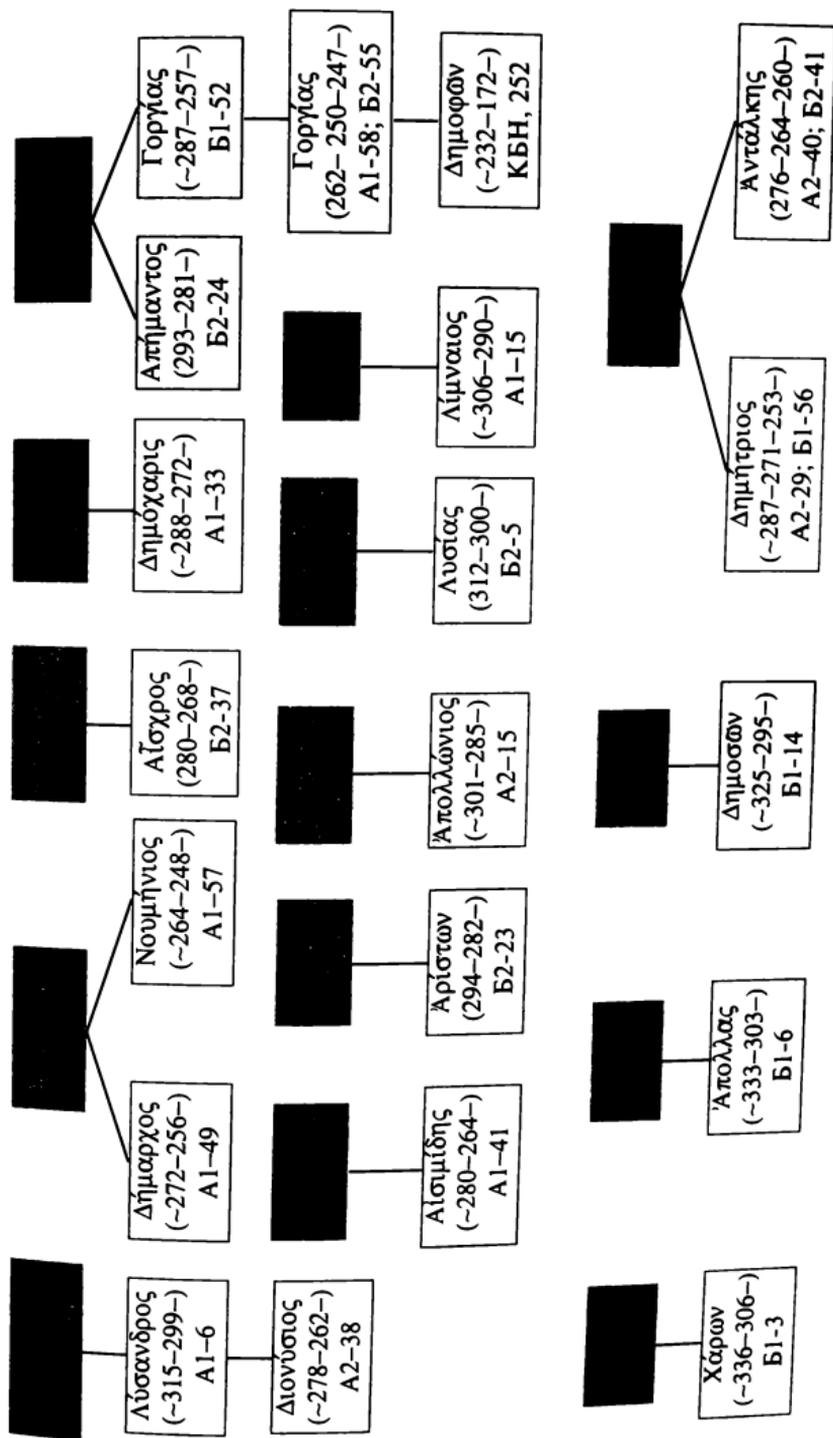

Рис. 70. Родословные победителей состязаний в честь Гермесы в Горгиппии (ΚΒΗ, 1137).

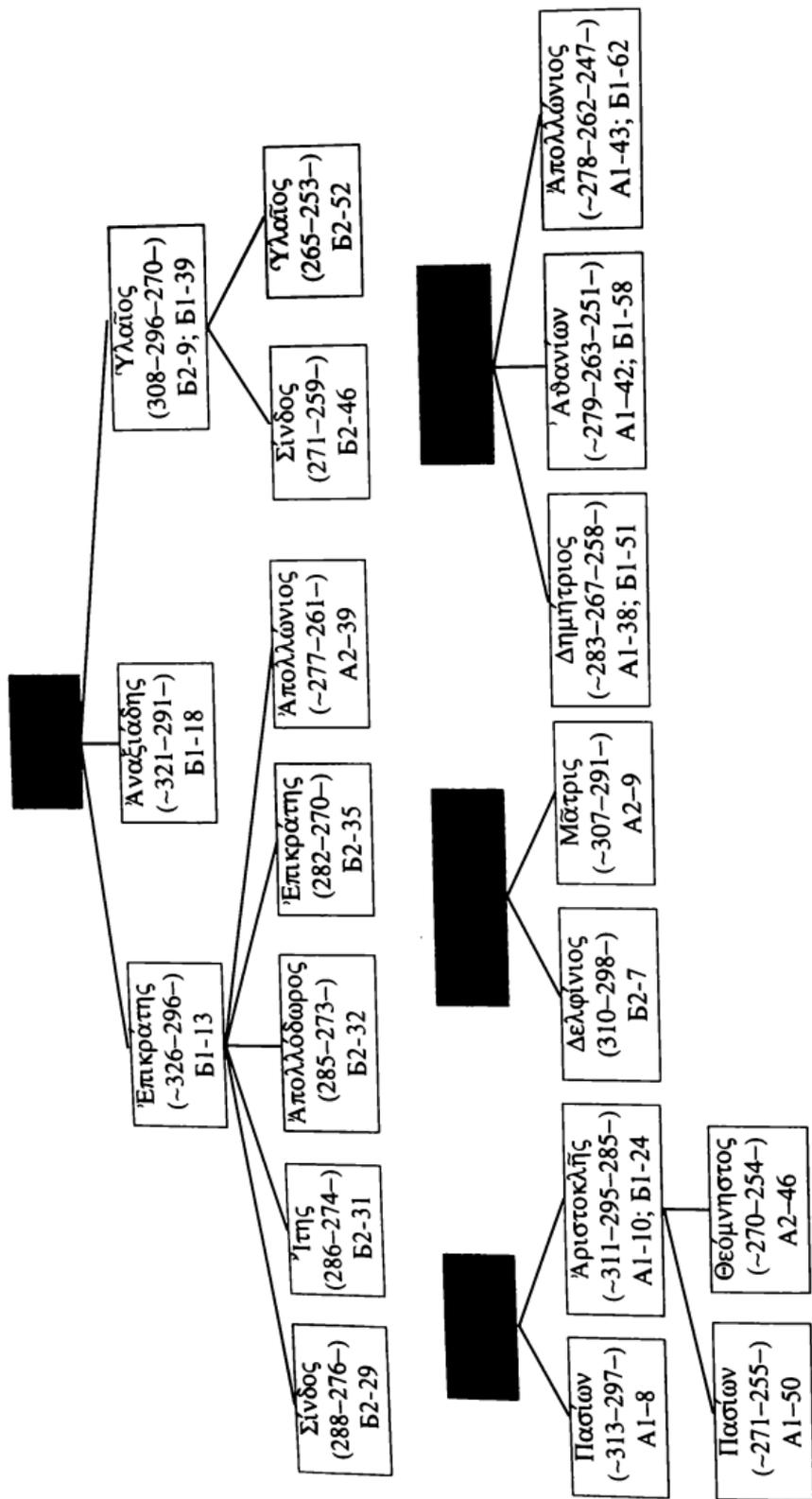

Рис.71. Родословные победителей состязаний в честь Гермеса в Горгиппии (КБН, 1137).

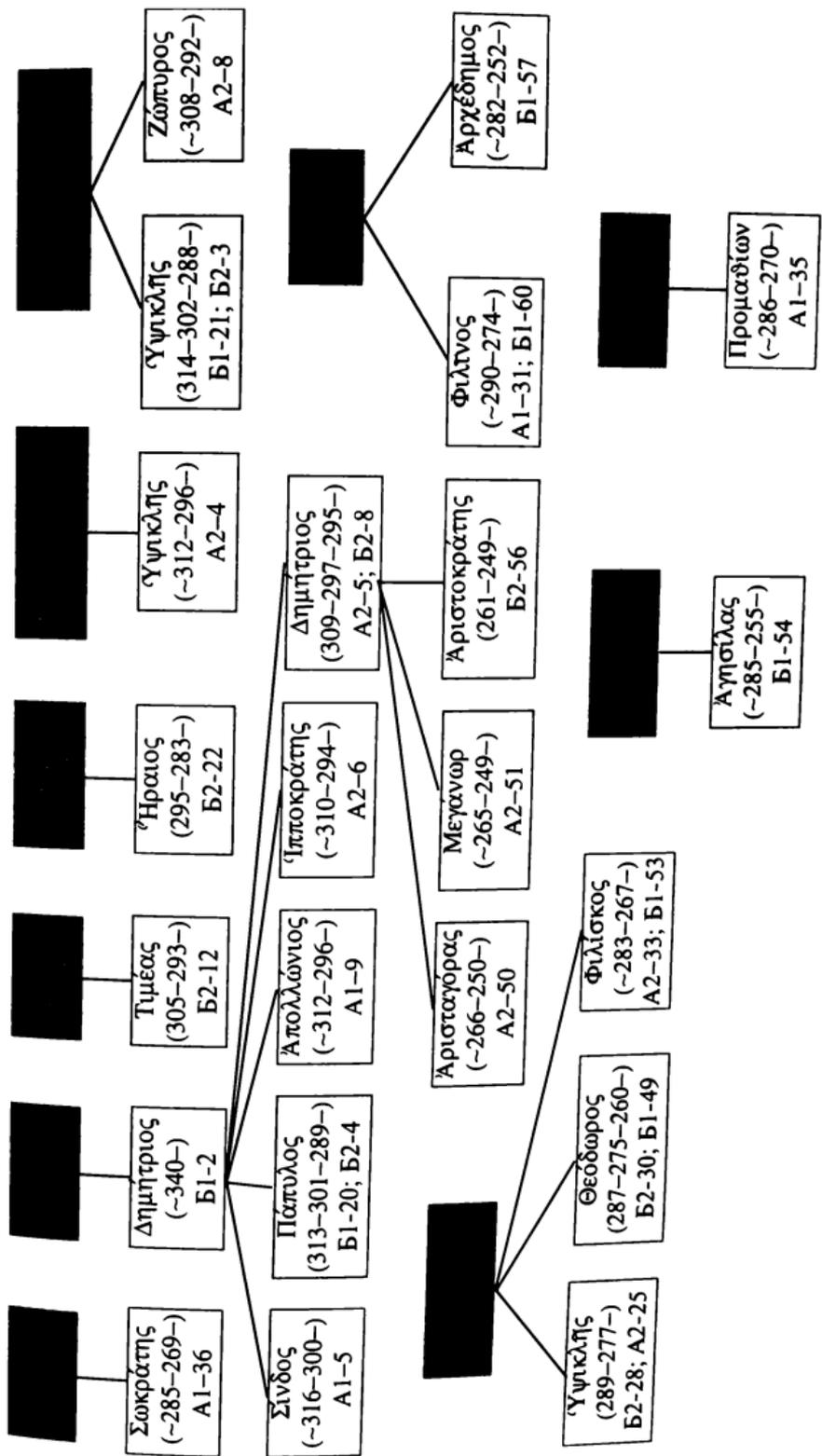

Рис.72. Родословные победителей состязаний в честь Гермеса в Горгииппи (КБН, 1137).

Определение приблизительной даты рождения носителей названных выше имен позволяет, в ряде случаев, связать появление моды на них с событиями исторического характера. Так, имя Скиф впервые появилось в Каллатии ок.343 г., когда Атей завоевал Малую Скифию и чеканил в этом городе свою серебряную монету (Анохин, 1973, с. 38). Сразу три младенца были названы Скифами вскоре после того как каллатийцы осели в Горгиппии (примерно в 303, 300 и 294 гг.; А2-13, Б2-17, А2-22). Менее ясна картина с Синдами, родившимися ок.356 и 316 гг. (Б1-13, А1-5), и Синдоком (род. ок.317 г., А2-29); еще два Синда были названы ок.288 и 271 гг. в честь деда (Б2-29, Б2-46).

Примерный возрастной состав каллатийцев к моменту переселения составлял: от 35 до 60 лет - 19 чел. (15,4%), от 20 до 34 лет - 39 (31,7%), до 19 лет - 65 (52,8%). Удельный вес боеспособных мужчин (47,1%) в действительности был значительно ниже из-за женской части семей, инвалидов, рабов и т.п., едва ли достигая 20% от общего числа переселенцев. По-видимому, выселялись семьи с большим количеством детей и других категорий лиц, неспособных к несению военной службы (Блаватская, 1952, с. 100).

Переселение каллатийцев в Горгиппию благотворным образом сказалось на экономике этого района. Застроенность современным городом не позволяет представить облик Горгиппии конца IV - 1 пол. III в. в полной мере; косвенно о нем можно судить по расцвету сельской округи, покрытой многочисленными усадьбами (Кругликова, 1975, с. 20).

Однако, вскоре этот расцвет сменился глубоким упадком. Кругликова отметила, что "множество сельских усадеб и деревень, расположенных в районе Горгиппии, прекращают свое существование". Она склонна объяснять этот феномен засушливым климатом, однако приводимые ею данные о пожарах на территории города и зарытых монетных кладах указывают на военные действия (там же, с. 21). Ту же картину рисует Алексева: "В середине III в. до н.э., ближе к его третьей четверти, Горгиппия была разрушена: дома в различных частях города гибнут в сильнейшем пожаре. Остались брошенными зерно, утварь, деньги", а одна из усадеб, существовавшая с конца IV в., возможно, "погибла одновременно с общегородским пожаром второй половины III в. Создается впечатление, что и она была оставлена жителями, унесшими с собой имущество" (Алексеева, 1997, с. 44 - 45).

Опустошение хоры и "общегородской пожар" были напрямую связаны с судьбой каллатийцев - возвращением их на родину ок. 246 г. Возможно, они не в силах были оказывать сопротивление нападавшим окрестным варварам, либо, скорее всего, их уход спровоцировал это нападение и город, оставшийся без достаточного военного контингента, был сожжен. Вряд ли можно говорить о тотальном исходе каллатийцев - против этого свидетельствует находка надгробия каллатийца из рода Пагуриона (КБН, 252). Этот каллатиец был погребен в Пантикапее, куда был вынужден переселиться, вероятно, в связи с резким обострением обстановки в Горгиппии.

Возвращение каллатийцев на родину оказалось весьма своевременным для самой Каллатии, незадолго до этого потерпевшей тяжелое поражение в войне с Византием из-за Том. Блаватская относит войну к 50-м гг. III в. Оба союзника, Каллатия и Истрия, сильно пострадали - военные действия велись, вероятно, на их территории (Блаватская, 1952, с. 113-115). "Претерпев многое от врагов, жители Каллатиды впоследствии пришли к миру, но после этого несчастья почти никогда уже не могли восстановить свои силы" (Мемн., XXI; пер. В.П. Дзагуровой). Прибытие каллатийцев из Горгиппии могло существенно пополнить население полиса и помочь в восстановлении разоренной хоры. Если ход моих рассуждений верен, то, возможно, эпиграфические памятники позволят обнаружить бывших горгиппийцев в составе населения Каллатии 2 пол. III в. до н.э.¹

¹ Некоторые отчества из каллатийского декрета о постройке храма (Блаватская, 1952, Приложение. № 23) могли бы принадлежать выходцам из Горгиппии (Проматион, Скиф), однако их имена (Симий, Аристион) в списках победителей не встречаются. Конечно, это не может служить основанием для категорического отрицания предположения о наличии среди дарителей бывших горгиппийцев, возраст которых дает для декрета дату между 240 и 220 гг. Декрет датирован III в. до н.э. (Блаватская, 1952, с. 119).

БОСПОРСКИЕ СПИСКИ ИМЕН IV - III ВВ. ДО Н. Э.

Среди боспорских лапидарных памятников имеется пять списков имен, относящихся по палеографическим признакам к IV - III вв. до н.э. Три списка происходят из Пантикалея (КБН, 109, 110, 111), один - из Нимфея (КБН, 912), один - из Гермонассы (КБН, 1056).

Комментаторам КБН осталось неясным, "по какому поводу и с какой целью" составлялись эти списки. Относительно надписи из Нимфея отмечено, что она "представляет собой составленный по какому-то случаю список граждан"; что же касается надписи из Гермонассы, то они привели, в основном, комментарии опубликовавшего ее Шкорпила, который пришел к следующим выводам.

По его мнению, это, вероятнее всего, перечень фиаситов, почитавших какое-нибудь божество, или перечень феоров, или, вообще, надпись, имеющая какое-нибудь отношение к храму. Обратив внимание на то, что "имена лиц и их отцов нигде не встречаются в обратном порядке", он заключил, что в ней "читаются имена сверстников (встречается, повидимому, несколько родных братьев) и что вся надпись вырезана не постепенно, а почти в одно и то же время" (Шкорпил, 1914 а, с. 69).

В дальнейшем к этому списку (КБН, 1056) обращались только Белова (1967, с. 66-67) и Яйленко (1987, с. 103, 200, 300) и только в связи с выяснением родословной Фениппа, сыновья которого упомянуты в стк. 1 - 2 первого столбца надписи.

Отсутствие данных о существовании фиасов на Боспоре в IV - III вв. до н.э., на что обращало внимание комментаторами КБН, позволяет выдвинуть в качестве альтернативы предположение о принадлежности гермонасского и других списков к гражданской, а не сакральной сфере. Вероятнее всего, они представляли собой каталоги граждан, включенных в состав соответствующих городских общин за некоторое количество лет. Обратимся к анализу списка из Гермонассы как наиболее сохранившемуся из всех остальных (рис. 73).

Рис.73. Список имен из Гермонассы (КБН, 1056) (по: Шкорпил, 1914 а).

Надпись вырезана на плите высотой 0,80 м. Вверху и внизу плита имеет профилированные карнизы, между которыми размещены два столбца имен с отчествами. В первом столбце 22 строки, во втором - 17. Слева и справа плита обломана, так что имена в первом столбце и отчества во втором частично утрачены. Трудно сказать, ограничивалась ли надпись первоначально этими двумя столбцами, хотя наличие еще одного столбца слева представляется маловероятным.

По палеографическим особенностям всех своих частей надпись выглядит достаточно однородной, однако нельзя утверждать, что она была выполнена резчиком одновременно. К примеру, в столбце 1 первые десять строк отличаются более мелкими размерами букв, чем следующие. Буквы в первых семи строках 2 столбца широко расставлены. Создается впечатление, что резчик этих строк не экономил место на плите ни по высоте, ни по ширине, тогда как резчику 2 столбца пришлось уменьшать размеры букв, чтобы вместить последние шесть строк. Это создает впечатление, что список ограничивался двумя столбцами. На одновременность заполнения списка может указывать и то обстоятельство, что в первом столбце все отчества, оканчивающиеся в род. п. на -ου, имеют усеченное архаичное окончание -ο, в том числе и отчество Агия (стк. 21), а во 2 столбце то же отчество (стк. 16) имеет обычное окончание. Можно, следовательно, с уверенностью утверждать, что список заполнялся последовательно, в несколько приемов.

Среди 39 отчеств встречены 6 повторяющихся: Фениппа - 2 раза (стлб. 1, стк. 1-2), Теогенида - 2 (стлб. 1, стк. 4,6), Анаксила - 3 (стлб. 1, стк. 10,15; стлб. 2, стк. 10), Архедема - 2 (стлб. 1, стк. 11; стлб. 2, стк. 7), Агия - 3 (стлб. 1, стк. 21; стлб. 2, стк. 11,16), Агафокла - 2 (стлб. 1, стк. 22; стлб. 2, стк. 9). Редкость большинства имен отцов дает основание считать вышеозначенные шесть имен принадлежащими одним и тем же лицам, а их детей - впоследствии заносившимися в список граждан братьями.

О процедуре включения детей в списки граждан на Боспоре нам ничего не известно. В качестве аналогии можно сослаться на практику Афин, с которыми Боспор поддерживал особо тесные отношения в IV в., где это происходило раз в год на третий день праздника Апатурий, называвшегося κουρεῖτης. В этот день, отмечавшийся также и в большинстве ионийских городов (*Her.*, I, 147), граждане представляли членам фратрии родившихся в этом году детей и вносили их в список фраторов (*Dem.*, XXXIX, 4). Вторичная регистрация производилась по достижении ими 18-летнего возраста, когда они включались в список дема и становились полноправными гражданами. Немногочисленная община Гермонассы вряд ли имела столь сложную социальную структуру, как Афины, однако фиксация новых граждан в ней проходила, скорее всего, те же ступени, что и в Афинах.

Рассматриваемый список является, вероятно, документом, отражающим пополнение местной общины новыми гражданами, достигшими совершеннолетия. Естественно, в нем должна была отразиться и очередность появления на свет новых граждан. Наличие одноименных отчеств позволяет более или менее уверенно определить последовательность пополнения гражданской общины Гермонассы. Для начала попытаемся определить количество групп лиц, представляющих собой разовые пополнения общины.

Так, первую группу составляли 4 или 5 человек (стлб. 1, стк. 1-5). С учетом естественной способности человека к воспроизводству себе подобных, граница группы должна проходить между двумя сыновьями Теогенида (стлб. 1, стк. 4 и 6). В ней следует обратить внимание на стоящие рядом имена двух сыновей Фениппа, надежно восстанавливаемых как Артемон (старший) и Федим (*Белова*, 1967, с.66-67). Можно предположить, что эти разновозрастные (менее вероятно считать их близнецами) сыновья Фениппа оказались рядом в самом начале списка по той причине, что этим списком, фактически, открывалась практика лапидарной фиксации пополнения состава гражданской общины полиса.

Вторую группу составляли 5 или 6 человек (стлб. 1, стк. 5-10), в том числе второй сын Теогенида и сын Анаксила (стк. 10). Строго говоря, вторую группу должно ограничивать имя второго сына Анаксила (стлб. 1, стк. 15), однако только первые 10 строк по размерам букв производят впечатление вырезанных одновременно. Поэтому, следующую группу открывает, скорее всего, Архедем, с. Архедема (стлб. 1, стк. 11). Ее безусловно ограничивает имя другого

сына Архедема, Дия (стлб. 2, стк. 7), при этом количество внесенных в список лиц составляет 18 чел. Учитывая количество лиц в первой и второй группах (а также и в двух последних) эту группу, может быть, следует разделить на три, по 6 человек в каждой: 1) третья группа (стлб. 1, стк. 11-16), в том числе второй сын Анаксила и первый сын Архедема; 2) четвертая группа (стлб. 1, стк. 17-22), в том числе первые сыновья Агиея и Агафокла; 3) пятая группа (стлб. 2, стк. 1-6), включающая лиц с несохранившимися отчествами. Более определенная картина складывается в двух последних группах: в шестую входят 5 чел., в том числе вторые сыновья Архедема, Агафокла и Агиея (стлб. 2, стк. 7-11); в седьмую 6 чел., в том числе третий сын Агиея (стлб. 2, стк. 12-17). Таким образом, всего можно насчитать 5 (минимально) или 7 (оптимально) групп, которые и должны соответствовать годичным пополнениям гражданской общины Гермонассы. Разумеется, ничто не мешает предполагать включение в списки граждан в отдельные годы и меньшего числа лиц - одного, двух, трех и т.д., однако объективных данных в пользу этих вариантов не обнаруживается. Также не обнаруживается и каких-либо явных противопоказаний предложенному определению надписи КБН, 1056 как каталога или части каталога граждан Гермонассы за некоторое количество лет.

Эта надпись интересна наличием имени Фениппа, отца двух сыновей, известного еще по нескольким лапидарным памятникам. Публикуя один из них (КБН, 1038), Марти предположил, что во всех случаях упоминается одно и то же лицо, принадлежавшее к знатному гермонасскому роду (*Марти*, 1934, с. 60).

К настоящему времени насчитывается пять надписей, фиксирующих представителей рода, к которому принадлежал Фенипп (*Белова*, 1967; КБН, 1038, 1056, 9, 1043). Большая часть их датирована, что позволяет выстроить их в строгой хронологической последовательности и восстановить родословную названных в них лиц.

Самая ранняя датированная надпись относится к началу правления Левкона I, где он фигурирует с титулом, не содержащим упоминания присоединенных позднее местных племен. В ней указано, что "Фенипп, сын Артемона, отбыв срок жречества, посвятил (некоему божеству) при Левконе, сыне Сатира, архонте Боспора (и Феодосии)" (реконструкция Беловой: 1967, с. 64).

Близкой к ней по времени является и надпись со списком имен (КБН, 1056), более того, последний в основной своей части является более архаичным. Из этого следует, что сначала сыновья Фениппа первыми попадают в список Гермонассы, а спустя несколько лет Фенипп ставит посвящение. Соотношение между этими надписями в абсолютных датах может быть выражено так: КБН, 1056 - ок.390-385 гг., посвящение Фениппа - ок.385-380 гг. Сыновьям Фениппа было примерно по 18-20 лет, следовательно, они родились ок.410 г. Сам Фенипп родился ок.430 г. и на момент окончания срока жречества ему было 45-50 лет.

В надписи КБН, 1056 фигурирует Ктеат, с. Артемона (стлб.1, стк. 12). Белова считала его сверстником и двоюродным братом сыновей Фениппа, восстанавливая имя его отца в надписи КБН, 9 (1967, с. 67), однако позднее отказалась от восстановления этой боковой линии в связи с реконструкцией ею в этой надписи имени Артемона (*Белова*, 1968, с. 50 прим. 30). Однако, нет оснований полностью отрицать возможность принадлежности Ктеата, с. Артемона, к роду Фениппа - он мог быть младшим братом Фениппа и соответственно дядей Артемона и Федима, принятым в число граждан чуть позже племянников, либо родившимся у Артемона на несколько лет позже своих племянников, что нельзя признать невозможным.

Следующая по времени надпись (КБН, 1038) издана Марти (1934, с. 58) и также как и две предыдущие происходит из Гермонассы. В ней сообщается, что "Федим, с. Фениппа посвятил ... Аполлону Дельфинию ... при Левконе, архонте Боспора (и Феодосии) и царе (синдов), торетов, дандариев (и псессов)". Надпись следует датировать 370 - 360 гг.

Еще один памятник с именами членов гермонасского рода относится уже ко времени Перисада I. Ей посвящена статья Беловой, предложившей "длинную" реконструкцию текста: "Федим, с. Фениппа посвятил (некоему божеству) за брата Артемона (и сына его? Аполлония?) при Перисаде, архонте Боспора и Феодосии и царе синдов, всех меотв и Фатеев" (1968, с. 52). Реконструкция Яйленко, отстаивавшего "короткий" вариант (1987, с. 25, 200), не подкреплена убедительной аргументацией. Это, следовательно, второе посвящение Федима, датированное по титулатуре Перисада I 330 - 320 гг.

Федим фигурирует еще в одной гермонасской надписи - посвящении дочери Федима Афродите, относящейся ко времени архонта и царя Спартока, с. Евмела (303-283) (КБН, 1043). Белова полагала, что это дочь того Федима, который поставил посвящение КБН, 1038 (1967, с. 67) и числится в каталоге КБН, 1056.

В заключение следует остановиться на вопросе о возможных причинах введения лапидарной фиксации состава гражданских общин боспорских полисов при Левконе I. Возможно, одним из побудительных мотивов могла послужить стратегема Мемнона, предводителя войска гераклеотов, который "во время борьбы с боспорским тиранном Левконом, желая разузнать о величине неприятельских городов и о числе их жителей, послал на триере в качестве посла византийца Архибиада ... и вместе с ним отправил олинфского кифарода Аристоника... для того, чтобы посол мог познакомиться с численностью населения в то время, как ... кифарод станет показывать свое искусство и жители поспешно будут собираться в театры" (*Polyaen., Strateg., V, 44*). После захвата Феодосии Левкону предстояла борьба с другими полисами, сохранявшими независимость, и синдо-меотскими племенами, поэтому учет возможного воинского контингента в виде граждан полисов, входивших в состав государства Левкона, был разумным и необходимым мероприятием. Об использовании молодых людей из числа граждан в качестве воинов можно судить по надгробной стихотворной надписи, поставленной гермонасскому юноше: "Клеефир, тебя, погибшего восемнадцатилетнего потомка Кабафакса, укрывает насыпанная земля" (КБН, 1113). Надпись найдена на "Батарейке" на берегу Кизилташского лимана в некотором удалении от Гермонассы. Другой сын того же Кабафакса фигурирует в гермонасском списке граждан (КБН, 1056, стлб. 1, стк. 20).

Захват независимых боспорских полисов Сатиром, отцом Левкона, и самим Левконом должен был привести к существенным изменениям в составе гражданских общин вследствие эмиграции или переселения в подчиненные города. В результате возникали многие проблемы, разрешение которых зависело от статуса связанных с ними лиц. Лапидарная фиксация состава общин должна была снять эти проблемы в настоящем и предупредить их возникновение в будущем. Древние авторы рисуют Левкона как выдающегося политика, военного стратега, финансиста, в данном случае он предстает перед нами и как толковый администратор.

ДИФФЕРЕНТЫ НА БОСПОРСКИХ МОНЕТАХ V - I ВВ. ДО Н.Э.

Для монетного дела Боспора разных эпох характерной чертой является использование дополнительных знаков (дифферентов) в виде изображений различных предметов, монограмм, отдельных букв, слогов и т.п. Лишь некоторые из них получали какое-то объяснение, иногда достаточно поверхностное, но большая часть оставалась вне поля зрения нумизматов. Вопрос о системе использования дифферентов рассматривался лишь для монет римского времени и до сих пор не получил убедительного решения. Поскольку корни этого явления уходят еще в классическую эпоху представляется целесообразным проанализировать систему дифферентов до-римского времени и попытаться определить сущность стоявших за ними политических, экономических или иных реалий.

Первый случай применения дифферентов относится к 480 - 470 гг. до н.э., когда на реверсах однотипных серебряных монет в углубленном квадрате, разделенном на четыре отсека, появляются две или четыре точки (см. МДБ, 12 и 14). Как было показано ранее, в это время к уже существовавшей чеканке городской общины Пантикапея подключилась чеканка местного храма Аполлона Врача и разное количество точек использовалось для различения городских (четыре точки) и храмовых (две точки) выпусков.

Рассмотрим этот феномен более внимательно. Прежде всего мы должны констатировать сам факт наличия монетной регалии у храма. Многочисленные попытки выделения храмовых чеканок среди ранних монет, золота и серебра, наряду с достоверными примерами храмовых выпусков, например, монетами Милета IV в. до н.э. с легендой ΕΓ ΔΙΔΥΜΩΝ ΙΕΡΗΝ (Kraay, 1976, p. 258, pl. 54, 935; его инверсия ΙΕΡΗ ΕΚ ΔΙΔΥΜΩΝ и трактовка монет как религиозных медалей или сувениров ничем не оправданы) позволяют утверждать, что обладание храмами монетной регалией, безоговорочно признаваемое всеми исследователями, было одной из основных составляющих понятия культового центра, каковым являлся храм. В естественных условиях полисной организации это право могло быть только самоограничено, его реализация зависела от необходимости, целесообразности, финансовых возможностей и др. причин внутриврахового характера.

С этой меркой следует подходить и к выпуску монет храмом Аполлона Врача в Пантикапее - утверждение в нем жреческого рода Археанактидов лишь стимулировало появление храмовой эмиссии, которую Археанактиды либо сделали возможной благодаря своим богатствам, либо, напротив, инициировали ее в своих целях, эксплуатируя храмовые накопления. Так или иначе, храм Аполлона Врача, изначально обладая правом монетной чеканки, начал выпускать свою монету ок. 480 - 470 гг. Основные черты храмовой чеканки: 1) храмовые монеты чеканились одновременно с полисными; 2) типы лицевых и оборотных сторон храмовых и полисных монет совпадали; 3) дифферентами для различения храмовых и полисных монет служили две и четыре точки, помещавшиеся во вдавленном квадрате на реверсе; 4) храмовые и полисные монеты изготавливались, скорее всего, в одной мастерской; 5) выпуск храмовых и полисных монет производился соответственно на средства храма и полиса и денежная масса поступала в распоряжение собственников средств, то есть храма и полиса.

Следующий выпуск храмовых монет ок. 470 - 460 гг. (МДБ, 17 - 18) не вносит каких-либо новых элементов, однако далее картина меняется: дифференты в виде разного количества точек исчезают и монеты начинают различаться типом оборотной стороны. На реверсе храмовых монет помещается изображение звезды, одного из символов Аполлона, на реверсе полисных монет во вдавленном квадрате размещаются четыре таблетки, на двух из которых ставятся звезды (см. МДБ, 23 - 25 и 19 - 22). Существенное различие типов реверса в данном случае не позволяет видеть за количеством звезд дифференцирующее значение.

В следующем храмовом выпуске на реверсе монет всех номиналов помещаются буквы ΑΠΟΛ, прямо указывающие на эпонимное божество, Аполлона (МДБ, 26—28). Любопытный

способ дифференцирования наблюдается на храмовых и полисных монетах следующих эмиссий. Реверсы тех и других становятся однотипными - вдавленный квадрат с четырьмя таблечками, отличаясь лишь деталями (четырёх- и восьмилучевые звезды на таблечках, буквы по часовой стрелке читаются как А-П и П-А). Основную нагрузку стал нести аверс, на котором изображены голова льва (полисные монеты; МДБ, 29-31) и скаल्प льва (храмовые монеты; МДБ, 33-34). Примерно та же картина наблюдается на монетах следующих выпусков: полис чеканит монеты с головой льва и буквами ПАНТИ со звездой в центре (МДБ, 39-40), храм - со скальпом льва и буквами АПОЛ также со звездой в центре (МДБ, 48-49).

Затем намечается тенденция к типологическому сближению полисной и храмовой чеканок: на аверсах еще помещаются соответственно голова льва и голова Аполлона, но на реверсах уже стоит только название полиса (ср. МДБ, 45 - 46 и *Бурачков*, 1884, табл. XIX, 24). Это явление можно было бы осторожно назвать первым шагом к поглощению храмовой чеканки более мощными полисными эмиссиями, хотя конкретизировать его вряд ли возможно — тут допустим широкий спектр предположений от заинтересованности самого храма до давления на него со стороны полиса или архонта. Безусловен лишь факт необходимости различения эмиссий, то есть их собственника.

В следующей серии происходит полное слияние типов монет полисной и храмовой чеканок, что вновь потребовало введения дифферентов: на реверсах монет с одинаковыми изображениями (голова льва - голова барана) помещаются значки в виде фигурки осетра или звездочки (МДБ, 67 - 69 и 70 - 72). Фактически положение дел вернулось к тому, что было в начале храмовой чеканки. После этих серий в Пантикапее долгое время выпускалась только полисная монета без каких-либо дифферентов.

Итак, вышеупомянутые наблюдения относительно практики сосуществования в Пантикапее полисной и храмовой чеканок можно дополнить еще двумя пунктами: 1) типы полисных и храмовых монет могли и не совпадать; 2) в качестве дифферентов использовались не только точки, но и значки, символы (осетр, звезда). Детальный разбор первого опыта параллельной чеканки в Пантикапее позволяет назвать единственную причину появления дифферентов, а именно: *необходимость различения собственника монет, на средства которого осуществлялась эмиссия и которая поступала в его полное распоряжение*. В этом смысле все типы лицевых сторон монет с момента открытия чеканки в правовом отношении являлись знаками собственности. Следует отметить и то важное обстоятельство, что чеканка дополнительного эмитента могла совпадать по типам с чеканкой основного эмитента, каковым в данном случае являлся полис, хотя могла и не совпадать с нею. Последнее являлось, скорее, исключением, легко объяснимым тем выдающимся положением, которое должен был занимать культ и храм Аполлона Врача при Археанактидах. Во всяком случае, храмовая чеканка в Пантикапее началась и завершилась выпусками монет, однотипных с полисными.

Следующий случай использования дополнительных знаков в боспорской чеканке относится ко времени архонта Гигизнонта. На его золоте и серебре помещена одна и та же пара монограмм, поэтому сделать какие-либо выводы на этом основании нет возможности. То же следует сказать и о дирахмах Спартака (МДБ, 152), носящих одну монограмму.

Первый пример некоего параллелизма в выпуске монет дают статеры Перисада III (МДБ, 156 - 156а), чеканенные общим штемпелем аверса, но имеющие на реверсе в одном случае монограмму Ⓜ , а в другом - ту же монограмму и букву А. Если же для объективного выяснения причин появления разных наборов дополнительных знаков привлечь два статера Перисада V (МДБ, 178 - 178а), также чеканенных общим штемпелем аверса, один из которых имеет на реверсе монограмму, а другой вовсе лишен дополнительных знаков, то общая картина становится более или менее простой и понятной. Так, статер Перисада V без дополнительных знаков следует признать собственно царской эмиссией, осуществленной на средства самого царя и составляющей его собственность. Имя и титул царя являются основными детерминантами, *детерминантом первого порядка*, указывающим на лицо, обладающее монетной регалией; отсутствие дифферентов свидетельствует о царской собственности на монету. Статеры Перисада III и Перисада V имеют на реверсах

дополнительные монограммы, близкие по начертанию (A и B). Эти монограммы следует определять как *детерминанты второго порядка*, а дополнительную букву А на статере Перисада III (МДБ, 156а) - *детерминант третьего порядка*.

Что обозначают эти монограммы? Не только начертание, но и прямые параллели с посмертными александровскими и лисимаховскими золотыми чеканками указывают на то, что их следует понимать как сокращение названия полиса, Пантикапея. Поскольку Пантикапей не теряя права монетной чеканки, регулярно выпуская во II в. до н.э. как медь, так и серебро, эти статеры следует считать выпущенными в силу полисной монетной регалии. Однако, при этом возникает важная проблема - почему Пантикапей не выпустил золото просто от имени полиса, без упоминания царя, подобно, скажем, знаменитым статерам IV в. до н.э.? Ответ на этот вопрос может заключаться только в том, что золотая чеканка в это время уже составляла исключительную прерогативу царской власти, и полис чеканил для себя золото на основе царской монетной регалии. Буква А могла указывать на лицо, ответственное за выпуск, однако, это маловероятно из-за отсутствия дополнительной буквы на втором статере. Ее следует рассматривать как символ частного лица, собственника данной эмиссии.

Рассмотрим под этим углом зрения ранние выпуски монет с монограммами. Статер и драхмы Гигиэнонта имеют одинаковые пары монограмм: A и B . Детерминант 1-го порядка - имя и титул Гигиэнонта - указывает на лицо, которому принадлежала суверенная власть в государстве; детерминант 2-го порядка - первая монограмма - указывает на городскую общину, обладающую правом монетной эмиссии; детерминант 3-го порядка - вторая монограмма - указывает на собственника эмиссии, отчеканившего монеты под эгидой полисной монетной регалии.

На дидрахмах Спартока V мы находим лишь детерминанты 1-го и 2-го порядков - имя и титул Спартока и монограмму городской общины (A). По всей видимости, та же картина наблюдается на тетрадрахме Перисада III (МДБ, 161) - кроме имени и титула Перисада в поле монеты имеется буква Ф. По аналогии с предыдущими определениями эту букву можно было бы понимать как сокращение названия другого полиса, Фанагории, также обладавшего правом монетной чеканки, однако, ее равным образом можно трактовать как сокращение имени частного лица, отчеканившего эти монеты по непосредственному разрешению царя, на основе царской монетной регалии.

Любопытная ситуация имела место при Перисаде IV: на золотых статерах мы находим те же три детерминанта, при этом частное лицо скрыто под буквами ΔI (МДБ, 171); это же лицо, скорее всего, выпустило серебряные монеты на основе монетной регалии полиса (МДБ, 172).

Не вносят чего-либо нового выпуски пантикапейского серебра (МДБ, 179 - 182). Обозначенные детерминантами 2-го и 3-го порядков, то есть полным или сокращенным названием городской общины и сокращениями имен частных лиц. Следует заметить, что монограмму A на гемидрахмах (МДБ, 180), близкую по начертанию к монограммам названия города, можно понимать только как сокращение имени частного лица, поскольку двойное указание на городскую общину было бы бессмыслицей.

То же можно сказать о выпуске золота Перисада V (МДБ, 185), детерминированного царским именем и буквами П под тронном и К в поле. Синхронные ему серебряные и медные монеты снабжены либо одним этниконом (МДБ, 186 - 187), указывающим на принадлежность городу, либо дополняются сокращениями или монограммами имен частных лиц (МДБ, 186а - 188а).

Более сложная система детерминирования представлена на серебре первой серии времени Митридата Евпатора (МДБ, 189 - 190). В отличие от предшествующих эмиссий, здесь на реверсе размещаются не два, а три детерминанта - этникон PANTIKAPAITON , монограмма A (или B) и два дополнительных значка, меч или палица. В данном случае аналогией могут служить эмиссии золота Перисадов с той лишь разницей, что теперь после ликвидации царской власти на Боспоре высшим обладателем монетной регалии стал полис - Пантикапей. Этот обладатель монетной регалии эмитирует медь, оболы и тетрагалки (МДБ, 191 - 192), не имеющие никаких дополнительных знаков, а все серебро снабжено указанной монограммой и мечом или палицей. Как следует истолковывать последнее? В случае с золотом детерминантом второго порядка служила монограмма названия полиса, обладателя

монетной регалии "низшего ранга". Теперь эти функции стали нести знаки "меч" и "палица". Оба этих знака периодически встречаются на боспорских статерах римского времени вплоть до конца чеканки, следовательно, они не могли являться символами каких-то частных лиц. Остается приписать эти знаки каким-то боспорским полисам, использовавшим монетную регалию Пантикапея для своих выпусков серебра. В таком случае монограмму следует определять как детерминант 3-го порядка, указывающего на фактического собственника эмиссии (рис. 74).

ТИП МОНЕТЫ (по МДБ)	ДЕТЕРМИНАНТЫ		
	1 ПОРЯДКА	2 ПОРЯДКА	3 ПОРЯДКА
189	ΠΑΝΤΙΚΑΠΑΙΤΩΝ	"меч"	—
189а	—"	"меч"	⌈
189б	—"	—	⌈
189в	—"	"палица"	⌈

Рис. 74. Детерминанты серебряных монет Пантикапея ок. 107-100 гг. до н. э.

Как видим, новая практика не содержит принципиально новых элементов. Теперь место царской монетной регалии занимает монетная регалия Пантикапея, на основе которой выпускали монеты другие полисы ("меч" и "палица"), а собственником монет являлся тот, кто субсидировал эту чеканку на основе монетной регалии Пантикапея и других полисов. Определить этого собственника, скрытого под монограммой ⌈, можно без особого труда - им являлось Понтийское царство в лице его высшей администрации, самого царя или царского наместника на Боспоре.

В следующих сериях мы наблюдаем ту же систему - монеты выпускаются на основе полисных монетных регалий Пантикапея, Фанагории и Горгииппии; собственник скрыт под монограммой ⌈, в которой угадывается имя Митридата Евпатора. При этом царской монограммой обозначается не только собственник эмиссии, но и, конечно, обладатель монетной регалии, каковым являлся Митридат, хотя чисто внешне он действовал на основе полисных монетных регалий.

В этих выпусках различаются четыре категории собственников монетных эмиссий. 1) Города, их монеты снабжены только этниконами (МДБ, 200 - 205). 2) Митридат Евпатор, его монеты имеют дополнительную монограмму ⌈ [МДБ, 198, 199, 201, 202, 204, 207 (?), 208, 209, 210а]. 3) Частные лица (?), выпускавшие монеты на основе полисной монетной регалии, их монеты имеют дополнительно к этниконам монограммы (МДБ, 202б, 205а, 206, 211, 211а). 4) Частные лица (?), выпускавшие монеты на основе понтийской (=царской) монетной регалии, их монеты в дополнение к этнику и царской монограмме снабжены еще одной личной монограммой (МДБ, 202а, 208а, 210, 211в, 211г. Одно из них, ⌈, выпускало монеты во всех трех городах, другое, ⌈, только в Горгииппии. Все их монеты — медь, главным образом, тетрагалки)(рис. 75).

Дополнительные знаки широко употреблялись при Фарнаке. Его золотые статеры, выпускавшиеся в течение пяти лет, носят легенду ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΒΑΣΙΛΕΩΝ ΜΕΓΑΛΟΥ ΦΑΡΝΑΚΟΥ, которая являлась детерминантом первого порядка. Монеты 243, 244 и частично 245 г. не имеют дополнительных знаков, что свидетельствует о финансировании чеканки самим царем. От 245 г.б.э. известны также статеры с монограммой Χ. Если все статеры Фарнака чеканены одним лицевым штемпелем, то монеты с этой монограммой чеканены особым штемпелем аверса. Этот факт указывает на то, что они были выпущены особым монетным двором, в котором по монограмме нетрудно угадать Херсонес Таврический. Вероятно, его принудил к этому Фарнак, собиравший средства для осуществления своей

ГОРОДА, НОМИНАЛЫ МОНЕТ, ТИПЫ (по МДБ)	ДЕТЕРМИНАНТЫ		
	1 ПОРЯДКА	2 ПОРЯДКА	3 ПОРЯДКА
ПАНТИКАПЕЙ	ΠΑΝΤΙΚΑΠΑΙΤΩΝ	⊕	
дидрахма, 198	—”—	+	
драхма, 199	—”—	+	
гемидрахма, 200	—”—	-	
обол, 201	—”—	+	
тетрахалк, 202	—”—	+	
—”—, 202 а	—”—	+	⊕
—”—, 202 б	—”—	-	⊕
ФАНАГОРИЯ	ΦΑΝΑΓΟΡΙΤΩΝ	⊕	
дидрахма, 204	—”—	+	
драхма, 205	—”—	-	
—”—, 205 а	—”—	-	⊕
гемидрахма, 206	—”—	-	⊕
обол, 207	—”—	+?	
тетрахалк, 208	—”—	+	
—”—, 208 а	—”—	+	⊕
ГОРГИППИЯ	ΓΟΡΓΙΠΠΕΩΝ	⊕	
дидрахма, 209	—”—	+	⊕
обол, 210	—”—	+	
—”—, 210а	—”—	+	
тетрахалк, 211	—”—	-	⊕
—”—, 211а	—”—	-	+
—”—, 211в	—”—	+	⊕
—”—, 211г	—”—	+	⊕

Рис.75. Детерминанты монет Боспора ок. 90-83 гг. до н. э.

военной авантюры в Малой Азии.

Этот первый опыт оказался Фарнаку удачным и уже в следующем году его золотую чеканку финансируют сразу несколько спонсоров. На монетах 246 г.б.э. в одном случае зафиксирована пара дифферентов—"точка" и монограмма Ⓜ. Определить в них соответственно детерминанты второго и третьего порядка позволяют следующие соображения. С одной стороны, эта монограмма не расшифровывается убедительно в название Пантикапея или другого города Боспора; с другой, "точка" настолько интенсивно использовалась в качестве дифферента на боспорских статерах I - IV вв. н.э., что за нею никак нельзя видеть какую-то личность.

В другом случае на реверсе присутствует одна лишь эта монограмма. Если "точка", детерминант второго порядка, скрывала под собой город (несомненно, Пантикапей), то частное лицо, скрытое под этой монограммой, в первом случае чеканило статеры по договору с городом, во втором - по договору с царем. Разница между этими выпусками заключалась в

ДАТЫ СТАТЕРОВ	ДЕТЕРМИНАНТЫ		
	1 ПОРЯДКА	2 ПОРЯДКА	3 ПОРЯДКА
243 г. б. э.	ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΒΑΣΙΛΕΩΝ ΜΕΓΑΛΟΥ ΦΑΡΝΑΚΟΥ		
244 г. б. э.	—”—		
245 г. б. э.	—”—	×	
—”—	—”—		✕
246 г. б. э.	—”—	“точка”	—”—
—”—	—”—	—	
—”—	—”—	“три точки”	
—”—	—”—	“лист плюща”	
247 г. б. э.	—”—	—”—	

Рис. 76. Детерминанты золотых монет Фарнака.

том, что плата за чеканку шла городу или царю.

В том же 246 г. золото Фарнака чеканят еще два заказчика, скрытые под дифферентами “три точки” и “лист плюща”. Первый дифферент интенсивно использовался на статерах III - IV вв. н.э. и потому должен быть отнесен к детерминантам второго порядка; то же следует сказать и о втором, не появляющемся более в боспорской нумизматике. По-видимому, их следует связывать с храмами Афродиты Апатуры (“три точки”) и Диониса (“лист плюща”). Последний знак присутствует также и на статерах Фарнака заключительного года чеканки (247 г.б.э.= 51/50 г. до н. э.).

Использование дифферентов в чеканке Фарнака полностью укладывается в общую схему трехстепенного детерминирования выпусков; других дополнительных знаков, которые не соответствовали бы ей или не поддавались интерпретации на монетах не обнаружено (рис. 76).

Чеканка Асандра состояла из архонтских статеров 1-3 годов его правления и царских статеров 4-29 годов. Дополнительные знаки известны только на монетах 1-3 и 7 годов. Сведение их в таблицу (рис. 77) позволяет обнаружить те же закономерности: 1) детерминантом первого порядка являются имя и титул Асандра; 2) детерминантом второго порядка следует считать букву Ф на статерах 1 и 2 годов правления, под которой можно видеть

ДАТЫ СТАТЕРОВ	ДЕТЕРМИНАНТЫ		
	1 ПОРЯДКА	2 ПОРЯДКА	3 ПОРЯДКА
1 год =50/49 г. до н. э.	ΑΡΧΟΝΤΟΣ ΑΣΑΝΔΡΟΥ ΒΟΣΠΟΡΟΣ		✕
—”—	—”—	Φ	—”—
2 год =49/48 г. до н. э.	—”—	—”—	—”—(?)
3 год =48/47 г. до н. э.	—”—		
7 год =44/43 г. до н. э.	ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΣΑΝΔΡΟΥ		Α (?) ✕

Рис. 77. Детерминанты золотых монет Асандра.

название Фанагории; 3) детерминантом третьего порядка являются монограммы , и буква А (?), представляющие частных лиц, выпускавших монеты на основе царской и городской (Фанагории) монетных регалий. Любопытно отметить близость монограмм на стateraх Фарнака 52/1 г. и Асандра 7 г. правления (44/3 г.), и , - возможно, они принадлежали одному и тому же лицу.

Последними золотыми монетами автономного облика являются статеры Динамии 21/20 и 17/6 гг. до н.э., на которых дополнительные знаки отсутствуют.

Подведем некоторые итоги и рассмотрим попутно возможность подключения частных лиц к полисной чеканке. Развитие типологии боспорских золотых и серебряных монет прошло несколько этапов. Первый этап начинается с выпуска монет Пантикапесом и характеризуется использованием изображения головы льва в фас в качестве детерминанта первого порядка, определяющего только принадлежность монет данному полису. Пантикапею. Признаков детерминирования других порядков не наблюдается - выпуск монет самой общиной является наиболее вероятной презумпцией, хотя и возможность отнесения отдельных серий, номиналов или даже всей полисной чеканки к частным эмиссиям категорически отрицать нельзя. Второй этап начинается с появления чеканки храма Аполлона Врача в Пантикапее. Тип лицевой стороны по-прежнему выполняет роль детерминанта первого порядка, определяющего принадлежность монет полису в самом общем виде. Разделение чеканки на полисную и храмовую потребовало введения детерминантов, которые определяли носителей монетной регалии, полиса и храма. Такими детерминантами становятся четыре и две точки на реверсах, к которым и переходят функции детерминантов первого порядка. Эти детерминанты также определяют только носителей монетной регалии, хотя собственниками эмиссий могли быть не только полис и храм, но и выступавшие под их эгидой частные лица. Детерминанты перемещаются на реверс, но наиболее последовательно этот принцип выдерживается в полисной чеканке - в храмовых выпусках детерминант иногда встречается на аверсе (голова Аполлона) и даже на обеих сторонах монет (скальп льва - буквы АПОА). Этап завершается выпуском однотипных эмиссий полиса и храма, различавшихся дополнительными символами в виде осетра и звезды. Если на первых двух этапах собственник эмиссий отождествляется с обладателем монетной регалии, полисом и храмом, то на третьем он стал выделяться особыми значками и вся система детерминантов приобрела законченный стройный вид: в ней четко определяется носитель верховной власти - царь (при Митридате - полис), обладатель монетной регалии - полис, собственник эмиссии - частное лицо, подключение которого к царской или полисной эмиссии объяснялось, в первую очередь, желанием получить в свое распоряжение некоторое количество обиходной монеты. Знак лица на монете выполнял контрольные функции. Практика подключения частных лиц к чеканке могла возникнуть на Боспоре в условиях слабой насыщенности денежного обращения золотом и серебром. Эта система должна была действовать и в римскую эпоху, однако ее конкретные проявления в новых условиях должны быть предметом специального исследования.

ХРОНОЛОГИЯ ПРАВИТЕЛЕЙ БОСПОРА

Археанактид (I)	479-ок. 460 гг.
Археанактид (II)	ок. 460-455 гг.
Археанактид (III)	ок. 455-450 гг.
Археанактид (IV)	ок. 450-437 гг.
Спарток I (Спарадок), с. Тереса, царя одрисов	ок. 437-430 гг.
Сатир I, с. Спартока I, и Селевк, с. Евмела — соправители	430-390 гг.
Левкон I, с. Сатира I	390-350 гг.
Спарток II, с. Левкона I	350-348 гг.
Спарток II и Перисад I, с. Левкона I — соправители	348-345 гг.
Перисад I	345-310 гг.
Сатир II, с. Перисада I	310-309 гг.
Притан, с. Перисада I	309 г.
Евмел, с. Перисада I	309-303 гг.
Спарток III, с. Евмела	303-283 гг.
Перисад II, с. Спартока III	283- ок. 245 гг.
Спарток IV, с. Перисада II	ок. 245-225 гг.
Левкон II, с. Перисада II	ок. 225-215 гг.
Гигизэонт	ок. 215-205 гг.
Спарток V, с. Сатира, старший правнук Сатира II	ок. 205-185 гг.
Перисад III, с. Сатира, младший правнук Сатира II	ок. 185-180 гг.
Камасария Филотекна, дочь Спартока V, племянница и жена Перисада III...ок.	180-155 гг.
Перисад IV Филометор, с. Перисада III	ок. 155-125 гг.
Перисад V, с. Перисада IV	ок. 125-109 гг.
Митридат VI Евпатор	ок. 109-63 гг.
Фарнак, с. Митридата VI	63-47 гг.
Асандр, архонт Боспора	50/49-48/47 гг.
Митридат VII Пергамский — претендент	47 г.
Асандр, царь Боспора	47/46-22/21 гг.
Динамия, дочь Фарнака, 1-е правление	21/20-17/16 гг.
Скрибоний	ок. 16-14 гг.
Полемон I	14-13/12 гг.
Полемон I (европейская часть Боспора)	12/11- рубеж н. э.
Динамия, 2-е правление (азиатская часть Боспора, после гибели Полемона — весь Боспор)	12/11 г. до н. э. - 7/8 г.
Кле... (?)	8/9- 9/10 гг.
Аспург, с. Асандра, 1-е правление	10/11 - 13/14 гг.
Динамия, 3-е правление	13/14 г.
Аспург, 2-е правление	14/15-37/38 гг.
Полемон II, внук Полемона I - претендент	38 г.
Гепепирия, вдова Аспурга	37/38-38/39 гг.
Митридат (VIII), с. Аспурга	39/40-41/42 гг.
Котис I, с. Аспурга	45/46-63 гг.
имп. Нерон (Боспор в составе провинции Понт)	63-68 гг.
Рескупорид I, с. Котиса I	69-91/92 гг.
Савромат I, с. Рескупорида I	93/94 - 123/24 гг.
Котис II, с. Савромата I	123/24-132/33 гг.
Реметалк	131/132-153/54 гг.
Евпатор	154/55-170/71 гг.
Савромат II, с. Реметалка	174/75-210/11 гг.

Рескупорид II, с. Савромата II	211/12 -228/29 гг.
Котис III, с. Рескупорида II	227/28-233/34 гг.
Савромат III, с. Рескупорида II	229/30-231/32 гг.
Рескупорид III	233/34-234/35 гг.
Ининфимей	234/35-238/39 гг.
Рескупорид IV	242/43-276/77 гг.
Фарсанз	253/54-254/55 гг.
Савромат IV	275/76 г.
Тейран	275/76-278/79 гг.
Хелосбий	ок.280-285 гг.
Фофорс	286/87-309/10 гг.
Радамсад	309/10-318/19 гг.
Рескупорид V	318/19-336/37 гг.
.....
Дуптун	483 г. (?).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеева Е.М.* Раннее поселение на месте Анапы (VI - V вв. до н.э.). - КСИА, 1990, 197, с. 19-30.
- Алексеева Е.М.* Античный город Горгиппия. М., 1997.
- Анисимов А.И.* О продвижении племен готского союза на северо-восточное Причерноморье в середине III в. н. э. (по нумизматическим данным) // Скифия и Боспор. Новочеркасск, 1989, с. 128 - 130.
- Анохин В.А.* Относительная стоимость золота и серебра в Ольвии и на Боспоре в конце V - IV в. до н.э. - НиС, 1971, 4, с. 3 - 14.
- Анохин В.А.* Монеты Атея // Скифские древности. К., 1973, с. 20 - 41.
- Арзаманов Г.Ф.* Архаическая капитель из Тамани. - ВДИ, 1989, 4, с. 49 - 54.
- Артамонов М.И.* К вопросу о происхождении боспорских Спартокидов. - ВДИ, 1949, 1, с. 29 - 39.
- Артамонов М.И.* Киммерийцы и скифы. Л., 1974.
- Белова Н.С.* Новая надпись из Гермонассы. - ВДИ, 1967, 1, с. 60 - 68.
- Белова Н.С.* К надписи IOSPE, II, 8. - СА, 1968, 3, с. 43 - 53.
- Белова Н.С.* Посвятительная надпись из Кеп. - ВДИ, 1970, 2, с. 65 - 72.
- Белова Н.С.* Новая надпись из Гермонассы и некоторые замечания о лапидарной эпиграфике Боспора III в. до н.э. - ВДИ, 1984, 2, с. 78 - 85.
- Берзин Э.О.* Из истории производства клейменной черепицы на Боспоре (IV - начало III в. до н.э.). - СА, 1959, 4, с. 53 - 60.
- Берзин Э.О.* Горгиппийский агонистический каталог. - СА, 1961, 1, с. 111 - 127.
- Бертье-Делагард А.Л.* Поправки Общего каталога монет П.О. Бурачкова. М., 1907.
- Бертье-Делагард А.Л.* О монетах властителей Боспора Киммерийского, определяемых монограммами. - ЗООИД, 1911, 29, с. 117 - 232.
- Бертье-Делагард А.Л.* Материалы для весовых исследований монетных систем древнегреческих городов и царей Сарматии и Тавриды. - НС, 1913, 2, с. 49- 134.
- Билимович З.А.* Два бронзовых таза из Семибратних курганов. - СА, 1970, 3, с. 128 - 135.
- Билимович З.А.* Этрускский бронзовый кувшин из IV Семибратнего кургана // Художественные изделия античных мастеров. Л., 1982, с. 84 - 85.
- Блаватская Т.В.* Западнопонтийские города в VII-I веках до н.э. М., 1952.
- Блаватская Т.В.* Очерки политической истории Боспора в V - IV вв. до н.э. М., 1959.
- Блаватская Т.В.* Рескрипты царя Аспурга. - СА, 1965, 2, с. 197 - 209.
- Блаватская Т.В.* Аспург и Боспор в 15 г.н.э. - СА, 1965а, 3, с. 28 - 37.
- Блаватская Т.В.* Посвящение Левкона I. - РА, 1993, 2, с. 34 - 47.
- Блаватский В.Д.* Киммерийский вопрос и Пантикапей. - Вестник МГУ, 1948, 8, с. 9 - 17.
- Блаватский В.Д.* Античная культура в Северном Причерноморье. - КСИИМК, 1950, 35, с. 30 - 41.
- Блаватский В.Д.* Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953.
- Блаватский В.Д.* Архаический Боспор. - МИА, 1954, 33, с. 7 - 44.
- Блаватский В.Д.* Строительное дело Пантикапея по данным раскопок 1945 - 1949 и 1952 - 1953 гг. - МИА, 1957, 56, с. 5 - 95.
- Блаватский В.Д.* Пантикапей. М., 1964.
- Блаватский В.Д.* О Рескупориде Первом. - СА, 1976, 4, с. 56 - 61.
- Блаватский В.Д.* Об именах Спартокидов // Художественная культура и археология античного мира. М., 1976а, с. 56 - 59.
- Блаватский В.Д.* Землетрясение 63 г. до н.э. на Керченском полуострове. - Природа, 1977, 8, с. 56 - 57.
- Блаватский В.Д.* Феодосия VI - IV вв. до н.э. и ее название. - СА, 1981, 4, с. 21 - 28.
- Блаватский В.Д.* Античная археология и история. М., 1985.
- Болтрик Ю.В., Филалко Е.Е.* Курганы царей Скифии второй половины IV в. до н.э. Поиск исторических реалий // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. СПб., 1994, с. 49 - 52.

- Болтунова А.И.* Проксенический декрет из Анапы и некоторые вопросы истории Боспора. - ВДИ, 1964, 3, с. 136 - 149.
- Болтунова А.И.* Надпись Пифодориды из раскопок Гермонассы. - ВДИ, 1989, 1, с. 86 - 91.
- Болтунова А.И., Книпович Т.Н.* Очерк истории греческого лапидарного письма на Боспоре. - НЭ, 1962, 3, с. 3 - 31.
- Брашинский И.Б.* К вопросу о положении Нимфея во второй половине V в. до н.э. - ВДИ, 1955, 2, с. 148 - 161.
- Брашинский И.Б.* Афины и Северное Причерноморье в VI - II вв. до н.э. М., 1963.
- Брашинский И.Б.* Новые данные о торговле Ольвии с Самосом. - КСИА, 1967, 109, с. 22 - 26.
- Брашинский И.Б.* Черноморская торговля в эпоху эллинизма // Причерноморье в эпоху эллинизма. Тбилиси, 1985, с. 199 - 206.
- Бурачков П.О.* Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря, в пределах нынешней Южной России. Ч. I. Одесса, 1884.
- Васильев А.А.* Готы в Крыму. - ИГАИМК, 1921, 1, с. 247 - 326.
- Васильев А.Н.* К вопросу о времени образования Боспорского государства // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. СПб., 1992, с. 111 - 128.
- Веселов В.В.* Новые формы и вариации боспорских кровельных черепиц. - АИБ, 1962, II, с. 349 - 358.
- Виноградов Ю.А.* Ранние комплексы Мирмекия // Вопросы истории и археологии Боспора. Воронеж - Белгород, 1991, с. 12 - 19.
- Виноградов Ю.А.* Мирмекий // Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992, с. 99 - 120.
- Виноградов Ю.А.* Некоторые дискуссионные проблемы греческой колонизации Боспора Киммерийского. - ВДИ, 1995, 3, с. 152 - 160.
- Виноградов Ю.Г.* О методике обработки греческих эпиграфических материалов // Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР. М., 1978, с. 46 - 75.
- Виноградов Ю.Г.* Полис в Северном Причерноморье // Античная Греция. I. М., 1983, с. 366 - 420.
- Виноградов Ю.Г.* Вотивная надпись дочери царя Скилура из Пантикапея и проблемы истории Скифии и Боспора во II в. до н.э. - ВДИ, 1987, 1, с. 55 - 86.
- Виноградов Ю.Г.* Фанагорийские наемники. - ВДИ, 1991, 4, с. 14 - 32.
- Виноградов Ю.Г.* Полемон, Херсонес и Рим. - ВДИ, 1992, 3, с. 130 - 139.
- Виноградов Ю.Г.* Понт Евксинский как политическое, экономическое и культурное единство и эпиграфика // Античные полисы и местное население Причерноморья. Севастополь, 1995, с. 5 - 56.
- Виноградов Ю.Г.* Позднеантичный Боспор и ранняя Византия. - ВДИ, 1998, 1, с. 233 - 247.
- Виноградов Ю.Г., Доманский Я.В., Марченко К.К.* Сопоставительный анализ письменных и археологических источников по проблеме ранней истории Северо-Западного Причерноморья // Причерноморье VII- V вв. до н.э.: письменные источники и археология. Тбилиси, 1990, с. 75 - 98.
- Виноградов Ю.Г., Крапивина В.В.* Ольвия и Боспор в раннем IV в. до н.э. // Античные полисы и местное население Причерноморья. Севастополь, 1995, с. 69 - 78.
- Виноградов Ю.Г., Молев Е.А., Толстиков В.П.* Новые эпиграфические источники по истории митридатовой эпохи // Причерноморье в эпоху эллинизма. Тбилиси, 1985, с. 589 - 600.
- Высокий М.Ф.* Черты протоэллинизма в Великой Греции (Сицилии) и Фракии // История и культура древнего мира. М., 1996, с. 118 - 136.
- Гаврилов А.К.* Скифы Савмака - восстание или вторжение // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. - СПб., 1992, с. 53 - 73.
- Гайдукевич В.Ф.* Строительные керамические материалы Боспора. Боспорские черепицы. - ИГАИМК, 1934, 104, с. 211 - 315.
- Гайдукевич В.Ф.* Некоторые итоги раскопок Тиритаки и Мирмекия. - ВДИ, 1947, 3, с. 187 - 204.
- Гайдукевич В.Ф.* Некоторые новые данные о боспорских черепичных эргастериях времени Спартокидов. - КСИИМК, 1947а, 17, с. 22 - 27.
- Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. М. - Л., 1949.

- Гайдукевич В.Ф.* Виноделие на Боспоре. - МИА, 1958, 85, с. 352 - 457.
- Гайдукевич В.Ф.* Новые эпиграфические данные о боспорских черепичных эргастериях. - СА, 1958а, 28, с. 123 - 135.
- Гайдукевич В.Ф.* Раскопки Тиритаки и Мирмекия в 1946 - 1952 гг. - МИА, 1958б, 85, с. 149 - 218.
- Гайдукевич В.Ф.* Боспор и Аркадия. - ЗОАО, 1960, 1 (34), с. 105 - 111.
- Гайдукевич В.Ф.* Еще о восстании Савмака. - ВДИ, 1962, 1, с. 3 - 23.
- Гайдукевич В.Ф.* О скифском восстании на Боспоре в конце II в. до н.э. // Античное общество. М., 1967, с. 17 - 22.
- Гайдукевич В.Ф.* Новые данные по боспорской керамической эпиграфике. - КСИА, 1967а, 109, с. 15 - 21.
- Гайдукевич В.Ф.* К дискуссии о восстании Савмака // Античная история и культура Северного Причерноморья. Л., 1968, с. 81 - 95.
- Гайдукевич В.Ф.* Античные города Боспора. Мирмекий. Л., 1987.
- Герасимов Т.* Античные и средневековые монеты в България. София, 1975.
- Гиль Х.Х.* Новые приобретения моего собрания. - ЗИРАО, 1891, V (отд. оттиск), с. 1 - 18.
- Голенко К.В.* О монетах, приписываемых Савмаку. - ВДИ, 1951, 4, с. 199 - 203.
- Голенко К.В.* К некоторым вопросам ранней чеканки Рискупорида VI. - КСИИМК, 1956, 66, с. 107 - 115.
- Голенко К.В.* О характере выпуска некоторых монет Фофорса. - МАСП, 1959, 2, с. 187 - 190.
- Голенко К.В.* Второй Патрейский клад монет (1951 г.). - НЭ, 1960, 1, с. 223 - 289.
- Голенко К.В.* Еще о монетах, приписываемых Савмаку. - ВДИ, 1963, 3, с. 69 - 81.
- Голенко К.В.* Находка монет у подножья горы Аю-Даг. - НЭ, 1963а, 4, с. 110 - 117.
- Голенко К.В.* Третий Патрейский клад (1970 г.) и некоторые замечания о боспорской монетной чеканке III в. н.э. - НЭ, 1978, 12, с. 10 - 35.
- Голенко К.В., Сокольский Н.И.* Клад 1962 г. из Кеп. - НЭ, 1968, 7, с. 72 - 126.
- Голубцова Е.С.* Северное Причерноморье и Рим на рубеже нашей эры. М., 1951.
- Горлов Ю.В., Лопанов Ю.А.* Оборонительные сооружения европейского Киммерика // Проблемы истории, филологии, культуры. - Вып. IV. - Ч.1. М. - Магнитогорск, 1997, с. 137 - 143.
- Горнчаровский В.А.* Новые данные для изучения боспорской хоры в VI - II вв. до н.э. // Древнее Причерноморье (тезисы докладов). Одесса, 1991, с. 23 - 24.
- Граков Б.Н.* Эпиграфические документы царского черепичного завода в Пантикапее. - ИГАИМК, 1934, 104, с. 202 - 210.
- Граков Б.Н.* Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии. - ВДИ, 1939, 3, с. 231 - 315.
- Грач Н.Л.* О Горгиипе и некоторых династических особенностях правления ранних Спартокидов // Античная история и культура Северного Причерноморья. Л., 1968, с. 108 - 115.
- Грач Н.Л.* Открытие нового исторического источника в Нимфее. - ВДИ, 1984, 1, с. 81 - 88.
- Грач Н.Л.* Нова пам'ятка елліністичного часу з Нимфею. - Археологія, 1986, 57, с. 81-94.
- Грач Н.Л.* К вопросу о политических контактах Боспора с Египтом в III в. до н.э. // Скифия и Боспор. Новочеркасск, 1989, с. 44 - 45.
- Григорьев В.В.* Цари Боспора Киммерийского преимущественно по современным им памятникам и монетам // Россия и Азия. СПб., 1876, с. 322 - 417.
- Даньшин Д.И.* Танаиты и танаисцы во II - III вв. н.э. - КСИА, 1990, 197, с. 51 - 56.
- Десятчиков Ю.М.* К вопросу о происхождении династии Спартокидов. - КСИА, 1985, 182, с.15 - 18.
- Диамант Э.И.* Две серебряные монеты фракийских царей, найденные в Тире // Нумизматика античного Причерноморья. К., 1982, с. 114 - 117.
- Драчук В.С.* Про урядову групу сарматських знаків Північного Причерномор'я. Археологія, 1972, 5, с. 82 - 86.
- Дройзен И.Г.* История эллинизма. М., 1892 - 1893. Т. II - III.
- Дьяков В.Н.* Таврика в эпоху римской оккупации. - УЗ МГПИ, 1942. - Т. 28. - Вып. 1.-С. 3-92.

- Дюков Ю.Л. О монетах с изображением львиной головы и надписью АПОΛ. - ВДИ, 1975, 4, с. 71 - 74.
- Жебелев С.А. Северное Причерноморье. М. - Л., 1953.
- Завойкин А.А., Болдырев С.И. Третья точка зрения на монеты с легендой ΣΙΝΔΩΝ // Боспорский сборник, 1993, 4, с. 43 - 47.
- Загинайло А.Г. Золотая боспорская монета Митридата Евпатора. - КСОГАМ, 1963, с. 113 - 118.
- Зеест И.Б. Об одной особенности экономического развития Гермонассы // Античная история и культура Северного Причерноморья. Л., 1968, с. 144 - 148.
- Зеест И.Б. Архаические импортные черепицы из Пантикапея. - КСИА, 1969, 116, с. 40 - 44.
- Златковская Т.Д. Возникновение государства у фракийцев. М., 1971.
- Зограф А.Н. Античные монеты. - МИА, 1951, 16.
- Исанчурина Р.А., Исанчурина Е.Р. Монетное дело боспорского царя Радамсада. - НЭ, 1989, 15, с. 53 - 96.
- Казакевич Э.Л. К полемике о восстании Савмака. - ВДИ, 1963, 1, с. 57 - 70.
- Каллистов Д.П. Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи. Л., 1949.
- Карышковский П.И. 3 истории монетной справы на Боспоре в III ст. н.э. - МАСП, 1959, 2, с. 177 - 186.
- Карышковский П.О. Ольвия и Афинский союз. - МАСП, 1960, 3, с. 57 - 100.
- Карышковский П.О. О надписях на ранних монетах Ольвии. - МАСП, 1962, 4, с. 220 - 227.
- Карышковский П.О., Фролова Н.А. К истории правления Асандра на Боспоре (49/48 - 21/20 гг. до н.э.) // Древнее Причерноморье (тезисы докладов). Одесса, 1989, с. 31-32.
- Карышковский П.О., Фролова Н.А. Правление Асандра на Боспоре (по нумизматическим данным) // Древнее Причерноморье. Одесса, 1990, с. 89 - 112.
- Карышковский П.О., Фролова Н.А. К истории правления Асандра на Боспоре // Нумизматические исследования по истории Юго-Восточной Европы. Кишинев, 1990а, с. 89 - 100.
- Кастаная Е.Г. Грунтовые некрополи боспорских городов. - МИА, 1959, 69, с. 257 - 295.
- Кастаная Е.Г. Раскопки Порфмия в 1953 г. - СА, 1958, 3, с. 203-207.
- Кене Б. Описание музея покойного князя В.В. Кочубея. Т.1. СПб., 1857.
- Колобова К.М. Политическое положение городов в Боспорском государстве. - ВДИ, 1953, 4, с. 47 - 71.
- Копейкина Л.В. Расписная родосско-ионийская ойнохоя из кургана Темир-Гора. - ВДИ, 1972, 1, с. 147 - 159.
- Копейкина Л.В. Самый ранний образец расписной древнегреческой керамики из раскопок на острове Березань. - СА, 1973, 2, с. 240 - 244.
- Коровина А.К. К вопросу об изучении Семибратних курганов. - СА, 1957, 2, с. 174 - 187.
- Кошеленко Г.А., Кузнецов В.Д. Греческая колонизация Боспора // Причерноморье в VII - V вв. до н.э.: письменные источники и археология. Тбилиси, 1990, с. 30 - 47.
- Кошеленко Г.А., Кузнецов В.Д. Греческая колонизация Боспора // Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992, с. 6 - 28.
- Кругликова И.Т. К вопросу о керамическом производстве в Пантикапее. - КСИИМК, 1955, 58, с. 26 - 30.
- Кругликова И.Т. Киммерик в свете археологических исследований 1947 - 1951 гг. - МИА, 1958, 85, с. 219 - 253.
- Кругликова И.Т. Клад боспорских статов III в. из дер. Семеновки. - СА, 1958а, 3, с. 134 - 143.
- Кругликова И.Т. Синдская Гавань. Горгиппия. Анапа. М., 1975.
- Кругликова И.Т., Романовская М.А. Античные поселения у деревень Андреевка и Новоотрадное // АО 1970 г. М., 1971, с. 252 - 254.
- Крушкол Ю.С. Ранние монеты Пантикапея как исторический источник. - ВДИ, 1951, 1, с. 183 - 188.
- Крюгер О.О. Корпус боспорских надписей (рецензия). - ВДИ, 1966, 3, с. 176 - 183.
- Кубланов М.М. О местной историографии на Боспоре (Горгиппийский каталог победителей). - ВДИ, 1954, 4, с. 143 - 146.
- Кузнецов В.Д. Ранние апойки Северного Причерноморья. - КСИА, 1991, 204, с. 31 - 37.

- Кузнецов В.Д. Кепы: ионийская керамика. - СА, 1991а, 4, с. 36 - 52.
- Латис И.А., Матве М.Э. Древнеегипетская скульптура в собрании Государственного Эрмитажа. М., 1969.
- Латышев В.В. Эпиграфические новости из Южной России (находки 1901 - 1903 гг.). - ИАК, 1904, 10, с. 1 - 91.
- Латышев В.В. Эпиграфические новости из Южной России (находки 1905 г.). - ИАК, 1906, 18, с. 95 - 137.
- Латышев В.В. Повпкх. СПб., 1909.
- Литвиненко Ю.Н. Птолемеевский Египет и Северное Причерноморье в III в. до н.э. (к вопросу о контактах). - ВДИ, 1991, 1, с. 12 - 26.
- Лурье С.Я. Новые папирусные свидетельства из истории Митилены в начале VI века до н.э. - ВДИ, 1946, 1, с. 187 - 189.
- Марти Ю.Ю. Новые эпиграфические памятники Боспора. - ИГАИМК, 1934, 104, с. 57 - 89.
- Масленников А.А. К боспорской топонимике // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси, 1979, с. 138 - 141.
- Масленников А.А. Население Боспорского государства в VI - II вв. до н.э. М., 1981.
- Масленников А.А., Чевелев О.Д. Охранные раскопки на Ново-Николаевском городище. - КСИА, 1963, 174, с. 91 - 95.
- Мельников О.Н. Нимфей и монеты с надписью ΣΑΜΜΑ // Киммерийцы и скифы (тезисы докладов). Мелитополь, 1992, с. 60 - 61.
- Мерперт Н.Я. Фанагорийские черепицы из раскопок 1938 г. - МИА, 1951, 19, с. 227 - 235.
- Молев Е.А. Боспорське місто Кітей IV - III ст. до н.э. (За матеріалами розкопок 1970-1981рр.). - Археологія, 1986, 54, с. 33 - 46.
- Молева Н.В. Археологические исследования на мысе Такиль в Восточном Крыму. - АМА, 1990, 7, с. 122 - 128.
- Молчанов А.А. Коммеморативный статер 525 года боспорской эры // Проблемы исследований античных городов. М., 1989, с. 83 - 84.
- Моммзен Т. История Рима. Т. 3. От смерти Суллы до битвы при Тапсе. М. - Л., 1941.
- Надэль Б.И. Из политической истории Боспорского государства в Крыму в начале IV в.н.э. - АА, 1961, т. IX, fasc. 1 - 2, pp. 231 - 237.
- Неверов О.Я. Группа эллинистических бронзовых перстней в собрании Эрмитажа (к вопросу о времени проникновения египетских культов в Северное Причерноморье). - ВДИ, 1974, 1, с. 106 - 115.
- Невская В.П. Византий в классическую и эллинистическую эпохи. М., 1953.
- Николаева Э.Я. О времени основания Кеп // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси, 1979, с. 142 - 145.
- Орешников А.В. Монеты Херсонеса Таврического, царей Боспора Киммерийского и Полемона II Понтийского. - НС, 1913, 2, с. 1 - 48.
- Орешников А. В. Экскурсы в область древней нумизматики Черноморского побережья. - НС, 1915, 3, с. 1 - 68.
- Орешников А.В. К нумизматике преемников Аспурга. - ИРАИМК, 1921, 1, с. 1 - 8.
- Орешников А.В. Этюды по нумизматике Черноморского побережья. - ИРАИМК, 1922, 2, с. 113 - 138.
- Паромов Я.М. Обследование археологических памятников Таманского п-ова в 1981 - 1983 гг. - КСИА, 1986, 188, с. 69 - 76.
- Паромов Я.М. Материалы к археологии Таманского полуострова // Причерноморье VII-V вв. до н.э.: письменные источники и археология. Тбилиси, 1990, с. 122 - 126.
- Паршиков А.Е. О статусе афинских колоний в V в. до н.э. - ВДИ, 1969, 2, с. 3 - 19.
- Пичикян И.Р. Малая Азия - Северное Причерноморье: античные традиции и влияния. М., 1984.
- Покрасс Ю. О неописанных монетах Боспора. - НІФ, 1997, 2, с. 6 - 7.
- Покрасс Ю. Клад золотых боспорских монет начала I века. - НІФ, 1997а, 3, с. 4 - 6.
- Придик Е.М. Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках и горлышках и на черепицах

Эрмитажного собрания. Петроград, 1917.

Придик Е.М. Керамические надписи из раскопок Тиритаки и Мирмекия в 1932 - 1934 гг. - МИА, 1941, 4, с. 173 - 193.

Ретовский О. Драхма Аристарха Колхидского из собрания императорского Эрмитажа. - ТМНО, 1905, 3, с. 1 - 5.

Ростовцев М.И. Бронзовый бюст боспорской царицы и история Боспора в эпоху Августа (отд. оттиск). М., 1914, с. 1 - 23.

Ростовцев М.И. Цезарь и Херсонес. - ИАК, 1917, 63, с. 1 - 21.

Ростовцев М.И. Эллинство и иранство на юге России. Петроград, 1918.

Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Л., 1925.

Ростовцев М.И. Перисад II Боспорский и Птолемей II Филадельф // Сборник в честь П.Н. Милукова. Париж, 1929, с. 109-116.

Савельев Ю.А. Боспорские черепичные клейма из раскопок Пантикапея и Фанагории 1950 - 1960 гг. - СА, 1964, 3, с. 196 - 206.

Сазанов А.В. О хронологии Боспора ранневизантийского времени. - СА, 1989, 4, с. 41 - 60.

Сазанов А.В., Иващенко Ю.Ф. К вопросу о датировках позднеантичных слоев городов Боспора. - СА, 1989, 1, с. 83 - 102.

Сергеев Г.П. Олонештский античный клад. - ВДИ, 1966, 2, с. 132 - 142.

Силантьева Л.Ф. Некрополь Нимфея. - МИА, 1959, 89, с. 5 - 107.

Сокольский Н.И. Курос из Кеп. - СА, 1962, 2, с. 134 - 141.

Сокольский Н.И. Культ Афродиты в Кехах конца VI - V вв. до н.э. - ВДИ, 1973, 4, с. 88 - 92.

Сорокина Н.П. Архитектурная терракота из Фанагории. - МИА, 1956, 57, с. 171 - 175.

Сорокина Н.П. Тузлинский некрополь. - ТГИМ, 1957, 26.

Столба В.Ф. О боспорских монетах с надписью ΘΕΟΔΕΟ - ΘΕΟΔΕΩ // Тезисы докладов областной конференции, посвященной 90-летию Б.Н. Гракова. Запорожье, 1989, с.147-148.

Столба В.Ф. Второй элтигенский клад боспорского автономного серебра второй половины V вв. до н.э. (IGCH, 1004) // Шестая всероссийская нумизматическая конференция. СПб., 1998.

Тарн В. Эллинистическая цивилизация. М., 1949.

Толстиков В.П. К проблеме образования Боспорского государства. - ВДИ, 1984, 3, с. 24 - 48.

Трейстер М.Ю. Бронзовые перстни с изображениями на шитках из Горгиппии и окрестностей. - ВДИ, 1982, 3, с. 67 - 76.

Трейстер М.Ю. Боспор и Египет в III вв. до н.э. - ВДИ, 1985, 1, с. 126 - 139.

Трейстер М.Ю. Древнейший предмет этрусского производства в Северном Причерноморье и некоторые проблемы ранней истории Пантикапея. - КСИА, 1990, 197, с. 37-44.

Трейстер М.Ю. Бронзолитейное ремесло Боспора // Археология и искусство Боспора. 1992, 10, с. 66-110.

Трофимова М. К. Из истории эллинистической экономики (к вопросу о торговой конкуренции Боспора и Египта в III веке до н.э.). - ВДИ, 1961, 4, с. 46 - 69.

Туровский Е.Я. К вопросу о внешней политике греческих государств Причерноморья в IV - III вв. до н.э. // Античные полисы и местное население Причерноморья.

Севастополь, 1995, с. 150 - 157.

Фармаковский Б.В. Архаический "курос" из Ольвии. - СГАИМК, 1926, 1, с. 164 - 170.

Фролова Н.А. О времени правления боспорских царей Радамсада и Рискупорида VI. - СА, 1975, 4, с. 45 - 56.

Фролова Н.А. О времени правления Динамии. - СА, 1978, 2, с. 49 - 60.

Фролова Н.А. Монетное дело Рискупорида III (211 - 226 гг. н.э.). - НЭ, 1980, 13, с. 13 - 37.

Фролова Н.А. Монетное дело Фофорса (285 - 308 гг. н.э.). - СА, 1984, 2, с. 34 - 53.

Фролова Н.А. Медные монеты Боспора конца I вв. до н.э. - начала I вв.н.э. - НЭ, 1989, 15, с.3 - 18.

Фролова Н.А. Монетное дело Боспора. Часть I-II. М., 1997.

Харматта Я. К истории Херсонеса Таврического и Боспора // Античное общество. М., 1967, с. 204 - 208.

Худяк М.М. Из истории Нимфея. Л., 1962.

- Цветаева Г.А.* К вопросу о торговых связях Пантикапея. - МИА, 1957, 56, с. 182 - 201.
- Шангин М.* Новый географический текст. - ВДИ, 1938, 4, с. 252 - 255.
- Шевченко Н.Ф.* Сарматы в восточном Приазовье // Кочевники евразийских степей и античный мир (проблемы контактов). Новочеркасск, 1989, с. 140 - 147.
- Шелов Д.Б.* К вопросу о монетах боспорских городов Аполлонии и Мирмекия. - ВДИ, 1949, 1, с. 143 - 153.
- Шелов Д.Б.* К истории керамического производства на Боспоре. - СА, 1954, 21, с. 119 - 130.
- Шелов Д.Б.* Монетное дело Боспора VI - II вв. до н.э. М., 1956.
- Шелов Д.Б.* Керамические клейма из раскопок Фанагории. - МИА, 1956а, 57, с. 128 - 153.
- Шелов Д.Б.* Клейма на амфорах и черепицах, найденных при раскопках Пантикапея в 1945 - 1949 гг. - МИА, 1957, 56, с. 202 - 226.
- Шелов Д.Б.* Возникновение Феодосии // Нумизматический сборник. - ТГИМ, 1957а, 26, с. 19 - 26.
- Шелов-Коведяев Ф.В.* История Боспора в VI - IV вв. до н.э. // Древнейшие государства на территории СССР. М., 1985, с. 5 - 186.
- Шелов-Коведяев Ф.В.* Новые боспорские декреты. - ВДИ, 1985а, 1, с. 57 - 72.
- Шкорпил В.* Керамические надписи, найденные при раскопках на северном склоне горы Митридата в гор. Керчи в ноябре и декабре 1901 г. - ИАК, 1902, 3, с. 122 - 165.
- Шкорпил В.В.* Керамические надписи, приобретенные Керченским музеем древностей в 1901 и 1902 годах. - ИАК, 1904, 11, с. 19 - 166.
- Шкорпил В.В.* Боспорские надписи, найденные в 1907 г. - ИАК, 1908, 27, с. 43 - 53.
- Шкорпил В.* К вопросу о времени правления архонта Гигизонта // Сборник археологических статей, поднесенный гр. А.А. Бобринскому. СПб., 1911, с. 31 - 44.
- Шкорпил В.В.* Названия гончарных мастеров в керамических надписях. - ИАК, 1914, 51, с. 129 - 139.
- Шкорпил В.В.* Боспорские надписи, найденные в 1913 году. - ИАК, 1914а, 54, с. 65 - 82.
- Шкорпил В.В.* Новонайденные боспорские надписи. - ИАК, 1917, 63, с. 109 - 120.
- Шкорпил В.В., Ростовцев М.И.* Эпиграмма из Эль-Тегеня. - ИАК, 1910, 37, с. 14 - 22.
- Штаерман Е.М.* Керамические клейма из раскопок Мирмекия и Тиритаки в 1935 - 1940 гг. - МИА, 1952, 25, с. 387 - 394.
- Шургая И.Г.* Вопросы боспоро-египетской конкуренции в хлебной торговле Восточного Средиземноморья ранне-эллинистической эпохи. - КСИА, 1973, 138, с. 51 - 59.
- Шургая И.Г.* К проблеме изучения античного города: города Боспорского царства // Тезисы докладов всесоюзной научной конференции "Проблемы античной истории и классической филологии". Харьков, 1980, с. 79 - 81.
- Шеглов А.Н.* О греко-варварских взаимоотношениях на периферии эллинистического мира // Причерноморье в эпоху эллинизма. Тбилиси, 1985, с. 185 - 198.
- Шеглов А.Н.* Еще раз о причине денежного кризиса III в. до н.э. в античных центрах Северного Причерноморья // Древнее Причерноморье (тезисы докладов). Одесса, 1989, с. 56 - 58.
- Юргевич В.Н.* Надписи на ручках и обломках амфор, найденные в Феодосии в 1894 году. - ЗООИД, 1895, 18, с. 87 - 174.
- Юркова И.* Монетите на тракийските племена и владетели. София, 1992.
- Яценко В.П.* К проксенической деятельности Ольвии и Боспора // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М., 1984, с. 219 - 222.
- Яценко В.П.* Новые надписи Горгииппии // Эпиграфические памятники древней Малой Азии и античного Северного и Западного Причерноморья как исторический и лингвистический источник. М., 1985, с. 148 - 160.
- Яценко В.П.* Материалы по боспорской эпиграфике // Надписи и языки древней Малой Азии, Кипра и античного Северного Причерноморья. М., 1987, с. 4 - 200, 300.
- Яценко В.П.* Ольвия и Боспор в эллинистическую эпоху // Эллинизм: экономика, политика, культура. М., 1990, с. 249 - 309.
- Яценко В.П.* Псевдоэпиграфика античного Северного Причерноморья // История и

культура древнего мира. М., 1996, с. 175 - 222.

Якобсон А.Л. Средневековый Херсонес. - МИА, 1950, 17.

Anochin V.A. Die Pontische Expedition des Perikles und der Kimmerische Bosphorus (437 v.Chr.) // Stephanos nomismatikos. Edith Schönert-Geiss zum 65. Geburtstag. Hrsg. von U. Peter. Berlin, 1998, SS. 33 - 44.

Babelon E. Traite des monnaies grecques et romaines II, fasc. V, t. 4, Paris 1932.

Barron J.P. The Silver Coins of Samos. London, 1966.

Bury J.B. History of Greece to the death of Alexander the Great. New York /s.d./.

Cary M. Histoire des rois de Thrace et de ceux du Bosphore Cimmerien éclaircie par les medailles. Paris, 1752.

Ferrabino F. Per Tere, Sparadoco e Sitalce Odrisi // Boll. di filol. Clas. 1911/2, XVIII.

Gajdukevic V.F. Das Bosphoranische Reich. Berlin-Amsterdam, 1971.

Giel Chr. Kleine Beiträge zur antiken Numismatik Südrusslands. Moskau, 1886.

Golenko K. Nördliches Schwarzmeergebiet. - Chiron, 1975, 5, SS. 497 - 642.

Golenko K.V., Karyszkowski P.J. The Gold Coinage of King Pharnaces of the Bosphorus. - NC, 1975, pp. 25 - 38.

Grac N. Ein neu entdecktes Fresko aus hellenistischer Zeit in Nymphaion bei Kertsch // Bayerische Akad. der Wiss. Phil - hist. Kl. Abhandl. NF. München, 1987, H. 98, SS. 87 - 95.

Graham A.J. Colony and Mother City in ancient Greece. New York, 1964.

Head B.V. Historia Numorum. Oxford, 1911.

Imhoof-Blumer F. Kleinasiatische Münzen. Bd. II. Wien, 1902.

Jameson R. Collection R. Jameson. Monnaies grecques antiques. Tome I. Paris, 1913.

Kienast D. Römische Kaisertabelle. Darmstadt, 1990.

Kraay C.M. Archaic and classical greek coins. London, 1976.

Launey M. Recherches sur les armees hellenistiques. Paris, 1949, t. 1.

Lurie S. Jeszcze o dekrecie ku czci Diofantosa // Meander, 1959, 2, s. 67 - 78.

Macpherson D. Antiquities of Kertsch, and researches in the Cimmerian Bosphorus. London, 1857.

Meritt B.D., West A.B. The Athenian Assesment of 425 B.C. Ann Arbor, 1934.

Merker I.L. The silver coinage of Antigonos Gonatas and Antigonos Doson. - MN, 1960, 9, p. 39 - 52.

Mildenberg L., Hurter S. The Arthur S. Dewing collection of greek coins. New York, 1985.

Minns E.H. Scythians and greeks. Cambridge, 1913.

Mommsen Th. Geschichte des römischen Münzwesen. Berlin, 1860.

Müller L. Die Münzen des thracischen Königs Lysimachus. Kopenhagen, 1858.

Naster P. La collection Lucien de Hirsch. Bruxelles, 1959.

Nawotka K. Asander of the Bosphorus: His Coinage and Chronology. - AJN, 1992, 3 - 4, p. 21 - 48.

Oliver J. Greek and Latin Inscriptions. - Hesperia, 1941, 10, p. 237 - 261.

Perrot G. Le commerce des cereales en Attique au quatrieme siecle avant notre ere. - Revue historique, 1877, 4.

Pochitonov E. Nekolik spornych otazek nejstarsich Bosporskych minci. - NS, 1960, s. 17 - 39.

Price M. J. Mithradates VI Eupator, Dionysus, and the Coinages of the Black Sea. - NC, 1968, p. 1 - 12.

Price M.J. Sylloge Nummorum Graecorum. Vol. IX. The British Museum. Part I: The Black Sea. 1993.

Rohden P. Aspurgos. - PWRE, 1896, 2.

Rostovtzeff M. Iranians and Greeks in South Russia. Oxford, 1922.

Rostovtzeff M. Greek Sightseers in Egypt. - JEA, XIV (1928), p. 13 - 15.

Rostovtzeff M. The Bosphoran Kingdom. - CAH, VIII, 1930, p. 561 - 589.

Sallet A. Die Erwerbungen des Königlichen Münzcabinets bis 1. April 1887. - ZfN, 1887, 15.

Sallet A. Beschreibung der antiken Münzen. Bd. I. Berlin, 1888.

Seyrig H. Monnaies hellenistiques. - RN, 1963, p. 7 - 64.

Seyrig H. Monnaies hellenistiques de Byzance et de Calcedoine // Essays in greek coinage presented

to Stanley Robinson. Edited by C.M. Kraay and G.K. Jenkins. Oxford, 1968, p. 183 - 200.

Shore F.B. Parthian coins and history. Quarryville, Pa., 1993.

Sullivan R.D. King Marcus Antonius Polemo. - NC, 1979, p. 6 - 20.

- Tacheva M.* Sparadokos - an Odrysian King neglected by the Sources. - *BAOM*, 1994, 15, p. 205 - 228.
Werner R. Die Dynastie der Spartokiden. - *Historia*, 1955, 4, SS. 412 - 444.
West A.B. Fifth and fourth century gold coins from the thracian coast. - *NNM*, 1929, 40.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АИБ - Археология и история Боспора.
 АМА - Античный мир и археология.
 АО - Археологические открытия.
 ВДИ - Вестник древней истории.
 ВМГУ - Вестник Московского государственного ун-та.
 ЗИРАО - Записки императ. Русского археологического общества.
 ЗОАО - Записки Одесского археологического общества.
 ЗООИД - Записки Одесского общества истории и древностей.
 ИАК - Известия археологической комиссии.
 ИГАИМК - Известия Государственной академии истории материальной культуры.
 ИРАИМК - Известия Российской академии истории материальной культуры.
 КБН - Корпус боспорских надписей. М. - Л., 1965.
 КСИА - Краткие сообщения Института археологии.
 КСИИМК - Краткие сообщения Института истории материальной культуры.
 КСОГАМ - Краткие сообщения о полевых археологических исследованиях Одесского археологического музея.
 МАГ - *Анохин В.А.* Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. К., 1989.
 МАСП - Материалы по археологии Северного Причерноморья.
 МДБ - *Анохин В.А.* Монетное дело Боспора. К., 1986.
 МДХ - *Анохин В.А.* Монетное дело Херсонеса. К., 1977.
 МИА - Материалы и исследования по археологии СССР.
 НиС - Нумизматика и сфрагистика.
 НиФ - Нумизматика і фалеристика.
 НО - Надписи Ольвии. Л., 1968.
 НС - Нумизматический сборник.
 НЭ - Нумизматика и эпиграфика.
 ПАВ - Петербургский археологический вестник.
 РА - Российская археология.
 СА - Советская археология.
 СГАИМК - Сообщения Государственной академии истории материальной культуры.
 ТГИМ - Труды Государственного исторического музея.
 ТМНО - Труды Московского нумизматического общества.
 УЗ МГПИ - Ученые записки Московского государственного пед. института.
 АА - Acta antiqua.
 AJN - American Journal of Numismatics.
 ANS - American Numismatic Society.
 ВАОМ - Bulletin of the Ancient Orient Museum.
 BMC, Galatia - *Wroth W.* Catalogue of the greek coins of Galatia, Cappadocia and Syria. - London 1899.
 BMC, Ionia - *Head B.V.* Catalogue of the greek coins of Ionia. Bologna (reprint) 1964.
 САН - Cambridge Ancient History.
 Dess. - *Dessau H.* Inscriptiones Latinae selectae. Vol. I - III. Berolini 1954 - 1955.
 FHG - *Müller C.* Fragmenta historicorum graecorum. Vol. I - V. Paris 1841 - 1870.
 IG - Inscriptiones Graecae. Berolini.
 IGCH - *Thomson M., Mørkholm O., Kraay C.M.* (Eds.). An Inventory of Greek Coin Hoards. New York 1973.
 IPE - Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae. Ed. B. Latyshev. Vol. I. Petropoli 1916.

JEA - Journal of Egyptian Archaeology.
Milet,I,3 - *Kawerau G., Rehm A.* Das Delphinion in Milet. Berlin 1914.
MN - Museum Notes.
NC - Numismatic Chronicle.
NNM - Numismatic Notes and Monographs.
NS - Numismaticky sbornik.
RE - Real-Encyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft.
RIC - *Mattingly H., Sydenham E.A.* The Roman Imperial Coinage. Vol.I.London, 1923.
RN - Revue numismatique.
SC- Scythica et Caucasica. Ed.B.Latyshev.Vol. I - II. SPb., 1900 - 1906.
SHA - Scriptorum Historiae Augustae.
SNG - Sylloge Nummorum Graecorum.
ZfN - Zeitschrift für Numismatik.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ГЛАВА I. Архаический Боспор (ок. 600-480 гг. до н. э.)	4
ГЛАВА II. Археанактиды и Понтийская экспедиция Перикла (480-437 гг. до н. э.)	14
ГЛАВА III. Боспор в эпоху ранних Спартокидов (437-310 гг. до н. э.)	37
ГЛАВА IV. Боспор в эпоху эллинизма (310-14 гг.)	68
ГЛАВА V. Боспорское царство в римскую эпоху (14 г. до н. э. — 527 г. н. э.)	124
Приложение 1. Хронология Спартокидов	180
Приложение 2. Боспорские проксении	185
Приложение 3. Черепичные клейма Боспора	188
Приложение 4. Каллатийцы в Горгиипии	210
Приложение 5. Боспорские списки имен IV - III вв. до н. э.	225
Приложение 6. Дифференты на боспорских монетах V - I вв. до н. э.	229
Приложение 7. Хронология правителей Боспора	236
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	238
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	246

Научное издание
В. А. АНОХИН
ИСТОРИЯ БОСПОРА КИММЕРИЙСКОГО

Подготовлено к печати издательством
“ОДИГИТРИЯ”

Директор
Биткин В. В.

Ответственный за выпуск
Соколов С. П.

Компьютерная верстка
Черпинская И. Н.

Корректор
Мазник О. А.

Издательство ООО “ОДИГИТРИЯ”. Украина. Киев. 02232, а/я 78

Печать и переплетные работы полиграфкомбината “Украина”
04119, Киев-119, ул. Дегтяревская, 38-44
Тираж 1000. Зак. 9-78